ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

ЛЕОНИД БЫКОВ

АТЫ-БАТЫ...

Наталья Тендора

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Поистине всенародное признание получили актерские и режиссерские работы Леонида Быкова – кумира миллионов зрителей. Его роли в фильмах «Укротительница тигров», «Максим Перепелица», «Добровольцы», «Майские звезды», «Алешкина любовь», «В бой идут одни старики», «Аты-баты, шли солдаты…» достигают предельной жизненной достоверности и убедительности, подлинного мастерства, наделены неповторимым обаянием. Артист редкого дарования, он нашел свою тему и в режиссуре. Его фильмы о Великой Отечественной – реквием русскому солдату, не вернувшемуся с войны. Яркая жизнь талантливейшего актера и режиссера оборвалась на самом взлете, когда Леонид Быков начинал работу над новым фильмом… Его гибель в автокатастрофе под Киевом осталась загадочной.

- Наталья Тендора
  - Мгновения до гибели
  - Последний лирический герой
  - «Не расплескать бы душу!..»
  - Тайны характера. О чем умолчали звезды
  - Родом из детства
    -
    - Установленный адрес
    - Барнаульское детство
    - Краматорская премьера
  - Клятва на крови. Мечта о небе
  - «Хочу в артисты!» Первые неудачи и победы
  - Харьковские университеты
  - Обреченный стать звездой
  - «Судьба Марины»
  - «Укротительница тигров»
  - Триумф «Максима Перепелицы»
    -
    - Неплакатный Максим
    - Радиоспектакль
    - Киноэкранизация
    - Песни
    - Актерские пробы
    - Воспоминания Маруси
    - Брат-«близнец»
    - Не нарушая традиций

- Цитаты из фильма
- «Рядом с нами»
- «Добровольцы»
- «Алешкина любовь»
- Две встречи с Ростоцким
  -
  - «Майские звезды»
  - «На семи ветрах»
- Режиссерский дебют. «Зайчик»
- Счастье, израсходованное в Ленинграде…
- Противостояние. Киевский простой
- «Снимать о войне надо, когда болит…»
- «В бой идут одни «старики»
  -
  - Маэстро и другие прототипы фильма
  - История создания картины
  - «Смуглянка». Второе рождение
  - Актерский ансамбль
  - Макарыч
  - Премьера и триумф
  - Приз в Баку
  - Награды фильма
  - «И снова в бой идут одни «старики»?
  - «Старики» в цвете
  - Цитаты из фильма
- «Аты-баты, шли солдаты…»
  -
  - Сценарий нашел его сам
  - Становление характера
  - Конфликт неизбежен
  - «Никто не забыт и ничто не забыто!»
  - Съемки фильма
  - «Мозоли на сердце»
  - «Бери шинель, пошли домой»
  - Фильм закончен
  - Цитаты из фильма
- Народность героев Быкова
- Из неосуществленного…
  -
  - «Шинель»
  - «Беглец»
  - «Берегись автомобиля»
  - «Двойная нестыковка»
  - «Пропавшая грамота»

- «До третьих петухов»
- «Инспектор уголовного розыска»
- «Хроника пикирующего бомбардировщика»
- «Василий Теркин»
- «Последний срок»
- «Не стреляйте в белых лебедей»
- Несостоявшийся проект Ивана Миколайчука
- Две картины Алексея Симонова
- «Они сражались за Родину»

○ Актерские байки

-
- И плохой пример заразителен
- На злобу дня
- «Вони просили подождать…»
- Мастер импровизации
- Суточные от привидения
- Лягушка
- Случай с «зайцем»
- Бессмысленный спор
- Неудачный пример
- Сорок восьмой преступник
- Не будите талант!
- Игра – не помеха
- Ассоциации
- «Забыл – где голова, где ноги…»
- Кузнечик устал…
- Фестивальная кадриль
- «А ведь скоро весна!..»

○ «Пришелец»
○ Завещание
○ Гибель
○ Прощание
○ «Вокруг… выжженная пустыня…»

-
- «Моя боль, моя вина – Лесь…»
- Лжесын

○ Вспоминая друга…
○ Памяти маэстро

-
- Звезда
- Бульвар и улица
- Памятники
- Мемориальные доски
- Самолеты

- Медаль
- Книги
- Фильмы и телепрограммы
- Музей

- Фильмография
  - Актерские работы
  - Режиссерские работы
  - Фитиль
  - Озвучивание

Наталья Тендора
Леонид Быков. Аты-баты…

Моему отцу – кинодраматургу и кинокритику Ярославу Ярополову и его поколению военных мальчишек, к которому принадлежал и Леонид Быков, посвящается…

ЛЕОНИДУ ФЕДОРОВИЧУ БЫКОВУ

Какая жизнь осталась позади!..
Дарящая теперь седые пряди…
В ней все, что смысл имело впереди,
Все для людей, точнее, людей ради.
Гаснут жизни друзей – небу тесно от звезд.
Переполнена грудь тоскою.
Боль оставленных ими на сердце борозд
Не дает и не даст мне покоя.
И не надо! Покой – это будет потом…
Это чуждая тишь, безбрежность…
Красота украшает наш сказочный дом,
А спасает планету – нежность.
И спасает ее доброта ваших глаз,
Вам прибудет и ввек не убудет,
Все бесценные россыпи нежности в вас,

Не гасите их, добрые люди!
…Окончен дней недлинный ряд.
Скорбим, над тишиною стоя!..
Кинематографа солдат
Ушел в бессмертье с поля боя.

(Дмитрий Миргородский, стихи из фильма «… Которого любили все»). 1982 г.

Мгновения до гибели
Вместо пролога

В это верилось с трудом, но его белоснежная красавица «Волга», которую он так любил и с которой столько возился, вмиг стала неуправляемой. Словно лошадь, почувствовавшая свободу и пытающаяся скинуть седока, она неслась, не разбирая дороги, не подчиняясь хозяину…

Вновь поздняя весна показала свой норов. День внезапно, как это редко бывает в апреле, не потемнел, а буквально почернел. Ветер гнал густой тяжелый дождь, в котором дорога просматривалась не далее десяти метров. Машины двигались в этой мгле почти на ощупь, с зажженными фарами. За окном мелькали еще не покрытый листвой, почти не видимый глазу редкий перелесок и лужи с талой водой, не впитавшейся в черную, рыхлую, с прогалинами, землю.

Перед глазами вдруг начал прокручиваться калейдоскоп воспоминаний: вот он мальчишкой лезет в соседский палисадник за цветами, чтобы подарить их понравившейся однокласснице. А вот и огромный, гудящий, как улей, спортзал, в котором обосновались абитуриенты, приехавшие со всего Союза поступать «на артистов». Лицо красавицы, которой вскоре суждено стать его женой. Дорогие сердцу лица друзей-товарищей «2-й поющей эскадрильи»…

Продолжая без устали жать на педаль тормоза с такой силой, что слева за грудиной невыносимо защемило, он вздрогнул от холодящей своей безысходностью лихорадочной мысли: «Неужели все?» Сердце сжалось болью – не за себя, за них – Тому, ребят… Сколько он еще не успел сделать! Мало того, что жена больна, так именно сейчас он так нужен Лесю. Парнишка только начал выправляться. Кто знает, что он еще натворит без отцовской руки? А его отрада, его любимица Марьяна, как она, ведь теперь все заботы лягут на ее хрупкие плечи? Ничего, – постарался он взять себя в руки, – помогут друзья».

И тут он отчетливо увидел, как бы он снял это в кино. Наезд камеры… Крупно – перекошенное непоправимостью надвигающейся беды бледное лицо героя, выпуклая пульсирующая жилка на чуть взмокшем виске, прилипшая прядь волос…

А тем временем сознание угодливо прокручивало самые яркие, наполненные счастьем моменты его жизни: катание мальчишкой на санках, первый поцелуй, светящиеся глаза

любимой, неуверенные шаги первенца… Как режиссер, он бы это прекрасно снял. Столько в его судьбе было побед, и все же больше горечи от предательств, боли утрат… Есть люди, воспринимающие счастье полнее, чем невзгоды, как видно он из их числа.

…Так и не успев испугаться, не в силах избежать трагедии, Быков резко вывернул руль. Сумбур мыслей стал пульсирующе краток. Машина пошла юзом и правой дверцей врезалась в бампер встречного грузовика. В тот же миг все тело Быкова взорвалось резкой болью, словно «раскрошившись» на тысячу крошечных обжигающих осколков, и мир взорвался кровавым протуберанцем… Махина, протаранив «Волгу», как бы взяла ее на клыки и уже в обратном направлении проволокла еще метров десять, выковыряв на обочине глубокие ямы передними колесами легковушки. И остановилась как вкопанная.…

…Вот уже который год у мемориальной доски Леониду Федоровичу Быкову на административном корпусе Киностудии имени Довженко в день его рождения, 12 декабря и в день смерти, 11 апреля, соберутся коллеги, друзья. Молча постоят, потом зайдут в музей студии, выпьют «законные» сто грамм… А на асфальте у стены останутся алеть любимые быковские гвоздики.

Чтобы помнили…

Последний лирический герой

Он знал, что будет так – и
до конца был крепок,
Спасая правду от липучей
лжи,
Он стал снимать кино,
снимая жизни слепок
Прикосновением души…

Валентин Гафт

Сегодня уже невозможно представить себе отечественный кинематограф без обаяния и комедийного дарования Леонида Быкова, давно ставшего легендой. Его талант сразу полюбился внимательному глазу кинокамеры. Сколько положительной энергии и душевного тепла дарили его герои с экрана! Они восполняли дефицит доброты, особенно остро ощутимый сегодня. Яркая индивидуальность актера по-прежнему согревает сердца тех, кто помнит его. Быков навсегда останется одним из самых любимых артистов. Вспоминая его, невольно улыбаешься. Молодой актер, оставаясь самим собой, утверждал правду жизни, привнеся в комедию свободное дыхание. Его герои старались не терять оптимизма и чувства юмора ни при каких обстоятельствах. С момента прихода их на экран прошло немало времени, выросло не одно поколение зрителей, а они по-прежнему незабываемы.

У каждого человека есть главное дело жизни. У писателя – это книга, у актера – роль. Для творчества Леонида Быкова – создание образа обыкновенного человека. Суть таланта Быкова – человечность, это не просто его тема в искусстве, а внутренний знак, который не спрячешь.

Актер легко преодолевал официоз своего времени, его личность была несовместима с идеологическими штампами. Возможно, поэтому у быковских персонажей столь завидная судьба. Созданные Быковым образы: невезучий в любви Федя Мокин из «Укротительницы тигров», находчивый весельчак Максим Перепелица из одноименного фильма, Алеша Акишин с его врожденной потребностью жажды настоящей героической жизни из «Добровольцев», чистый помыслами, верный сердцем Алешка из «Алешкиной любви», разведчик, сорвиголова Сашко Макаренко из «Разведчиков», капитан Титаренко с его «Смуглянкой» из фильма «В бой идут одни старики» и бывалый

солдат Святкин из военной драмы «Аты-баты, шли солдаты…» – отмечены подлинным мастерством. Все они с легким изящным юмором воплощают на экране общечеловеческий и гражданский идеал.

Быковская исполнительская органика предельно точна и естественна. И в этом – природа высокой достоверности созданных им образов. Обладая игровым умением актеров немого кино, которое во многом утрачено с появлением звука, Быков одним движением бровей передает внутреннее состояние героя. Миллионам зрителей запомнились трогательные комедийно-лирические образы Леонида Быкова, беззаветно и искренне умеющие любить. Хитровато-грустный прищур лучащихся добротой глаз, неистребимый украинский акцент, искренность… Все это, помноженное на исполнительский талант, снискало Быкову преданную зрительскую любовь.

В этого несколько угловатого, но столь обаятельного паренька просто невозможно было не влюбиться. Вот признания тех, кто лично знал Леонида Федоровича. Актриса Ада Роговцева: «Это человек-идеал, человек будущего, которого тепло называли домашним именем – Леня». Актриса Роза Макагонова: «Его любили все. Его мягкий говорок, его шуточки очаровывали, и вокруг него, где бы он ни был, всегда образовывался тесный кружок улыбающихся людей. А на съемочной площадке благодаря Ленечке возникала атмосфера легкости, творческого вдохновения и взаимопонимания. Он был очень талантлив как актер и режиссер, но также талантлив и как личность – светлая, человечная и очень духовная».

С годами отношение к нему не менялось – Леонид Федорович по-прежнему пользовался огромным успехом у женщин. «Довженковские дамы находились в состоянии перманентной влюбленности, – делилась воспоминаниями редактор студии Эмилия Косничук. – Вначале всеобщим кумиром на киностудии был обладатель невероятной красоты и харизмы, эдакий мачо – Юрий Ильенко. Затем все полюбили нашего главного редактора, за которого впоследствии вышла замуж Алла Сурикова. Далее модным стал Леня Быков. Но если в двух первых случаях прекрасный пол страдал и строил планы, то по поводу Лени такие варианты не проходили.

Он был на пьедестале – никаких романов. В личной жизни закрыт, словно обратная сторона Луны. Я даже представить себе не могу, с кем бы Леня смог сходить налево. К нему все относились с обожанием. А он любые эмоции по отношению к себе мог растопить в обволакивающей нежности.

Кстати, Ленечка был очень щедрым человеком. Сам

практически не пил, зато обожал угощать народ шампанским, говорить тосты, вспоминать что-то хорошее. Несмотря на невысокий рост, у него была красивая фигура – мощная, твердая, но при этом легкая и изящная. Я с ним часто танцевала на банкетах – это такое ощущение полета! От Быкова исходили сильные мужские флюиды. Не зря мы все, и я не исключение, были в нашего Ленечку влюблены».

Интересный случай из жизни вспоминает монтажер группы «Аты-баты, шли солдаты…» Александра Голдабенко: «Съемочная группа для него становилась просто семьей. Но почему мы не спасли его? Знали же, что трагедию человек носит в сердце… Тогда, в 1976 году, когда, кстати, он написал известное «Завещание», у него были сложнейшие отношения с сыном, со студией, с Госкино УССР… Но душу он никому не открывал! Переживал все в себе. Тогда еще сердце выдерживало… И мы веселились, шутили. Никогда не забуду 8 Марта 1976 года. Когда нас всех позвали в холл Загорской гостиницы, мы думали, что все будет, как всегда было у нас в экспедициях, – минутное поздравление и рабочий план на 9 марта. И потому все женщины группы вышли в шлепанцах и халатах. Но каким же было «разочарование», когда мы увидели наших мужчин в костюмах, белых рубашках и галстуках, с букетами пышной мимозы (а в окна билась такая метель, был такой снег и мороз!). Помню, как все мы полетели переодеваться, как в лихорадке искали туфли на каблуках, как водой и ладонями гладили платья, томившиеся в чемоданах, как стали вдруг все красавицами… А Леонид Федорович был сама изысканность, сама галантность. Такого душевного подъема я больше не испытывала. Хотя 8 Марта отмечаю каждый год. От таких мгновений в подсознание входит что-то такое, что становится критерием, мерилом всего, что происходит потом».

Да, чтобы сыграть что-то на экране, актер должен обладать хоть половиною качеств, которые изображает. Быков же был героем на все сто. Кристально честный, бескомпромиссный человек и художник, сердце которого ранила малейшая фальшь и лицемерие, он наделял своих экранных героев трагикомичностью и добротой, беспредельной преданностью и душевным романтизмом – качествами, которыми в полной мере обладал сам. Актер Константин Степанков: «…Большого дарования, чистой совести и щедрой принципиальной гражданственности этот художник, этот человек переполнен любовью к людям, энергией и никогда не громыхал словом «Я».

Так уж повелось, что каждая эпоха рождает своего кумира и каждое новое поколение отрицает накопленный отцами и дедами

опыт. Сколько прекрасных артистов и картин ушло в небытие. Однако, если фильм по-настоящему хорош, он не забудется. Так произошло и со многими фильмами, в которых участвовал Быков.

Что и говорить, столь популярных артистов, как Быков, в советском кино немного. Его лицо выделялось запоминающейся выразительностью. Фильмы с участием артиста и сегодня живы во многом благодаря неповторимой органике его комедийного таланта, необъяснимого захватывающего магнетизма и притягательной силе актерской энергетики. Даже героические поступки персонажи Быкова совершали без внешнего наигрыша и ложной патетики, что лишь добавляло им человеческого обаяния. Актер Лесь Сердюк: «…Во внешности Леонида не было ничего героического в расхожем понимании этого слова. Небольшого роста, щуплый, с простыми чертами лица ничем не примечательного паренька – он удивил с первой минуты знакомства беспредельным обаянием, искренностью и большим мужеством души. Из этих составных и образуется духовность Быкова».

Когда Леонида Федоровича спрашивали, как ему удается оттенять те или иные черточки человеческого характера, он отвечал: «Я играю обыкновенных людей. Не приукрашиваю их, не сгущаю красок». И действительно старался показать своих героев такими, какими они были в жизни – простыми, застенчивыми, порой немного смешными, а то и комичными, но всегда добрыми, честными и несколько упрямыми ребятами. Конечно, не все созданное Быковым равнозначно. Случалось и так, что актер присутствовал на экране, а талант его оставался за кадром. Слабый сценарный материал не давал возможности создать по-настоящему интересный характер.

Чтобы лучше раскрыть тот или иной образ, Быкову важно было понять своих героев. «Такое понимание – в основе нашей профессии, – делился он нюансами своей работы. – Сыграть хорошо – разве это не значит понять героя, проникнуть в его внутренний мир, как бы раствориться в нем? Раскрыть характер для зрителя – это, прежде всего, раскрыть его для себя. Персонаж может быть тебе чужд, враждебен – в любом случае, исполнение роли означает и познание ее». Столь зрелый подход к роли и есть первый этап проявления актерской режиссуры. В какой-то момент Леониду Быкову стало тесно в рамках только исполнительского творчества. Однако, найдя свою тему в режиссуре, он продолжает по-прежнему с удовольствием сниматься.

На экране – общительный, контактный, музыкальный, в жизни – малоприметный. Его талант словно сокрыт от посторонних глаз и вырывается наружу лишь в работе. «Рубахой-

парнем с душой нараспашку его точно нельзя назвать, – вспоминала однокурсница Леонида Быкова по Харьковскому театральному институту Александра Чеша. – Солнечный, остроумный, в то же время он был весь в себе. У Лени была исключительно обаятельная улыбка, но в глазах… все равно чувствовалась какая-то грусть…»

Кинорежиссер Николай Мащенко: «…Не сговариваясь, два человека – Иван Миколайчук и Алексей Петренко – сказали о Быкове: «Леня – это хлеб». Такая потребность была в этом человеке. При этом он нес необъяснимую грусть в себе. И, может, его улыбка была определенной защитой, чтобы не спрашивали, почему он грустный. Были и такие случаи. И тогда он, как правило, отвечал: «Да это не я грустный, это глаза у меня такие, а сам я очень даже веселый…» Но не все в эту его «веселость» верили. Просто все уже тогда осознавали его комедийное актерское и человеческое величие. Это мне напомнило анекдот: в одной веселой компании оказался невероятно грустный человек, которого ничто не могло развеселить. Тогда ему приятели говорят: «Ты пойди в цирк. Там есть такой невероятно смешной клоун, он и мертвого рассмешит!» А он им в ответ: «Так этот клоун я…» И Леня был вот из этого разряда».

Все, знавшие Быкова, выделяли это свойство его души – затаенную грусть. Да, было в нем что-то от грустного клоуна. Вот и Владимир Соссюра, многие годы друживший с Быковым, сравнивает его с Леонидом Енгибаровым, проводя аналогии и их судеб: «В начале 60-х в Киеве с неслыханным успехом проходили гастроли армянского цирка. Я познакомился с малоизвестным тогда клоуном Леонидом Енгибаровым. Своими бессловесными репризами на арене он держал зрительный зал в бешеном напряжении, вызывая не только взрывы искреннего смеха, но и сочувствие к своему герою – извечной жертве жизненных обстоятельств и человеческой жестокости. И Енгибаров, и Быков хотя и веселили публику, но, вместе с тем, пробуждали в каждом человеке высокие чувства милосердия, сопереживания. И это объединило артистов. И трагическая судьба: Енгибарова не стало в 37, Быкова – в 50…»

С ним полностью была солидарна и Клара Степановна Лучко: «Быков обладал редким даром комедийного актера. Но во всех его ролях просматривался второй план – какая-то тоска, внутренняя трагедия. Зрители понимали, что не все так просто у героя фильма, и потому ему сочувствовали».

Очень точную, на мой взгляд, характеристику дала Леониду Федоровичу в нашей беседе по поводу 70-летия актера Любовь Сергеевна Соколова: «Человеком Ленечка был очень

общительным, веселым, озорным, талантливым, светлым, открытым. Умел нести радость, весь словно сиял добротой – улыбка не сходила с лица. Мягкий, чудесный актер. Был балагуром, любил рассказывать шутки (сейчас уже не помню какие). Актеры и все съемочное окружение его очень любили. Он был намного моложе меня. Мы просто снимались вместе. Для меня он был и другом, и сыном – очень общительным. С ним легко было играть. А потом уже я видела его картины. И словно вновь была с ним рядом…»

Актер Владимир Конкин до сих пор помнит восторги своего детства, связанные с кино: «Леонид Быков – по сути, целая эпоха. Он был кумиром моего детства. Помню, в Саратове, недалеко от нашего дома находился летний кинотеатр с высоким деревянным забором. Верхние концы досок заструганы как пики. Но даже такая предупредительная мера не могла служить для нас мальчишек препятствием, если на афише была указана фамилия Быкова. Сколько штанов было порвано на этом заборе!

– Видел же ты эту картину три раза. Три раза я тебе деньги на билет давала! Так в четвертый раз ты на забор полез. Мне что, швеей на дому работать, одежду твою латать? – говорила раздраженно мама. И не знали тогда ни она, ни я, да и вообще никто не догадывался, что пройдет десять лет, я стану актером, и судьба приведет меня на Киностудию имени А. П. Довженко, где познакомит, подружит общим делом с любимым моим артистом Леонидом Федоровичем Быковым».

Словно подытоживая рассказ артиста, газета «Культура» 12 апреля 2002 года писала: «На международном кинофестивале 1995 года с берегов Москвы-реки на воздушных шарах улетели в космос портреты 100 самых знаменитых кинематографистов XX века, среди них был и портрет Леонида Быкова. Своей жизнью и творчеством, самоотдачей повысив нашу энергетику, он улетел в бессмертие, сгорев на Земле. И хочется с неба услышать его любимую народную песню «Ой, у лузі, та ще й при березі!», которую он слышал от своей тети Мани в детстве и которую так самозабвенно поет в «Стариках» командир эскадрильи Титаренко…»

Пройдут годы… В сквере у Большого театра 9 мая уже не будут собираться ветераны… Но хочется верить, что по-прежнему в этот день телевидение будет демонстрировать быковский фильм «В бой идут одни «старики» и на всю страну снова прозвучит «Смуглянка».

А значит, будет жива и память о нашей великой Победе.

«Не расплескать бы душу!..»

Искусство – это не жизнь, это
то, что могло бы быть жизнью.

Леонид Быков

Сказав это, Леонид Федорович был абсолютно прав. Если художник отдает себя всего, без остатка, служению искусству: десять лет на сцене Харьковского театра, девять лет работы на киностудии «Ленфильм», десять лет работы в Киеве, он имеет право на подобное изречение. За 9 лет работы на Киевской киностудии Быкову было позволено снять только три фильма, но успел он сделать только два. Да, безумно мало, но зато – какие фильмы! К пятидесяти годам Леонид Быков сыграл двадцать две роли и перенес три инфаркта. Он не боролся за награды, не гнался за славой… Эти и другие положительные качества сильно усложняли его жизнь. Такова цена правды…

Признание ко многому обязывает. Быкову было что сказать зрителям – и языком комедии, и языком героической драмы, к которой режиссер и актер Быков все более тяготел. Путь Быкова-кинематографиста был нелегок и пролегал от эксцентрической комедии к лирико-драматическим ролям, от героической драмы, в которой комедийный характер актера обогащался все новыми красками, – к сатирическим обвинениям. Неизвестно, каким бы предстал перед нами Быков в «Пришельце», если бы работа была завершена.

Как жаль, что яркая творческая жизнь столь самобытного художника и опытного мастера, нашедшего свою тему в искусстве – в исследовании народно-героического характера в драматические, переломные моменты отечественной истории, оборвалась на самом взлете самовыражения, творческой карьеры искреннего и честного художника, зрелого мастера, человека редкой душевной красоты. И какое все-таки счастье, что, в отличие от театральных актеров, чье искусство уходит вместе с ними, от киноартиста остается пленка, один кадр которой может сказать больше, чем сотня чьих-то устных свидетельств.

Если попробовать спроецировать его судьбу на время, в котором мы живем, что бы делал Быков, был бы он востребован, как актер, как режиссер? Вряд ли бы он нашел свое место в сегодняшнем дне. Ведь у поколения, к которому он принадлежал, была совсем другая, единая группа крови. Чтобы приспособиться к нынешнему дню, нужен совсем иной талант, которым Быков не

обладал. Вот тот же Андрей Миронов вполне мог бы стать сегодня первым сериальным артистом. Таков характер его таланта – спокойно перейти с одной стороны улицы на другую. Быкова же просто невозможно представить в контексте сегодняшней жизни. Именно этим, в первую очередь, он нам всем так дорог.

Не вина Леонида Быкова, если художнику с радостным, оптимистическим взглядом на мир, в жизни приходится примерить на себя одежды трагической фигуры. А он и не смог бы по-другому, поскольку размышлял о происходящем вокруг с повышенной эмоциональностью и болью. Не похожий на своих комедийных персонажей, остро чувствующий несправедливость, бесконечно ранимый и одновременно, по-своему, очень сильный, мало кому раскрывающий свои мысли и чувства… «Закрытость» – маска, которую он иногда был вынужден на себя надевать, помогала ему выживать.

Несмотря на всенародную любовь, Быков на протяжении всего творческого пути испытывал колоссальные трудности: его сценарии подвергались жесточайшей критике, фильмы – цензуре, а со стороны коллег была не только дружеская поддержка и участие, но еще и зависть, неприятие, торжество посредственностей над сильным, независимым талантом. Однако время расставляет все по своим местам. Книги, картины, фильмы живут абсолютно самостоятельной, не зависящей от их создателей жизнью. С момента смерти их автора они утрачивают с ним прямую связь и начинают развиваться во времени, меняясь с каждым новым поколением читателей и зрителей. И здесь немаловажно, что представлял из себя автор, создавший для нас свое произведение. Чему он нас учит…

Евгений Матвеев вспоминал, как, готовясь к собственному режиссерскому дебюту – картине «Цыган», он обратился за советом к Быкову и услышал: «Главное – за монтажом, ракурсом и панорамой не расплескать бы душу!.. Ты только не смейся… Мне кажется, душа нашего народа чуть-чуть улыбается… Даже когда болит – улыбается». И правда, в его картинах «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…» душа солдата чуть-чуть улыбалась вслед за душой самого Быкова.

Талант, мастерство, оригинальность и чувство ответственности, неравнодушие художника и правильное ощущение времени, в котором он живет, – необходимые составляющие творчества. Повенчанные личностью художника, они определяют значимость и глубину его произведений, характер и мощь. Все это в полной мере относится и к быковским работам и особенно ярко ощущается в двух его последних режиссерско-актерских картинах.

В народе про таких, особо стойких бойцов, говорят: «Этот человек прошел огонь, воду и медные трубы». Мол, ему ничего не страшно, он все преодолел и сумел не потерять себя. Бывает, человек с честью пройдет все испытания и трудности – «огонь и воду», закаляющие его характер и волю, а перед «медными трубами» – фанфарами славы и успеха спасует, ведь последнее испытание самое коварное и трудное. Не каждому суждено устоять перед сверкающим сиянием Славы. И далеко не всем, достойно прошедшим «огонь и воду», удается вырваться из объятий «медных труб». Немало людских судеб искалечила «госпожа Удача». В кино подобных горьких примеров немало.

Даже стоя на пьедестале Победы, человек порой не до конца отдает себе отчет в неустойчивости своего положения. Порой прозрение наступает слишком поздно. Когда сладкий туман побед рассеивается и триумфатор остается один на один с собственным «я»…

Главная опасность «медных труб» – поверить в свою исключительность, – считал постановщик фильмов «Сорок первый», «Баллада о солдате» и «Чистое небо» режиссер Григорий Чухрай. «Одним из важнейших для творчества качеств художника является, на мой взгляд, умение прислушиваться к законам искусства, – делится он мыслями по этому поводу на страницах книги «Мое кино». – Даже не понимать, а чуять их. Художник, уверовавший в свою исключительность, решает, что все зависит от него самого, и начинает навязывать искусству свои собственный законы. В этом причина многих бед». Вот, скажем, во времена Древнего Рима победителя встречали триумфом, но сзади на колеснице стоял раб, который через определенный промежуток времени напоминал триумфатору, что он не бог, а простой смертный, для того, чтобы тот не терял чувства реальности. И это имело успех.

К такому человеку, как Леонид Быков, в полной мере применимы слова шекспировского Гамлета: «Он Человек был в полном смысле слова». Леонид Быков был художником, тонко чувствующим свое время. Всматриваясь и вслушиваясь в окружающую жизнь, он старался постичь ее суть, понять ее законы, чтобы использовать это в своем творчестве. Тот же Григорий Чухрай, чтоб не терять связи с реальностью и не зазнаваться после триумфа своих картин, взял себе за правило по окончании работы над фильмом писать бескомпромиссную авторецензию. И в этом не было ни самобичевания, ни мазохизма, а одно только желание дольше сохраниться художником и не повторять ранее допущенных ошибок.

Леонид Быков с честью прошел испытания, отмеренные ему

судьбой, остался чистым душой и сердцем, скромным и застенчивым человеком. Нигде, никогда, ни единого раза не использовал Быков своей огромной популярности. Друг артиста, соавтор сценария «Стариков» кинодраматург Евгений Оноприенко вспоминал случай, когда их пригасили на встречу с работниками книжной торговли. Открывалась возможность приобрести дефицитные издания, о чем им тут же и упомянули, чтобы уговорить приехать. Так вот если б не эти обещания, Быков бы, возможно, и поехал. А так – отказался наотрез. И затем где-то у кого-то выпрашивал на день-два почитать книжные новинки. Ада Роговцева вспоминает: «Как-то он сказал мне с грустью: «Вот, за границу не пускают. Говорят, сердце слабое, опасно». Ясно, что это была отговорка. А он верил. Его добротой злоупотребляли, обманывали. Перед ним часто стояли задачи, которые невозможно было решить. Как будто Господь проверял его…»

Леонид Быков обладал еще одним важным для режиссера качеством – не лгать своим зрителям, разговаривать с ними доверительно и честно, не как строгий назидательный учитель, а добрый советчик, говорящий правду о жизни. Ведь бывает и так, что люди, живя в обстановке заедающего быта, перестают отличать честность от подлости, замечать окружающую красоту. Искусство очищает жизнь, украшает, возвышая правду искусства над правдой жизни. Как художник, требовательный к себе, Леонид Федорович бережно относился и к мнению людей, для которых работал, стараясь без искажения донести до зрителей истинное положение вещей.

Евгений Оноприенко: «Жизнь не баловала Быкова. Знал он и несытость, и бесквартирье, и безденежье, знал все беды простого краматорского люда. Но он многократно усложнял себе жизнь такими максималистскими требованиями к себе – во всем буквально! – что выдержать такое мог, вероятно, он один. Очень он любил – какой-то тайно гордой любовью – нашу с ним общую родину – Донбасс, превосходно знал шахтеров, металлургов, показывал такие типажи и обряды, так говорил о своем Краматорске, что мы за головы хватались: Леня, это же кинокартина, да какая! Делай ее! Но он не спешил, все искал, все ждал, копил в душе…»

Вот что говорил о Быкове режиссер Алексей Симонов в статье «О тех, кого помню и люблю. Счастливчик» в апрельском журнале «Искусство кино» за 1987 год: «Актер, если он настоящий актер, а уж кто же был настоящий, если не Леонид Быков, вкладывает в роль всю душу. Но, ни одна роль, даже Гамлет, не в состоянии вместить всей актерской души. И если роли, идущие одна за другой, вмещают в себя практически одну и ту же часть души

актера – это превращается в амплуа. Бывает, что другие части этой актерской души отмирают или впадают в глубокую спячку, и актер замыкается в своем амплуа. Оно становится формой его существования. У Быкова часть души, не вместившая в его роли конца 50-х – начала 60-х годов, не просто болела, свербила, мешала жить – она бунтовала. Этот тихий удачник ел себя поедом за каждое повторение.

Наверное, он был эгоистом, но удача средней, по его внутренней оценке, картины, в которой он снимался, не приносила ему ничего, кроме разочарования. Зависимость актерской судьбы от чужой воли, чужого вкуса и пристрастий, которую большинство актеров считает неизбежным злом, оборотной стороной профессии, он не принимал, он бунтовал, и многим этот бунт на самой вершине успеха и известности казался этаким «с жиру бешенством», в том числе и тем, от кого зависела его дальнейшая судьба.

Все мы зрители. Профессионалы, дилетанты, любители. По членскому билету в Дом кино, за кровный полтинник или по должностной необходимости в кресле маленького зала. И у всех у нас свои пристрастия. И пристрастия эти консервативны по преимуществу. Не случайно новое кино – хочешь, не хочешь – выдвигает нового актера. Старому бы этого не простили, не приняли. И поскольку зрителем каждый из нас ощущает себя в отдельности, мы слабо представляем себе, каким прокрустовым ложем для артиста является иногда наша совместная неизменная любовь к его уже сыгранным ролям…

Порой артист получает возмущенное письмо зрителя, в котором тот обвиняет его в том, что он изменил себе, сыграв что-то на себя, прошлого, непохожее, совершенно испортив впечатление о себе. И даже не подозревает, что тем самым, возможно вгоняет гвоздь в его, артиста, гроб. Один известный артист рассказывал, как один из руководителей кино просто перестал с ним здороваться и даже замечать его после того, как он вслед за несколькими положительными ролями не менее удачно сыграл роль подлеца. Эти наши «прокрустовы объятия» загубили не одну актерскую попытку вырваться из плена амплуа и действительно во всем объеме использовать свое дарование. Нами покалеченным – нет им числа. Давайте это помнить.

Быков себя покалечить не дал. Это обошлось ему в десять лет простоя».

Как требовательный художник, Леонид Федорович ревниво и тщательно знакомился со сценариями, многие отвергал и потому часто находился в досадных и длительных «простоях». Ему не раз предлагали поехать на одну постановку на тот же «Мосфильм» –

чиновникам от кино казалось, что это неплохой выход из создавшейся ситуации – есть работа и не надо никуда переезжать. Быкова обижал такой подход: «Я хочу снимать хорошие фильмы на своей студии, а не в примаках». Неоднократно приглашали Леонида Федоровича и преподавать актерское мастерство, но он как мог отказывался, объясняя это тем, что еще не достиг подобающего для педагога мастерства и не имеет морального права учить молодежь – настолько требовательным был к себе.

Владимир Конкин однажды признался, что получил три человеческих и творческих урока, которые наиболее повлияли на него в жизни. Первый урок преподал Николай Мащенко во время работы над экранизацией «Как закалялась сталь», второй – Леонид Быков, когда создавались «Аты-баты, шли солдаты…», третий – Владимир Высоцкий на съемках телефильма «Место встречи изменить нельзя».

«Знаете, это как два коня в упряжке, – рассказывал артист, – один: давай! давай! скорее! еще нажми! – другой: не могу… погоди… дай передохнуть… Я не выдерживал задаваемого ими темпа, какого-то совершенно бешеного напряжения. Казалось, они никогда не устают, всегда в форме, в рабочем состоянии. Нельзя было представить, что у этих людей может что-либо болеть или, скажем, быть хотя бы насморк… Так же, как не могу вообразить их вялыми, расслабленными, заторможенными. И дело тут не столько в природном темпераменте, как мне кажется, сколько в особом свойстве души. У Быкова, когда он снимал эпизод, где его герой танцует, очень болело сердце. Но он выдавал свой коронный номер несколько дублей подряд с такой легкостью и озорством, что никто не догадывался о его физическом состоянии. Я узнал случайно. Он не пощадил себя, не поберег, хотя вполне мог отменить съемку. Общее свойство, которое, по-моему, объединяет столь разных художников, – способность к полной, до конца идущей самоотдаче. Индивидуальное свойство Леонида Федоровича – исключительная доброта… «Все слабости человека прощаю я актеру, и ни одной слабости актера не прощаю человеку» (Гете). У Быкова не было не только слабостей актера, но и слабостей человека. Возможен ли такой уникальный случай? А впрочем, так ли уж важно знать, где кончается житейская правда и начинается легенда, которую человек и сам творил, и творили за него…»

Однажды на студии был снят необычный фильм – поэтический, оригинальный и довольно непривычный, мнения кинематографистов по поводу него разделились. Зритель своим рублем проголосовал против – не пошел смотреть картину. Леонид Федорович отозвался о ней так: «Советское кино может

позволить себе роскошь иметь и такой фильм. Иначе – как развивать и обогащать киноязык?» При этом говорил он всегда так тихо, словно затаенно, еле слышно, что приходилось прислушиваться даже находившемуся с ним рядом человеку. Его отличала интеллигентность – в высшем понимании этого слова, единственно правильном. Это было не наносное, внешнее, заметное всем одеяние интеллигентности, а то внутреннее, органичное, что издревле было присуще людям деликатным, обладающим развитым чувством такта. Это была интеллигентность не как форма поведения, а как способ существования. Оживленным и радостным Быков бывал только в работе. Да еще на рыбалке, в особенности в удачные дни, когда клевало, как говорится, и на червяка, и на «мастырку». В работе был всегда подвижным, веселым, настойчивым и очень занятым.

На студии знали, что исполнителей в свои фильмы Быков подбирает без проб, зная, какая это огромная травма для отвергнутого актера. У режиссера-Быкова не было уничижительного: «Тот подходит, этот не подходит». Единственный, за кого он стоял горой, был Алексей Смирнов. Леонид Федорович настоял, чтобы в роли механика эскадрильи снимался именно он. Быков очень любил этого артиста, относился к нему как к отцу.

Стиль работы Быкова на съемочной площадке, по признанию тех, кому довелось с ним работать, разительно отличался от того, что порой наблюдать в других группах. Здесь не слышно было ни крика, ни выговоров, ни дрязг. Со всеми членами группы режиссер был вежлив, ни с кем не фамильярничал, но и другим не позволял. На съемочной площадке царила хорошая рабочая атмосфера. Простота Быкова не была той простотой, про которую в народе говорят, что она хуже воровства. То была полная достоинства простота хорошо воспитанного, содержательного и доброго человека, чуждого всякой позы и неестественности. Быков всегда оставался самим собой. Его деликатность свидетельствовала об уважении к людям и к себе самому. Неспроста руководство студии поучало молодых специалистов: «Если хотите узнать, каким должен быть режиссер, – идите на площадку к Быкову». Леонид Федорович никогда не позволял себе сделать во всеуслышание замечание актеру, как это делалось, да и теперь еще нередко делается в иных группах. Подойдет, бывало, к актеру и о чем-то поговорит с ним вполголоса, потом вернется к камере и объявит съемку. Смотришь, исполнитель и заиграл совсем по-другому.

Иногда, чтобы снять напряжение на площадке, Быков рассказывал какую-нибудь забавную историю. И тут же все

вставало на свои места – актеры начинали репетировать с новыми силами только что неудавшуюся сцену. И эпизод получался. Быков знал, что иногда одна к месту сказанная фраза может поставить все на свои места. Считал подобные передышки очень важными в работе, поскольку они помогали актерам вернуть нужную рабочую атмосферу – вновь обрести свежесть ощущения ситуации, снять механическое воспроизведение заученного текста, восстановить остроту восприятия роли.

В этом Леонид Федорович был солидарен с режиссером-классиком Михаилом Ильичом Роммом, считавшим, что работа с актерами – процесс интимный и требует особого душевного контакта. Неверно, что актер в театре общается только со своими партнерами, не менее важно его соприкосновение со зрительным залом. Быков, имеющий опыт театрального актера, осознавал всю значимость подобного контакта. В кинематографе зал заменяет один-единственный человек – режиссер. Как же играть, если он груб, не уважает, не любит актера? Даже в самых трудных, конфликтных ситуациях, которых порой не избежать на съемочной площадке, Быкову удавалось найти понимание. Он искренне уважал мнение коллег и никогда бы не смог кого-то обидеть или оскорбить. И при этом обладал невероятной твердостью и бескомпромиссностью – качествами, так необходимыми режиссеру. Актер Константин Степанков: «Чем дальше от тех дней, тем сильнее ощущается, как нужен был бы сейчас Леня и ему подобные. От него никто не слышал не то что бранного, а даже громкого сердитого слова. Даже когда срывались съемки… Это был человек чистой совести».

Иван Гаврилюк: «Я снимался у Леонида Федоровича в фильме «Аты-баты, шли солдаты…». И скажу одно – это были прекрасные, светлые дни общей работы. Он понимал артистов, ибо сам был артистом. И как же он их любил! Сколько новых имен для кино открыл именно Быков! Леонид Федорович умел каждому актеру по-своему, в зависимости от его индивидуальности, доказать, что тот хороший и незаменимый исполнитель, заставить его поверить в себя.

Леонид Быков был сильным – и в образном, и в буквальном понимании этого слова. А сильным редко помогают, редко поддерживают, редко берегут, потому что кажется людям – сильный сам все преодолеет, все препятствия сметет. А это далеко не так. Еще он был слишком доверчивым и добрым. Как сказал когда-то Иван Миколайчук: «Леня – это хлеб…» А что может быть выше и святее хлеба? Без хлеба выжить тяжело».

Актер Дмитрий Миргородский: «Трудно смириться с нелепым, внезапным уходом с земли дорогого тебе человека. И

тем более чем щедрее талант, чем бескорыстнее его душа. Именно таким, необыкновенно щедрым, удивительно благородным человеком был и остается в моей памяти Леонид Быков. Одержимый добрыми идеями и прекрасный в работе человек. Мне достаточно было утром (и когда я был в скверном настроении, и в скверную погоду) встретить его, чтобы день мой стал светлым и плодотворным. Он умел снимать боль…

Он умел открыть актера. Умел открыть в известных уже актерах новые грани таланта. Я любил его открытия. Мне жаль его несыгранные роли. Я ценил его отвращение к бездуховности и равнодушию. В нем кипела замечательная страсть деятельности. Рядом с ним невозможно было не работать. Его фантазии, буквально безоглядно, доверялась вся съемочная группа. Ах, какой это был праздник – общение с ним…»

Действительно, все знали насколько интересным собеседником и превосходным рассказчиком он был. Природа щедро наградила Леонида Федоровича ясным умом и неистощимым юмором. Задушевный тембр и мелодика голоса, сама манера говорить придавали его речи необычайную конкретность и особый, присущий только ему колорит. Среди режиссеров немало прекрасных рассказчиков. И все же Быков выделялся разнообразием самых разных, чаще веселых, точно подмеченных им в жизни историй, в которых напрочь отсутствовали свойственные многим представителям актерско-режиссерской братии такие составляющие, как злость, зависть, зубоскальство и пошлость. Смеяться так, как это делал Быков, могут только очень добрые и талантливые люди. Не считал он зазорным пошутить и над собой, от чего еще больше вырастал в глазах собеседников.

Евгений Оноприенко: «Поразительна скромность этого человека. А ведь Быков и в период своей актерской деятельности, и особенно в последние годы, когда стал режиссером, был чрезвычайно популярен. Это была не блестящая сенсационная слава кинозвезды; это была не показная, какая-то глубинная любовь народа к своему народному артисту. Друзья много раз были свидетелями не только этой любви, но и того, как избегал популярности Быков, как не любил шума, суеты, аплодисментов. Нелегко было заполучить у Леонида Федоровича хотя бы интервью: о статье уже и не заикались. Быков четко и ясно заявлял, что он не вправе писать статьи, ибо считает, что это для него – рано.

…Я помню, как в Баку, на Всесоюзном кинофестивале, где фильм «В бой идут одни «старики» получил первый приз, шла настоящая охота, осада Быкова тележурналистами. Они чуть не

плакали: начальство требовало у них интервью с режиссером, требовало снять его рассказ о кино, о фильме, а Быков категорически отказывался от встречи. В отчаянии они бросались ко мне, и я пытался уговорить Быкова, пуская в ход, в общем-то, прием запрещенный: что, мол, это ребята-трудяги, что им ни за что ни про что грозят серьезные неприятности из-за его отказа – я знал его обостренное чувство справедливости. Но он легко обнаружил мою хитрость и остался неумолим. Пожалуй, впервые за историю таких фестивалей так и не состоялось интервью с лауреатом.

И теперь, вспоминая те дни, я вдруг обнаруживаю совпадение. Точно так же вел себя в Баку и Василий Шукшин, которого едва разыскали и доставили в город в последний день для вручения приза. Быков не был знаком с Шукшиным. Я все хотел познакомить их и просил об этом Лиду Федосееву-Шукшину. Но Леня в последний момент заробел, застеснялся. Да, так было, не выдумываю ни крохи.

Еще помню торжественный зал, красные коробочки с орденами. Он все норовил спрятаться подальше, за спины. А когда вышел из здания Верховного Совета и по традиции все встали для групповой фотографии, опять его едва нашли, заставили надеть новенький орден Октябрьской революции. Но он исчез сразу после съемки, на банкете его не было. Позже случайно я узнал, что у него есть и другой орден – «Знак Почета».

Как часто бывает, что некоторые кинорежиссеры берутся за любые работы, за случайно подвернувшиеся сценарии, ремесленно интерпретируют чужие замыслы, лишь бы снять фильм. Быков так не мог. Еще не был написан сценарий, а Леонид Федорович уже явственно видел фильм, его героев. Когда на встречах со зрителями он рассказывал эпизоды своей будущей картины «В бой идут одни «старики», создавалось впечатление, что лента уже снята, настолько режиссер сжился с ее образами.

Несколько вещей были святы для этого человека. И одна из них – Отечественная война и ее люди. Он сам не успел повоевать и относился к воевавшим людям благоговейно. Но и эту любовь он проявлял на свой лад – молча и незаметно. Как-то на встрече или премьере ему вручили огромную, великолепную корзину с цветами. И против своего обыкновения, он ее взял. А назавтра рано, очень рано утром, вместе с дочерью отвез эти цветы на Могилу неизвестного солдата».

Можно не сомневаться, что, если бы Быков успел попасть на войну, он стал бы честным и храбрым воином, таким, как были его герои. Однажды на показе картины «В бой идут одни «старики» в Военно-воздушной академии им. Гагарина седой

генерал с золотыми звездами на кителе, глаза которого были подозрительно красны после просмотра, встал и сказал: «Я бы тут же зачислил Быкова-Титаренко в свою часть и дал бы ему эскадрилью». То было истинное признание солдата и человека.

Леонид Быков в полной мере познал счастье народной любви. Сколько было встреч с летчиками и моряками, шоферами и студентами, строителями и служащими… Ему довелось объездить всю нашу некогда огромную страну – побывать в Сибири и на Камчатке, в Заполярье и на юге… И всюду его с нетерпением ждали. Леонида Быкова не просто любили, его обожали, боготворили. И для всех он был своим, близким человеком.

Рассказывая о своем творческом пути, Быков всегда говорил просто, но очень сочно и красочно, сопровождая рассказ яркими примерами. И говорил больше не о себе, а о своих коллегах – артистах кино и их нелегком труде, формулируя основную тему своего творчества так: «Мои герои – самые обыкновенные рядовые люди, такие, как все. Обычны они сами, и труд их скромен. Но присмотритесь к ним получше. Так ли они обыкновенны на самом деле? Попытайтесь постичь в их обыкновенности, неяркости, необыкновенность и глубокую значимость их каждодневных поступков, любви их к жизни».

Леонид Быков преклонялся перед людьми труда, мастерами своего дела – летчиками, артистами, слесарями, моряками… и никогда этого не скрывал. Он ценил людей настоящих, честно и преданно выполняющих порученную им работу. Очень дорожил их признанием. Даже скупое, но заслуженное, от всего сердца высказанное одобрение его фильма такими асами, как Покрышкин, было ему во стократ дороже самых жарких, но неискренних, натянутых похвал коллег.

Любимым его одобряющим определением человека было краткое и очень точное, придуманное им словосочетание – «глубокий парень». Быков хорошо чувствовал людей. Не было случая, чтобы он ошибся в характеристике того или иного человека. Глубоким по его определению был Василий Шукшин. Глубоким был Георгий Бурков, с которым он познакомился у Сергея Федоровича Бондарчука на пробах картины «Они сражались за Родину». Надо сказать, что жизнь не баловала Леонида Федоровича на счастливые встречи, и «неглубоких» людей на его пути встречалось куда больше.

Возможно, феномен Быкова – в сути его таланта, в его Человечности, Интеллигентности, в четко сформулированной им в искусстве собственной теме. Это подтверждает и Евгений Оноприенко: «Как он мучился, ища тему, сценарий, сколько порассказал долгими вечерами, когда шли по нашему

привычному маршруту – вокруг Русановки. Смело утверждаю – то, что Быков отбрасывал, четыре пятых наших режиссеров могли бы считать за счастье получить в руки. А ему было мало. Ибо обладал поразительным, абсолютным чувством жизненной правды. И поразительным, абсолютным вкусом. Видимо, это и есть талант.

Не надо думать, что Быков был ходячая добродетель, свод праведных истин и правил. Он был живой, увлекающийся и азартный человек. С ним бывало и нелегко. Особенно близким людям. Но он не был мстительным – никогда! Он был выше мести. И в этом было и величие, и подлинная, врожденная, истинная интеллигентность настоящего человека».

С Оноприенко солидарна и киноисторик Лилия Маматова, написавшая о Быкове в книге «Многонациональное советское киноискусство» следующее: «Доверчивая искренность лица проступила сквозь легкий, счастливый быковский дар веселить людей. Да и сам его юмор, по-детски непосредственный и по-детски же простодушный, говорил о душевном здоровье, о доброте и светлости натуры. Ничего не было в его актерской манере от едкой или задней мысли, от скепсиса или иронии – все наивно, все с абсолютным доверием. К себе и миру, к зрителю и своему искусству. Как у трагика, а не у комика. Или как у Иванушки-дурачка в русских сказках, который побеждает не потому, что хитер, а потому, что прост и чист сердцем.

Это был тип личности, формировавшийся в 50-е годы, народный характер, целиком принадлежавший своему историческому времени, с его сильными и слабыми сторонами. Таким быковского героя приняли и полюбили зрители, таким могли любить еще долго. Но в двух своих лучших режиссерских работах: « В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…», где Быков участвовал и как актер, интонация его любимого героя чуть-чуть изменилась: балагурит он все с более серьезным лицом, а все более серьезные вещи говорит как бы в шутку. Что-то умное, деликатное, мягко интеллигентное появилось в его манере. «Век наивности», столкнувшись со страшной реальностью войны, хочет любой ценой уберечь от гибели свои хрупкие идеалы – идеалы добра и человечности, красоты и любви. Но инстинктивная неприязнь к патетике, боязнь фальши заставляют автора улыбаться даже в такие моменты, когда кажется, что улыбнуться сейчас грешно. Это не от легкомыслия, а от строгости, от стыдливости и целомудрия сердца. И еще это инстинктивное средство самозащиты – не примирения с действительностью, с которой примириться нельзя, нет: это способ перенести страдание, спасти в немыслимых для

человека условиях душевное здоровье. Так, улыбаясь, хотя и с примесью горечи, народ вместе со своими Василиями Теркиными лечил душу в жестокий час беды.

Говорят, что по уровню юмора можно судить об уровне интеллигентности человека. В этом смысле небезынтересно, что в ленте «Аты-баты, шли солдаты…» все явные признаки интеллигентности отданы герою Владимира Конкина, свежеиспеченному младшему лейтенанту с тонким, наивно-серьезным лицом хорошо воспитанного человека, безупречно знающего свой воинский долг. Но пока это только внешние знаки, потому что по-настоящему, глубинно интеллигентен как раз простоватый, якобы вечно несерьезный ефрейтор Святкин в исполнении Леонида Быкова. Именно он облегчает своему юному командиру страшную «игру о жизни и смерти», беря на себя с улыбкой самые опасные роли».

Подобно многим артистам, Быков обладал и чертами актерской индивидуальности, которые невозможно полностью скрыть никаким гримом, никаким перевоплощением. И все же он никогда не старался остаться самим собой, подменивая собственной индивидуальностью образ очередного экранного героя, как бы ни было трудно перешагнуть через специфичность своего актерского облика. Острая характерность его таланта и актерской судьбы в кино порой мешала. Однако, к чести исполнителя он, как мог, боролся с этим, пытаясь уйти от штампа, от общепринятых рамок амплуа.

Несмотря на то что Леонид Быков – актер комедийного дарования, творческий диапазон его гораздо шире, многограннее. И все же именно комедийными ролями в первую очередь он снискал себе признание и успех. Природа комического сложна и неоднозначна. Обаяние Леонида Быкова в немалой степени зависит от присущей ему особой манеры игры. Под смехом Быкова всегда подразумевается что-то серьезное, ему присущи собственное понимание комического, острота взгляда на вещи. Актерский талант Быкова сродни таланту звезды 30-х Петру Мартыновичу Алейникову – он так же специфичен и неповторим. И пусть герои Леонида Быкова портретно легко узнаваемы – вряд ли найдется зритель, не узнавший иронического прищура его глаз, носа «уточкой»… Внутреннее содержание каждого образа, созданного Быковым-актером, неповторимо.

Человеческое участие, сопереживание, душевная щедрость – черты подлинного художника. Талант всегда щедр и не боится раздаривать себя. С точки зрения привычных мерок, Быков, возможно, и не был красив, но какое это имело значение для тех, кто был очарован удивительно притягательным душевным

обаянием этого веселого, отзывчивого, бесконечно доброго, с милой застенчивой улыбкой человека. Все, кто так или иначе соприкасался с ним в работе или в быту, вспоминают с благодарностью время общения, подаренное им судьбой. Друзья сняли о Леониде Быкове документальный фильм, получивший очень точное название: «…Которого любили все». Сколько лет нет Быкова, а о нем и сегодня говорят как о живом, вспоминают с любовью и тихой грустью.

Актер Алим Федоринский: «Леонид Федорович краснел, как ребенок, когда кто-то ругался в его присутствии матом (а ему было 45 лет!). Стеснялся носить галстук, надевал его в крайне редких случаях. Одевался очень скромно. Стеснялся ездить в своей машине (у друзей-то машин не было!). Стеснялся и краснел, когда его узнавали прохожие. Все переживал в себе. Но какое чувство справедливости!» «Он был очень скромным, болезненно ранимым и стеснительным человеком. В 50 лет он еще мог краснеть», – вторит ему друг Быкова, актер Владимир Талашко.

Надо сказать, что в дружбе Леонид Федорович был избирателен, не допускал панибратства, при этом оставаясь достаточно добрым и общительным человеком. В этом, возможно, и была его удивительная изюминка, человеческая и актерская индивидуальность. Суламифь Цыбульник, кинорежиссер: «Фильмы «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты..» снимал оператор Владимир Войтенко. Дружба Леонида Быкова и Владимира Войтенко была давней, еще со времен картины «Судьба Марины», которая была актерским дебютом Быкова. Этих двух людей многое роднило в творчестве и чисто по-человечески. Оба немногословны, скромны.

После фильма «Аты-баты, шли солдаты…» В. Войтенко тяжело заболел. Случилось так, что я находилась в приемной директора студии, когда туда позвонила супруга В. Войтенко и сообщила печальную весть, что только что он скончался. Первым, кого я встретила, выйдя из приемной, был Леонид Федорович, и мне пришлось сказать ему о случившемся.

– Вы пойдете сейчас на квартиру Войтенко? – спросила я Леонида Федоровича.

– Нет, – ответил он, – сейчас нельзя туда идти. По народному поверью, душа его еще не отлетела…».

Ему едва исполнилось пятьдесят… Двадцать пять лет плодотворной жизни в театре и кино были посвящены рассказу о правде жизни, о его поколении и поколении его отцов. Когда Леонида Федоровича спрашивали о творческих планах, он, как правило, говорил: «Не знаю. Где попало и что попало играть не

хочу. Это в молодости еще не грех быть всеядным, а когда годы уходят, думать надо. Завоевывать авторитет у зрителей приходится десятилетиями, а потерять его можно одним-двумя плохими фильмами. Вот почему больше времени уходит на отказы от плохих сценариев и режиссерских предложений, пусть очень лестных, но чреватых опасностью потерять самое дорогое, что есть у актера, – уважение зрителей». Что-что, а уважение зрителей Быкову было не занимать, как и всенародную любовь.

Открывая в Московском Доме кино траурную церемонию прощания с народной артисткой России Лидией Николаевной Смирновой, Всеволод Николаевич Шиловский заметил, что эпитеты – «гениальная», «великая» и «грандиозная» на сегодняшний день размыты и за ними почти ничего нет. «Но сегодня мы прощаемся с действительно великой русской актрисой, народной любимицей, целой эпохой в русском кино, – признался он. – Она была человеком, который работал до последней секунды своей жизни и был современным до мозга костей». Мне кажется, что эти слова в полной мере относятся и к Леониду Федоровичу Быкову.

Я попросила Шиловского сказать несколько слов о Леониде Быкове: «У меня в кабинете висит портрет Быкова, – признался Всеволод Николаевич. – Второй такой индивидуальности нет. По-моему, он очень трагическая личность. Травили его так, как только умеют у нас, – хорошо, по-советски. Каждый фильм Быкова, кровью политый. Каждый фильм. А какой он актер! Даже если бы он успел перебраться в Москву – слышал, его звали возглавить Театр киноактера, его бы просто сожрали здесь. Хорошо, что не успел. Была бы еще одна травма. Зная все эти механизмы, уверен, что он просто не выжил бы здесь.

Его спасательным кругом была работа в ремесле, которым он владел фантастически. Один только фильм «В бой идут одни «старики» переживет нас всех. А то, что его актерские работы будут жить вечно, я глубоко убежден. Такая органика, такое богатое нутро, такое обаяние человеческое, мужское – просто на вес платины! Быков не однодневка, он – крупнейшая Личность нашего искусства, к сожалению, так рано от нас ушедшая…»

С этим трудно не согласиться.

Тайны характера. О чем умолчали звезды

Сегодня, говоря о человеке, стало модно обращаться к его гороскопу, чтобы лучше разобраться в его характере. Попытаемся и мы понять, соответствует ли действительности то, что предсказали звезды Леониду Федоровичу Быкову, принадлежащему к знаку Стрельца.

Уникальное сочетание остроумия, интеллекта, целеустремленности и дипломатии, спокойный нрав, философский подход к жизни, порядочность и честность – далеко не все качества, определяющие характер Стрельца. Ими в полной мере обладал и Леонид Быков. А еще большой жизненной энергией и силой, искренностью, общительным и дружелюбным нравом. Недаром он заслужил уважение многих, знавших его. Особенно его любили представительницы прекрасного пола. В Быкове покоряла и его способность поддерживать со всеми ровные, доверительные отношения. Хороший рассказчик, душа любой компании, по молодости еще и инициатор добродушных розыгрышей, он органически не переносил мрачности и пессимизма. Говорят, о человеке многое может сказать его любимый анекдот. Вот анекдот от Быкова: «В черной-черной деревне, на черной-черной улице, в черном-черном доме сидел дед и спрашивал: «Куме, на фига ты палил резину?»

Чистый сердцем, он слыл идеалистом. Не умел копить деньги впрок, жил сегодняшним днем, безоглядно веря в то, что завтра будет лучше, чем вчера. Когда водились денежки, Быков с легкостью давал их взаймы, считая неудобным уточнять о сроке возврата, полностью полагаясь на порядочность человека. Этой его доверчивостью пользовались. Помимо того, к нему часто обращались за помощью, зная, что всегда найдут в его лице поддержку и понимание.

Говорят, на Леонида Федоровича просто невозможно было сердиться или обижаться. Быков никогда бы не смог оскорбить человека. Все знали, что если он кого-то «взгрел», то сделал это не со зла, а сугубо в производственных целях. Трудно представить Быкова, разговаривающего с кем-то на повышенных тонах. В особо эмоциональных случаях Леонид Федорович просто замолкал или переходил на сосредоточенный шепот (почти так же, как его герой, разговаривающий с разбушевавшимся начальником в столь примечательном эпизоде фильма «Зайчик»).

Воображение философа, прямолинейность бойца, редкий

творческий дар и, как следствие, насыщенная событиями жизнь, доставляла своему обладателю немало хлопот. Самообладание и оптимизм помогали Быкову выстоять в самые трудные периоды. Многим казалось, что никакие невзгоды не в силах сломить этого человека, и ему не представит труда найти выход из любой, даже самой безысходной ситуации.

И все же судьба благоволила Быкову и всячески его поддерживала. Везение и удача проявлялись не только в получении актером хороших ролей и в признании публики, но и в возможности следовать собственным путем. Доброжелательность по отношению к окружающим, внешняя безмятежность, плавные жесты и выраженная певучесть размеренной речи выдавали в Быкове внутреннюю гармонию с самим собой. Возможно, это шло от семьи – от той, которая его воспитала, и не менее от той, которую он создал сам по молодости лет.

Быков слыл однолюбом, что редко случается в актерской среде. Со стороны казалось, что он вполне счастлив. Истинное положение вещей знали немногие. Что на самом деле творилось в душе у Леонида Федоровича, было сокрыто даже от самых близких друзей. Несмотря на свойственное ему чувство ответственности, нести это бремя было нелегко, ведь в душе Леонид Быков так и остался большим ребенком, не примирившимся с суровостью обыденной жизни.

И все же Быков мог быть и другим. Он становился непреклонным с людьми, злоупотребляющими его доверием или проявляющими по отношению к нему излишнюю фамильярность. Возмущало Быкова и проявление власти над собой. Ему не раз приходилось самостоятельно отстаивать собственную позицию ради правды, за которую он шел до конца. Не выносил Быков и того, когда при нем кого-то незаслуженно обижали. Трудные годы военного детства научили его давать обидчику надлежащий отпор. Знак огня сделал его очень эмоциональным человеком. Его завораживала опасность. Гороскоп Стрельца наградил его еще одним качеством, о котором, возможно, и не подозревали близкие, – Быков любил скорость, это в конечном итоге его и сгубило…

Поначалу Быков отличался крепким здоровьем и завидным сопротивлением к болезням, что вызывало восхищение у окружающих. Напрасно близкие ставили ему в вину, что он мало думает о себе. На это у него просто не было времени. Постепенно недуги все чаще стали давать о себе знать, поскольку профессия актера редко обходится без травм. Благодаря бойцовской закалке Быков научился быстро с ними справляться.

Однако слишком часто ему приходилось встречать отпор

людей, не одобряющих его стремлений. Неспособные к мечте, они старались, пока это было в их власти, в зародыше загубить любые начинания неисправимого романтика. Отстоять удавалось немногое. И для этого тоже требовалось огромное мужество и самообладание. Следствием психологических боев местного значения стали невидимые миру зарубки на сердце. Оно оказалось беззащитным к подобным испытаниям.

Несмотря на внешне веселый, добродушный нрав, в Быкове все время жило и рвалось наружу неосознанное стремление к чему-то новому, недостигнутому. Он помнил, как в молодости стремился наиболее полно проявить свой талант, показать, на что он способен. Тогда его избранницу привлекли в нем этот напор и постоянство, с которым жених добивался ее руки. Девичье сердце подсказывало, что этот невзрачный на вид парень любит ее той настоящей трепетной любовью, о которой мечтает любая девушка. И не ошиблась. Ее избранник пронес свое чувство через всю жизнь. Его верность, самопожертвование вызывали искреннее восхищение друзей и давали повод врагам узреть в нем ту самую «слабинку», по которой, в случае чего, надлежало бить.

Жаль только, что дело всей его жизни – кинематограф оставляло Быкову совсем немного времени подольше побыть в домашнем кругу, насладиться тихим семейным счастьем, порадоваться успехам детей. Жена Тамара стоически переносила все невзгоды. Труднее всего было ей, актрисе, пережить его успех – обожание поклонниц, киношные экспедиции, фестивали и вечные дороги… Она знала, что настоящей отдушиной в жизни для него были путешествия, благо артистам не приходится долго засиживаться дома – их ждут бесконечные поездки, съемки, выступления… Увлекаясь познанием окружающего мира, Быков собрал прекрасную библиотеку, которой частенько и с удовольствием пользовался. Отличаясь феноменальной памятью, актер прекрасно заучивал текст любой роли, хорошо помнил даты, имена и разные мелочи… Несмотря на это, в быту Леонид Федорович выделялся непрактичностью и забывчивостью, бывало, терял свои вещи.

В Тамаре он встретил все, что мечтал увидеть в женщине. Стараясь не ревновать, она ждала «на берегу», не задавая лишних вопросов, по возможности, не прислушиваясь к досужим сплетням. Всеми силами пыталась победить в себе излишнюю женскую подозрительность, не устраивая по пустякам скандалов, во всем поддерживала супруга, став ему надежной соратницей. Предоставляла ему полную свободу выбора и творчества. Старалась не мешать осуществлению задуманного. Ходила с ним в походы, воспитывала детей, вела хозяйство…

Они были честны друг перед другом. Жена прощала ему мимолетные романы, если таковые случались, а он в благодарность за ее житейскую мудрость и долготерпение обожал ее и детей. И очень гордился своей семьей. Возможно, как любой отец, он больше был расположен к сыну и очень нежен с дочерью.

До конца своих дней Леонид Быков оставался идеалистом. Только по прошествии времени стало ясно, что быковский прицел был направлен куда выше голов своих современников. Выше, чем многие из них в силах были рассмотреть. Сквозь звезды…

Туда, где рождаются мечты…

Родом из детства

Как известно, все мы «родом из детства». Эта беззаботная пора закладывает на всю жизнь характер человека и принципы, по которым он в дальнейшем развивается как личность. Основополагающим является здесь и место рождения, и семья, в которой человек воспитывается, и пример его родителей, и люди, его окружающие, и первые друзья…

Леонид Быков – плоть от плоти земли, на которой вырос. В ней истоки его характера, его судьбы. Хотя и родился Леонид Федорович в семье потомственных рабочих в селе Знаменском Славянского района Донецкой области 12 декабря 1928 года, считал своей родиной рабочий поселок Прокатчиков на окраине Краматорска, куда семья Быковых переехала в 1929 году. Быков всегда очень гордился тем, что с Донбасса. Гордился своей фамилией, которая в этих краях не редкость. Любил простых людей, земляков, свою Прокатку. Признавался, что именно она сделала его человеком, научила любить и ценить то, что он потом любил, и ненавидеть то, что ненавидел. «Мои корни – на Прокатке», – с достоинством признавался он.

С Краматорском у Леонида Быкова связано множество самых теплых воспоминаний. Торец, Бычок, железнодорожный путь – этапы большого пути. Здесь прошло детство вихрастого паренька Леньки. Здесь просыпался он по утрам от заводского гудка, пошел в первый класс, окончил среднюю школу № 6, впервые вышел на сцену местного ДК имени Ленина. Отец, Федор Иванович – вальцовщик-металлург, видел в сыне продолжателя рабочей династии, дядька Аким прочил любимчику семьи актерскую судьбу – уж больно здорово читал Ленька на семейных вечерах юмористические рассказы Чехова. Так читал, что хохотали все, даже обычно сдержанный отец…

Старшая сестра Леонида Федоровича, Луиза Федоровна Клещ, на открытии в Краматорске быковского кинофестиваля в 1985 году рассказывала, что отличительными чертами характера ее младшего брата были жизнелюбие и увлеченность делом. Уже в четвертом классе он режиссировал для жителей своей улицы спектакль «Таня-революционерка», который готовили совместными усилиями дети и родители. Вход стоил 10 копеек. На вырученные деньги от проданных билетов артисты купили лимонад и печенье, и премьеру отмечала вся улица!

В десятилетнем возрасте Леня не только поставил сказку «По щучьему велению», но и сыграл в ней главную роль – Емелю. Видимо, тогда у него и появилась идея соединить актера и

режиссера в одном лице. Увлеченность Лени делала его центром любой компании. Луиза Федоровна вспоминала, что каждый, кто с ним знакомился, сразу становился его другом или поклонником.

Земляки не забыли Леонида Быкова. В Краматорске открыт музей Леонида Федоровича, установлены памятник, мемориальная доска на его школе, именем Быкова названа улица, в его честь проводятся кинофестивали. Земляки им гордятся и вспоминают добрым словом веселую, дружную и хлебосольную семью Быковых.

Родители Леонида Федоровича были родом из села Знаменское Черкасской волости Изюмского уезда Харьковской губернии. Только отец, Федор Иванович, родился 24 декабря 1898 года, а мать, Зинаида Панкратовна, 16 июля 1907 года. Знавшие ее вспоминали сердечность и доброту этой женщины. Сама она была из многодетной семьи, воспитавшей восемь детей.

Дед Леонида Федоровича был рабочим, бабушка домохозяйкой. Взрослеть отцу Леонида Федоровича пришлось рано. Он успел окончить сельскую школу, когда в 1910 году умерла сначала его мать, а спустя пару лет и отец. Сначала сирота батрачил, потом пошел работать на завод. В своей автобиографии Федор Иванович писал: «Самостоятельным трудом жизнь начал с 1913 года. Работал на Дружковских заводах с 1913 года по 1917 год». Дальше была служба в старой армии. В Гражданскую Федор защищал Советскую власть – сначала пулеметчиком, затем политруком. После победы Федор пошел рабочим на мелопомольный завод на станции Шидловская, а в ноябре 1923 года стал вальцовщиком прокатного цеха Краматорского металлургического завода имени Куйбышева, в котором в дальнейшем и проработал много лет. В 1924 году Федор Быков вступил в партию. Став коммунистом ленинского призыва, именно он пригнал в родное Знаменское первый трактор.

Через год, 31 октября 1925 года, в загсе при Знаменском сельсовете Федор узаконил брак с Зинаидой Быковой. Невесте-однофамилице в документах даже не пришлось ничего менять. Жить молодожены пришли в просторный и теплый дом Зинаиды. Рубленый, в три окна, он был обмазан глиной и крыт железом. Этот дом сохранился и по сей день, только теперь его стены обложены кирпичом. Село переименовано и носит теперь название Черкасское. Именно здесь, в доме номер шесть, на улице Свободы, в 1927 году у Быковых родилась дочь Луиза, впоследствии ставшая педагогом, а спустя год, 12 декабря 1928 года, сын Леонид.

Установленный адрес

Местному краеведу, автору книги «Краматорская быль» Владимиру Федоровичу Коцаренко удалось узнать много интересного из истории села Знаменского. Оказывается, к 1858 году оно состояло из двух частей. В одной проживали крепостные, в другой – казенные (свободные) крестьяне. Эту часть в народе прозвали Черкасское (в ту пору украинцев величали черкассами). Говорят, основал Черкасское полковник Изюмского слободского полка Константин Захаржевский во время постройки оборонительной линии укреплений, за что в 1685 году получил от царя похвальную грамоту. Сегодня уже не представляется возможным установить – были ли Федор и Зинаида Быковы потомками крепостных или казенных крестьян. Известно только, что проживала семья на том краю Знаменки, которую в начале века местные жители величали Ганівкой.

В 29-м году семья Быковых оставляет Знаменку, чтобы поселиться в поселке городского типа Краматорский. Позже, в 1932 году, Краматорск, расположенный в северной части области на реке Казенный Торец (приток Северского Донца), благодаря строительству гиганта отечественного машиностроения Новокраматорскому машиностроительному заводу (НКМЗ) получил статус города и стал индустриальным центром Донбасса.

Владимир Федорович Коцаренко, устанавливая первый краматорский адрес семьи Быковых, в своей книге пишет: «Как-то, еще ничего не зная о годе постройки дома на «Прокатке», но уже предполагая, что Быковы поселились там отнюдь не в 1930 году (как мы знаем, это произошло в 1929 году. – *Н.Т.*), я затеял на эту тему разговор с мужем покойной Луизы Федоровны – Алексеем Семеновичем Клещом. В результате, основательно «перелопатив» домашний архив, однажды при встрече он вручил мне старую почтовую карточку, на обороте которой были письмо и адрес. Последний вмиг развеял все сомнения и подтвердил мою правоту.

«Почтовку» послала из Керчи некая Нина. Судя по всему, она из местных и в Крым отправилась в поисках работы, а может быть, и счастья. Письмо было адресовано Марии Панкратовне – старшей сестре Зинаиды Быковой. Вместе с Быковыми Мария покинула родную Знаменку и много лет подряд жила с ними в Краматорске под одной крышей. На карточке Нина написала следующий адрес: «Ст. Краматорская. На Донбас(с)е. Октябр(ь)ский поселок, №130, кв.8. Быков. (Для М.П.)». Дату она не указала. Однако сам факт, что в адресе значится «Ст.

Краматорская», уже свидетельствует: незнакомка послала карточку не позднее 1932 года (в этом году Краматорской присвоили статус города). Удивляло, конечно, что в адресе отсутствовало название улицы. Но я ведь знал: карточка нашла получателя.

Описание всех перипетий, связанных с поисками дома, где пролетели детские годы Леонида Быкова, наверняка утомили бы каждого. Важен итог. Поэтому для особо нетерпеливых сообщаю точный адрес: г. Краматорск, ул. Спортивная, д.12, кв.8. Это в Старом городе, в районе сквера Металлургов, в самом сердце старой части поселка Октябрьский. Год постройки дома – 1928. До войны 1941 – 1945 гг. здесь одна только центральная улица имела название – проспект Октябрьский, и нумерация домов была привязана к ней. Вот почему в адресе на «почтовке» улица не фигурирует. Кстати, прежние номера домов сохранялись вплоть до середины 50-х гг. Изрядно поржавевшие таблички кое-где уцелели по сей день. Есть такая и на «быковском» доме. Сохранился план города, датированный 1956 годом. На нем этот дом все еще помечен двойным номером – 12/130». Позже одна из соседок вспоминала, как Федор Иванович Быков, выходя во двор, шутил: «В цьому домі самі бики та бугаї живуть», намекая на свою фамилию и соседа – Бугаева, занимавшего высокую должность на одном из предприятий города.

Надо сказать, что переезжала семья Быковых часто. Уже в 1936 году она переселилась в один из живописнейших уголков города – поселок Прокатчиков на улицу Молотова, дом номер девять (ныне улицу Шишкина). Всего таких переездов было около девяти. И каждый раз, вслед за кормильцем, семья поднималась с насиженных мест. Федора Ивановича то направляли на учебу в Москву, то избирали председателем профкома Краматорского металлургического завода, то бросали уполномоченным по хлебозакупкам в сельские районы…

Барнаульское детство

Во время эвакуации Быковы оказались в Барнауле, где Федор Иванович сопровождал эшелоны с продовольствием. Когда в город прибывал очередной состав, сослуживцы бежали за женой, чтобы она забирала скорей своего Федора, в очередной раз грохнувшегося в голодный обморок. При такой «хлебной» должности взрослый мужчина весил всего 47 килограммов, в то время как рядом стоял полный продуктов эшелон…

Дочь Леонида Быкова Марьяна вспоминает: «Это было великое самопожертвование и самоотречение. Таким же абсолютно наивным, чистым и идейным был и его сын. Он не мог быть другим. Так же искренне и неудержимо папа рвался в Корею, где гибли корейские дети. Писал заявления, бросал институт. Его не пустили, и в Корее как-то обошлись без него, но в этом была его суть. Те же максимализм и жертвенность стопроцентно присутствовали и в характере мамы…»

Вот так и жили Быковы, жертвуя собой ради общего дела. Сын знал, что, даже страдая пороком сердца, отец в 41-м рвался на фронт защищать Родину, сильно переживая, что врачи его «забраковали».

Позже, став кинематографистом, Леонид Быков использует в творчестве некоторые факты своей биографии. Личное, в частности, проявится в фамилиях персонажей его фильма «В бой идут одни «старики». Известно, что многие его киногерои – реальные люди. Так, прототип Смуглянки – друг детства Леонида Быкова, погибший на войне летчик Виктор Щедронов (в кадре использовались его реальные фотографии). Другой персонаж картины – Николай Алябьев – мальчишка, с которым Быков подружился во время эвакуации в Барнауле, когда его семья жила на квартире у его родителей.

Конечно, Быковы, чудом вырвавшиеся из оккупированной Украины в далекую Сибирь и натерпевшиеся тягот эвакуации, были рады тому, что в Барнауле их накормили и отогрели. Позже Леонид Быков любя называл этот город своей вотчиной. Здесь его семья получила наконец крохотную комнатенку в деревянном бараке, работу и школу. Барак находился в переулке Тальменском. По нему пролегала горная дорога к обскому парому. Сейчас это глухое место. Барак снесли в середине 70-х годов прошлого века. Теперь здесь заросли кленов, которые так любил будущий актер и режиссер Леонид Быков.

Спустя годы, приехав в Барнаул в 1974 году представлять картину «В бой идут одни «старики», известный актер и режиссер

Леонид Быков со сцены сказал: «Дорогие мои земляки! Я набираюсь нахальства и говорю, что земляки, потому что здесь прошло три года моей жизни. Но… годы войны считаются один к трем, значит, можно считать, девять лет я здесь жил. Я очень жалею, что я не поэт, но если мне сто раз дадут возможность говорить на земле Алтайской, я сто раз скажу одно и то же: «Спасибо тебе, Барнаул, спасибо от мальчишек донбасских и от всех тех, кого вы спасали: тут были и москвичи, и ленинградцы, и харьковчане…»

Прошло тридцать с лишним лет. При слове Барнаул хочется есть. Кто из старожилов есть в зале, тот, наверное, помнит эти годы. Как скажут Барнаул – рука тянется к хлебу. Вы отдавали и тепло, и жилье, и добро…

Нашу семью приютила семья Алябьевых. Вот сидит Алябьев. Коля, встань. Полкровати своей отдал мне. Может, теперь жалеет. Не знаю. Барнаульцы, спасибо вам за все, тридцать лет не успеваешь сказать «спасибо». Я после войны первый раз в этом городе. Завтра нам обещают дать возможность поехать на Восточный поселок, поискать: там, говорят, пара бараков еще остались, если сохранились. Ну, овраги-то сохранились там, где учились на лыжах стоять. Сказать словами «спасибо» трудно.

В этой картине, которую делали мы, есть маленькая эпизодическая роль – хороший мой товарищ играет летчика из Сибири. В благодарность я мог только отдать ему фамилию – Алябьев.

Расплатиться и сказать «спасибо» – это, наверное, мало. Я вам могу сказать, что мы, те, кто занимается искусством, будем всю жизнь помнить, чем мы обязаны друг другу. Мы будем ухаживать за могилами, тысячи и тысячи которых на Украине, туда… аж до Берлина, где в братских могилах и барнаульцы, и новосибирцы, и…

Но, наверное, наша задача, кинематографистов, постараться работать так, чтобы не краснеть перед вами, зрителями, за то, что мы делаем на экране, и за то, что мы делаем в жизни…»

В тот раз Леонид Быков воспользовался возможностью посетить и 11-ю школу, в которой учился в дни эвакуации. Здание школы на улице Кулагина (в ту пору – Полевой) сохранилось. Сегодня здесь расположены современные офисы. Неподалеку находится еще одно место, которое тоже теперь не узнать – холм, который некогда звался Пупком: с него детвора любила зимой кататься на лыжах и санках.

В школьном музее и сегодня хранится снимок, которым здесь очень дорожат. На нем Леонид Быков запечатлен вместе с одноклассниками: Владимиром Екшибаровым, Валентином и

Любовью Сапуновыми, Анной Дорониной… Пусть в те годы Леня Быков не мог похвастаться примерным поведением и отличными отметками, товарищи любили его за справедливость и требовательность к себе и другим, за открытый и добрый нрав. Ленька с удовольствием участвовал в самодеятельности, не помышляя пока об актерстве.

Сегодня уже трудно установить, чем занимались Луиза и Леня после окончания в первой половине войны барнаульской семилетки. Скорее всего, до 43-го года, когда Быков предпринял попытку поступить в летное, он с сестрой и матерью Зинаидой Панкратовной какое-то время трудился на станкостроительном заводе, поскольку рядом не было других предприятий.

Краматорская премьера

Одними из первых его «Стариков» увидели земляки. Позже сестра Луиза Быкова вспоминала: «Он пережил свой звездный час здесь, в Краматорске, когда в 1974 году привез своих «Стариков» на суд одноклассников, друзей по техникуму, родных, соседей и тех, для кого он был самым любимым актером – «нашим Леней». Не было среди восторженных зрителей только самого дорогого для него зрителя – нашей мамы. И второй мамы тоже. Так он называл тетю Нюсю, родную мамину сестру…

Его несли на руках. Люди что-то говорили, смеялись, восторгались. А Анна Тимофеевна Карпач – мать Виктора Щедронова, нашего соседа и ближайшего Лениного друга, рыдала. Она узнала своего Вику на экране в образе Смуглянки не только потому, что он – лейтенант Щедронов, и даже не потому, что он рассказывал ей, как они с Леней как-то в вагоне поезда услышали запавшую в душу им мелодию «Смуглянки», как они насвистывали ее потом все время, пока Вика не убежал на фронт (он был старше Лени на два года). Она узнала его белозубую неповторимую улыбку, взгляд незабываемых глаз. Это же надо, чтобы нашелся такой актер, как Сережа Подгорный, что все, кто знал Вику, узнали его моментально… После премьеры «Стариков» мы не спали всю ночь. Собрались у меня. Вспоминали наше детство, эвакуацию в Барнаул, возвращение в Краматорск…

Сейчас мне приходится много встречаться с молодежью – просят рассказать о том, как жил наш Леня, как учился, как относился к людям, как стал актером и режиссером, откуда брал своих героев. Мне тяжело об этом рассказывать, тяжело снова и снова бередить свое сердце, но я это делаю. Ибо считаю, что этим помогаю юношам и девушкам заполнять свою душу добром, поднимать в ней на-гора лучшее, что в них есть, – человечность, любовь к людям, к жизни. Ибо уверена, пустая душа – большая беда».

Что по поводу чувства юмора… Похоже, у Леонида Быкова оно было в крови. Нельзя читать без волнения одно письмо, ставшее своеобразным завещанием своим родным, хранящееся в архиве А.С.Клещ. В нем «тетя Мэри» – Мария Панкратовна Быкова, сестра матери Леонида Федоровича, пишет: «Я ухожу от вас и уношу с собой теплоту ваших сердец. Вам всем желаю я гору счастья, океан здоровья, хороших успехов, дождь поцелуев и хорошего настроения. Буду вас ждать там. И кто придет первый, так и знайте – будет гром аплодисментов». Такой была «тетя Мэри», таким, судя по фильмам и воспоминаниям, был и ее

племянник Леонид Быков.

Была еще одна тетя – тетя Нюся, тоже родная мамина сестра. «Моя вторая мама», – называл ее сам Быков. Когда вышел фильм «Алешкина любовь», тетя Нюся очень гордилась любимым племянником. Каждый вечер она собиралась в кинотеатр, как на праздник. Это последний фильм с участием Лени, который она успела посмотреть. Сестра Леонида Быкова Луиза вспоминала, что, когда тетя Нюся впервые посмотрела картину, пребывала в полной растерянности: «Ой, какой же он рыжий, что произошло, что случилось?» Потом привыкла к Лене-блондину, и на лице ее поселилась какая-то заговорщицкая улыбка: «Знай, мол, наших.., хоть и рыжих!»

Клятва на крови. Мечта о небе

Память вряд ли притупят года…
Где схоронен ты, Витя Щедронов?
Или в небо ушел – навсегда?
Улыбаешься щедро с экрана,
И судьбе, и войне вопреки…
Как же плакала Витькина мама,
Когда в бой шли одни «старики»…

Юлия Осадчая, стихи с форума сайта памяти Леонида Быкова

В детстве Леонид Быков мечтал стать летчиком, чтобы защищать небо Родины, однако по возрасту не успел попасть на войну Его собратьям по кино, известным артистам Владимиру Гуляеву, Валентину Зубкову, Николаю Гринько и Владимиру Кашпуру повезло больше. В силу возраста они не только попали на фронт, но и исполнили свою мечту о небе.

Владимир Гуляев, 1924 года рождения, проработав год слесарем авиационных мастерских в Перми, в 1942 году, в возрасте 17 лет поступил в местную авиашколу И уже осенью 1942 года, став летчиком-бомбардировщиком, приступил к самостоятельным полетам. Однако решил переучиться на пилота-штурмовика и закончил авиашколу уже в звании младшего лейтенанта. Перед отправкой на фронт 6 ноября 1943 года участвовал в параде на Красной площади. Воевал в небе Восточной Пруссии, совершая каждый день по три-четыре боевых вылета.

Участник Парада Победы лейтенант Владимир Гуляев считал это событие главным в своей жизни. Свои фронтовые будни описал в книге «В воздухе – Илы» от имени одного из героев, Леонида Ладыгина.

Валентин Зубков после окончания армавирской военной авиационной школы в 1943 году попал на фронт. Летая на самые опасные задания, слыл среди однополчан везунчиком. Механик Чкалова о нем говорил: «Этот парень никогда не погибнет». И был

прав.

Комсорг полка, фронтовик Николай Гринько пролетал всю войну стрелком-радистом на бомбардировщиках. А Владимир Кашпур в 1943 году 17-летним парнишкой был зачислен в Харьковское военно-авиационное училище штурманов, базирующееся в Красноярске. Принимал участие в боевых действиях. Прослужил штурманом до 1949 года, позже работая диспетчером авиакорпуса…

Мало кто догадывается, что и за многими героями Леонида Быкова – Максимом Перепелицей, Лешкой Акишиным, маэстро поющей эскадрильи… стоит один и тот же прототип – друг детства актера Виктор Щедронов, летчик, погибший на войне. На протяжении всей жизни Леонид Быков ощущал необъяснимую, почти мистическую связь, неразрывно установившуюся между ними. Друг детства не раз словно предупреждал его о чем-то, напоминая о себе в самые тяжелые моменты. Последний знак Быкову был за три года до смерти, и он поспешил написать завещание…

Надо сказать, что в жизни и гибели Леонида Быкова немало тайн и мистических совпадений. Взять, скажем, те же цифры – «11» и «46». Думаю, можно не напоминать, что они означают… В одной из телепередач о Леониде Быкове астрологи пытались объяснить значение столь роковых для его судьбы чисел. Оказывается, «11» означает кармический долг. И вся жизнь Леонида Быкова была сопряжена с выполнением подобного долга. Другое число – «46» само по себе не несет негативной информации, оно – эквивалент крепкой мужской дружбы. Астролог: «То, что Быков погиб именно этого числа, означает, что свою миссию он выполнил, долги свои раздал и ушел с чувством выполненного долга, а «46» – это опять упоминание о его друге. Умерший друг не спровоцировал его уход. Наоборот, он хотел предостеречь его от этого ухода. Однако живой человек неправильно воспринял информацию».

Пусть со дня гибели Леонида Федоровича Быкова минуло более тридцати лет, и сегодня непросто разобраться в его биографии. Найдутся ли когда-нибудь объяснения его внезапной смерти, отсутствию даты под завещанием 1976 года (его трехлетнее нахождение вне поля зрения и появление за три дня до катастрофы), совпадению дня и места гибели двух друзей – Леонида Быкова и Виктора Щедронова (быковская 24-я «Волга» врезалась в грузовик на 46-м километре трассы Киев – Минск 11 апреля 1979 года, а самолет его друга разбился на 46-м километре шоссе Прага – Братислава 11 апреля 1945 года)…

Известие о гибели лучшего друга в воздушном бою потрясло

Леньку. Сестра Леонида Быкова Луиза вспоминала, как друзья играли в войну, мечтали ко дню рождения Вики, как звал его закадычный друг Ленька, построить деревянный самолет. Строительство продолжалось до самого ухода Вики на фронт.

Позже актер и режиссер Леонид Быков не раз винил себя в том, что не сдержал детскую клятву. В пятнадцать лет он обещал другу, что обязательно станет летчиком. Мальчишки торжественно поклялись в верности небу и вечной дружбе, став духовными братьями. Они верили, что теперь их не разлучат ни время, ни расстояния. То была настоящая клятва на крови. Ее им предстояло сдержать, чего бы это ни стоило, даже если одного из них не станет, как позже и произошло.

Авиация была у Быкова в крови. Выполняя клятву, данную Витьке, мальчишка в мечтах уже видел себя воздушным асом: как идет на таран, расстреливает вражеские «мессеры», сажает горящую машину… Желание стать летчиком пришло из кино – из легендарных фильмов: «Валерий Чкалов», «Истребители», «Летчики»… Почти все мальчишки той поры грезили о небе. Много лет спустя мечта Быкова тоже воплотилась в кино, когда он сыграл маэстро, капитана Титаренко, в своем фильме «В бой идут одни «старики». Не отсюда ли ощущение той особой трепетности и щемящей грусти, словно Быкова так и не оставило сожаление о том, что он сам не побывал в тех боях со «стариками».

Детство оборвалось слишком рано – война. На нее Леня Быков так и не попал. Семью Быковых эвакуировали в Барнаул. В те же пятнадцать, после нескольких неудавшихся попыток бегства на фронт, Леньку с друзьями не раз отлавливали по вагонам и теплушкам и отправляли домой, он принял важное решение. Пришел в военкомат и заявил: «Мне уже 18! Возьмите добровольцем на фронт».

Его с легкостью разоблачили: «Рано тебе еще, салага, сначала школу закончи». Но надо было знать Быкова. В 43-м он всеми правдами и неправдами пробился-таки в летное училище в Ойрот-Туре, ныне Горно-Алтайске, что недалеко от Бийска, но вскоре был разоблачен. Высокое начальство не оценило героической тяги юноши к стальным крыльям, и, когда при проверке личных дел курсантов выяснилось, что Быков приписал себе возраст, его тут же отчислили. Вот как сам Леонид Быков вспоминал этот эпизод своей жизни: «Не получился из меня в свое время летчик. Отправился я в сорок третьем году учиться летать, месяц проучился, но меня выгнали. Расплакался я, потому что у «летчика» в то время было сто тридцать шесть сантиметров роста. Летчик не получился. Хотелось позже стать летчиком, был

в летной школе… Ну, в общем, стал артистом…»

Это потом. А тогда, после возвращения домой, после долгих разговоров с отцом, Ленька уступает уговорам и поступает в техникум. Окончательно удостоверившись, что металлургия не его дело, забирает документы и предпринимает вторую попытку. И поступает-таки в 1945 году во 2-ю ленинградскую спецшколу для летчиков.

Казалось, сбылась мечта, но судьба распоряжается по-другому. Ей не нужен был Быков-летчик, куда важнее был Быков-актер. Как ни рвался Ленька на фронт, война закончилась без него. В летном он проучился месяц, когда училище расформировали по причине ее окончания. Возвращаться в техникум не имело смысла. Прислушавшись к внутреннему голосу, парнишка понимает, чего хочет на самом деле – стать актером, чтобы когда-нибудь сыграть свою мечту и хоть таким образом реализовать юношескую клятву на верность небу.

В июне 1974 года Быков вновь приехал на Алтай в составе большой группы мастеров искусств Украины. Фильм «В бой идут одни «старики», показанный в барнаульском кинотеатре «Россия» и сельских клубах края, имел ошеломляющий успех. …11 апреля 1974 года. Томск. Очередной премьерный показ картины и очередной триумф. Зрители стоя аплодируют режиссеру, скандируют: «Быков! Быков!..» Однако Леонид Федорович так и не выйдет в этот день на сцену – за кулисами ему станет плохо. Он потеряет сознание. Режиссера увезут в больницу прямо из кинотеатра – инфаркт…

С прямотой и открытой эмоциональностью Леонида Быкова нелегко было решать множество проблем, выпадающих на долю режиссера на съемочной площадке. Немало случаев, когда напряженнейший период работы у его коллег завершался инфарктом. Такова расплата за тяжелый труд. Здесь, в больничной палате, он снова вспоминает Виктора Щедронова. Он сдержал данное ему слово – поднял в небо самолет, пусть киношный, но все же… И фильм получился!

Быкову не раз пришлось умирать на экране, как будто повторяя чужую судьбу. И не раз странными совпадениями к актеру возвращалось слово, данное в детстве. Быков никогда не забывал о друге. Витя Щедронов – Смуглянка и сегодня смотрит на нас с экрана.

«Очень показательна история со Смуглянкой, – вспоминала Эмилия Косничук в интервью «Культуре» 12 апреля 2002 года. – Быков долго искал актера на эту роль, пробовал известных «звезд». И вот он увидел Сережу Подгорного, его ослепительную улыбку и… утвердил сразу. Этот образ был особенно дорогим для

него… Помните, Кузнечик в фильме показывает летчикам фото матери погибшего Смуглянки? Это подлинное довоенное фото матери Виктора – Анны Тимофеевны Карпач.

То, что в фильме находили, находят и еще будут находить связи с конкретной, реальной жизнью друзей, знакомых, родных Леонида Федоровича, – факт знаменательный. Не мог предать он тех, к кому так трепетно относился, своим «добровольным уходом из жизни». «Будем жить!» – не только фраза, это призыв его души, это обязательство перед теми, кто был дорог ему и кому был дорог он. На всю жизнь я запомнила слова однокурсника Быкова по машиностроительному техникуму Евгения Косика: «Леня завоевывал сердца товарищей уже тем, что везде был первым – и в освоении чечетки, и в волейболе, и в боксе, и первый приходил на помощь каждому, кто в ней нуждался, тем, как умел дарить людям добро и радость».

Сергей Подгорный, исполнитель Смуглянки: «Смотрю картину не как актер, принимавший в ней участие, хотя до сих пор в полной мере помню весь текст, мизансцены, как оператор налаживал камеру, как ставили свет… Смотрю ее как зритель, сердцем, и не могу удержаться от слез. Я ведь играл реального человека, его дружка по Краматорску, после ускоренных курсов прорвавшегося на фронт и погибшего в 45-м. А Быкова не взяли – за низенький рост, за маленький вес. Они были с одного двора. И участники съемок почти каждый год, в апреле месяце, ездили в Краматорск. Подходит ко мне как-то женщина, старенькая-престаренькая, и говорит: «Спасибо, Витя!» Я говорю: «Извините, но меня зовут Сережа». А она опять: «Спасибо, Витя! Ты сыграл моего сына Виктора Щедронова». Обняла и ушла. Сколько я ее после ни искал, не нашел. И когда на следующий год приехал в Краматорск, ее уже не было в живых. Вот это и была та сама тетя Дуся, которой Быков поклонился в фильме».

«Хочу в артисты!» Первые неудачи и победы

Как многие его коллеги-актеры, Леонид Быков с самых ранних лет любил кино и увлекался театром. Старшая сестра Леонида Быкова, Луиза Федоровна, вспоминала, как после 9-го класса Леня ездил поступить в Киевский институт театрального искусства. Сегодня в этом здании по улице Шота Руставели, дом 37, расположился лицей информационных технологий. Именно здесь держал свой первый актерский экзамен юный Леня Быков из провинциального Краматорска.

Его, естественно, не приняли. Выяснилось, что парень еще не окончил школу. Об этом как-то забыли, собирая в дорогу любимчика, плененные его мечтой стать актером сестры матери – тетя Нюся и тетя Маня. Помогая в устроении домашних спектаклей, в которых Леня всегда был и актером, и режиссером, домашние с энтузиазмом помогали ему во всем – с костюмами, реквизитом и декорациями, свято веря в театральное будущее Лени.

Вернулся Леня домой ночью. Когда сестра увидела его в огромных брезентовых тапочках на босу ногу, в чудаковатой майке, которая когда-то была тельняшкой, то от неожиданности чуть не вскрикнула. Он тихо крался по комнате к своей кровати. Остановился, глянул на нее, понял, что она не спит, и, как ей показалось, сразу успокоился. Подошел к ней и начал рассказывать свою невеселую одиссею: как вынужден был вернуться ни с чем, ибо в институте ему порекомендовали прежде всего закончить школу.

Эта поездка была нужна Лене, чтобы понять свои силы. Хотя денег на дорогу было немного, при себе имелась тощая домашняя кошелка с провизией на два дня и запас кукурузных лепешек. Вот и весь его нехитрый багаж. По совету ребят он придумал небылицу о родственниках в Киеве, чтобы не возникло проблем с общежитием. Новоявленный абитуриент так красочно живописал истории из жизни несуществующих родичей, что в это поверили все. Возник законный вопрос: где же ночевать? Ответ нашелся сам собой. На территории нынешнего парка имени Пушкина Леня наткнулся на выставку разбитого трофейного оружия. Здесь, среди искореженной немецкой военной техники, он и облюбовал себе «гостиницу» – танк «Тигр» с развороченным боком. В нем и провел несколько ночей незаконный жилец и будущая кинозвезда Леонид Быков. Тем временем деньги быстро закончились. И все

же отступать было не в его характере – позади два тура. И тут открылась незаконность его поступления. Леониду указали на дверь. Денег на билет не было, и парень отправился в путь на крыше железнодорожного вагона. И это были еще не все приключения. По дороге Леонида обчистили воришки. Одному из них понравился его «шикарный» черный костюм морского покроя, другому – хромовые сапоги. После недолгого «спора» один из них все же сжалился и отдал ему свои тапочки и тельняшку. Вот в этих огромных брезентовых тапочках на босу ногу и в переделанной из тельняшки майке он и появился дома.

Кого-то другого неудача, возможно, и застала бы врасплох, но только не Быкова. Луиза Федоровна признавалась, что именно тогда она всем сердцем поняла, что ее брат ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего. В ту пору старшая сестра училась в Харькове в сельскохозяйственном институте. Стоит ли удивляться, что именно туда отправился и брат по окончании школы. Уже в сентябре десятиклассник получил от Луизы письмо с условиями приема и другими важными подробностями приема, благодаря чему уверенно сдал экзамены. Его не остановили ни горячие домашние дискуссии на тему: не ищет ли он легкой доли? Ни опасения отца, считавшего профессию актера несерьезной. Из детства, из среды, в которой вырос, Леня вынес главное правило: относиться к любому труду ответственно и уважительно.

Сестра вспоминала, как Леня пришел к ней в общежитие после первой своей стипендии. В руках – пакет с подарком. Чтобы сдержать волнение, она попробовала пошутить:

– Леня, ты уже пришел?

– Нет, я еще иду, – ответил он заговорщицки. Они долго смеялись, а потом ели борщ, который он так любил. Когда пакет был вскрыт, Луиза не удержалась от вздоха восхищения – ее взору предстали модные тогда туфли-«танкетки». На них пошла вся стипендия новоиспеченного студента, на которую ему предстояло жить целый месяц. «Он был всю жизнь таким – от него шли лучи доброты, самоотверженности, чуткости. Он всегда помнил о каждом из близких, всегда стремился сделать что-то приятное. И никогда, никогда не думал о какой бы то ни было благодарности. Как было его не любить!» – вспоминала о брате Луиза Федоровна.

Учился Леонид Быков увлеченно и вскоре стал сталинским стипендиатом. Уже в студенческие годы начал играть на сцене, совмещая учебу и работу в театре. И по окончании института был приглашен в труппу Харьковского ордена Ленина академического драматического театра имени Т.Г. Шевченко. Именно участие в спектакле «Гибель эскадры» стало счастливым билетом Леонида

Быкова в новую жизнь – начинающего актера заметили во время декады украинского искусства в Москве. Приглашение на пробы на «Ленфильм» стало для Быкова полной неожиданностью и открыло талантливому дебютанту новые перспективы.

Харьковские университеты

Я до сих пор живу этими идеалами…

Леонид Быков

В Харьковский театральный институт, ныне национальный университет искусств имени И.П. Котляревского, абитуриенты ехали поступать со всего Советского Союза. В разные годы его окончили такие актеры, как Алексей Петренко, Наталья Фатеева, Нина Русланова… Вот и в 1947 году, когда держал экзамен Леонид Быков, конкурс был огромным. На время вступительных экзаменов молодежь поселили в спортзале института, разделив на две половины – мужскую и женскую. В тот год Лене повезло дважды – он не только поступил на украинское отделение института, но и встретил свою судьбу – вчерашнюю школьницу из Белгорода Тамару Кравченко, зачисленную на русское отделение. Девушка была настолько трогательная, нежная, изящная и женственная, с такими огромными глазами и лучезарной улыбкой, что не влюбиться в нее было просто невозможно. И то, что такая девушка выбрала его – невысокого, большеносого, далекого от канонов классической красоты юношу из небогатой семьи удивляло многих. Кто-то завидовал, только вот отбить не пытались. Тамара могла поставить на место любого, да и с Быковым было спорить непросто – неагрессивен, но неумолим. Владимир Антонов: «Я дружил с Тамарой Кравченко, женой Лени, когда мы вместе с ней работали в Харьковском областном театре, позднее реорганизованном в ТЮЗ. Она была актрисой-травести, великолепно играла мальчишек. Леня приходил ее встречать после спектаклей. В жизни она была хохотушкой… Он ее очень любил…»

Однокурсница Леонида Быкова Светлана Чибисова вспоминает: «Как Леня поступал в Харьковский театральный институт, я очень хорошо помню. На нем была яркая клетчатая рубашка. Привлекали внимание его хорошо очерченные большие губы, носик «уточкой», глаза с озорной хитринкой и необыкновенно красивый кучерявый чуб. Он вышел на сцену легкой изящной походкой и огласил зал своим звенящим голосом: «Шекспир! «Гамлет»!» Зал немедленно разразился гомерическим смехом. Несоответствие внешности простодушного паренька с образом трагического героя казалось разительным. В продолжение монолога «Быть или не быть» смех вспыхивал и

среди степенных членов экзаменационной комиссии. После этого первого тура меня и Леню вызвали в деканат. Мы шли понуро в полной уверенности, что нас «зарубили». Но в деканате Лене предложили подыскать комедийный отрывок из украинской классики. Он выбрал монолог из «Мартына Борули» (пьеса Карпенко-Карого. – *Н.Т.)* и попал в мастерскую народного артиста СССР Данилы Ивановича Антоновича». Коллега Быкова по театру Анатолий Литко: «Когда он читал монолог, комиссия не выдержала – полезла под стол… С тех пор все поняли, что это актер не трагического направления».

Позже неудавшегося Гамлета стала привлекать романтическая драма. И все же особо однокурсники запомнили его комического Паташона в капустнике и балагура Труффальдино в студенческом спектакле «Слуга двух господ». Быков был прилежен в учебе, не зная, что такое уныние и лень. Любил петь и танцевать, проявлял недюжинные способности в фехтовании и акробатике. Комедийный талант «Лешки-мечтателя» был очевиден. Пока, неожиданно для многих, он не получил серьезную роль в курсовом спектакле Владимира Крайниченко «Репортаж с петлей на шее» Фучика. Тут уж многогранность таланта Леонида Быкова стала очевидной.

Деятельный, веселый и доброжелательный, Быков, казалось, жил легко, без особых тревог и забот. Однако посторонний взгляд не мог не заметить напряженной внутренней работы, которая, не прекращаясь, происходила в нем. И того, насколько он был требователен к себе. Как много успевал, сознательно готовясь к серьезной работе на сцене. О кино Леня пока и не помышлял. Однокурсница Быкова Нина Логвинова, ныне профессор театрального отделения ХГУ искусств им. Котляревского, вспоминает: «Это был человек, который нес в себе добро, который не знал, что такое на кого-то обидеться, с кем-то поссориться. Хотя мы, как всякая молодежь, позволяли себе разные вещи. И его обижать позволяли себе, и ссорились с ним. Но он на это смотрел с улыбкой, иронически».

Леонид Быков не зря столь легко, искренне и непринужденно играл комедийных героев. Добрый нрав и природное чувство юмора помогли ему стать прекрасным комическим актером. Еще в Харьковском театральном институте он прославился как постановщик студенческих капустников, в которых и сам был занят как актер. Бывший однокурсник Леонида Быкова Николай Мащенко вспоминает: «Впервые мы встретились с Быковым в 1949 году. И прожили с ним два года в одной комнате номер одиннадцать, в общежитии Харьковского театрального института на Пушкинской улице, в который я на два года позже поступил.

Леня своей душевностью сразу привлекал к себе. Жизнерадостный, энергичный, он умел пробудить у своих товарищей оптимизм даже в трудные минуты, которые столь нередки в жизни студентов. Работать он любил подолгу и вдохновенно. Полагаю, что нелегкое и не очень сытое детство научило его трудолюбию.

Мы принадлежали к одному поколению. Гордились тем, что родились в Донбассе. Для нас тогда слово «Донбасс» было очень емким, и мы воспринимали его как своеобразный нравственный пароль, точку отсчета в оценке наших поступков. Думаю, правы те, кто ищет ключ к пониманию творчества Быкова в истоках его воспитания. Без преувеличения можно сказать, что сама атмосфера рабочего города Краматорска, где прошли детство и юность Лени, закалила его дух и волю, научила любить и уважать людей простых, добрых, мужественных. Образы таких людей он и создавал на экране. Благодаря Быкову я понял, что актер и человек – понятия неразделимые.

Леня был душой всех институтских вечеров и собраний. Совестью нашего студенческого товарищества. Он ставил вместе с Володей Кравченко очень смешные капустники, настолько смешные, и сам был настолько смешной в своих эпизодах, в которых высмеивал многих педагогов и студентов, настолько популярен был, что во время новогодних капустников милиция была вынуждена охранять театральный институт. Нас тогда пугала неуверенность в будущем. Мы видели, как актеры, закончившие институт, живут вместе с нами в общежитии, бегают в массовках и получают столь же жалкую зарплату, как наша стипендия. Все это удручало. Но именно Леня Быков стал первым харьковским студентом, которого пригласили на пробы в Киев. Мы отправились провожать его на вокзал всем общежитием. И когда узнали, что он утвержден в фильме «Судьба Марины», пусть на небольшую роль, это был праздник для всего института. Его заметили режиссеры. Он нам всем пробил дорогу в кино».

Светлана Чибисова: «На третьем курсе института его пригласил в Театр имени Т.Г. Шевченко «сам» Марьян Крушельницкий (один из основателей и классиков украинского советского театра, выдающийся актер, режиссер и педагог. – *Н.Т.)*. В дебютной роли лихого матроса Паллады – блещущего молодым задором, зажигательного в танце – он подкупил и харьковскую, и московскую публику. От образа этого «братишки» наверняка пошли многие из его киногероев. Успешный дебют открывал Быкову дорогу к большому ролевому репертуару. Однако же его Павка Корчагин вызывал споры. Режиссеру спектакля пришлось отстаивать выбор актера и на худсовете, и в… обкоме партии».

Какие же «козыри» были на руках у Быкова? Ведь дебютант не обладал ни внушительной внешностью, ни завидным голосом…

Его коллега по театру Людмила Попова вспоминала: «Леонид Быков принес в театр новую меру сценической органики. Он был пафосным актером. Но не в том распространенном значении этого слова, которым пытались оправдать ложную актерскую патетику. Его пафос шел изнутри. Быкову претил наигрыш, как и всяческая фальшь. Он «брал» своей непосредственностью, артистическим чутьем… Он был узнаваем в играемых персонажах и неисчерпаемо изобретателен в своих художественных находках. Характерной его чертой была импровизационность».

Окончив Харьковский театральный институт в 1951 году, Леонид Быков получает приглашение в труппу Харьковского государственного академического украинского драматического театра имени Т.Г. Шевченко, где работает до 1960 года. За это время в его репертуаре появляется множество ролей в классических и современных комедиях, водевилях и героических драмах. «Первую школу актерской игры, – признается позже Быков, – я прошел в Харькове в драматическом театре. Играл разные роли. Но была роль, которая являлась для меня главной среди всего творческого репертуара. Это роль Павки Корчагина в спектакле «Как закалялась сталь».

Что и говорить, Павка – строгий контур его комедийных героев, неулыбчивая, жестоковатая героическая романтика. Театр стал хорошей школой для молодого актера. Почти за десять лет работы в нем он сыграл в 17 спектаклях, создав незабываемые образы, каждый из которых, по словам его партнерши по сцене Светланы Чибисовой, «был бриллиантом».

Его Павка Корчагин в спектакле «Как закалялась сталь» был сыгран настолько естественно и достоверно, что зал, сопереживая, с замиранием сердца следил за каждым словом и движением актера. В острые моменты действия зрители приподымались с мест, в едином порыве готовые помочь парализованному и потерявшему зрение, но продолжавшему бороться за жизнь, сильному духом Павке. Критика отмечала, что быковский Павка Корчагин – один из самых ярких, реалистичных и обаятельных образов, созданных кем-либо из актеров в этом спектакле, возможно, потому что у Быкова герой вышел не столь прямолинейно-героическим, как изначально было принято изображать. Павка Корчагин был кумиром и самого Быкова, а его слова «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы…» стали путеводной звездой и смыслом всей его жизни.

Позже, вспоминая день премьеры, Леонид Федорович не мог

объяснить, как произошло, что он во время произнесения финального монолога «жизнь дается человеку только один раз…», неожиданно для самого себя, встал… и пошел, всматриваясь в зал. Медленно, в полной тишине, шаг за шагом, глаза в глаза… Зрители, не сговариваясь, тоже поднялись со своих мест и выслушали монолог стоя. А потом тишина… Сколько она длилась? Актер и сам не помнил. И внезапно, как обвал, его «накрыл» гром аплодисментов… «Что меня подняло тогда и повело к рампе – не могу объяснить, – комментировал потом произошедшее Леонид Федорович, – вероятно интуиция: «Сделай так, потому что зрители этого ждут».

Николай Мащенко, позже поставивший «Как закалялась сталь» на телевидении с Владимиром Конкиным и вдохновившийся на этот поступок, по его словам, игрой Быкова, вспоминал: «До сих пор помню сцену, когда Корчагину приносили написанную им книгу о поколении, воспитанном революцией. И он, прикованный к постели, трогательный, беззащитный и одновременно сильный, суровый, приподнимался, с величайшим трудом дотягивался руками до книги. Это производило такое впечатление на зрителей, что они приподнимались в креслах вместе с Корчагиным. В тот момент, когда он дотянулся до книги, выстраданной в таких муках, зал уже стоял, охваченный волнением, как будто стараясь вместе с актером разорвать оковы смертельного недуга.

Это был артистический взлет Лени Быкова. Одна из первых Ярких его побед. Потом были другие спектакли, в которых он тоже играл с блеском».

А вот как вспоминает Леонида Быкова на сцене критик Эльга Лындина: «Я одна из немногих, кто видел Леонида Федоровича на сцене. Мы приехали в Харьков из России, я училась во втором классе, украинский язык я знала довольно-таки плохо, и вот нас повели на спектакль «Как закалялась сталь». Потом, когда я прочла роман, мне казалось, что я смотрела какую-то другую вещь, и я скажу почему.

Я ни разу с тех пор не видела такого доброго, такого человечного Павки Корчагина. Детская память, конечно, не аналитичная, она скорее фотографическая, эмоциональная, но я очень хорошо все помню. Я в этом театре бывала часто и не только на спектаклях. Мои мама и папа очень дружили с народной артисткой Евгенией Алексеевной Петровой. Тетя Женя знала, что я очень люблю театр, и брала меня с собой. Я тихо сидела и видела иногда Леонида Федоровича за кулисами. Очень часто он был тихим и задумчивым и выделялся этим среди всех остальных. Таким он мне и запомнился. Потом, уже хорошо зная

язык, я видела Леонида Федоровича в украинских спектаклях Старицкого. Он много играл.

Он был воспитан на украинском фольклорном театре. В нем было русское реалистическое начало, но от украинского театра, мне кажется, он взял эту мягкость, какую-то задушевность. Потом, когда я смотрела его картины, я поняла, что театр дал ему очень много. В эпоху монументального коллективизма актер обращался к одной-единственной судьбе, одной-единственной жизни, к ее мечтам и горестям, боли и счастью. Мне кажется, что корни его доброты, народности надо искать как в самой личности актера, так и в истоках украинской театральной школы, которая много ему дала, в том нет сомнений».

Харьковский театр им. Т. Шевченко – бывший знаменитый театр «Березіль» Леся Курбаса – умело соединял общекультурную европейскую и народную украинскую традиции. Леонид Быков следовал этим двум потокам. Пройдя школу украинского театра, он не замкнулся на ней. Взаимодействуя на площадке со многими замечательными русскими актерами, Быков блестяще перенял навыки российской актерской школы, органично соединив ее с украинской.

Поэтому Леонида Быкова можно смело считать наследником и драгоценной русской школы, уходящей корнями к таким великим артистам XIX века, как М. Щепкин и А. Мартынов, сочетающих выдающееся мастерство с особой человечностью.

Героев Леонида Быкова любили, им подражали. Комиком он был потрясающим, выдумщиком и шутником. У него было настолько положительное обаяние, что даже когда актер исполнял, казалось бы, отрицательную роль – стилягу в спектакле «Улица трех соловьев, 17» (в самый разгар борьбы с этим чуждым советской действительности явлением, когда узкие брюки милиция ножницами разрезала прямо на улицах), это вызывало сильнейшие опасения и нарекания, как от критики, так и от начальства. Слишком уж милым и привлекательным получался быковский персонаж, носивший необычный мейк-ап. Выходило смешно, но не отталкивающе.

Алексей Швачко, кинорежиссер: «Я часто приезжал в Харьков по служебным делам и просто так, чтобы встретиться со своими старыми друзьями, артистами И. Марьяненко, Л. Сердюком, М. Крушельницким, Е. Петровой, Д. Антоновичем, А. Подорожним и другими. Здесь и познакомился с молодым артистом-дебютантом Леонидом Быковым.

Очень хорошее впечатление оставил он. На сцене Л. Быков «не играл», не кричал, чтобы его слышали и на галерке тоже, а жил жизнью образа, который создавал, просто и правдиво. Я еще

тогда подумал – «играет, как в кино».

Мало использовали в театре Л. Быкова, его лирико-комедийное дарование. В разговоре он мне признался:

– Тесно мне в стенах театра… Хотелось бы выйти на более широкую аудиторию…

– Сниматься в кино? – подсказал я.

– Да, сниматься в «важнейшем из искусств», – подтвердил Леня Быков и улыбнулся своей неповторимой улыбкой.

– Все еще впереди, Леня! Ты же еще мальчик…

Он еще более улыбнулся и пожал мне крепко руку.

А вскоре мечта Л. Быкова сбылась – он начал сниматься в кино, сначала в небольших эпизодических ролях, а потом – и в главных. Так «изменил» Леня театру и перешел на постоянную работу в кино, на студию «Ленфильм».

За годы работы на сцене Леонид Быков стал одним из самых популярных актеров Харьковского театра. Если на афишах стояло его имя – успех и аншлаг спектаклю были обеспечены. Зрители, как это теперь говорится, шли «на Быкова». Публика актера просто обожала и боготворила.

«…Мы все называли его Леней, – вспоминал актер старшего поколения Лесь Сердюк, – и старшие товарищи, и одногодки. Он как-то сразу вписался в стремительный поток театральных дел, органично слился с коллективом…

Без театра для Быкова не было бы кино. Вернее, было бы оно для него не таким. Быков был актером театра – с его живой реакцией, с постоянным контактом со зрителем. И мне кажется, тем и поражает нас обаяние Быкова – актера кино, что он с экрана чутким слухом, глубоким взглядом ловит дыхание зала, знает, как вызвать в сердце зрителя отзвук на то, во имя чего он беседует с ним.

Быков пришел в Харьковский театр имени Т.Г. Шевченко еще студентом института искусств. Его и однокурсницу С. Чибисову (ныне народная артистка УССР) пригласили принять участие в возобновлении этапного спектакля шевченковцев «Гибель эскадры». Чибисова играла Оксану, Быков – революционного матроса Палладу. Мне кажется, что быковский разговор о подвиге начался уже здесь.

Но эта идея была подана в характере своеобразном, легком, на первый взгляд, даже шаловливом. Во внешности Леонида не было ничего героического в расхожем понимании этого слова. Небольшого роста, щуплый, с простыми чертами лица ничем не приметного паренька – он удивил с первой же минуты знакомства беспредельным обаянием, искренностью и большим мужеством души. Из этих составных и образуется духовность Быкова-актера.

Да, свое героическое дыхание герой Быкова взял именно от «Гибели эскадры». И его Максим Перепелица, и танкист из советско-чехословацкого фильма «Майские звезды», а позже, конечно, гвардии капитан Титаренко («В бой идут одни «старики»), и ефрейтор Святкин («Аты-баты, шли солдаты…») – все они дети кочегара Паллады.

В театре актер сыграл немало ролей своих современников, парней веселых, находчивых, самоотверженных. Скрытое за живыми чертами характерности, за беспечностью улыбки, шуткой, героическое начало персонажей Быкова тем убедительнее, что в критический момент проявляется неожиданно, внезапно. Появляется и побеждает, ибо в основе его – правда человечности. Характеры, созданные Леонидом Федоровичем в театре, так же разнообразны, как и в кино, но всех героев – и сценических, и экранных – объединяет позиция актера, его тема в искусстве, все они освещены его неповторимой индивидуальностью.

Не останавливаясь на каждой театральной работе в отдельности, я назову две наиболее значимые. Это Павка Корчагин в инсценировке романа Николая Островского «Как закалялась сталь» и Володя в спектакле «Человек ищет счастье» харьковского драматурга Аркадия Школьника.

Успех Быкова в роли Павла Корчагина был несомненным. Вот слова корифея украинского театра, народного артиста СССР Ивана Марьяненко из протокола обсуждения спектакля: «Он яркий, непосредственный, искренний, трогательный. И все, товарищ Быков, ничего не делайте, сейчас вы искренни».

И еще приведу слова Ивана Александровича, характеризующие исполнение уже другой роли – мальчика, который через сложности личной жизни ищет путь к счастью, ищет, веря, надеясь мужественно и горячо: «Быков мне очень нравится. От него нельзя оторваться». Один из первых приходов Леонида Быкова на экран тоже связан с театром. Именно театральная деятельность Быкова подготовила ему приглашение на роль Сашки, колхозного конюха, в фильме («Судьба Марины. – *Н.Т.*). В этой картине я играл председателя колхоза и по сюжету был тесно связан с этим неловким худеньким пареньком, курносым, флегматичным, но необычайно тонким душой.

Помню наше пение. Сашка дергает вожжи, волосы его растрепал ветер, а вокруг поле широкое, как его песня, как его душа. Мой герой – человек большой искренности и трудолюбия – любил Сашку за быстрый ум, сообразительность и душевную щедрость… Актерское искусство быстротечно, и даже кинопленка не сохранит его, если оно не останется в сердце зрителя.

Искусство Л. Быкова – народного артиста Украины осталось в сердцах миллионов».

Слова коллеги Леонида Быкова по театру Владимира Антонова вносят некоторые коррективы выше сказанному: «Художественным руководителем Театра имени Т.Г. Шевченко был Лесь Сердюк. С ним-то прежде всего и осложнились отношения у Быкова. Прекрасный актер, Сердюк был непомерно властолюбив. Не думаю, что многие из предлагаемых им Быкову ролей того устраивали. Леня не болел «медными трубами», но ему хотелось играть серьезные драматические роли. И не только играть, он хотел ставить спектакли. Например, задумывал поставить в театре спектакль по пьесе А. Галича «Походный марш».

Харьков до сих пор помнит театральные работы Леонида Быкова. Особенно: Олега («В поисках радости» Виктора Розова), матроса Палладу («Гибель эскадры» Александра Корнейчука) и, конечно, – Павку Корчагина.

А еще его небывалую природную скромность – качество, так не свойственное актерской профессии. Быков тяготился обрушившейся на него славой. Елена Тимофеенко, его партнерша по комедийному спектаклю «Улица трех соловьев, 17» вспоминала: «После фильма «Максим Перепелица» с Леней нельзя было запросто ходить по улицам. На Сумской, завидя его, прохожие столбенели, раскрыв рты, а потом удивленно повторяли на разные лады: «Быков, Быков!» Он страдал от этого, говоря в таких случаях спутникам: «Идем скорей отсюда». Но «старики» театра завидовали его славе… Помимо своей воли он нарушал «закон восторгов» – именитые актеры иной раз не получали стольких аплодисментов, сколько выпадало на его долю. Леня уходить из театра не хотел, а о нерадивом руководстве слагал частушки…»

Николай Хрусталев, журналист: «Впервые я услышал имя Леонида Быкова в начале 50-х голов, когда на сцене Харьковского театра шел спектакль «Человек ищет счастье». Я его не видел, был еще слишком юн, но знал, что там играет совершенно потрясающий артист Леонид Быков.

Однажды, уже где-то после «Укротительницы тигров», году этак в 59-м, я шел по харьковской центральной улице – Сумской (длинная такая улица, идет до парка Горького). Был летний день. И вдруг я совершенно ошалел, увидев впереди идущего Быкова. На нем была немереной красоты замшевая куртка, запредельная мечта любого молодого человека тех лет, в эпоху дефицита вынужденного довольствоваться болоньевым плащом. Хотя итальянцы и утверждали, что эти плащи лишь для дождя, в

Харькове, как в любом советском городе, их носили в любую погоду, даже под солнцем, поскольку это было своеобразным шиком. Быков шел один, очень медленно, в задумчивости. С того момента прошло огромное количество лет, а я до сих пор помню то свое небывалое ощущение благоговейного трепета от этой мимолетной встречи. За свою долгую карьеру киножурналиста я видел огромное количество всевозможных звезд, но никогда не забуду ту харьковскую улицу, залитую солнцем…

Для сравнения могу вспомнить, как в 1956 году после фильма «Карнавальная ночь» в Харьков приехала Людмила Гурченко. Я очень хорошо знал ее маму и папу – Елену Григорьевну и Марка Гавриловича. Мама была массовиком-затейником в Харьковском дворце пионеров, а папа баянистом. Они работали на различных сценах города, в том числе и на танцплощадке парка им. Горького. Она была большой, властной, потрясающей русской женщиной с короткой шестимесячной завивкой на голове, а он – щупленьким мужичонкой. При ней он не мог и слова молвить, лишь изредка «возникал», называя ее «ягодка моя», о чем Гурченко и сама писала в книжке. Приезд их дочери в родной город был соразмерен фейерверку!.. И пусть молодой Быков тех лет не имел подобной шумной славы, которая на тот момент была у Гурченко, Харьков к нему испытывал какую-то потаенную любовь, как к своему, нашему артисту – без фейерверка и бенгальских огней – ровное пламя любви к замечательному актеру, которого город по-прежнему любит и помнит».

В музее театра хранится множество архивных материалов, посвященных Быкову. На отдельном стенде фотографии тех лет и газетные публикации. Главная ценность экспозиции – письмо, написанное Быковым коллегам-актрисам примерно за полгода до вынужденного ухода из театра: «Завтра меня перебрасывают на 2,5 месяца в г. Тарусу… В июле заберу свою команду к себе. Т. е. Тому, Марьяху и Лесюху (жену и детей. – *Н. Т.*). Напишите обязательно. Хотя бы по строчке каждый. Черти! Я жду.

Указаний никаких давать не буду. Активность в сопротивлении не уменьшайте. Лозунг: «Лучше жить стоя в Крыжополе, чем на коленях в Харькове!» Девочки! Письмо не давайте агентам. Если еще висит моя физиономия у вас на стене – посмотрите, и я улыбнусь…»

Как любой театр, харьковский много гастролировал. Вот как писатель Константин Кудиевский вспоминает одну из поездок: «Леонида Быкова киевляне впервые увидели, когда Харьковский академический украинский драматический театр имени Т. Г. Шевченко привез в столицу республики спектакль «Не называя фамилий» по пьесе Василя Минко…

Не по годам отяжелевший ответственный работник после долгих лет отсутствия приехал погостить в родное село. И вот его сын-подросток, ощутив свободу, начинает носиться по дедовскому саду, взбираться на деревья, прыгать с ветки на ветку, душераздирающе выкрикивая при этом. В то время зрителям свежо помнился американский кинобоевик о Тарзане – некоем повзрослевшем Маугли, и молодой артист откровенно пародировал этот образ. Успех оказался полным и неожиданным. Леонид Быков внес в спектакль много свежего, остроумного, своего…»

И все же вскоре Быков вынужден покинуть шевченковскую сцену из-за негативного отношения тогдашних мэтров театра к неистовой популярности актера. Харьковский театр имени Шевченко так и остался его единственным театральным опытом. Спустя годы Леонид Быков любил приезжать в Харьков – в город, где остались его друзья-актеры, его первые зрители, которые его тоже не забыли. И даже пытались вернуть. Об этом вспоминает его харьковский друг и коллега Николай Борисенко: «Мы переписывались с Быковым. Об этом знал Милюха – крупная партийная фигура в тогдашнем Харькове. Милюха сказал мне: «Прошу от имени обкома партии передать Леониду Быкову о том, что мы приглашаем его стать главным режиссером театра имени Т.Г. Шевченко». Это было примерно в 1977 году. Тогда Леня был в зените славы, с ним считались как с кинорежиссером.

Быков отказался. «Ты меня довольно крепко смутил, – писал он в ответном письме. – Мое мнение на этот счет ты знаешь: никакой я не худрук, не руководитель. Перед этой капризной теткой – режиссурой – я робею. Но это даже не главное. Главное в том, что я могу взяться за что-то только тогда, когда мне этого хочется, т. е. хоть как-то нравится. А прочитать любую вещь, нужную для плана и еще для кого-то, я просто не могу. А почему смутил? Да, очевидно – жаль нашей общей мечты о театре.

Чертовски хотелось бы, чтобы театр был кафедрой. Да, не боюсь этого громкого и старомодного слова: яркой увлекательной кафедрой. Со зрителем нужно говорить на волнующие его темы. Не лгать, страстно, увлекательно размышлять, спорить… Ты сейчас, конечно, улыбаешься. Вот, дескать, вспомнил первый курс института. А ты знаешь, я живу, до сих пор живу этими идеалами. Вернее, пытаюсь жить, так жизнь ломает их и рушит на каждом шагу. Но это все-таки самое святое. Без этого скучно и бесполезно будет жить».

Мы знаем, что, получив заманчивое предложение от «Ленфильма» попробовать свои силы в кинорежиссуре, Быков не раздумывал ни минуты. И, полный надежд, он отправляется с

семьей в Северную столицу…

Обреченный стать звездой

Кинематограф влюбился в Быкова с первого взгляда, с годами эта любовь стала взаимной. Леонид Быков – актер яркого лирико-комедийного дарования – пришел в советский кинематограф в благоприятный период – время «оттепели». Это был период больших перемен, как в общественной жизни, так и в кинематографе, подвергший значительному пересмотру устоявшуюся систему политических, социальных и моральных ценностей, особенно после XX съезда партии. Подход к воплощению жизни на экране в корне изменился. На первый план в качестве основополагающего принципа выдвигалась правда, красота обыденной жизни, высокая справедливость обычных человеческих отношений, торжествующих над любой попыткой подчинить их догмам предписанных правил.

С разной степенью глубины и таланта новое искусство, прежде всего стараниями молодых, утверждало принципиально иной взгляд на мир. Если в картинах 30 – 40-х персонажи являли собой типажи с четко обозначенными социальными приметами, то кинематограф 50 – 60-х привнес на экраны полутона, позволяющие рисовать сложные и многогранные характеры без предвзятого деления на «черное» и «белое». Кино «оттепели» опиралось в основном на молодых. Выпускники различных творческих вузов получили возможность активно работать. У нового поколения кинематографистов проявилось романтическое отношение к современности.

И здесь, как нельзя кстати, оказались к месту богатейшие возможности оригинального, многогранного дарования и неповторимая особенность Леонида Быкова – его тонкий лиризм, окрашенный мягким, добрым юмором. Кино словно ждало актера, для которого бы любая комедия – будь то лирическая, сатирическая, музыкальная, героическая, бытовая или эксцентрическая – стала родной стихией: настолько легко и непринужденно чувствовал себя в этом жанре Быков. Оптимизм и жизнелюбие актера снискали всенародную любовь.

Как показала дальнейшая практика, серьезные драматические роли тоже были ему по плечу. Природа словно в шутку наградила невысокого, неприметного паренька достаточно чудно́й внешностью – крупным «утиным» носом, непослушным чубчиком, негромким, словно извиняющимся голосом. Про рост и говорить нечего. Ох, уж этот рост! Сколько же он доставил своему обладателю разочарований… А вот в кино быковский типаж полюбился зрителям и комедиографам. Однако успех не дал

актеру главного – уверенности в себе. Исходная природная человеческая и актерская скромность так навсегда и осталась «визитной карточкой» Леонида Быкова. Николай Мащенко, друживший с ним еще со времен харьковского института и позже перетянувший его в Киев, называл Быкова нежной души человеком, к которому больше всего подходило пушкинское «печаль моя светла…». Считал, что фильмы у него такие же, а главное, их обаяние, заключено в личности самого Быкова.

Первооткрывателем таланта Леонида Быкова можно считать легендарного режиссера Фридриха Марковича Эрмлера, на первых же кинопробах точно определившего будущее юного дебютанта. Роль Быкова в фильме Эрмлера «Победители» (1952) – о строителях Цимлянской ГЭС – совсем крохотная, всего семь реплик. И хотя по ряду причин фильм на экраны так и не вышел, встреча с выдающимся режиссером оказала на актерское мировоззрение Быкова огромное влияние. Всю последующую жизнь Леонид Федорович вспоминал Эрмлера с невероятной нежностью и огромной душевной теплотой, называя его своим кинематографическим папой: «Фридрих Маркович много со мной работал: для него не было в фильме второстепенных ролей. После одной из репетиций, когда, помню, у меня ничего не получалось, он сказал убежденно: «Не раскисай! Все у тебя получится. Ты обречен быть киноартистом». Слова мэтра: «Есть люди, которые могут приходить в кино и уходить. Ты же теперь уже никуда не уйдешь…» крепко тогда запали тогда в душу молодого актера. Как известно, чутье режиссера не подвело – Быков навсегда оказался «побежденным» кинематографом. Ради кино он даже оставил театр, уехав в Ленинград с женой и детьми.

Однако это чуть позже. А пока – работа в картине «Судьба Марины» в Киеве, через год, в 1954 году – «Укротительница тигров» в том же Ленинграде. Первые герои Быкова – симпатичные, уверенные в своих силах, но не очень-то счастливые ребята. Несмотря на досадное сходство рисунка ролей, не отличавшихся глубиной драматического материала, богатейшие возможности оригинального, многогранного дарования артиста налицо. Сашко и Петя Мокин, благодаря прекрасной игре актера, разнохарактерные персонажи: живой и задорный Сашко – «личный кучер» председателя колхоза – запомнился удивительной непосредственностью и странноватой затаенной грустью, некой страдательной задумчивостью. Робкий, застенчивый Петя Мокин, с его неразделенной любовью и наивными признаниями, вносил в фильм свою, отнюдь не комедийную, щемящую ноту, неожиданно сближающую историю с реальностью, в которой далеко не всем и не все удается.

Леонид Быков очень пригодился и в так называемых «деревенских» комедиях из якобы счастливой колхозной жизни, в которых еще слышались отголоски и перепевы пырьевских «Кубанских казаков», правда, без нарочитого бутафорского изобилия и напористой звонкоголосой мощи. «Судьба Марины», «Ссора в Лукашах» и тот же «Максим Перепелица» – картины на пресловутую деревенскую тему.

Особо полюбился зрителям жизнерадостный и обаятельный Максим Перепелица в одноименном фильме. Веселый и находчивый, неистощимый на шутки герой Быкова стал настоящим народным героем, давая яркое представление о чувстве юмора актера, о его своеобразной мягкой и проникновенной манере исполнения. Одно только появление его героя на экране создавало легкокомедийный климат. Таким был и его Туз из «Ссоры в Лукашах». Славные, забавные, неустроенные в личной жизни герои Быкова заметно выделялись, заставляя зрителей относиться к ним с нежностью и покровительством, признавая в них не только симпатичных неудачников, терпящих крах в любовных делах.

Роль механика Туза в комедии «Ссора в Лукашах» во многом напоминает Максима Перепелицу и выглядит цепью эстрадных реприз. Колхозный парень не к месту стреляет греческими поговорками, вызывая вспышки смеха у зрителей. В трактовке Леонида Быкова безделье Туза – не свойство его характера, а следствие обстоятельств. Виктор Туз испытывает к поломанным тракторам и простаивающим маслобойкам неодолимую робость. Ну, не лежит у парня душа к технике! Ведь он был весь в искусстве! Ему бы ночь напролет дирижировать колхозным оркестром, декламировать монолог Арбенина или распевать песенки с местными красавицами… Увлеченность Туза столь заразительна, что председатель, кажется, готов простить непутевому механику погрешности в работе, но сам Быков, полный доброго сочувствия к своему горе-механику, осуждает этого обаятельного лентяя, не лишенного исполнительского таланта. И верит, что его Туз еще проявит себя в любимом деле, по которому так трогательно грустит.

Если бы раньше он задумался о правильном выборе профессии, о призвании и месте в жизни, не пришлось бы ему сейчас заниматься машинами. Когда же колхозу понадобилось отправить человека на курсы механизаторов, другой кандидатуры не нашлось. Механика из Туза не получилось: технику он не любил и не знал. Простаивал ли трактор, ломался ли движок или отказывал сепаратор – Туз ничего не мог с этим сделать. Данное

обстоятельство вносило сумятицу и сильно осложняло жизнь Лукашей, пока в село не приехал на побывку лейтенант Костя Ласточкин…

Партнерша Леонида Быкова Инга Будкевич так вспоминала время съемок: «С Быковым было очень легко работать. Он был очень добрый, много шутил, балагурил, даже во время съемок строил «рожи». Словом, был в жизни такой же, как его персонаж. Этот фильм и сегодня часто показывают, бывает, сразу по нескольким каналам. Меня встречают на улице, благодарят. До меня на мою роль пробовалась ленинградская актриса Людмила Макарова, а взяли меня. Мы жили в школе в Тарусе коммуной. Вместе с Лавровым, Быковым готовили, убирались. Когда ко мне приехал муж Эдуард Изотов, Леша придумал песенку: «Приехал муж Будкевич, но не муж, а красота….». Его коньком была импровизация – он вечно что-то придумывал, в том числе и частушки «на злобу дня», но они всегда были веселыми, доброжелательными. Наверное, ни на одной площадке больше не было такой теплой душевной атмосферы».

Время съемок в этом фильме стало счастливым периодом жизни Быкова. Он активно снимается. Режиссеры Ленинграда, Киева и Москвы стараются заполучить столь многопланового актера, чтобы как можно полнее использовать богатейшие возможности молодого дарования. Даже второстепенные роли выходят у Быкова яркими и самобытными. Его герои становились друзьями и полноправными спутниками главных персонажей в исполнении таких звезд экрана, как Павел Кадочников, Алексей Баталов, Михаил Ульянов, Николай Рыбников… Будь на месте Быкова другой актер, второстепенные персонажи вполне могли бы и остаться в тени образов, созданных известными актерами. Однако благодаря феномену исполнительского таланта Быкова этого не произошло.

Неразделенная любовь, непутевость, подкупающая искренность… – основные характеристики первых быковских героев. Как ни соблазнительно видеть свое имя в титрах, молодой актер стал отказываться от ролей, копирующих однажды им найденное и скользящих по поверхности характеров и явлений. Каждую свою новую работу Леонид Быков стремился наделить многообразием оттенков собственной индивидуальности, понимая, что в актерской профессии повторяться нельзя. Он искал свой путь, стараясь разнообразить роли, преодолев рамки амплуа. «Актер не должен, не имеет права повторяться, – говорил Быков в одном из интервью, – иначе он погибнет, заштампуется неминуемо. Самое страшное, по-моему, это превратиться в актера-амплуа. Некоторое время еще можно экспериментировать

успех, а потом крах, катастрофа. Такие случаи, к сожалению, не редки».

Боясь навсегда остаться в рамках лирико-комического амплуа и до бесконечности эксплуатировать одну и ту же маску (в театре Быков тоже немало переиграл комедийных ролей), понимая всю опасность типажного застоя для себя, как художника, актер, соглашаясь на новые предложения, старался выбирать роли самого разного плана. Так в его послужном списке появились фильмы: «Чужая родня», «Дорогой мой человек», «Добровольцы», «Майские звезды». А вот отрицательные роли Леонид Быков не жаловал. А если такое и случалось, в его исполнительской трактовке присутствовала попытка найти причины дурных поступков персонажа, осудить их и поверить в возможность исправления. Вот как Леонид Федорович объяснял свою позицию на данный счет: «Каждый актер и режиссер бывает прокурором или адвокатом. Я всегда адвокат, какую бы роль ни играл, всегда стараюсь найти в самой отталкивающей личности хотя бы маленькую черточку, доказывающую, что еще не все потеряно, что осталось в ней что-то человеческое… Так стараюсь играть все персонажи, которые принято называть отрицательными. Это мой творческий принцип. С ним можно соглашаться или нет, но я на том стою». В этом весь Быков, относящийся к редкому типу творческой натуры, спрашивающей с себя строже самых суровых критиков.

Мера таланта, помноженная на убедительность, буквально с первых шагов помогли Быкову найти свою тему в кино – воплощать на экране образы своих современников. Его герои – отражение единого личностного типа. Это стало красноречивой иллюстрацией, подтверждающей слова великого Шекспира, некогда провозгласившего: «Актеры – зеркало и краткая летопись своего времени». Исполнители действительно отображают и запечатлевают время, в котором живут, в сценических и экранных образах воплощая его характеры и события. Вот и Леонид Быков, живя делами и мыслями, надеждами и тревогами своего времени, придавал художественную убедительность и жизненную достоверность обобщенному портрету молодого современника, правдиво созданному им на экране.

Творческий путь актера можно разделить на три периода. Первый – поразительно естественное киновосхождение Быкова. Второй – сложный, трудный период поиска своего пути в кинорежиссуре. Третий – обретение Быковым своего режиссерского голоса. Михаил Ульянов, снимавшийся с Леонидом Быковым в фильме «Добровольцы», сравнил его с жаворонком, спевшем в голубом небе, «раскованно и удивительно

искренне свои последние, как оказалось, к великой горести, песни: «В бой идут одни «старики», «Аты-баты, шли солдаты…». Как точно Михаил Ульянов почувствовал душу Леонида Быкова! Ведь именно в этих работах удивительным образом слились воедино традиции украинского театра, поиски современного языка кино и появление одной из самых замечательных и неповторимых в киноискусстве авторских быковских страниц.

Вот как определил место Быкова в кино его друг и режиссер Николай Мащенко: «У нас не принято было превращать людей в звезд, наоборот, на таких набрасывалась сразу и власть, и критики – звездная болезнь! Чуть актер голову поднимет – сразу звездная болезнь… И, как Леня говорил: «Трудно быть одним из очереди, но мы обязаны не выпадать из этой очереди». Ну, это все было сказано, конечно, с улыбкой, но он твердо знал, что он-то не из очереди. Он – исключительная личность. Это очереди стояли, чтобы увидеть его на экране». С ним солидарна и звезда нескольких поколений Татьяна Конюхова: «Леонид Быков входит в плеяду талантливейших артистов и режиссеров советского кино. Мне довелось работать с ним на съемках моей первой картины «Судьба Марины». Уже тогда в нем угадывался огромный творческий потенциал выдающегося художника, которому под силу найти и реализовать свою тему в кино. Я счастлива судьбе за эту встречу. Ей дано было стать камертоном всей моей дальнейшей актерской биографии».

С этим трудно не согласиться. Даже по прошествии трех десятков лет со дня смерти Леонида Федоровича Быкова, зрительская любовь к нему осталась неизменной. Для многих он по-прежнему остается олицетворением человечности, искренности и доброты. Зная его фильмы почти наизусть, мы продолжаем смотреть их и сопереживать его героям, они, как чудодейственный бальзам, снимают с души накопившийся в ходе наших будней стресс.

Кто сказал, что незаменимых людей нет? И сегодня все так же остро ощущается эта утрата. И никому пока не удалось заменить в искусстве столь обаятельную и талантливую личность. Не напрасно Леонид Быков показал нам с экрана, как нужно улыбаться, даже если это улыбка сквозь слезы. Жизнеутверждающая стойкость всегда была и будет сущностью нашего народа. Ее почувствовал и выразил в своих фильмах великий актер, режиссер и человек огромной душевной щедрости Леонид Быков.

«Судьба Марины»

Леонид Быков дебютировал в кино в 1953 году, сразу после окончания Харьковского театрального института. Сейчас мало кто помнит фильм режиссеров Исаака Шмарука и Виктора Ивченко «Судьба Марины». Маленькая роль Сашко, сыгранная Быковым, эпизодическая, довольно схематичная. Однако дебютанту удалось наполнить ее живым юмором, озорством, энергией молодости и украинской певучестью. Его герой, деревенский паренек Сашко – личный кучер председателя колхоза, влюблен в красавицу Галинку (Татьяна Конюхова). Предмет его воздыханий, долгое время отдает предпочтение другому – он и шире в плечах, и выше Сашко, красивее, кучерявее и крепче стоит на ногах. Что и говорить, шофер в деревне в ту пору – большой человек, всегда при деньгах. Однако не житейская, а душевная определенность героя оказывается важнее для девушки.

В других ролях в картине снимались такие звезды, как: Николай Гриценко, Борис Андреев, Михаил Кузнецов. В прокате 1954 года картина заняла второе место. Авторы умело соединили производственную тему с личной историей. Зрителям оказались близки герои фильма. Именно это обстоятельство сыграло положительную роль в дальнейшей судьбе Быкова: его заметили и запомнили не только зрители, но и режиссеры. Так на исходе «малокартинья», на всплеске новой волны, оказалась нужной и своевременной художественная индивидуальность молодого актера. Первый киноэкзамен был сдан.

Позже одна из партнерш Быкова по фильму, Роза Макагонова, вспоминала: «К сожалению, моя память слишком несовершенна и воспоминания в большинстве случаев носят не конкретный, а эмоциональный характер. Ну, вероятно, как и у многих актеров… Тем более что мне пришлось общаться с Быковым на заре туманной актерской юности, во время съемок фильма «Судьба Марины». Это был и мой, и его первый фильм. А первый фильм в юности – это всегда радость. И все было окрашено этой радостью, что, вероятно, нас и объединяло. У меня навсегда осталось вот то ощущение радости бытия. Радости, которой он озарял всех окружающих, той жадной радости, с которой он работал.

Чаще всего я видела его смеющимся, но иногда грустным. Это была та самая пушкинская грусть, помните: «Мне грустно и легко, печаль моя светла…»

Леня был недоволен своей внешностью… Был необыкновенно лиричен, поэтичен, всегда влюблен во что-то или в кого-то. Он

был романтик. И ему мешал его нос. Как Сирано… Он был рыцарь. Настоящий рыцарь по отношению ко всем женщинам и товарищ в то же время. С ним можно было, как с подружкой, поделиться своими горестями и получить мудрый (как ни странно, в том возрасте) совет».

Главная партнерша по фильму Татьяна Конюхова так вспоминает первую встречу с Леонидом Быковым: «Я сидела в довольно темной, пасмурной комнате вместе с режиссером Виктором Ивченко, который обосновался там. Где-то рядом стоял трам-тарарам – это работала съемочная группа. За окном начинала бушевать яркая, брызжущая солнцем весна. Шли кинопробы картины «Судьба Марины», на которую я попала сразу после оглушительного успеха «Майской ночи».

Моего партнера долго искали. Во время сосредоточенной работы над сценарием в дверь ворвалась помощник режиссера и ввела кого-то в комнату. И я вдруг почувствовала, что за моей спиной возникла фигура. Я повернула голову и ужаснулась: в дверях стояла худощавая фигурка среднего роста, а лицо вошедшего было похоже на персонаж из нынешней передачи «Куклы» (десять лет назад, когда Татьяна Конюхова в преддверии 70-летия Быкова, о котором я писала статью, рассказывала мне об этой судьбоносной встрече, передача «Куклы» была одной из самых рейтинговых телепрограмм. – *Н.Т.*). Словно подвижная резиновая маска: нос напоминал грушу, глаза – треугольнички под припухшими веками. При виде такого я вся сжалась и подумала: «Ой, и вот этого человека мне надо будет в картине полюбить?»

Мы познакомились. Нас посадили рядышком. Режиссер странно, как мне показалось, насмешливо посмотрел на эту странную пару. Пока мы сидели, я вдруг почувствовала от этой фигуры какое-то странное движение, идущую в мою сторону волну – то, что теперь называется энергетикой. Словно рядом, на пределе своих возможностей, работал мотор.

Насколько он был ярким человеком, настолько же очень скромным. Ну, вот никакой. Но стоит ему открыть рот и начать что-нибудь рассказывать, и не влюбиться в него было нельзя! Он становился таким красивым, таким обаятельным… Эти лукавые, смешливые глазки, такие добрые, искренние под немного нависшими веками…

Пока я сидела и разглядывала моего будущего партнера, режиссер завязал с Леней разговор об его театральной работе, о гастролях. Актер отвечал спонтанно, сдержанно. Я почувствовала в его словах скрытое напряженное состояние и обратила внимание на руки, вроде бы спокойно лежащие на коленях, но

постоянно двигающиеся, живущие самостоятельной жизнью. При внешней сдержанности хозяин их был очень нервным человеком. Это потом помогало мне в работе. И когда мы стали с ним встречаться на съемочной площадке, я уже знала об этой его особенности: все внутри, а внешне смешинки искрами блеснут, поворот глаз и улыбка – такая выразительная, что, казалось, в этот момент все рядом с ним преображалось, озаряясь каким-то неведомым светом. Он меня мог совершенно неожиданно рассмешить, называя почему-то на свой манер: «Конюховская!»

Кинопробы прошли необычайно легко. И потом уже мы встретились с ним на съемочной площадке, на натуре. Слякоть, грязь. Лето начиналось медленно, чернозем раскис. Актеров нужно было соответственно обстановке одеть. Снимали мы под Полтавой. Настоящее украинское село – хаты с горницами, с деревянными надраенными полами, по которым ходили босиком, кровати с огромными подушками.

В первый съемочный день, когда я пришла в хату, снятую для хозяйственных нужд под костюмерную, в проходе увидела нелепую фигуру, идущую впереди, – в кирзовых сапогах, телогрейке, в смешной драной кепке или шапке, загородившую всю дорогу. Походка степенная, важная. Словно почувствовав мой взгляд, фигура обернулась… А я была на каблучках, модно одетая, с роскошной копной волос своего собственного цвета (меня тогда еще не успели выкрасить в блондинку). И тут я увидела, что это Леня Быков! Он выглядел, словно только что спрыгнул с телеги – естественен и органичен. В движениях была свобода, исходившая от того, что он четко понимал, что ему предстоит сделать. Его можно было сразу ставить в кадр. И он сыграл бы, не задумываясь, как, впрочем, позже и происходило на площадке.

Леня, прежде всего, уже тогда был роскошный театральный актер. Он приехал на съемки после ошеломительного успеха в Харькове его Павки Корчагина. И мог часами рассказывать о своих партнерах – Александре Сердюке и Полине Куманченко, в которую он, по-моему, был влюблен. Больше всего он любил рассказывать о контакте на сцене, который рождает импровизацию. И он так живо и увлекательно об этом говорил. В этом чувствовался огромный запас энергетики. Все, что он делал, он делал вдохновенно: играл ли, пел ли (он был бесподобно одарен музыкально). Молодежь после съемок любила собираться за полночь, петь…

Мы звали его Алешей, Алексеем, а кто и Алешенькой. Я просто влюбилась в этого человека, не влюбиться было нельзя – в его талант, в такую смешную, но обаятельную внешность. Все в

нем было так гармонично, что даже если рассматривать по отдельности его лицо… боже, какая нелепость. И вдруг это все вместе: с этой светло-золотистой копной волос, с этими смешинками в глазах. Что-то такое есенинское, нежное… Забыть это невозможно.

Он был очень заботливым и внимательным – всегда приносил что-нибудь вкусненькое: те же ягодки, которые неизвестно где раздобывал.

Леня был необычайно музыкален. Это и проявилось потом в его фильмах. Его любимые песни были «Ой, у лузи, лузи… червона калына». Он выводил ее так, что хотелось плакать…

Он был естественным во всем, потрясающе пластичным, хотя не был худеньким, а атлетически сложенным, таким ладненьким, поджарым, мускулистым и невероятно стремительным и очень органичным, артистичным. Это был сгусток вдохновения, очарования. И в то же время в нем чувствовался огромный запас лиризма, доброты, нежности. Ритм жизни у него был учащенный: как на часах есть стрелки – одна указывает часы, другая минуты, но есть еще одна, отсчитывающая секунды – так учащенно, как мне кажется, билось у него сердце. Он должен был все успеть. Вот это было в нем главное».

В другом интервью актриса неосторожно признавалась: «Единственный, кем я когда-либо страстно увлеклась, и этого никогда не забуду, был Леня Быков, но в него не влюбиться было нельзя. Это такое неповторимое чудо, такая ярчайшая индивидуальность! Я даже папочке отослала тогда письмо, где написала: «Мне кажется, наконец-то я по-настоящему влюбилась…» Он мне ответил примерно так: «С Богом, дочка!» Но чего благословлять-то, ведь Леонид был женат, жена ждала ребеночка. И я зажала свои чувства в кулак. Кончились съемки, я отправилась на Север, а он остался на Юге…»

О том, как попал актер на картину «Судьба Марины», рассказывает в своем интервью ассистент режиссера Игорь Ветров: «Шел 1953 год… Тогда и свела меня судьба с Леонидом Быковым. Для картины, в числе других, нам нужен был симпатичный сельский паренек – лиричный кучер-весельчак Сашко. На эту роль и пригласили Быкова, тогда актера Харьковского театра им. Т. Г. Шевченко.

…Я сам привез Леню из гостиницы на студию. Правда, несколько рано, почти за два часа до начала кинопробы. Дело в том, что примерно час уходит на костюм и грим, а потом ведь и режиссер фильма Исаак Петрович Шмарук просил возможность «поработать» с актером. Он хотел это сделать прямо на съемочной площадке, в павильоне.

С костюмом и гримом Леня управился минут за сорок, и мы направились к месту съемки. Там уже была подготовлена декорация «под натуру», с живописным мостиком через ручей и деревьями на фоне. Режиссер уже был в павильоне, тоже готовился – прикидывал мизансцену. Я оставил Леню с Исааком Петровичем и отправился готовить к съемке его партнершу. В павильоне появился я уже перед самым началом сцены.

Как всегда в такое время, особенно чувствуется ритм, в каком живет вся группа. Механики и ассистенты торопятся с установкой камеры, прокладывают «рельсы» для тележки, здесь же осветители проверяют свои «Диги» – треск от этих приборов и вой стоит невероятный, пока отрегулируют в них угли. Не спеша, появляются в павильоне наши аристократы – звуковики. Тогда они еще работали солидно, основательно, с большим «журавлем» – так именовался штатив с выдвижной штангой для микрофона. В это же время художник Коля Юров со своими ассистентами готовил декорацию, тут же хлопотали костюмеры, гримеры, реквизитор… Словом, к началу пробы на съемочной площадке собралось десятка два людей. Все что-то энергично доказывали, оживленно спорили, спешили… В этой суете, как ни странно, не забывали и о главных виновниках – актерах. Обычно им отводили спокойное местечко где-то в сторонке.

Там они и просматривали еще раз свой текст или же старались покурить для успокоения у входа в павильон. Это проделывалось тайком от бдительного глаза пожарников. Все становилось на свои места, когда через динамик раздавалась команда режиссера:

– Приготовиться к съемке!

Леня скромно пристроился на лавочке среди деревьев в самом углу декорации. Сюда же, на скамейку, предусмотрительный реквизитор уже принес гармошку – наш Сашко по сценарию должен был на ней играть. Защелкали, зажглись осветительные приборы, и ассистент оператора Николай Максименко позвал актеров «в кадр» – на мостик. Там должен был происходить основной разговор.

У камеры, на тележке «Долли» пристроился наш оператор-постановщик Владимир Войтенко. Художник-постановщик Николай Юров что-то уточнил с ним и побежал через мостик к микрофону – принялся снова передвигать деревья, стоявшие за актером. По просьбе оператора Леня поправил фуражку так, чтобы тень от козырька не ложилась на глаза. Стоял он на мостике с каким-то отсутствующим выражением лица. Девушка, его партнерша, оживленно переговаривалась с гримерами. То и дело она просила зеркало и старательно прихорашивалась,

поправляла упрямый локон.

Исаак Петрович сидел за своим режиссерским столиком и мрачно наблюдал за актерами. По выражению его лица не сложно было понять и настроение. Я решил не попадать сейчас ему в поле зрения.

Постепенно в павильоне утихла предсъемочная суета. Костюмеры убрали видные только им пылинки, гримеры напоследок промокнули актерам лица и отошли в сторонку. Режиссер-постановщик по-прежнему мрачно смотрел туда, где должен был сиять весельем колхозный ездовой Сашко. Веселья там пока не наблюдалось. Я подошел к режиссеру и доложил:

– У всех готово, Исаак Петрович. Можно снимать.

Он глянул на меня и только головою покачал.

– Это вы так думаете, Игорь. А я еще раз попытаюсь прорепетировать. Давайте тишину, и чтобы актеров уже никто не дергал.

Я подал команду:

– Приготовились к съемке! Полная тишина!

Всякое движение на съемочной площадке прекратилось. В павильоне все замерло. Слышны были чьи-то шаги в коридоре, потом прозвенел большой медный колокол и инспектор тишины, старичок Бондарец, высоким звонким голоском прокричал:

– Генеральная репетиция!

Я на всякий случай махнул рукой, и актеры двинулись к мостику. Синхронно их движению беззвучно ехала по рельсам камера на тележке, плыл над головами микрофон. «Диги» не трещали и не «пели». Все было отработано до мелочей. Я обратил внимание, что в павильон зашел Семен Леонтьевич, директор нашей картины. Он старался не пропускать ни одной пробы. Об актерах у него всегда было собственное мнение, часто не сходное с мнением режиссера, ножевое.

Сцена шла вяло. Правда; девушка по-студенчески добросовестно старалась воздействовать на своего меланхоличного партнера, но это ей пока не удавалось. Леня шел за ней, перебирая лады трехрядки; там, где требовалось по мизансцене, он останавливался, вполголоса отвечал ей и снова шел. И так до самого конца. Все было правильно, но скучно. Неужели без продолжительных «театральных» репетиций Быков ничего не может сделать?

Я глянул на директора картины. Семен Леонтьевич следил за действиями Лени внимательно, даже с улыбкой. Было похоже, что Быков ему нравился. Я даже удивился, что такой сухарь мог улыбаться. Оператора устраивало на репетиции то, что актер «чувствует камеру», точно выдерживает ритм движения и

мизансцену. Ну а мне просто нравился Леня Быков с самого начала.

Послышалась команда:

– Стоп!

Недовольный режиссер уступил место у камеры оператору и пошел к актерам. Что он там говорил, я толком разобрать не мог. Подходить ближе не хотелось, чтобы не мешать режиссеру. Да и без этого было понятно, что Лене достаются основные замечания. Леня возражал. Он стоял, опустив понуро голову, молча кивал и соглашался с режиссером. В конце концов, Исаак Петрович дал все свои указаний и советы, махнул рукой актерам и пошел к камере.

– Все, на исходный! Снимаем!

Актеры отправились на свое место, за ними двинулась камера и все мы.

– Приготовились к съемке! – скомандовал я снова.

– Повторить тишину!

И снова в коридоре – колокол и звонкий голос Бондарца. А здесь все замерли у аппарата.

– Леня, как там ваш внутренний голос? – спросил в последнюю минуту режиссер. – Готовы к съемке?

– Вроде да…

– Мотор!

– Есть мотор! – ответил звуковик.

Громко щелкнула хлопушка, и помреж выкрикнула номер кадра:

– Проба тринадцать, дубль один!

– Есть! – сказал оператор.

Началась съемка. Актеры двинулись к мостику. Снова запиликала гармошка. Снова девушка шла впереди, Леня за ней, но в кадре что-то почти неуловимо изменилось. Центром внимания всех, кто был на площадке, стал теперь Леня. Казалось, те же движения, те же слова, а только все вдруг заискрилось, заиграло, согретое особенной, неповторимой Лениной улыбкой. Он словно заворожил всех в павильоне. Сцена кончилась, а режиссер-постановщик даже забыл подать команду «Стоп». Он стоял возле камеры, смотрел на Быкова и улыбался. Словно не веря в происходящее, посмотрел – на меня, на оператора. Войтенко молча поднял большой палец. Бабанов тоже был доволен. Я посмотрел на Леню, на его реакцию.

Невозмутимый, стоял он, опершись о перила мостика. Не подавая вида, словно ничего тут не произошло, меланхолично смотрел куда-то в павильонную темноту. Девушка отошла, и он стоял один.

Стоял Сашко с гармошкой. А может, Леня Быков стоял тогда наедине со своим Сашко, как бы примериваясь, вживаясь в этот первый образ в кино, с которого и начался потом яркий и трудный путь талантливого, самобытного, всеми любимого актера, режиссера, человека Леонида Федоровича Быкова».

«Укротительница тигров»

В 1953 году, после первого успеха картины «Судьба Марины», режиссеры «Ленфильма» Александр Ивановский и Надежда Кошеверова приглашают актера в свою комедию «Укротительница тигров» на вторую по значимости мужскую роль – Пети Мокина. Фильм выйдет на экраны через год.

Быков на седьмом небе от счастья, что оказался на одной площадке с прославленными артистами – Кадочниковым, Сорокиным… Свободное время молодой артист проводит в соседних съемочных павильонах – все ему интересно, все нравится. Хочется как можно больше увидеть, запомнить. Киношная жизнь ярка и так не похожа на ставшие привычными театральные будни.

В комедию о цирке, становлении характеров и развитии отношений Быков внес свою неповторимую лирически-трогательную ноту щемящей грусти. Она сделала фильм более объемным, насыщенным, расширила рамки его драматургии. И все же Пете Мокину ли тягаться с ослепительной улыбкой Павла Кадочникова? Моряк речного флота, беззаветно влюбленный в подругу детства, потомственную циркачку Леночку Воронцову, мечтающую стать укротительницей тигров, он еще не подозревает, какая драма ждет его впереди. Не разделяя девичье увлечение цирком, Петя, ревнуя Лену, мечтает сразу же после свадьбы настоять на своем и отправить ее подальше, в деревню, к тетке. Вот только несколько фраз, выразительно представляющих этот персонаж: «Паршивый тигр, хищник, дороже ей хорошего человека!»; «Пропади ты пропадом, людоед!»; «Я своего добьюсь. У меня любовь – дна не достанешь!». Все они, красноречиво иллюстрирующие страстность и искренность героя, остались в народе.

Сам типаж артиста – немного грустные, раскосые глаза, большой мясистый «бульбочкой» нос, мягкий тембр голоса словно располагали к подобным ролям, и роли «неудачников» не заставили себя ждать. Без Пети Мокина трудно представить себе все перипетии любовного треугольника. Партнер по фильму Павел Кадочников считал, что без него и сама картина бы не состоялась – «без неповторимой быковской теплоты и грустноватого юмора».

В герое Быкова сочетались редкие качества – настойчивость молодости и уверенность в своих возможностях. По законам жанра, Петя считает, что, во что бы то ни стало, добьется расположения девушки. И просто не может быть по-другому. Чего

только стоит сцена объяснения Пети в любви Леночке Воронцовой. Сияющей от премьерного успеха девушке он, волнуясь, вручает письмо-признание: «Здравствуй, Лена! Если металл раскалить сначала добела…». Когда девушка поймет смысл написанного, она, чтобы смягчить отказ, попытается перевести все в шутку, а потом бросится Пете на шею со словами: «Ты самый лучший, самый хороший… ты мой единственный друг…» И влюбленный Петя сразу все поймет и грустно заключит: «Ну что ж, насильно мил не будешь…»

Какой бы эпизод с участием Быкова в «Укротительнице тигров» мы ни вспомнили, актер везде абсолютно достоверен. Не ставя перед собой специальной задачи кого-либо рассмешить, Быков пользуется законами комического, легко и умело вызывая ответную улыбку зрителя. Проникаясь симпатией к герою Быкова, мы верим в его чувства и в сцене на судне, в кругу матросов, и в сцене объяснения с героем Кадочникова, и в том же эпизоде чтения Леночкой его письма-признания. Обнаружив тонкое комедийное дарование, Быков обогащает незатейливую комедию положений, расширяя рамки традиционного амплуа тихони, застенчивого неудачника, постоянно попадающего в переплет. Жизнь показала, что это был верный путь начала творческих поисков артиста.

В картину Быков попал по протекции Павла Кадочникова, который вспоминал: «Об актере Леониде Быкове я впервые услышал в Харькове, от моего друга народного артиста СССР Леся Сердюка. Он говорил о театральных перспективах Быкова и тогда назвал его кинематографическим дарованием, имея в виду исполнение им одной из ролей в нашумевшем тогда фильме украинских кинематографистов «Судьба Марины». Леонид был очень искренен в этой роли, деревенского парня Сашко, и, несомненно, кинематографически талантлив.

Первый фильм с его участием на нашей Ленинградской студии – «Максим Перепелица» принес славу и актеру Быкову, и «Ленфильму».

Через несколько месяцев я увидел его в коридоре студии и не узнал. Небольшого росточка, в периферийном пальтишке, он шел вдоль стены, и сразу можно было определить, что это «не наш» человек – скромный, не бросающийся в глаза, шел он грустный и какой-то подавленный. Зная о том, что он актер удивительно одаренный, я подумал тогда – и где же он берет эмоциональность в кадре? Специально пошел на съемочную площадку. И опять не узнал его. Веселый, спортивный и душа группы. Все тянулись к нему. Я подошел, и мы познакомились. С удовольствием почувствовал его крепкое мужское рукопожатие. Через несколько

дней в выходной я собирался за город на дачу и пригласил его с собой порыбачить.

О чем мы говорили тогда, забывая глядеть на поплавки? О Тиле Уленшпигеле, Ходже Насреддине, о русском Иванушке и, конечно, о Теркине.

– Я преклоняюсь перед народными острословами и мечтаю воплотить такой образ на экране, – говорил Леня. После этой рыбалки мы крепко подружились.

Вскоре режиссер нашей студии Надежда Кошеверова приступила к работе над фильмом «Укротительница тигров». Я был приглашен на главную мужскую роль – Ермолаева, а на вторую роль – незадачливого жениха Пети Мокина предложил режиссеру Леонида Быкова. Несмотря на то что на эту роль уже были определены другие кандидаты, я убедил Кошеверову, что только Леня сможет сыграть роль Мокина. И не ошибся. Он сразу влился в группу и вжился в образ своего героя.

Кинопробы я увидел лишь на заседании худсовета и был поражен органичному и профессиональному решению образа Пети. Кое-кто из наших худсоветовских скептиков пытался возражать, но большинство искренне голосовали за Быкова…

Как хорошо нам было на съемках! Снимали мы в маленьком русском городке. Вечерами почти всей группой ходили на речку. И Леня, как всегда, был главным заводилой. Сколько интересного мы узнали от него, какими украинскими песнями он нас радовал! Незабываемое время!..»

Столь же тепло вспоминала встречу с актером и Людмила Касаткина: «Наша встреча с Леонидом Быковым состоялась очень давно – на картине «Укротительница тигров». Я очень волновалась на пробах – ведь это был мой дебют в кино. Но волнение Лени удивило даже меня. Он буквально места себе не находил. Это его трепетное отношение к работе совершенно покорило и меня, и всех членов съемочной группы.

Он был неистощимый выдумщик. Помню, Леня совершенно серьезно убеждал нас, что моя героиня Лена Воронцова должна любить Мокина, которого играл он, а не героя Павла Кадочникова, как это было определено сценарием. И он постоянно искал то, что должно было подтвердить эту его мысль. И, представьте, после выхода «Укротительницы тигров» на экраны приходили письма с вопросом: «Почему Лена не ответила на чувство Мокина, человека, который ее так любит?» Убежденность актера передалась зрителям, которых он смог увлечь силой чувств своего героя.

Быков был очень чутким партнером. Он думал не только о себе, своей сцене, но и переживал за меня. Подойдет, что-то

тихонько скажет и убежит. Вроде мелочь, а помогало очень, и настроение улучшалось, и вера в свои силы появлялась. Такое его дружеское участие выручило меня, например, в трудной сцене, когда Лена должна была сказать Пете Мокину, что любит другого.

А как Леня волновался за меня, когда я входила в клетку тигра! Или когда во время отдыха хищников дрессировщик Борис Эдер заставлял меня гладить зверей, кормить их. Леня всегда был рядом. Может, поэтому так выразительна сцена Мокина возле клеток.

Помню, я очень боялась крупных планов. Быков успокаивал меня, и потом сказал: «Давай сходим к Павлу Петровичу Кадочникову, он давно снимается. Поможет советом!»

Леня умел быть скромным и незаметным на площадке. Его любили все, ведь скромность – великий дар. А у него скромность была помножена на талант, удивительную чистоту, яркую индивидуальность. Я огорчалась, что Леню Быкова мало снимали, и искренне обрадовалась, когда он занялся режиссурой. Мне очень нравятся его фильмы – своей чистотой, любовью к людям. Я рада, что мне довелось встретиться в жизни с таким художником и человеком».

Быков был очень ранимым человеком. В начале творческого пути с ним обошлись не очень тактично, и в памяти занозой засел эпизод, о котором он случайно узнал. О нем мне рассказала Клара Лучко: «Внешность не соответствовала сложному внутреннему миру Леонида Быкова. Когда режиссер Надежда Кошеверова пригласила его в картину «Укротительница тигров», она почувствовала его огромный актерский потенциал и предложила роль юноши, влюбленного в героиню, которую играла Людмила Касаткина. А она предпочитает другого – его роль исполнил Кадочников. Тогда еще не было Госкино, и все пробы утверждали в Министерстве культуры. Пробы смотрела министр Екатерина Фурцева.

– Не понимаю, как этот гадкий утенок может соперничать с Кадочниковым, – сказала она. Быкова не утвердили. В кино не бывает секретов, тут же нашлись «доброжелатели», которые передали эти слова министра Быкову. Фурцеву, в конце концов, уговорили, и Леня сыграл роль Пети Мокина блестяще. Он украсил картину. Но те слова, что были сказаны ею, разве их можно забыть? Думаю, неприятный осадок в его душе остался. Трудно даже представить себе, как он это переживал. В конце концов, когда его утвердили, он снимался, не соревнуясь с Кадочниковым, а создав с ним прекрасный тандем – каждый был самим собой, на своем месте».

Надо сказать, что у многих выбор актеров на главные роли в

«Укротительнице тигров» вызывал сомнения. Павла Кадочникова боготворили все – от мала до велика. После фильма «Подвиг разведчика» его видели только в ролях героического плана. Участие в комедии вызывало недоумение. Утверждая на главную роль молодую, тогда не известную актрису Людмилу Касаткину, режиссеры тоже рисковали: рядом с любимым актером зрители мечтали видеть равную по статусу актрису, а уж никак не дебютантку.

После окончания ГИТИСа Касаткина играла в Центральном театре Советской Армии. На съемках «Укротительницы» самым трудным испытанием для актрисы стало не волнение после объявления команды «Мотор!», не трепет перед звездностью партнеров, а необходимость войти в клетку с тиграми. Когда большая часть материала была отснята, режиссеры для достоверности решили включить в картину сцены на манеже. Касаткина оказалась перед фактом, ведь в договоре речь шла только о комбинированных съемках и дублерше.

Однажды Быков оказался в павильоне, где полным ходом шла дрессировка тигров. Как мы уже знаем, во всех опасных сценах с животными вместо Людмилы Касаткиной снималась дрессировщица Маргарита Назарова (ассистентка знаменитого дрессировщика Бориса Эдера, позже сыгравшая главную роль в фильме «Полосатый рейс»). На этот раз в клетку с хищниками запустили саму артистку. Ближе всех к клетке стоял Быков. Когда в клетке оказался малознакомый им человек, тигры пришли в возбуждение. Дрессировщик Эдер скомандовал: «Наступайте! Бейте!» Касаткина ударила приближающегося зверя, но он рассвирепел и неожиданно прыгнул на нее… Актрису спасла реакция. Из оцепенения ее вывел истошный крик Быкова: «На пол!» Эта подсказка и спасла дебютантку. Она успела упасть на опилки, и тигр промахнулся, перелетев через нее. Случившееся произвело на Быкова столь неизгладимое впечатление, что он навсегда сохранил в памяти устрашающий образ разъяренного зверя с огромной пастью. «Похоже на лицо смерти», – признается он оператору фильма.

Не решившись на повторение эксперимента, следующие сцены режиссеры снимали через стеклянную перегородку. Однажды тигрице Раде, пребывавшей в дурном расположении духа, удалось, искусав партнеров, разбить стекло и оказаться рядом с актрисой… На этот раз Касаткина даже не успела испугаться – Эдер выдернул ее из вольера. Позже он всерьез приглашал Касаткину в аттракцион: «У вас есть главное – кураж!»

Однако главными героями фильма были все же не тигры, а люди. Основной сюжетной линией оставалась взаимоотношения

Касаткиной с Кадочниковым. Этот кинодуэт так полюбился зрителям, что народ актеров поженил, особенно после выхода на экраны в 1956 году очередной комедии Кошеверовой «Медовый месяц», давшей почву новым слухам.

Кроме Касаткиной, в «Укротительнице тигров» дебютировала еще одна замечательная актриса театра и кино – Нина Ургант, глава известной актерской династии. Помните Олечку, взбалмошную кокетку с гиперактивной, почти опереточной мамашей, которая, в свою очередь, хочет заполучить звезду цирка Федора Ермолаева себе в зятья? Нина Ургант в этой роли комедийно-легка, очень пластична. Ее последующие серьезные работы в таких картинах, как «Вступление», «Мать и мачеха», «Пока жив человек», «Белорусский вокзал», «Сыновья уходят в бой», «Я родом из детства» подтверждают разноплановость актрисы и ее широкий драматический диапазон.

Надо сказать, что фильм с любыми животными вызывает в процессе работы у постановщиков немало трудностей. Четвероногие артисты – дело хлопотное. Что уж тут говорить о полосатых хищниках – тиграх. Здесь, как говорится, держи ухо востро. Без профессиональных дрессировщиков, понятное дело, не стоит и за дело браться. Даже если в кадре настоящие полосатые артисты, съемки от их коллег-людей требуют немалого мужества. Вот как описывал историю создания «Укротительницы тигров» в своей книге «Полосатый рейс», изданной издательством «Дрофа» в 2003 году, Максим Могилевский: «Съемки фильма «Опасные тропы» шли полным ходом, когда на «Ленфильме» был задуман новый фильм – кинокомедия о жизни цирка, «Укротительница тигров». На роль главной героини Лены Воронцовой пригласили молодую талантливую артистку Театра Советской Армии Людмилу Касаткину. Так же, как раньше актриса Галина Юдина, она категорически отказалась сниматься с тиграми. Но на этот раз режиссеру не пришлось долго ломать голову, кем заменить ее в опасных сценах. Конечно, Маргаритой Назаровой – она приобрела уже достаточный опыт работы с тиграми. Для подготовки заключительного эпизода, когда Лена Воронцова выступает на арене с группой дрессированных тигров, нужны были опытные специалисты. И на этот раз хищников дрессировал Константин Константиновский, а консультировал Борис Эдер. Ему была поручена роль учителя Лены Воронцовой – старого дрессировщика Телегина…

Теперь Эдер дрессировал тигров уже не один, а вместе с ученицей. С каждым днем он все больше и больше нагружал Маргариту работой, передавая ей бразды правления. Для новой картины нужно было подготовить не только отдельные эпизоды,

но и целый аттракцион. За три месяца следовало настолько сблизить Маргариту с тиграми, чтобы она смогла работать самостоятельно…

Закончив натурные съемки в Боржоми – Бакуриани, дрессировщики со всем своим имуществом и четвероногими артистами погрузились в поезд и отправились в Ленинград… Маргарита с увлечением отрабатывала с животными трюки… старалась приучить тигров к работе перед кинокамерой, под ослепительным светом «юпитеров». Треск аппарата отвлекал зверей, они нервничали, пугались, злились. Но дрессировщица настойчиво заставляла их выполнять задания. Маргарита теперь работала самостоятельно. На манеже с тиграми она находилась одна; оба дрессировщика стояли по другую сторону решетки, готовые в случае чего прийти на помощь.

Вместе с Маргаритой выросли и ее полосатые партнеры. Прошло совсем немного времени, и они уже не обращали внимания на треск кинокамеры, на ослепительные лучи прожекторов. Назарова, словно играя с животными, заставляла их прыгать через объятый пламенем обруч, ходить по деревянным бутылкам, перепрыгивать с тумбы на тумбу и строиться в пирамиды. Маргарита повелевала командой тигров, а операторы в это время снимали самую настоящую дрессировку. Дрессировка – это не угнетение, а творческий союз. На репетициях проверяются открытия, сделанные во время предварительного ознакомления, намечаются трюки. Звери даже могут внести в них свои поправки. Действуя согласованно со своими питомцами, идя в чем-то на компромисс, дрессировщик добивается полного подчинения, а щедрое угощение, которое получают звери во время репетиций, должно создать у них приятное впечатление о пребывании на манеже и вызвать желание прийти туда снова. Это угощение – кусочек мяса – самый убедительный аргумент… Более того, некоторые даже разгадывают смысл аплодисментов и соответствующим образом реагируют. Если хлопки редкие, животные работают вяло. А уж если зрители уходят раньше времени, то звери начинают с раздражением следить за ними, словно недоумевая: мы ведь показали еще не все, что умеем.

Некоторые животные – и львы, и тигры, и даже свирепые леопарды – очень гордятся своими успехами. Заслышав бурные аплодисменты, они демонстрируют свое искусство с большим старанием. Вполне возможно, что они воспринимают аплодисменты как сигнал-оценку, подтверждающий, что они поступают правильно… Вся ответственность по технике безопасности в съемках с тиграми возлагалась на Эдера. Поэтому кроме непосредственной работы с хищниками он проводил

разъяснительную работу со всей съемочной группой и теми артистами, которым по сценарию предстояло сниматься с тигром. Именно с тигром, поскольку на роль главного исполнителя самых опасных трюков был выбран Пурш. В первом эпизоде, который предстояло отснять, тигр возлежал на диване в кабинете директора цирка. Репетиция много времени и труда не отняла, потому что этому «трюку» Пурш обучился трех месяцев от роду – в доме у Буциниекс. Надо было только напомнить ему, какое замечательное место – диван.

Пурш вспомнил это сразу, как только вошел в клетку и увидел старый мягкий диван. Вскочив, он сразу улегся, растянулся во всю длину и, положив голову на подлокотник, блаженно зажмурился. И потом во время репетиций, когда в клетку ставили диван, тигр вскакивал на него, не дожидаясь никаких команд.

Правда, для съемок предназначался другой диван, с тугими пружинами, обтянутый гранитолью, и Эдер беспокоился, что Пурш, почуяв незнакомый запах, не захочет прыгать на этот диван, а то и решит проверить, из чего он сделан. Помещение, где разместились декорации директорского кабинета и приемной, было обнесено решеткой, чтобы тигр не смог попасть в павильон, где находились осветители и технический персонал. Пурш вошел в кабинет и, как водится, сразу вскочил на диван. Но тот под массой его двухсоткилограммового тела резко спружинил. От неожиданности Пурш, издав угрожающий рык, высоко подпрыгнул, а потом молниеносно вцепился когтями в сиденье, зубами – в подлокотник и начал яростно их рвать. На этой репетиции присутствовал администратор «Ленфильма».

– Караул! – закричал он, увидев, во что превращается диван. – Борис Афанасьевич! Мы диван взяли напрокат, нам за него отвечать!

Эдер прикрикнул на Пурша, и тигр прекратил безобразничать. Но диван потом все-таки пришлось ремонтировать. Впрочем, пришлось ремонтировать и другой реквизит. Пурш вдруг пришел в очень игривое настроение и решил «выпустить пар». Тигры это делают просто – бросаются на кого-нибудь в шутку или всерьез. Поскольку на людей тигр кидаться не собирался, он наметил себе в жертву стоявшие поодаль кресла и стол. Раз, два! Одно кресло отлетело в сторону, из другого брызнули щепки, стол был опрокинут… Дрессировщики с трудом успокоили разыгравшегося Пурша.

Одного из главных героев картины, мотогонщика Ермолаева, играл П. Кадочников. Практически все трюки Кадочников исполнял сам, отказываясь от помощи дублера. В фильме

«Укротительница тигров» трюков было много. Например, мотоциклетные гонки или проезд по городу на мотоцикле вместе с Людмилой Касаткиной. Это была очень сложная езда. Для того чтобы снять этот проезд, впереди шла осветительная машина (этот эпизод снимался вечером), которая, освещая сцену сильными лучами прожекторов, ослепляла артиста, сидящего за рулем, и очень усложняла быструю езду на мотоцикле.

Предвидя подобные трудности, месяца за три до съемок Кадочников купил мотоцикл и все свободное время ездил на нем, отрабатывая необходимые трюки. Кадочникову же первому Эдер предложил начать совместные репетиции с Пуршем. Артист согласился, хотя и заметил шутя:

– Борис Афанасьевич, только не забудьте, что у меня жена и дети!

Прежде чем позволить Кадочникову зайти в клетку к Пуршу, Борис Афанасьевич рассказал о характере и повадках тигра, о тех неожиданностях, которые могут произойти, о том, как надо на это реагировать. Учил артиста кормить Пурша кусочками мяса с палочки. В то же время и Пурш присматривался к Кадочникову, к его движениям, слушал его голос. Наконец, когда артист, по мнению Эдера, был подготовлен, дрессировщик разрешил ему зайти в клетку. Для отработки трюков потребовалось почти два месяца напряженного труда. Репетировали обычно с семи утра в павильоне, в центральной клетке.

На одну из таких репетиций случайно попали директор «Ленфильма» Долгов и заведующий по технике безопасности. Увидев Кадочникова в клетке с тигром, они пришли в ужас. После репетиции Эдера и Кадочникова пригласили в кабинет директора. Долгов в самой решительной форме запретил Борису Афанасьевичу заводить в клетку с хищниками артистов и потребовал, чтобы во всех опасных сценах Кадочникова подменял дублер. Но ни Кадочников, ни дрессировщик прибегать к помощи дублера не хотели. Они оба долго спорили с начальством, уверяя, что никакой опасности нет, что репетиции и съемки пройдут благополучно, так как все происходит в присутствии Эдера и любые недоразумения будут немедленно разрешены. Долгов нехотя согласился, и репетиции продолжились. А сюжет этой сцены был такой. Мотогонщик Ермолаев приходит в цирк на встречу с директором. В коридорах ни души, всюду валяются разбросанные папки с какими-то бумагами. Найдя нужный кабинет, Ермолаев стучится, но ему никто не открывает. А в кабинете тем временем хозяйничает тигр. Стоя на столе, зверь лапами сбрасывает на пол деловые бумаги. Звонит телефон. Тигр зубами снимает трубку, оттуда доносится бормотание: «Алло!

Товарищ директор? Товарищ директор!» Тигр с рычанием бьет лапой по аппарату, и тот летит на пол. Нет здесь больше никакого директора! В этот момент, потеряв терпение, мотогонщик рывком открывает дверь, стремительно входит в кабинет и от удивления и страха как вкопанный застывает на месте. Тигр бросается на него! Опомнившись, Ермолаев пулей выскакивает обратно и, захлопнув дверь, налегает на нее плечом. Но и тигр в кабинете, встав на задние лапы, передними упирается в дверь. Тигр, разумеется, сильнее. Дверь уже потихоньку начинает открываться, но тут появляется девушка-уборщица с метлой в руках – Лена Воронцова. «Бегите отсюда!» – кричит Ермолаев, но девушка, стараясь оттолкнуть его от двери, рвется в кабинет: «Уйдите вы! Не мешайте мне!» Дверь открывается, тигр выскакивает в коридор, но Лена заслоняет от него «добычу». «Домой, Пурш! Домой!» – командует она. И тигр подчиняется. Ермолаев, вытирая со лба холодный пот, с изумлением смотрит вслед удаляющейся паре…

Вообще-то Пурш не привык разбойничать в директорских кабинетах. Так что дрессировщикам пришлось пойти на хитрость: деловые бумаги, которые тигру следовало разбрасывать, слегка мазнули клеем. Когда Пурш наступал на них, бумаги прилипали к лапам, и тигр немедленно принимался их стряхивать. С телефоном было несколько сложнее. Чтобы познакомить тигра с новым для него предметом, Эдер помазал аппарат сырым мясом. Учуяв любимый запах, Пурш обнюхал телефон, потом облизал его. Довольно быстро он приучился брать зубами трубку. А вот чтобы он бил лапой по звонящему аппарату, пришлось повозиться. Аппарат ставили напротив Пурша. Когда раздавался звонок, Эдер палочкой трогал передние лапы тигра. Желая избавиться от беспокоившей его палочки, Пурш бил по ней лапой, но Эдер каждый раз успевал убрать ее раньше, и удар приходился по аппарату. Так постепенно у Пурша выработался условный рефлекс: он брал в зубы трубку, затем, услышав звонок, бил лапой по аппарату, за что получал кусочек мяса. Потом он проделывал все это уже без всяких «взяток», а Эдер, стоя за кадром, подавал ему команды жестами.

Отработать встречу Ермолаева с тигром в директорском кабинете оказалось, как ни странно, легче. Пурш на репетициях отлично понял смысл игры. Еще бы – ведь талантом ловить жертву тигры обладают с рождения! Эдер лишь приучил его бросаться по сигналу. Пурш прекрасно уяснил и это, а поскольку относился к Кадочникову дружелюбно, то понимал, что все это только игра. Кадочников – Ермолаев входил в кабинет, затем в испуге бросался обратно, а Пурш по команде Эдера соскакивал со

стола и кидался следом. Время «погони» было рассчитано до секунды. Пока Пурш старался передними лапами открыть дверь, Кадочников, стоя с другой стороны, изо всех сил сдерживал напор тигра. А ведь стоило Паршу прыгнуть на дверь всерьез, артист ни за что не удержался бы! Во время этой схватки между дверью и косяком образовалась щель, сквозь которую виднелись лапа и морда рычащего тигра. Многие зрители убеждены, что это комбинированная съемка. Ничего подобного!

– Павел Петрович, уберите лицо подальше, тигр может вас ударить! – волнуясь, говорил Эдер, стоявший за кадром: Пурш мог случайно попасть лапой в образовавшуюся щель и задеть Кадочникова по лицу. А операторы и режиссеры, находившиеся в это время за решеткой, кричали совсем другое:

– Кадочников, дайте лицо ближе к тигру, вы выходите из кадра!

Этот киношный народ всегда думает только о съемке удачного кадра, но никогда об опасности, которой подвергается артист. Но все отсняли благополучно.

…Эдеру также приходилось заниматься с артистом Филипповым, который играл зазнавшегося дрессировщика Алмазова. Дрессировщик Алмазов, разозлившись на карикатуру в стенгазете, идет к директору разбираться, а для устрашения берет с собой тигра. (Этот небольшой эпизод очень нравился Паршу, и поэтому никакого риска для Филиппова не было. Артист брал поводок, который предварительно надевали на Пурша, и вел тигра по коридору в кабинет директора. Пурш еще с детства помнил, что ошейник и поводок – сигнал для прогулки, и потому с нетерпением ждал этого момента.) В кабинете кроме директора оказывается и главный бухгалтер. Директор успевает спрятаться в шкаф, бухгалтер застывает на месте. «Лежать!» – командует Алмазов, но тигр, вместо того чтобы лечь на пол, устраивается на директорском диване. Тогда бухгалтер, осторожно пройдя мимо, выскакивает за дверь…

Артист Сорокин, который играл роль бухгалтера, ни в какое дружелюбие Пурша не верил и потому просил избавить его от встречи с тигром в кадре. Но Эдер вместе с оператором А. И. Дудко и режиссером Н. Н. Кошеверовой решили все-таки снять эпизод без ведома артиста, тем более что «встреча» должна была проходить на приличном расстоянии. Заверив Сорокина, что съемки будут комбинированными, приступили к подготовке. Эпизод, когда тигр забирается на диван, был отснят заранее. Так что артисту оставалось изобразить смертельный испуг, пройти мимо пустого дивана и выскочить за дверь. Когда же Сорокин увидел на диване тигра, испуг его был столь впечатляющим, а

крадущаяся походка – такой выразительной, что дубль даже повторять не пришлось.

После съемок Сорокин, пожимая Эдеру руку, уже сам смеялся и благодарил за этот трюк, участником которого стал поневоле…

Еще в Москве, во время подготовки тигров к съемкам в картине «Опасные тропы», Эдер предложил Касаткиной приходить на репетиции – привыкать к животным, чтобы потом сниматься без дублерши. Но артистка отказалась, а впоследствии пожалела об этом. Уже на «Ленфильме» репетировали несколько эпизодов, где Касаткиной все же пришлось сниматься вместе с Пуршем. Репетиции прошли удачно; познакомившись с необычным тигром, артистка убедилась, что это умный, ручной и очень миролюбивый зверь. Она перестала бояться и даже просила Эдера подготовить ее для самостоятельной работы с тиграми. Но время уже поджимало, звери привыкли к Маргарите Назаровой, а приучать их к новому дрессировщику было слишком опасно.

И все же много в картине Людмила Касаткина делала сама. Она действительно кормила Пурша мясом с палочки, просовывала к нему в клетку миску с водой, гладила его сквозь прутья решетки и даже трепала слегка по загривку, упрекая за побег. По мнению Эдера, Касаткина вполне могла бы справиться со всеми эпизодами, в которых участвовали хищники. И кто знает, может быть, вместо артистки Маргариты Назаровой на аренах советских цирков потом с успехом демонстрировала бы свое мастерство артистка Людмила Касаткина… В фильме было много трюков с животными, какие-то сложнее, какие-то проще. Разумеется, слону съесть бухгалтерский отчет гораздо проще, чем резиденту – шифровку. Слон в огромном количестве употребляет грубые корма – ветки, сено и так далее, а при случае вполне может закусить чьей-нибудь курткой… Так что съесть отчет для него – это просто, особенно если за это угощают лакомством. Вприкуску с фруктами и конфетами любой слон с удовольствием съест всю цирковую документацию. А вот научить тигров кататься на карусели было намного сложнее…

У этого номера своя предыстория. Когда-то у Эдера был аттракцион со львами. Одним из центральных трюков в нем был трюк с каруселью. В центре карусели стояла помощница Эдера Тамара Николаевна Соловьева, на сиденьях вокруг нее расположились четыре льва, а еще два, опираясь передними лапами на водила, вращали карусель. Теперь Эдер решил восстановить в фильме этот трюк. Трех тигров – Ахилла, Байкалочку и Раду – посадили по окружности карусели на удобных (чтобы им не хотелось соскочить) сиденьях. В центре, над тиграми, стояла дублерша Касаткиной Назарова. Пуршу, как

всегда, отводилась главная роль: опираясь передними лапами на водило, он приводил в движение всю конструкцию. Эту работу, как и все предыдущие, Пурш выполнял с охотой. Медленно переставляя задние лапы, передними он толкал карусель; поворачивая голову к решетке, он, тихо фырча, рассматривал окружающих. Его трудолюбие артисты и работники «Ленфильма» награждали бурными аплодисментами.

Перед постановщиками картины стояла еще одна сложная задача – отснять эпизоды с хищниками так, чтобы зритель не заметил подмены героини дублершей. Назарова была чуть выше Касаткиной и более худой. Одежда и грим устранили эту разницу. Даже родинку на лице Маргариты заклеили. Снимали дублершу, как правило, со спины или в профиль. А режиссерам и оператору хотелось снять Касаткину крупным планом на фоне сидящих на карусели тигров. Поэтому пришлось прибегнуть к комбинированным съемкам.

Центральную клетку разделили пополам такими же решетками, из которых она состояла. В середине перегородки вместо одного щита было вставлено толстое стекло размером три на три метра. В одной половине клетки вплотную к стеклу поставили карусель. По другую сторону стекла должна была находиться артистка, стоящая на уровне карусели, спиной к тиграм. Напротив Касаткиной расположился снимавший этот трюк оператор, которого вместе с кинокамерой завесили черным сукном – чтобы не отразился в стекле. В сукне проделали дырку для объектива. Одного не учел Борис Афанасьевич: тигры, в отличие от домашних кошек, узнают свое изображение в зеркале. Точнее, они принимают собственное отражение за другого тигра и реагируют сообразно характеру и настроению. Более того, опыты показали, что тигр реагирует даже на нарисованное изображение тигра, если рисунок выполнен в натуральную величину. Но, в то время Эдер этого знать не мог. К счастью, он решил сперва отрепетировать эпизод без посторонних. Вместо Касаткиной поставил в другой половине клетки, далеко от стекла, Маргариту, предупредив, чтобы она была предельно внимательна. Выпустив тигров в первую половину клетки и рассадив их на карусели, Эдер послал Пурша вращать ее. Карусель поехала, и звери, проезжая мимо стекла, неожиданно увидели в нем своих сородичей.

Громкий рык огласил павильон. Пурш бросил водило, Ахилл и Рада соскочили со своих мест. А Байкалочка полосатой молнией бросилась на свое отражение! Тигрица пробила стекло и вылетела на другую половину клетки, да так стремительно, что даже посыпавшиеся осколки не успели ее поранить. Согласись

Эдер на просьбы режиссеров немедленно, без предварительных репетиций, приступить к съемкам, катастрофы было бы не миновать: разъяренная тигрица непременно бросилась бы на актрису. В конце концов Эдер решительно отказался от таких комбинированных съемок – это могло отрицательно сказаться на психике зверей и сорвать всю последующую работу. Тигрицу Байкалочку в аттракционе называют Байкалом. Длинная кличка не годится – нужна короткая и звучная. Помните, как во время репетиции Лена Воронцова командует: «На место, Байкал! На место!» Конечно, звучит гораздо внушительней. Но как раз в этом эпизоде постановщики, да и сам Эдер, допустили большую смысловую ошибку. Это тот момент, когда Леночка, устав сражаться с непокорным зверем, делает несколько шагов назад и в изнеможении прислоняется к решетке. Такое в работе дрессировщика просто недопустимо. Показывать тигру свою усталость нельзя ни в коем случае. Дело в том, что хищники очень тонко чувствуют проявление всякой слабости – моральной или физической. Это одна из основных составляющих их инстинкта. На воле хищник выбирает себе в жертву самого слабого, чтобы поймать наверняка и с наименьшей затратой сил. В стае или в группе, где, как известно, царит иерархия, каждый зверь постоянно следит за теми, кто по рангу стоит выше, – чтобы при случае занять их место. То есть сама природа зверей такова, что заставляет их всегда искать слабину у другого. Эта способность вкупе с наблюдательностью развита у хищников необыкновенно. Они замечают все – малейшую хромоту, малейшую неуверенность. Даже зубная боль дрессировщика может отразиться на поведении его подопечных. А уж открыто продемонстрировать тигру, что ты устал от борьбы с ним, – это все равно, что дать ему сигнал к нападению. Разумеется, у Маргариты подобных трудностей не было. Напротив, ее работа с аттракционом шла так успешно, что еще осенью 1954 года Эдер решил, что пора показать мастерство своей ученицы зрителям».

Фильм «Укротительница тигров» ждал ошеломительный успех. Актера Харьковского театра Леонида Быкова теперь узнают на улицах, просят автографы. Дальнейшие его работы в кино: «Максим Перепелица», «Чужая родня», «Добровольцы»», «Ссора в Лукашах» не менее успешны. И Быкову начинает казаться, что найденный им незатейливый образ простого и веселого парня приклеился к нему навсегда…

Триумф «Максима Перепелицы»

Кто не помнит веселого, озорного и неутомимого на выдумки украинского паренька Максима Перепелицу из одноименного фильма Анатолия Граника? В нем комедийное дарование Леонида Быкова раскрылось в полном объеме его актерской индивидуальности. Обаяние природного таланта Быкова не только смешило, но и трогало, убеждало в правде изображаемого. Быков, по сути, был самим собой, за это его и полюбили зрители. Обаяние Максима – обаяние актера, помноженное на особую органику «быковской» игры.

Максим Перепелица, хоть парень и непутевый, но добрый и веселый. Это конкретный, индивидуальный характер. Так он всегда и воспринимался зрителями. Киногерой казался таким реальным, что на одной из встреч пограничники Камчатки рапортовали Леониду Быкову: «Максим Перепелица зачислен нами на сверхсрочную службу». Для самого актера незадачливый колхозный паренек Максим Перепелица на долгие годы стал визитной карточкой. После этой роли к Быкову иначе как Максим никто и не обращался. И это было яркое подтверждение огромной зрительской любви и уважения. Во время недели французских фильмов знаменитому актеру Жерару Филипу, приехавшему в нашу страну, показали на «Ленфильме» отрывки из «Максима Перепелицы». Как сообщила потом газета «Труд», французский актер был в восторге от увиденного и очень хотел, чтобы фильм показали во Франции.

Лирическая комедия «Максим Перепелица» живет и по сей день, радуя не одно поколение зрителей. Все это прежде всего благодаря игре Леонида Быкова, которому удалось подобрать верный ключик к характеру своего героя. Максим Перепелица – персонаж интересный, своеобразный, живой. Разухабистый хлопчик из украинского села все время на виду, все время что-то придумывает, лукавит, плетет сеть незамысловатых интриг, в которых сам же и запутывается. Попав в беду, он вызывает сочувствие зрителей. Плутовство Максима, неугомонного вожака мальчишек, озорующего от избытка энергии, его нескончаемые талантливые выходки вызывает у зрителей веселый смех, несмотря на то, что шутки Максима не всегда безобидны. Родное село буквально стоит «на ушах» от его забав. Любимая девушка начинает сомневаться в серьезности его чувств. Свои проступки Перепелица признает и старается исправить, тут же налегке успевая натворить что-то еще. И вновь ему все сходит с рук…

Наступает время идти в армию. Накануне мальчишки по его

заданию разносят каждому потенциальному жениху Маруси, в которую влюблен Максим, по «харбузу» (по-русски – тыкве). Таков обычай на Украине. Тот, кому отказывала девушка, получает большую тыкву. Попутно парнишка натворил еще немало бед. Бурлит колхозное собрание – надоели проказы Максима. Разгневанные участники торжественных проводов новобранцев во главе с обиженным на Максима дедом Мусием в сердцах выкрикивают из зала: «Не посылать его в армию!..» И тут набедокуривший Максим преображается – перед нами глубоко растерянный паренек. И так хочется поверить в искренность его слов: «Дурного вы обо мне никогда не услышите…»

В армию Максима, конечно, посылают. Уходя, он не грустит, уверенный в верности любимой. Пытаясь избежать трудностей солдатской службы, Максим и здесь начинает проказничать, за что получает наряды вне очереди. И все же, гибкость характера и добродушный нрав делают героя податливым в деле перевоспитания. Впереди его ждет еще немало приключений, прежде чем лихачество обернется смелостью и Максим станет образцовым солдатом. Взрослея на глазах, он справится с отрицательными сторонами своего характера. Проявив смекалку и инициативу во время учений, Максим получит звание младшего сержанта и в срок возвратится в родное село, став гордостью родителей. Без труда помирится с любимой девушкой, чуть было не просватанной за другого.

Неплакатный Максим

Несмотря на то что фильм снят как завуалированная реклама и яркая иллюстрация былой мощи Советской Армии, он убедительно показывает, как строгая армейская школа дисциплинирует и выявляет характер призывника, раскрывает его способности, укрепляет волю и расширяет мировоззрение. Вот и Максим, придя в армию беспечным пареньком, возвращается домой серьезным человеком, в полной мере отвечающим за свои поступки. Служба в армии заставляет его повзрослеть и остепениться, научиться брать ответственность не только за себя, но и за других.

Тем не менее, герой Быкова не похож на плакатных героев своего времени. Его Максим, не умещаясь в привычных рамках заложенного фильмом амплуа, выплескивается наружу яркой блистательностью внешнего рисунка, превращаясь в живой комедийный образ. Быков играет своего героя столь искренне и правдиво, обаятельно и живо, что навсегда покоряет зрителей своей исполнительской лирической органикой. Таков его Максим Перепелица.

Фильм «Максим Перепелица» снимался почти одновременно с «Укротительницей тигров» на том же «Ленфильме». И пусть успех этого фильма в прокате был значительно ниже, чем у двух предыдущих картин («Судьбы Марины» и «Укротительницы тигров»), для Быкова именно эта лента открыла двери в большой кинематограф, снискала огромную зрительскую любовь.

Радиоспектакль

В начале 50-х годов прошлого века радио было главным культурным и политическим информатором жизни. Вот и триумф «Максима Перепелицы» начался с серии радиоспектаклей по мотивам повести Ивана Стаднюка, впоследствии написавшего и сценарий фильма. Ему же принадлежат и сценарии картин «Ключи от неба» и «Меж высоких хлебов»…

В повести, им написанной, подкупала не только авторская интонация, пронизанная добрым народным юмором, и живой, выразительный язык, но и характер главного героя, общая атмосфера повествования. За всеми милыми и забавными событиями чувствовалась непосредственность и чистота взаимоотношений. Иван Фотиевич Стаднюк с добрым народным юмором рассказывал о проделках Максима Перепелицы – сначала простого колхозного паренька, затем бравого солдата и, наконец, сержанта. Автор хорошо знал армейские порядки, прошагав немало тяжелых военных километров, начиная с первых дней войны. Молодой, крепко скроенный военный, он не производил на окружающих впечатления решительного, видавшего виды боевого офицера, потому что был несколько стеснительным и неторопливым.

Когда решено было сделать из повести радиоспектакль, Стаднюк сел за работу. Продвигалась она легко. Готовый сценарий группу обрадовал. Роль Максима предстояло сыграть молодому артисту МХАТа Алексею Покровскому, на роль его товарища сержанта Степана Левады пригласили Владимира Трошина. Премьера радиоспектакля прошла по всесоюзному радио 1 января 1954 года.

Любимая серия комедийных спектаклей в постановке Виктора Турбина с большим успехом транслировалась тогда по радио в основные праздники – под Новый год, на Первомай и в Октябрьские дни. Вот как вспоминал дни первого триумфа автор «Максима Перепелицы» Иван Стаднюк: «Я представлял себе, как их слушают (спектакли. – *Н.Т.*) в моей Кордышивке, в Тупичеве, во всех уголках страны, как ахает от изумления моя многочисленная родня. Шутка ли, наш Иван, бывший пастух, помиравший от голода полусирота, оборвыш – и вдруг непонятно каким образом пробился Бог знает куда, стал загадочным для них человеком. Да еще изумлялись мои земляки и тому, что по радио звучали знакомые им имена кордышан – деда Мусия, тетки Явдохи, почтальона Марка Мухи… Это уж казалось им совсем невероятным… О, сколько прибавилось у меня в тот период

родственников, о существовании которых я раньше и не подозревал, сколько получил писем с выражением чувств дружбы и любви».

Киноэкранизация

На волне успеха радиоспектакля решено было сделать и киноэкранизацию. Режиссер «Ленфильма» Анатолий Граник, взявшийся за постановку, перед этим снял картину «Алеша Птицын вырабатывает характер». До работы над фильмом Граник не слышал ни одной радиопостановки и ничего не знал о проделках Максима Перепелицы.

Воодушевившись идеей снять кинокомедию о современной жизни Советской Армии и не поверив в реальное существование прототипов повести, Граник потребовал от автора выезда на натуру, в его родное село Кордышивку, именуемую в повести Яблонивкой. Напитаться атмосферой селянской жизни на Винничине, ознакомиться с «натурой», побродить по селу, присмотреться к людям…

Вот как вспоминал позже ту памятную поездку Иван Стаднюк: «И вот появились мы в Кордышивке. Еще стояла в центре села хата, в которой я родился. Она уже принадлежала чужим людям, и мы остановились в доме моего брата Бориса. Заработал «сельский телеграф» – покатилась по селу молва о нашем приезде. Борис и его жена Ганя спешно готовили угощенья. Не заставили ждать себя и гости – родственники, друзья, сельское начальство. Почтарь Марко Муха принес корзину свежей рыбы, поймав ее в прудах за нашим селом. Анатолий Граник целился фотоаппаратом в почтаря, поражаясь тому, что в книге я действительно не придумал его».

Фильм уже значился в планах студии, и Стаднюк с Граником отправились работать над сценарием под Ленинград, в Дом творчества «Комарово». К этому времени в Симферополе был опубликован первый сборник повестей и рассказов И. Стаднюка «Сердце солдата», в который вошел и «Максим Перепелица».

Комарово Стаднюку «явилось загадочной «планетой», населенной интересными людьми» – знаменитыми литературоведами, критиками, лингвистами, редакторами, издателями. Они запросто встречались всюду – в столовой, в библиотеке, на прогулочных дорожках Дома творчества. Удивляло и то, что через забор находилась дача легендарного Николая Черкасова, сам он тоже частенько заглядывал на территорию пансионата.

Здесь же Анатолий Граник познакомил начинающего киносценариста, подполковника Стаднюка, не понаслышке знающего солдатский быт, с драматургом Евгением Львовичем Шварцем, автором сценариев «Первоклассница», «Золушка»,

«Тень»… Стаднюк подарил ему книгу «Сердце солдата» и в ответ услышал такое резюме: «Повесть в рассказах – это хорошо. Просматриваются готовые кинематографические эпизоды. Но ведь в книге повествование ведется от лица Максима. А для фильма надо совсем другое произведение – оригинальное, не простая экранизация повести. Удастся ли на языке кино сохранить интонацию рассказов, лукавство и юмор героя? Ведь и другие персонажи не с простыми характерами… Так что трудная перед вами задача, друзья…»

После разговора со Шварцем Стаднюк, имея «под рукой полную сюжетов книгу, дюжину героев с проявившимися характерами», взялся за поэпизодный план. После прочтения проспекта будущего фильма, дополненного пересказами эпизодов и объяснениями их сути, в Гранике проснулся азарт режиссера. Он подошел очень серьезно к проработке сценария, заставляя сценариста переписывать иные эпизоды по четыре-пять раз. Художественным руководителем фильма был назначен Григорий Козинцев (позже отказавшегося от этой затеи), его дача тоже находилась неподалеку от Дома творчества, и он частенько заглядывал на огонек. Словом, работа шла полным ходом…

Наконец наступил день, когда на «Ленфильме» собрался художественный совет, в составе которого были такие известные режиссеры, как Григорий Козинцев, Фридрих Эрмлер, Иосиф Хейфиц… Сценарий утвердили, и вынесли решение о запуске его в производство. После чего Анатолий Граник засел за написание режиссерского сценария, привлекая к работе и второго режиссера Виктора Садовского, и оператора картины Дмитрия Месхиева.

Песни

Параллельно с этой работой поэт Михаил Дудин писал тексты песен к музыке Василия Соловьева-Седого. Одну из них – «В путь» вскоре запела вся страна. Нашлось в фильме место и песне авторов легендарной «Катюши» – композитора Матвея Блантера и поэта Михаила Исаковского «До свиданья, города и хаты», написанной в 1941 году. Все это были хорошие строевые песни, столь нужные армии и служившим в ней «молодым, смелым ребятам», которых «дорога дальняя зовет». Эти песни вселяли оптимизм в сердце солдата.

Дополнительно Соловьев-Седой и Дудин написали песню, в которой тонко переплелись лирика и сатира, казалось бы, вещи несовместимые – «Лично для меня», которую в картине блестяще исполнил Леонид Быков:

…Как приятно всем нарядом
Блеск в казарме навести.
Навести везде порядок,
Подмести и подгрести.
Было б лучше в это время,
Время с милой провести —
Лично для меня!..

Это было тоже попадание в десятку. Песня также раскрывала образ Максима Перепелицы.

Актерские пробы

Поначалу на главную роль пробовались Алексей Покровский и Юрий Белов. На большинство главных ролей решено было пригласить украинских актеров, поскольку сельские сцены фильма снимались на Украине. И тут на пробах появился Леонид Быков. Он буквально покорил всех своей простотой и непосредственностью. Иван Стаднюк вспоминал, что «все почувствовали его прекрасную душу, юношескую наивность, чистоту порывов, доброе лукавство и благородство». Умение молодого актера искренне и правдиво, без наигрыша, с подлинной комедийностью вывести образ Максима победило других претендентов.

В ходе проб на роль отца Максима – Кондрата Перепелицы, колхозного кузнеца и руководителя сельского духового оркестра – был выбран заслуженный артист УССР, блестящий и неподражаемый комедийный актер Николай Яковченко. Интересно, что даже когда Яковченко, как и все участники фильма, говорил по-русски, в его речи явственно звучала напевность украинской речи. Русские актеры (народный артист СССР Александр Борисов в роли Марка Мухи, неподражаемые Татьяна Пельтцер, играющая бабку Горпину, Георгий Вицин в роли деда Мусия, Константин Сорокин – старшина Саблин) вместе с украинскими коллегами, создали великолепнейший народный ансамбль.

Воспоминания Маруси

На роль Маруси, невесты Максима, была утверждена украинская актриса Людмила Соссюра. Вот как она позже вспоминала своего партнера Леонида Быкова:

«Впервые я встретилась с Леней Быковым в 1955 году в городе Ленинграде, на пробах в фильме «Максим Перепелица», куда пригласили меня для съемок в роли сельской девушки Гали (Почему Гали? Любимую девушку Максима звали Маруся Козак. Может, актриса за давностью лет забыла имя своей героини?. – *Н.Т.*), его партнерши. В то время Леша уже отснялся в картинах «Судьба Марины» и «Укротительница тигров», принесших ему огромную популярность и сделавших любимцем публики. Его узнавали на улицах, останавливали, объяснялись в любви, благодарили за талант, выражали свой восторг. Популярность ни в коей мере не повлияла на Лешин характер.

В жизни он оставался все таким же, скромным, даже застенчивым, всегда тактичным до щепетильности, обязательным и беспредельно дружелюбным. В житейских вопросах часто напоминал ребенка из-за своей непосредственности, наивности, вернее, открытости, незащищенности. Но сразу взрослел, становился уверенным, когда речь заходила о творчестве, об искусстве. При всей своей скромности и сдержанности Леша был очень общительным человеком. Он обладал даром необыкновенного человеческого обаяния, притягивал к себе всех и вся. Где бы ни появлялся Леша, постепенно он обязательно оказывался в центре внимания как интересный собеседник. Говорил он всегда тихо, не спеша, со знанием дела. Может быть, в этом и был секрет колдовства.

Был он человеком спортивным, тренированным, подтянутым, что называется в форме. Это он не единожды использовал с успехом во время съемок. Тем не менее, Леша любил вкусно и много поесть. Я вспоминаю свое крайнее удивление в первые дни нашего знакомства, когда перед съемкой мы зашли позавтракать в кафе на Невском проспекте. Официантка встретила его как старого знакомого и спросила:

– Как всегда – яичницу из шести и три бутылки кефира?

Леша сутками мог работать без передышки с отдачей, вызывающей удивление: откуда в нем было столько энергии, позволяющей работать сразу и над ролью, и над переделкой сценария по ходу дела, и над разучиванием песни? У него было столько фантазии, одержимости, темперамента, мастерства, что казалось – ему нет преград ни в чем. Он играл на любом

музыкальном инструменте, подвернувшемся под руку, хорошо, очень задушевно пел, изумительно профессионально танцевал, обладал потрясающей музыкальностью и пластикой.

Я вспоминаю натурные съемки картины «Максим Перепелица», проходившие в летних военных лагерях. Здесь все, от солдата до генерала, что называется, были влюблены в Лешу. Его обожали за простоту, веселый нрав, жизнелюбие, юмор. Леша пел, плясал, играл сценки из еще не отснятой картины, делился своими планами на будущее, помогал ребятам-военнослужащим в самодеятельности.

Мне, тогда еще только пришедшей в кинематограф, Леша тоже во многом помог, раскрывая секреты кино, за что я ему очень признательна.

По вечерам, после работы, мы с наслаждением слушали его упоительные рассказы из времен войны, просто человеческих отношений, характеров, сцен из будущего фильма, который он мечтал снять сам. Многие эпизоды, наблюдения, о которых мы услышали от Леши еще в 1955 году, потом были реализованы, спустя 18 лет, в картине «В бой идут одни «старики».

Когда Леша много лет спустя пригласил меня в свой первый фильм на студии имени А.П. Довженко «Где же вы, рыцари?» на эпизодическую роль капитана милиции, я была счастлива! Счастлива, прежде всего, от представившейся возможности общения с этим человеком. Это была иллюзия путешествия в молодость. Как бы перечеркивались прошедшие десятилетия: тот же голос, та же простота и естественность в общении, то же спокойствие, трепетность, одухотворенность, способная зажечь и повести за собой в самый невероятный мир фантазии любого. И при этом беспредельная честность, прежде всего перед самим собой, своей совестью человека и художника».

Брат-«близнец»

Когда фильм был готов, выяснилось, что у него появился брат-близнец. Мало кто знает о скандале, разразившемся после выхода картины «Максим Перепелица». Зрителям казалось, что появление столь схожих по тематике и героям фильмов, как «Максим Перепелица» и «Солдат Иван Бровкин», – случайность или ошибка, но никак не целенаправленный соцзаказ. По сути, это было не что иное, как конкуренция киностудий. В начале 1955 года, когда «Ленфильм» сдавал в Главном управлении по кинематографии СССР кинокомедию «Максим Перепелица», московская Киностудия имени Горького представила союзному кинематографическому начальству свою цветную музыкальную кинокомедию «Солдат Иван Бровкин», поставленную по сценарию Георгия Мдивани режиссером Иваном Лукинским.

Все этажи здания на Гнездниковском гудели от возбуждения: в кино появилось два фильма-близнеца: черно-белый «Максим…» и цветной «Иван…» – с почти одним и тем же сюжетом, с одинаковыми коллизиями, с расстановкой героев. Все понимали, что правда на стороне создателей «Максима Перепелицы». Мало того, что поставлен он был по одноименной книге, вышедшей в свет четыре года назад, так еще и по радио несколько лет подряд звучали ее радиоэкранизации.

Однако Георгий Мдивани слыл драматургом высокого ранга, был членом правления Союза писателей и, пользуясь своим положением, добился, чтобы его фильм «Солдат Иван Бровкин» был выпущен на экран гораздо раньше «Максима Перепелицы». В архивах Ивана Стаднюка долгие годы хранилась стенограмма заседания Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей СССР от 20 октября 1955 года. Она обсуждала просмотренную московскими писателями кинокомедию «Максим Перепелица» перед выходом на экран. Заседание вел военный писатель С.Н. Голубов. В обсуждении фильма приняли участие двадцать человек, среди них – Михаил Алексеев, Григорий Поженян, Николай Шундик, Марк Максимов, Алексей Марков, Константин Поздняев, Герман Нагаев, Матвей Крючкин… То был день триумфа всей съемочной группы и актерского ансамбля фильма. Хотя выступавшие высказывали и отдельные критические замечания, Стаднюк, окрыленный высокими оценками коллег, отказался от прямого конфликта с Георгием Мдивани и не стал доказывать первородство своего сюжета.

А еще он вспоминал такой случай. Однажды в предбаннике парикмахерской Центрального Дома литераторов ему довелось

встретить великого Александра Петровича Довженко. Стаднюк сидел в ожидании своей очереди к знаменитому цирюльнику Моисею. Довженко уже был в кресле мастера. Кто-то обратился к автору «Максима…» по фамилии…

«Вы Стаднюк? – тут же отреагировал на это Александр Петрович. – Я смотрел вашего «Перепелицу». Не переживайте… То, что позволил себе Мдивани, – мерзко. Но его фильм – цыганщина дурного вкуса, а «Максим Перепелица» – народная комедия. Ей суждена долгая жизнь». Время не согласилось со столь резкой оценкой мэтра кино и сохранило для нас оба фильма – они стали одинаково любимы и дороги зрителям.

И все же вскоре после этого разговора в «Комсомольской правде» появилась статья Галины Колесниковой, в которой все было поставлено с ног на голову. Автор доказывала, что не Мдивани позаимствовал у Стаднюка сюжет кинокомедии, а наоборот. После этого обиженный Стаднюк был вынужден отправить письмо в «Правду», и Мдивани постигли неприятности – по партийной линии и в секции кинодраматургов. По прошествии какого-то времени виновник сам позвонил Стаднюку домой, прося прощения. Несмотря на признание собственных ошибок, акцент в телефонном разговоре был сделан на безнаказанность бродячих сюжетов – ну, подумаешь, автор тридцати кинокартин «перебежал» дорогу сценаристу-дебютанту… Вскоре в знак примирения Мдивани прислал Стаднюку трехтомник собственных пьес с теплой дарственной надписью… Так конфликт между авторами был исчерпан.

Еще одна газета – «Красная звезда» опубликовала огромную хвалебную статью о «Максиме Перепелице». Правда, параллельно с этим материалом газета послала в войска корреспондента, собирающего критические отклики на тот же самый фильм, публикация которых заняла в газете целую полосу. Главный акцент обвинения в адрес сценариста был сделан на пропаганду панибратства в армии. Как пример приводился эпизод, где командир роты, старший лейтенант Куприянов, приглашал Максима после возвращения с гауптвахты, посидеть с ним рядом на скамейке, давая ему закурить сигарету из своего портсигара…

Не нарушая традиций

Надо сказать, что в сценарии, написанным Иваном Стаднюком, многое идет от традиций украинского водевиля. Быков, как и его герой, очень легко чувствует себя в этом жанре. То, что в другом жанре обернулось бы крушением, в водевиле – лишь повод лукаво перемигнуться со зрителем: знай, мол, наших! Препятствия здесь на то и создаются, чтобы герой их с легкостью преодолевал. При этом он ничуть не стесняется своего комического происхождения, напротив, гордится им, демонстрируя очевидное превосходство над всеми. И оно действительно впечатляюще: такой любого вокруг пальца обведет.

Фольклорные корни этого комедийного образа сродни и такому любимому герою русского фольклора, как Иванушка-дурачок, к концу сказки по правилам жанра непременно становящегося Иваном-царевичем. Быков и сам осознавал народный характер своего Максима, что стало для актера надежным художественным ориентиром. Поэтому он и не комикует, стремясь вызвать смех зрителей любыми средствами. Быков безошибочно отбирает нужное, отказываясь от всевозможных штампов. В Максиме Быков познает собственные творческие способности, возможности и пристрастия, умело уходя от схематичности подобного образа. И роль вознаграждает актера, станов первой серьезной киноработой в его творческой лаборатории.

Фильм, словно подыгрывает своему герою, изобилуя предельно выгодными для Максима ситуациями, демонстрирует в выгодном ракурсе достоинства плутоватого, но очень доброго, упрямого и находчивого парня. Его энергия не сковывается никакими обстоятельствами даже в регламентированном армейском быту. Разгрузить машину чемоданов? Пожалуйста! Четким военным шагом подходит Максим к группе новобранцев и отдаст приказ: разгрузить. Через несколько минут кузов машины пуст, и Перепелица на глазах удивленного старшины, кряхтя, несет последний чемодан. То, что герой Быкова чувствует себя в армии по-свойски, закономерно.

Сами собой в Максиме проглядывают и так называемые теркинские черты. Многое определят они и в дальнейшей судьбе самого Быкова – военная гимнастерка становится родной, привычной для актера. Быковский солдат – образ, который находится в неразрывной связи с традициями народного искусства. Так стоит ли удивляться, что его героям характерна

всегдашняя насмешка над обстоятельствами. Соединение серьезной ответственности и раскрепощенной легкости, личной причастности к армейской жизни лежит в основе той жанровой пестроты, встречаемой в дальнейшем в рамках одного и того же солдатского образа быковского героя.

Цитаты из фильма

Чтобы лучше вспомнить фильм, приведем несколько самых любимых цитат из него:

– А ты, малый, не дурак! И дурак немалый… *(Максим)*

– Бросил курить и умер. Не, постой, только он, кажется, сначала умер, а потом бросил курить. (*Максим)*

– Ведро картошки – кило халвы. (*Максим)*

– Голова-то хорошая, ну, что говорить, только дурню досталась. (*Эпизод)*

– А мало ли гарных хлопцев в селе! (*Маруся)*

– В армии из него человека сделают. (*Иван)*

– До райцентра ж 25 километров. – Ну, подумаешь, встал пораньше, сбегал. – Пешком? – Не, ну напрямик. (*Маруся – Максим)*

– Закурим? – Ты ж говорил, для здоровья вредно. – Так то ж в воздухе, а на земле можно. (*Максим – Ежиков)*

– Культурный человек, токарь пятого разряда, а не знаешь, что никотин отражается аж на нервах! (*Максим)*

– Там ребята душевные. Ценят. (*Максим)*

– Там, где пехота не пройдет и бронепоезд не промчится, Максим на пузе проползет, и ничего с ним не случится! (*Максим)*

– Ты подумай, какие грамотные куры! (*Эпизод)*

– У меня-то не забалует! (*Старшина)*

– Чего такой длинный? – Хорошо кормили. (*Эпизод)*

«Рядом с нами»

Этот фильм сначала был незаслуженно обойден критиками, а теперь почти забыт и зрителями, что, надо сказать, немало удивляет. При всевозрастающем интересе к старому, доброму кино эта работа, бесспорно, заслуживает внимания. Пусть она и не отличается особо значительными художественными достоинствами, интерес и уважение вызывает в ней, в первую очередь, звездный актерский состав: Леонид Быков, Иннокентий Смоктуновский, Клара Лучко, Георгий Юматов, Нина Дорошина, Олег Ефремов, Николай Рыбников, Борис Чирков, Людмила Шагалова… Эти имена знает любой, хотя бы отдаленно знакомый с миром кино. Именитые мастера экрана здесь молоды, красивы и, конечно же, талантливы, а главное – искренне верят в то, что играют.

Картина Адольфа Бергункера «Рядом с нами» и сегодня смотрится с интересом. То, что картина посвящена так называемой пресловутой производственной теме, нисколько ее не портит, поскольку во главе угла здесь – драма человеческих отношений, тема любви и истинной дружбы, которым не страшны ни подлость, ни предательство. И даже у подлеца есть шанс на исправление. Параллельно с этим герои еще успевают отстаивать идеалы светлого будущего, небезуспешно сражаются с очковтирательством и ложным патриотизмом. В картине фактически нет главных героев. Здесь все заодно, все радеют за славу родного завода, в то время как там процветает «дутое» производственное рвение.

…Два друга-выпускника едут к новому месту работы в Верхнюю Каменку, на завод. Герой Леонида Быкова – Николай Жуков, выпускник Бауманского института, инженер, – получит должность мастера и станет начальником цеха. Герой Иннокентия Смоктуновского – Андрей Королев, выпускник МГУ, поэт – будет редактором заводской многотиражки. Впереди у друзей немало споров, поскольку порой они по-разному смотрят на жизнь. Жуков считает, что лично от него мало что зависит, он – лишь винтик большого общего дела. Королев же, наоборот, всячески борется с подобной инертной позицией и в этом преуспевает…

Как выясняется, у начальства завода в чести молодой и талантливый токарь, красавец Яша Миловидов (в этой несколько необычной для себя, но очень интересной характерной роли выступает Георгий Юматов). Парень не без способностей, и руководству на руку поощрять к трудовым подвигам одного рекордсмена, нежели обеспечить достойным заработком всех

работников токарного цеха.

Вот и закружилась голова у Яшки от славы. Шутка ли – его портреты и в заводской многотиражке, и на Доске почета. И премиальные, и спецзаказ, приносящий опять же высокие дивиденды – опять же ему. Любая девчонка готова, бросив все, бежать вслед за ним, куда бы он ни позвал. И Яшка заскучал. Его тянет в дальние страны, на Кавказ… Он мечтает о море, которого никогда не видел. Его отказ от искренней и беззаветной любви Тони (в этой тоже достаточно неожиданной для себя роли снялась Клара Лучко) чуть не стоил жизни беременной девушке. Общими усилиями удается «вправить» парню мозги…

Вот как описывает Клара Лучко в книге «Я – счастливый человек», изданной в 2006 году издательством «Вагриус», эти съемки: «Однажды на кинопробы в Ленинград вызвали моих друзей – Лялю Шагалову, Жору Юматова и Музу Крепкогорскую. Режиссер Адольф Бергункер готовился к съемкам картины «Рядом с нами».

Мои друзья пребывали в хорошем настроении, собирались в экспедицию в Запорожье. Я им позавидовала и осторожно спросила, не найдется ли и для меня какой-либо роли.

– Клара, – ответил Юматов, – есть одна героиня, поиски актрисы ведутся, но это, как бы тебе сказать, нечто вроде современной Катерины. Она бросается в речку – хочет утопиться, вряд ли эта роль для тебя.

Мои друзья уехали в Запорожье на съемку, а я осталась в Москве. Вдруг звонит ассистент режиссера. Говорит, что она привезла сценарий, и если роль мне понравится, то я поеду в Запорожье, но пока только на пробы.

Я прочитала сценарий. Моя молодая героиня («современная Катерина») – токарь, она ждет ребенка. Своему другу (его играл Георгий Юматов) сказала, что она беременна. А он ей грубо ответил: «Послушать вас, так все дети в деревне мои…» И предложил сделать аборт. Для моей героини это была трагедия. Она бросается в речку. Ее, конечно, спасают. Она рожает ребенка и живет в общежитии с девочками…

Почему Жора решил, что это не для меня? Я собралась в дорогу. Подумала, если я приеду вот так, как привыкла одеваться и причесываться, то меня не возьмут. Как-то повелось – играет актриса деревенские роли, ей и дальше будут предлагать деревенские. А если играешь классические или героические роли, то в других ролях тебя вроде бы не представляют. Поэтому важно первое впечатление. Я каждый раз доказывала, что я характерная актриса.

Я подобрала волосы, заколола их сзади, надела простенькое

платье и пошла на встречу с ассистентом режиссера на «Мосфильм». Она на меня взглянула и говорит:

– Ой, Клара, знаешь, по-моему, ты подходишь на эту роль. Думаю, что у тебя все получится.

То, что просто оделась, еще не значит, что я уже знаю, как сыграть роль, хотя иногда можно отталкиваться и от внешнего рисунка, а потом уже искать характер. Часто бывает и наоборот. Сразу схватываешь характер, а потом мучительно ищешь грим, который соответствовал бы этому характеру.

…Как-то я поехала в больницу навестить мою подругу. Раньше, чтобы войти в палату, выдавали посетителю белый халат. В коридоре случайно я встретила режиссера Станислава Ростоцкого. Он как раз начинал съемки фильма «На семи ветрах».

Ростоцкий долго и пристально на меня смотрел, а потом сказал:

– В этом халате ты совсем другая.

Через несколько дней Ростоцкий предложил мне роль хирурга. Я думаю, что, если бы он меня не увидел в халате, ему бы и в голову не пришло дать мне эту роль. Но самое главное было впереди – найти образ женщины, которая носила белый халат…

Вскоре пришел вызов на пробу. Я приехала в Запорожье в том же простеньком платье. Сижу и жду режиссера. И вдруг появился Леонид Быков. Он быстро прошел мимо, потом остановился, будто что-то забыл, и вернулся ко мне:

– Здрасьте. Простите, пожалуйста, Клара, я хочу извиниться перед вами. Когда зашел разговор о вашей кандидатуре, я был против. Мне казалось, что это не ваша роль. А сейчас я вижу, что ошибался. Поэтому я прошу вас, простите меня.

И улыбнулся. Он был некрасивый, но когда улыбался, то будто солнце изнутри озаряло его лицо.

Сняли мою пробу, и я уехала – мне предстояло лететь на неделю советского фильма в Люксембург.

Центр Европы, маленькая страна, всего дюжина городов. Мы представляли фильм «Большая семья» в городе Эш, где сталелитейные заводы. И надо сказать, рабочие с интересом смотрели фильм, горячо его обсуждали. Мы думали, что наши проблемы – и человеческие, и профессиональные – будут совершенно им чужды. Но оказалось, что многое было им так же близко и интересно, как и нашим зрителям.

Надо сказать, что Люксембург произвел на меня огромное впечатление. Архитектура городов там какая-то особенная, она создает ощущение вечности.

Посол СССР вручил мне телеграмму. В ней говорилось, что

меня утвердили на роль, ждут меня в Запорожье. И подписались почти все, кто снимался в картине. Я была тронута. Получить дружескую телеграмму всегда приятно, а тем более, вдали от родины.

И вот я подъезжаю к Запорожью. Вижу, на перроне много народу. Девушки стоят с хлебом-солью на рушниках. Включены осветительные приборы. А в толпе – Леня Быков с микрофоном.

Поезд подошел к перрону. Я думаю: наверное, встречают какого-то известного человека или делегацию. Чтобы не привлекать внимания, потихонечку сошла со ступенек вагона на перрон, иду к вокзалу.

А Леня Быков подбежал и на каком-то тарабарском языке, но очень хорошо имитируя, приветствует меня.

Девушки подносят хлеб-соль. Потом еще кто-то выступает тоже с приветствием и тоже непонятно на каком языке. Все это снимают кинокамеры, народ толпится. Я поначалу растерялась, ничего не могу понять. А это был дружеский розыгрыш.

Все стало ясно, как только мы вышли на привокзальную площадь.

– А на чем мы едем? – спросила я.

– Вот наш экипаж, – Быков показал на ослика, запряженного в маленькую тележку. – Вот сюда мы водрузим твой чемодан и пойдем пешком.

Мы шли по главной улице Запорожья – она длинная-предлинная. Впереди девушки с хлебом-солью, потом ослик с чемоданом, а за повозкой мы.

И так всю дорогу – до самой гостиницы.

Это было начало игры, которая сопровождала нас все время, пока шли съемки.

Мы были молоды, азартны, нам сопутствовал успех, и мы, не уставая, шутили, «покупались» на розыгрыши, смеялись и тут же придумывали что-то в ответ.

Часто спрашивают: какая из картин, в которых вы снимались, вам нравится больше других? На это ответить трудно, потому что порой запоминается не то, что снималось, а то, что было за кадром.

Картина «Рядом с нами» – это далеко не шедевр, пожалуй, средняя картина, хотя в ней были заняты замечательные мастера: Чирков, Смоктуновский, Рыбников, Юматов, Быков, Шагалова… Зато экспедиция была необычная.

Мы играли в Запорожскую Сечь. Конечно, атаманом у нас был Леня Быков. Смоктуновский был поляк, какой-то лазутчик или даже шпион. Его ловили, он какие-то грамоты нам приносил. Всего уже не помню, но сюжет был примерно такой.

Однажды Леня Быков уехал в Харьков – он тогда работал в театре – играть премьеру. А я купила на базаре карасей – с детства у меня это любимое блюдо, – отдала в ресторан пожарить, пригласила всех и заявила:

– Быкова нет, атаман уехал, командовать Сечью буду теперь я.

Словом, совершила переворот. Никто не сопротивлялся, все были согласны. И мы послали Быкову телеграмму, что он свергнут, а командует Сечью Мать Запорожская.

С нетерпением ждем его приезда. Как он отнесется ко всему? Когда он появился, тут же собрал своих сторонников, начал с ними совещаться. Стало ясно, что так просто власть они не отдадут.

До меня дошли слухи, что ночью явятся ко мне в гостиничный номер и будут меня свергать. Я решила подготовиться. Поставила кресло на стол и расположилась в нем. Бывают такие ночники, с железными колпачками. Я два колпачка связала, надела на себя, взяла в руки половую щетку, уселась в кресло и жду. Слышу, кто-то крадется вдоль коридора. А это – Быков, Юматов и другие. Они врываются в номер – лица разрисованы, в пижамах, из кривых палок сделаны сабли. И… останавливаются.

Тут все стали хохотать! Значит, свергнуть меня не удалось. Но я добровольно отдала Лене Быкову половую щетку – как символ власти.

Не было дня, чтобы мы друг друга не разыгрывали. Даже тем, кто любил выпить, было некогда пить, потому что каждую минуту кто-то что-то придумывал.

Подошел срок уезжать актрисе Нине Агаповой. Но что-то с билетом не получалось, и она задержалась. А Кеша Смоктуновский был на съемке. Тогда мы решили, что Нина устроится в его постели, я залезу в шкаф, а актеры будут в соседнем номере ждать. И когда Кеша вернется и увидит ее, Нина скажет, что очень его любит, поэтому и не уехала. А я буду на всякий пожарный случай сидеть в шкафу и, если что-то произойдет, подам сигнал.

Мы с Ниной разговариваем, а Кеши все нет. Говорим о том, о сем, смеемся. Вдруг открывается дверь, я быстро захлопнула дверцу шкафа, Нина слегка выставила плечико из-под одеяла. Смоктуновский входит, и с ним женщина – корреспондент газеты. Они продолжают разговаривать – мы замерли. Нина вообще не знала, что делать. Тем временем Смоктуновский договорился с корреспонденткой о встрече. Через несколько минут она ушла, а Смоктуновский разгримировался, вошел в комнату и увидел

Нину.

– Нина, ты что здесь делаешь?

– Кеша, я тебя люблю, я поэтому не уехала…

– Отлично! Сейчас я переоденусь, и мы поговорим…

Открывает шкаф и видит, что я там сижу. Мы начали смеяться.

– Ах так! – говорит Кеша. – Хотели разыграть? Ну ладно. Получится обратный розыгрыш.

Актеры, услышав шум, решили, что пора прийти и сказать:

– Как тебе, Кеша, не стыдно, ты что… Нина такая…

С этими словами они и вошли в номер. А Смоктуновский лежит на ковре.

Жора Юматов закричал:

– Почему он лежит? Кеша, что с тобой, почему ты лежишь? Тебе плохо?

Я испуганно говорю:

– Не знаю. Он открыл шкаф и увидел меня. Увидел и упал.

Юматов на нас набросился:

– Что за жестокий розыгрыш, ему ведь плохо!

Взял графин с водой и вылил Кеше на голову. Смоктуновский даже не дрогнул. Он так и лежал неподвижно. Потом через некоторое время поднялся:

– Хватит разыгрывать. Меня корреспондент ждет…

В нашей группе был фотограф из местных. И он то и дело исподтишка нас снимал. Потом продавал фотографии любителям кино. Он нам так надоел, что мы решили и его разыграть.

Обычно фотограф подходил и каждый раз представлялся:

– Я работаю в лаборатории института, и студенты очень просят ваши фотографии. Можно я вас сниму?

Однажды мы ему сказали:

– Приходи к нам вечером в гостиницу, у нас сегодня будет очень интересно. Ты всех увидишь и всех сфотографируешь. А собираемся мы у молодого актера. У Смоктуновского. Он пока только снялся в одной картине, в «Солдатах». Еще пока не очень известен, но это будет один из самых знаменитых артистов. Твои фотографии будут первыми…

Так мы напророчили Кеше будущую славу.

Вечером фотограф явился в точно назначенный срок. Постучал в номер, дверь открывает Кеша.

Он обмотан полотенцем, в трусах, голова намыленная. Агапова изображает его жену.

Кеша говорит:

– Проходите, проходите, мы вас ждем, дорогой…

И тут же принялся обнимать фотографа, целовать, перепачкав

его мылом.

А мы предупредили фотографа:

– Знаешь, это человек необычный. Он может выкинуть все что угодно. Ну как все гении. Так что если ты почувствуешь, что что-то не так, то… Ты петь умеешь?

– Да.

– Ну вот сразу начинай что-нибудь петь. Тогда он утихомирится. Мы уже это знаем.

Фотографа мы посадили на диван, а над ним висел натюрморт с яблоками. Кеша о чем-то разговаривает, руками размахивает, влезает на диван, рукой как бы дотрагивается до натюрморта, а сам вытаскивает из-за картины яблоко (мы его туда специально положили), потом возвращается к столу. Фотограф оглядывается – яблоко на натюрморте. Фотограф не понимает: что тут происходит?

Мы с Юматовым заходим в туалет, а Кеша залезает в шкаф. В это время мы в туалете спускаем воду, а Кеша появляется из шкафа, вроде бы застегивает брюки и продолжает есть яблоко.

У нашего гостя глаза округлились, думает: куда я попал… В это время Юматов пошел к себе в номер и звонит Кеше.

Кеша снимает трубку.

– Кто это? Шостакович? Здравствуй, дорогой Дмитрий Дмитриевич. Беда, не могу заниматься. Рояль не влезает, никак не можем в номер втащить. Понял… Завтра мы подъемный кран пригоним, может быть, с его помощью через окно мы как-нибудь втащим этот рояль. Сломается, говоришь? Ну, сломается и сломается. Ничего не поделаешь. Но мне же надо работать. Митя, бывай здоров…

Фотограф ничего не понимает. Видит только, что Кеша зажигает какую-то бумагу, бросает ее на пол, она горит.

И вдруг мы слышим:

Комсомольцы, беспокойные сердца…

От ужаса фотограф запел тоненьким срывающимся голосом. Нас душит смех, но мы просим фотографа:

– Только, ради бога, никому не говори.

– Если бы я даже сказал, никто бы мне не поверил.

Я вспоминаю то далекое-близкое… Иногда говорят: актеры как дети. Да, мы были, наверное, этими детьми.

Мы закончили фильм, и наша дружная компания разъехалась. Впереди были новые фильмы. У каждого была своя дорога в кино. А эта дорога всегда была трудной. У каждого.

Леонид Быков… Заводила, веселый, обаятельный человек.

Казалось, что у него легкий характер, он как бы не замечал трудностей, не обращал на них внимания. Но так только казалось.

Мы часто с ним беседовали, и я узнала его гораздо лучше. Это была личность, думающий человек, которого все волновало, прекрасный актер, давно переросший тех героев, которых он играл».

«Добровольцы»

Хорошо над Москвою-рекой
Услыхать соловья на рассвете,
Только нам по душе не покой,
Мы сурового времени дети.
Комсомольцы-добровольцы,
Мы сильны нашей верною дружбой.
Сквозь огонь мы пойдем, если нужно
Открывать молодые пути.
Комсомольцы-добровольцы,
Надо верить, любить беззаветно,
Видеть солнце порой предрассветной,
Только так можно счастье найти!..

Из песни к кинофильму. Музыка М. Фрадкина, стихи Е. Долматовского

Эта песня, звучащая на протяжении всей картины «Добровольцы» стала ее лейтмотивом. Лирико-героическая, она помогает сохранить глубокий эмоциональный настрой картины, точно передавая дух не только самого фильма, но и веяния времени, в котором он создан. Бывший фронтовик Юрий Егоров снял «Добровольцев» по роману в стихах Евгения Долматовского в героическо-роматическом ключе. Зрители, впервые увидевшие «Добровольцев» на экране, хорошо знали изложенные в них события, поскольку многие сами принимали в них участие. Старшему поколению «Добровольцы» напоминали о пережитом, молодежь учили мужеству, воспевая верность Родине и подлинную любовь, крепкую мужскую дружбу, став яркой романтической иллюстрацией эпохи. Зрители приняли фильм и полюбили. Выдающийся актер Павел Кадочников, снимавшийся с Быковым в «Укротительнице тигров», считал «Добровольцев» одним из лучших фильмов советского кино.

Идея романа в стихах родилась у известного поэта Евгения Долматовского неслучайно. Вот что писал он об этом в своей книге «Рассказы о твоих песнях»: «Когда мне было восемнадцать лет, в Москве начиналось строительство метро. Стройка эта была увлекательной, заманчивой и таинственной: нам представлялись глубокие подземелья, где прокладка туннелей похожа на поиски клада. Московский комсомол объявил призыв добровольцев. Мне посчастливилось быть зачисленным в бригаду Николая Краевского, которую по нынешней терминологии назвали бы бригадой коммунистического труда, а тогда называли просто ударной: мы не только находились вместе под землей, но и вместе жили, вместе ходили на аэродром прыгать с парашютом, а театры «атаковали» только культпоходами.

Я тогда начинал писать стихи, и бригада считала меня своим поэтом, а сочинения мои как бы частицей нашей общей выработки.

Бригадир однажды дал мне несколько необычное задание: написать песню добровольцев строителей. Композиторов не было поблизости, пришлось использовать знакомый всем мотив «Дальневосточной» (позже, в годы войны, мне не раз приходилось пользоваться этим методом: подбирать новые слова на известную мелодию, чтобы сразу могли запеть). Я написал:

Придя сюда по зову комсомола
Мы знаменитый выстроим туннель…

И эту песню запели на всех шахтах – от Сокольников до Парка культуры. Участники строительства первой очереди метро и поныне помнят эту песню, запевают ее в день своих традиционных встреч. Об этой песне в своей книге об СССР писал Юлиус Фучик. Но меня песня не радовала. Она была привязана к мотиву другой песни, следовательно, несамостоятельна. Очень хотелось написать песню добровольцев – настоящую, не похожую на другие песни. Но написал я ее лишь… через четверть века.

В 50-е годы я работал над романом в стихах «Добровольцы» – о тех годах и о тех людях, что запомнились навсегда. Мои товарищи по метростроевской бригаде были прототипами героев романа. Действительно, жизнь их сложилась очень интересно. Они строили, учились, воевали. Те, кто остался жив, ныне известные мастера туннелестроения, летчики, ученые. Один мой товарищ, тот, что был моим напарником, когда катали к стволу груженые вагонетки, остался рабочим. Он сейчас бригадир одной из лучших бригад, награжден многими орденами. При встречах шутит «Берегите меня, я единственный среди вас представитель

рабочего класса».

Очень хотелось включить в роман песню добровольцев, но ей не находилось места. Роман вышел в свет. Однажды мне позвонил кинорежиссер Юрий Егоров, с которым я не был знаком. Он предложил по роману написать сценарий и поставить фильм.

В первом же разговоре, «прицельном» и предварительном, Егоров сказал, что не мыслит себе фильм без песни добровольцев. Это решило все – я почувствовал в себе возможность осуществить свою давнишнюю мечту.

Музыку к фильму писал Марк Фрадкин, мой старый товарищ, с которым мы встретились еще в 1941 году и написали тогда трагическую «Песню о Днепре» и еще много военных и лирических песен.

Должен признаться, что песня комсомольцев-добровольцев далась мне очень трудно. Вероятно, я слишком хорошо знал материал, как бы уже отработал его сердцем, ничего нового не мог извлечь из круга образов и представлений о комсомольцах 30-х годов. Меня выручило, пожалуй, желание написать песню о людях тех прошедших лет, но такую, чтобы сегодняшние и завтрашние комсомольцы полагали, что эта песня о них.

Если пишется песня для фильма, это всегда облегчает и усложняет задачу ее создателей. То, что называется «зрительным рядом», помогает «усвоению» песни. Но, в то же время «зрительный ряд» и отвлекает.

В фильме «Добровольцы» песню пели на комсомольском собрании в момент высокого душевного подъема; пели под Мадридом советские летчики – добровольцы. Надо было очень, очень осторожно подбирать слова, чтобы они не оказались назойливыми, – ведь люди поют о себе.

Бывает, что вышедший на экраны кинофильм сразу приносит людям песню. Но более типично, когда песня из фильма медленно внедряется, постепенно, в течение нескольких лет входит в жизнь разных людей.

Так было и с этой песней. Ее запели года через два после выхода кинокартины. На одной из ежевесенних метростроевских встреч мои старые товарищи вместо песни «Придя сюда по зову комсомола» запели «Комсомольцы-добровольцы, мы сильны нашей крепкою дружбой». А один из туннелестроителей стал вспоминать, что на шахте «Охотный ряд» он певал эту песню, а потом немного подзабыл ее, хорошо, что теперь напомнили…»

Воплощение на экране романа в стихах, в котором лирические эпизоды легко уживались бы с пафосом плакатно-броских строк, а бытовые сцены с романтикой подвига, требовало от создателей особой гибкости и своеобразия художественного

языка. Характер героев должен был как можно органичнее соединять в себе поэзию патриотизма и крепкую реалистическую основу. С этой задачей прекрасно справился актерский ансамбль фильма: Элина Быстрицкая, Михаил Ульянов, Леонид Быков, Петр Щербаков… Вот только несколько имен, впоследствии составивших славу отечественного кинематографа. В «Добровольцах» они достоверно воссоздали облик предвоенного поколения – с его чаяниями, устремлениями. Людей разных, но близких общностью идеалов, свойственных эпохе, в которой жили.

Героев трое. Три друга, добровольцами пришедших строить метро. В первый раз, спустившись в шахту, оробевшие новички неуютно чувствуют себя в полумраке штолен, но пройдет совсем немного времени, и они станут стахановцами, хозяевами метростроя. Вскоре жизнь разбросает их по свету, но их мужская дружба останется неизменной.

Лешка Акишин, герой Леонида Быкова, казалось бы, наименее приметный среди друзей. Милое застенчивое лицо, мягкая улыбка, добрые глаза. Мечтательный, скромный, нерешительный – таким запомнился он зрителям. Лешка сыгран артистом с трепетной влюбленностью, необычайной душевной щедростью и теплотой.

После Максима Перепелицы роль Алеши Акишина – вторая заметная работа актера в кино. И пусть герою Леонида Быкова в фильме уделяется не так много места, актеру за несколько эпизодов удается воссоздать сложный процесс становления героя, подвести зрителя к финальной сцене. Кажется, что можно успеть в нескольких эпизодах, изначально задуманных как эскизная зарисовка героя? Оказывается, многое.

Быковский персонаж – живой, не упакованный в готовую схему. Потому и получился столь достоверным. Бывший парикмахер, ставший метростроевцем, несколько «выпадает» из пафосности сюжета «Добровольцев» и становится одним из самых запоминающихся персонажей картины. Комедийные элементы Быков вводит в образ без нажима и наигрыша, умело демонстрируя запас веселой жизнерадостности, юношеского задора и упорства героя. И даже юмор, который, казалось бы, сам собой, непроизвольно окрашивает все, что связано с персонажами Быкова, проявляется здесь лишь в силу необходимости. Максимально полно раскрывая душевную щедрость своего героя, цельность его характера, актер отказался от броскости и эффектности внешней характеристики персонажа.

Быков понимает своего героя, впервые органично соединяя в своей творческой практике два исполнительских стиля: лирико-

комедийный и лирико-драматический. Этот синтез в дальнейшем на долгие годы станет основой неповторимости и самобытной индивидуальности актера. «Такое понимание в основе нашей профессии. Сыграть хорошо – разве это не значит понять героя, – считал актер, – проникнуть в его внутренний мир, как бы раствориться в нем! Раскрыть характер для зрителя – это, прежде всего, раскрыть его для себя. Персонаж может быть тебе чужд, враждебен – в любом случае исполнение роли означает и познание ее». Последнее не про Алешку Акишина. Именно в «Добровольцах» Быков впервые сталкивается с подлинной человеческой драмой – трогательной и поэтичной. Быков не скрывает симпатии к своему герою, когда тот страдает от душевной боли, влюбленный в бойкую комсомолку Лелю, жену своего друга Кайтанова. Герой деликатен в своем чувстве, понимая, что она любит другого.

Именно у Лешки Быков позже позаимствует такие столь важные черты характера для другого своего персонажа – Алешки из «Алешкиной любви» – мечтательность, наивную восторженность, душевную тонкость и духовную стойкость. Только герой «Алешкиной любви» борется за свою любовь, а Акишин себе этого не позволяет. Вот, скажем, сцена встречи Алеши с Лелькой после его возвращения с Дальнего Востока. В глазах его печаль. Парню грустно, что не его ждала любимая, что не о нем она плачет. У зрителя ни на миг не возникло сомнения в искренности и нежности, с которой Алеша утешает Лелю, в том, что святое чувство дружбы для него превыше всего!

Первое знакомство с героем Быкова происходит у дверей медицинской комиссии. Щуплый, нескладный паренек вместе с другими добровольцами по зову партии и сердца пришел строить метро. Рядом здоровенные ребята самодовольно играют бицепсами, на все лады демонстрируя свое физическое превосходство. И, кажется, нет никакой надежды на то, что Лешка получит долгожданное назначение. Однако, как известно, судьбу можно перехитрить: парню удается уговорить старого мастера и врача, оказавшихся бессильными перед его обаянием.

Насколько Лешка комичен в сценах «битвы» с доктором за право работать в метро без соответствующей физической закалки, настолько трогателен и нежен в своей затаенной и несбыточной любви. Это чувство живет в нем постоянно. Лишь перед смертью решается Лешка на признание. Только так мог поступить Лешка – человек беспокойного сердца с большим зарядом человечности, моральной чистоты и самоотверженности. Все эти качества актер и ставит во главу угла роли.

Вместе со всеми уходит Акишин в сорок первом защищать

Родину. Его гибель на торпедированной немцами подводной лодке решена в фильме как бессмертие. Без колебаний отдавая свой кислородный комплект товарищу, Лешка просто не может поступить иначе. Его простой, как сама жизнь, поступок потрясает зрителя. В этом весь Лешка, такой, каким его знают и любят друзья. В самую тяжкую минуту гибели подлодки он думает о других, помогая сослуживцам выйти через торпедные аппараты из затопленного корабля. Ему предстоит остаться в отсеке навечно, закрыв за последним крышку аппарата и ценою собственной жизни спасти остальных. Оставшись в одиночестве, он пишет в вахтенном журнале прощальное письмо друзьям и любимой Леле, надеясь, что оно когда-нибудь достигнет адресата. Зрителю, полюбившему героя, нелегко смириться с гибелью Лешки. Драматическая сцена в подлодке выполнена лаконично, как, впрочем, и вся игра Быкова. Богатый диапазон исполнительских красок – с подтекстами и полутонами уже здесь свидетельствует о подлинной зрелости художника.

В том, что актер очень похож на своего экранного героя, говорили все. Вот как отзывался о своем партнере Леониде Быкове Михаил Ульянов, сыгравший в фильме одну из главных ролей: «Есть такие люди, в которых живет солнечный свет. Это какой-то особый дар природы. Сам по себе человек ведет себя обычно и просто. А вот светло рядом с таким человеком и тепло. Человек, наделенный таким даром, оставляет о себе особенную память. Это может быть и не такая уж долгая встреча, а все равно ты успеваешь рядом с таким человеком согреться.

Вот таким и был Леня Быков. Небольшого роста, с утиным носом, добрейшими и какими-то драматичными глазами.

Он был интеллигентен и воспитан. Это была не вышколенная манера, не лукавое желание произвести приятное впечатление (бывают и такие хитрецы). Нет, у Леонида Федоровича от природы был характер такой, деликатный и чуткий. Он был человеком мягким, скромным в общении и добрым.

Судьба свела меня с ним всего один раз. Мы вместе снимались в фильме «Добровольцы». Это было давно, на заре нашей работы в кино. Почти все в нашей группе были зелены и молоды. Мы были беспечны и самоуверенны. Нас мало что тревожило. Мы были наивны. Но и тогда, в нашей молодой и угловато-острой группе, Леня занимал какое-то свое, никак не защищаемое им, но только ему принадлежащее место. Мы были все почти погодки, но какой-то особый тон, уважительность, что ли, сквозил во всех его словах, рассказах, беседах.

Эта обаятельнейшая человеческая черта освещала и все его актерские работы. Комсомолец-доброволец Акишин –

слабосильный, нежный, глубоко спрятавший любовь к Лельке. Но в трагическую минуту гибели подлодки, где служил маленький Акишин, он проявляет поразительное мужество. Смешной, добрый и какой-то светлый человек – таким играл Л. Ф. Быков своего Акишина. Играл? Да просто был в предлагаемых обстоятельствах со всем своим светлым характером.

В пору «Добровольцев», мы, может, еще не вполне осознанно, но достаточно внятно видели пользу театрального тренажа на примере Лени Быкова. Он уже был к тому времени опытным актером Харьковского театра драмы, и этот опыт помогал ему, как спасательный круг. Ясно помню, как импровизировал Леня во время «скоростных» репетиций перед камерой. Он помогал нам как партнер. Он был настоящим партнером, то есть не только сам плыл, но и тянул за собой.

К сожалению, после «Добровольцев» я больше не встречался с Леней в работе. Такова уж жизнь наша актерская. Можно пройти рядом всю жизнь и никогда не встретиться. Можно сниматься в одном и том же павильоне и никогда вместе не работать. Вот так и случилось, что больше в работе с Л. Ф. Быковым мы не встречались…»

А вот как вспоминает артиста Элина Быстрицкая в интервью, которое дала мне по случаю 70-летия Леонида Быкова: «Съемки «Добровольцев» были сорок лет назад. Что бы я сейчас могла вспомнить о Быкове? Это был умнейший, чрезвычайно скромный человек. Я бы даже сказала немного замкнутый. Всегда корректный, всегда осторожный, хотя, безусловно, очень эмоциональный. Я сразу это поняла, хотя мы и снимались вместе всего в одном-двух эпизодах, что это человек тончайшей души. При минимальном тексте, который у него был, он мог выразить свои чувства так емко, так серьезно и глубоко, что сразу чувствовался хороший актер.

Помимо съемок мы почти не встречались – у меня было много работы в Малом театре. Молоды мы были, не ценили, что судьба предоставила нам возможность такого общения. За давностью лет, конечно, какие-то детали из памяти стерлись. Мы его очень любили. Он все время острил. Это привлекало в нем и притягивало. Я всегда с удовольствие слушала его шутки.

Я всегда была поклонницей всех его и актерских, и режиссерских работ. Считаю огромной утратой для искусства, что он так рано ушел из жизни. Такие артисты, как Леонид Быков, встречаются чрезвычайно редко: чтобы подобные душевные качества и подобный талант были в одном человеке. Я хотела бы, чтобы память о нем сберегли. Он погиб на взлете. Говорят, собирался снимать что-то крупное. И он бы смог, так как набрал

большую силу. Как часто мы не бережем таких людей…»

«Алешкина любовь»

В 1960 году на экраны страны вышла картина Семена Туманова и Георгия Щукина «Алешкина любовь». Она стала еще одним актерским триумфом Леонида Быкова, в ней он сыграл одну из самых трогательных своих ролей и вошел в первую десятку молодых советских кинозвезд. Роль Алешки была словно специально написана под Быкова. И все предыдущие образы, большие и малые, были лишь подступами к ней. То, что выбор актера на роль Алешки – человека доброго, предельно чистого и скромного, доброжелательного к людям и взыскательного к себе пал именно на Леонида Быкова, стало счастливым обстоятельством для фильма. Произошло то редкое слияние личности исполнителя и образа героя, которое и привело к созданию столь достоверного и правдиво-яркого образа. Как не хватает многим нынешним героям отечественных и зарубежных кинолент качеств, которые есть в милом, застенчивом пареньке Алешке – того огромного заряда доброты и духовной силы.

Умение Быкова создать внутренне наполненный, своеобразный человеческий характер проявилось в «Алешкиной любви» с наибольшей силой. Время требовало от актера, исполняющего роли современников, показать их высокую человечность, душевную чистоту и нравственную бескомпромиссность. И это выходило у Быкова как-то особенно легко и убедительно. Не обладая яркой запоминающейся внешностью, он покорял, завораживал зрителей свойственной только ему особенной внутренней поэтической красотой. Первое, что всплывает при упоминании фильма в памяти зрителей, – эпизод, когда Алешка, подставляя голову солнцу, без устали вышагивает километры до переезда, где живет его любимая…

Среди множества самых разных по глубине и драматичности фильмов, посвященных любви, несомненно, было немало и более художественно тонких, и философски весомых, на взгляд критики, произведений. И все же, «Алешкина любовь» стоит среди них на особом месте. Возможно, оттого, что после просмотра этой картины в душе остается ощущение полноты человеческого счастья, поскольку мы понимаем, что Алешкина любовь не может остаться безответной.

Чистота этого чувства, удивительная простота изложения незатейливой истории об Алешке и стрелочнице Зинке трогает сердца зрителей до сих пор. Не вызывает сомнения, что и самого Быкова восхищала воля и энергия его героя, непобедимое и бескорыстное чувство, которое благодарно отозвалось в душе

Зинки. Его Алешка – настоящий рыцарь. Рыцарями были и другие герои Быкова, но они изначально осознавали свое поражение в борьбе за любовь. Романтик Алешка, как может, до конца отстаивает свое чувство. Его глазами и остальные герои фильма, и зрители учатся видеть прекрасное в обыкновенном, высокое в повседневном.

Некогда выпускник школы Алешка работает подсобным рабочим в группе геологов-буровиков. Все дальше и дальше отодвигается она в степь от железнодорожного переезда, где живет Зинка. Однако его это нисколько не смущает – парень готов шагать к ней, если понадобится, и за пять, и за десять, и даже за пятнадцать километров. Ничем не примечательный, нескладный, он с настойчивым упрямством добивается любви гордой красавицы. Его помыслы чисты, он верен любви и не стесняется своего чувства. Эти качества и непреклонная настойчивость покоряют Зинку. Будучи вечным предметом насмешек своих товарищей, он становится непоколебимым, когда дело касается чести любимой девушки. А уж после того как Алешка, не испугавшись тугих кулаков, вступится за ее честь, Зинка присмотрится к нему внимательнее. И однажды сама придет к стоянке геологов, чтобы увидеть его, своего Алешку. Этот неожиданный для всех поступок девушки произведет перелом в душах его товарищей, ранее подтрунивавших над ним и не верящих в силу этой любви.

Роль Алешки необычайно трудна, поскольку лишена внешнего драматизма. Особенно выразительны портретные характеристики влюбленного паренька. Быкову удается передать пронзительное чувство юношеской трепетной, возвышенной любви, не прибегая к особым внешним аффектированным приемам. Давая право заглянуть во внутренний мир Алешки, он обнаруживает его духовную красоту. Роль ведется неторопливо, на внешнем покое, скупой жестикуляции. Характер героя складывается на наших глазах постепенно. Маленький, худенький Алешка кажется вначале слабым, незащищенным, но к пошлому и дурному он беспощаден. И у актера находятся новые краски для обрисовки внутренней силы героя. Так, робость перед Зинкой не мешает Алешке резко оборвать ее развязный тон. Такой он не хочет ее видеть!

Кажется, Алешка не приспособлен к жизни в степи, к долгому физическому труду и общению с такими грубыми, пошлыми людьми, как Николай. И все же он одерживает победу, поскольку верит в доброе, хорошее начало в человеке, считает зло наносным, случайным. Поэтому для него так важно, чтобы этот грубый парень с нехорошим смешком, оскорбивший Зинку,

извинился перед девушкой. Жестоко избитый Николаем, Алешка не возвращается в партию, не идет к ребятам. Он остается ночью в степи наедине со своими невеселыми мыслями. Свет фар высвечивает одинокую фигурку – худенькую, нахохлившуюся, задумчивую… Ребята заставляют Николая разыскать Алешку, уговаривают вернуться. «Пусть извинится…» – непримиримо повторяет тот и добивается своего. Почти все герои этого фильма, собственно, все, кроме Алешки и Зины, любовь так и не узнают или примут за нее что-то иное… И цинизм для них – единственное средство отгородиться от внутренней потребности в настоящем чувстве. Потребности, никогда не умирающей в Алешке. Алешка победит. Всех. Последним, конечно, Николая. Потому что все поверят – это любовь, та, про которую в книжках пишут.

И между Аркашкой и Сергеем состоится знаменательный разговор.

– Аркаш, а у тебя была любовь?

– Спрашиваешь!

– Да нет, я тебя серьезно спрашиваю. Такая, как у Алешки?

– Нет… Такой не было, а у тебя?

– У меня тоже нет…

Так любовь наконец-то признана бригадой как факт бытия. Теперь ее надо только встретить.

«Леониду Быкову, как мне кажется, играть эту роль было легко, ибо он, по существу, играл самого себя, – вспоминал оператор фильма Константин Петриченко. – Ему очень нравилась роль Алешки.

Волею судьбы его герой попадает в группу работающих в степи геологов-бурильщиков. С первых же дней работы Алешка сталкивается с нравами, прочно установившимися в коллективе людей, и вступает с ними в конфликт. Он – мечтательный, наивный – становится белой вороной, объектом насмешек и постоянных розыгрышей. Конфликт достигает своей кульминации к тому времени, когда всем стало известно, что Алешка влюбился в местную девушку. Чистотой своего отношения к ней, силой чувств он заставляет многих из коллектива задуматься над собой и своей жизнью».

Да, игра Быкова в фильме – глубокая, пристальная, взволнованная и поэтому волнующая. Актер с увлечением занимается исследованием чистой, стойкой, правдивой человеческой натуры и разделяет непримиримость Алешки к злу и пошлости, к черствости и наглости. Возмущение бескультурьем и бездуховностью убедительно мотивирует бескомпромиссность и горячность его героя, его желание дать немедленный и прямой

отпор хамству. Актер верит и убеждает в этом зрителей, что его Алешка никогда не утратит этих драгоценных качеств.

«Надо их всю жизнь хранить – вот мое убеждение, – говорил Быков о своем герое. – С ним играл эту роль, с ним остаюсь и по сей день. Без него мне бы не сыграть ни Титаренко, ни Святкина – духовных братьев наивного пацана и мудрого человека Алешки, что работал далеко в степи с геологами и за многие километры ходил каждый день до переезда к Зинке, чтобы подарить ей цветы».

Спустя годы мы с благодарностью воспринимаем смелость режиссеров Семена Туманова и Георгия Щукина, доверивших роль Алешки Быкову. Кажется, что актер и не выходил за рамки привычного амплуа, а роль получилась совсем иной, нежели те, что он играл до этого. Без малого полвека этой удивительно светлой ленте, а она по-прежнему трогает сердца. И во многом именно благодаря Быкову. А ведь в год выхода на экраны картина вызвала широкий зрительский отклик и немало споров, особенно в молодежных аудиториях. И это неудивительно, поскольку лента была предназначена именно молодым. В прокате она заняла далеко не первое место. Лидерами на тот момент стали: «Полосатый рейс» (42,34 млн. зрителей), «Чисто небо» (41,3 млн.), «Две жизни» (41,3 млн.). В длинном списке вновь вышедших картин «Алешкина любовь» была лишь на 20-м месте (23,7 млн.). И все же она долго не сходила с экранов. В одном из интервью Леонид Быков вспоминал, как на одном из обсуждений картины выступала женщина. «У меня два сына, – сказала она. – Одному четырнадцать, другому пятнадцать лет. Если хоть один из них вырастет похожим на Алешку, я буду счастлива…» «Как мне хотелось после этого работать, искать новое», – признавался актер.

Так как фильм начинается со сценария и его успех во многом обусловлен степенью писательского таланта, значит, пришло время поговорить о замечательном кинодраматурге, знатоке женских характеров и судеб Будимире Метальникове, написавшем более 20-ти сценариев, среди которых были и полюбившиеся зрителям «Отчий дом», и «Простая история», и «Женщины». Его судьба весьма показательна для времени, в котором он жил. Конец 50-х – начало 60-х годов – окончание эпохи малокартинья и приход кинематографического ренессанса стали весьма плодотворны для кинодраматурга.

Почти все свои работы, начиная с первого сценария «Крутые горки» он посвятил деревне, которую хорошо знал и любил. Это-то и удивительно, поскольку Метальников, в отличие от многих знаменитых писателей-«деревенщиков» – Абрамова, Белова,

Можаева, Астафьева, Шукшина… – родился в городе. Как запала в его сердце деревенская тема? Исследователи творчества сценариста считают, что свою роль здесь сыграла война, на которую он ушел совсем молодым. Это она вывела его на размышления о судьбе послевоенного крестьянства. Когда он своими глазами увидел, что натворила она в русской деревне, как перепахали землю танки и машины, разрывы бомб… И все же, наравне с решением насущных социальных проблем и нелегкой повседневной сельской жизнью главным для героев Метальникова, среди которых есть и председатели колхозов, и секретари сельских обкомов, и простые труженики земли, остается любовь. Счастливая и несчастная, взаимная и безответная, она пронизывает содержание всех сценариев автора.

Несмотря на оттепель, когда, казалось, само время ждало раскованности в проявлении чувств и несло в кинематограф и литературу новые мысли, тема любви по-прежнему считалась незначительной. Она не значилась и в рубриках студийных планов. О любви принято было говорить попутно, в «перерывах» между трудовыми свершениями. В этот период на «Мосфильм» приходит сценарист (до этого он сотрудничал с Киностудией им. Горького), открыто с порога заявивший о своем желании написать сценарий о любви.

Надо отдать должное мудрости Михаила Ромма, в то время художественного руководителя одного из объединений, позволившего ему это осуществить. Зная художественную манеру и возможности драматурга Метальникова (уже был снят по его сценарию «Отчий дом» и находилась в производстве «Простая история»), его умение глубоко и поэтично рассказывать о человеческих чувствах, Ромм одним из первых поддержал заявку на «Чужую любовь» (первое название сценария фильма «Алешкина любовь») – так ему понравилась предложенная автором история.

Когда были устранены незначительные погрешности в развитии сюжета и в характерах главных героев, на которые указала редактура, состоялось обсуждение сценария. Он был признан незавершенным. Главный редактор 3-го творческого объединения «Мосфильма» И. Маневич в своем заключении отметил: «Любовь Алексея рассказана вами ясно, видно, но порой холодновато, вяло, без большого волнения. Она недостаточно индивидуальна и страстна. В этой любви мало перипетий, переходов Алешки из одного состояния в другое, чувство не всегда проявляется достаточно ярко и сильно. Мы плохо представляем себе, чем является Зина в глазах любящего ее Алешки, мало знаем о содержании их отношений. Хотелось бы

больше силы, темперамента в проявлении чувств героев…» Согласитесь, что сегодня странно читать подобное заключение применительно к любимому фильму. И пусть африканских страстей в нем не прибавилось, автор на полутонах вывел такие образы и взаимоотношение героев, что зрителю не пришлось сомневаться в истинности их чувств.

Когда на следующем обсуждении сценария 19 января 1960 года новый вариант был принят худсоветом к производству, добрые слова в его адрес высказали такие мэтры кинематографа, как Евгений Габрилович и Юлий Райзман. Правда, последний настаивал убрать из сценария сцену драки Алешки и Николая, оскорбившего Зинку. Парнишка заступился за честь любимой, но был нещадно побит более сильным противником. У Метальникова хватило смелости возразить маститому режиссеру и отстоять эпизод. Он считал, что драка – важное событие в сюжете, поскольку многое дает в понимании характеров героев и их дальнейших поступков.

Именно работа над этим эпизодом, по мнению оператора фильма Константина Петриченко, давала представление о Леониде Быкове как о человеке: «Во время съемки, по ходу действия, Алешка должен был дать пощечину одному из геологов, который оскорбил его любимую девушку. Быков, ко всеобщему удивлению, наотрез отказался это сделать. Как ни уговаривали его, особенно его партнер, он согласился только на один дубль. Зная это, все поняли, что уговаривать его бесполезно. Так и был снят один дубль, что по тем временам случай почти невероятный».

После утверждения сценария Ромм поручил постановку своим ученикам – выпускникам Высших режиссерских курсов Семену Туманову и Георгию Щукину, сверстникам Метальникова. Надо сказать, что после постановки «Алешкиной любви» режиссеры сняли еще один совместный фильм – «Павлуха» – о 12-летнем мальчике. Фильм вообще не имел никакого успеха, и пути-дорожки Щукина и Туманова разошлись. Чуть позже Туманов снял картину «Ко мне, Мухтар!». Ее и сегодня часто показывают по ТВ. Главным образом, из-за участия в ней Юрия Никулина, который, кстати, сам очень любил этот фильм.

Надо сказать, что с исполнителями режиссерам везло. В своей дебютной картине они доверили главную роль уже известному актеру. И от этого картина только выиграла. Герой нового фильма оказался удивительно близок актерской природе Леонида Быкова. Найти подходящую кандидатуру на роль Алешки было непросто – на пробах Быков был двадцать седьмым. Поиски начали с Театра-студии киноактера (многие роли в

фильме распределены именно между актерами этого театра). После многочисленных неудач претендента уже искали в картотеках всех студий страны, в стенах ВГИКа и театральных училищ. Когда в картину пришел Быков, все сразу встало на свои места. Выиграв огромный кастинг, актер буквально влюбился в роль, хотя никак не мог избавиться от сомнений – стоит ли вообще за нее браться? Ведь на момент съемок Быкову был тридцать один год, а герою фильма едва исполнилось двадцать. Алешка влюблен в красивую девушку, которая, в конце концов, должна ответить на его чувство. «Какой из меня Ромео?» – задавал вопрос себе и режиссерам Быков.

Георгия Щукина и Семена Туманова вначале тоже смущал возраст актера: удастся ли ему достоверно сыграть вчерашнего школьника? Однако заручившись поддержкой художественного руководителя постановки Михаила Ильича Ромма, они дружно поддержали Быкова: «Именно такой Ромео, как вы, нам и нужен». И это выбор оказался точен. Сегодня уже трудно представить себе другого исполнителя, настолько актер гармоничен в этой роли. Его герой ему близок и своими жизненными, и биографическими чертами, в чем Быков позже не раз признавался.

Непростым оказался отбор актеров и на другие роли. Так, роль Николая, с которым дрался Алешка, могла достаться Юрию Саранцеву (в фильме ее исполнил Иван Савкин), Ильи (сыграл Борис Балакин) – Ивану Рыжову (ему дали другую роль), жены Ильи Лизы (Ольга Хорькова) – Лидии Смирновой или Нонне Мордюковой, Аркашки (сыграл Юрий Белов) – Раднеру Муратову или Александру Лебедеву.

На главную женскую роль – Зинки претендовали такие красавицы экрана, как Ия Арепина, Изольда Извицкая, Людмила Гурченко, Людмила Шляхтур (Давыдова), Тамара Витченко… В фильме главную героиню блестяще исполнила восходящая звезда – 24-летняя выпускница Ленинградского театрального института им. А.Н. Островского Александра Завьялова. Ее карьера только начала развиваться. Сначала по распределению она попала в Брестский драматический театр, где сразу стала примадонной. К тому времени как ее пригласили в «Алешкину любовь» в багаже молодой актрисы уже были заметные роли в фильмах: «Песня о Кольцове», «Ждите писем». Настоящим триумфом Завьяловой стал фильм «Люди на мосту». Роль сибирячки Лены словно специально написана под нее. После выхода картины стало ясно – в кинематограф пришла яркая самобытная актриса, даже внешностью своей ни на кого не похожая. К сожалению, недолго она занимала пьедестал одной из самых красивых молодых актрис советского кино. Один за другим выходили фильмы с ее

участием, когда Завьялова неожиданно пропала с экрана. Вокруг ее имени народилось множество слухов, один нереальнее другого, а в печать так и не просочилось никакой достоверной информации.

Даже сегодня, спустя много лет, Александра Завьялова так и осталась загадкой экрана. Она никогда не мелькала на кинематографических вечеринках, не появлялась на встречах со зрителями, как могла, избегала интервью и интереса журналистов к своей «скромной» персоне. Завьялова словно затаилась и не спешила открывать публике тайники своей души. Загадочная судьба актрисы где-нибудь в Голливуде давно бы стала кинобестселлером, в нашей же стране таланты никогда не считали.

И все же в 2001 году мне посчастливилось встретить Александру Завьялову в Доме Ханжонкова на актерском кинофестивале «Женщины кино» имени Веры Холодной, где ей вручался приз «Негасимый свет звезды». Актриса была так растрогана теплой встречей зрителей, что при выходе на сцену не смогла сдержать волнения и слез. После окончания вечера, к моему счастью, Александра Семеновна согласилась на интервью. Наша встреча состоялась на следующий день в номере гостиницы «Пекин» на площади Маяковского, где она остановилась на несколько дней вместе с сопровождавшей ее дочерью Татьяной. Вот небольшой фрагмент того интервью, опубликованного в «Парламентской газете»:

Актриса сама начала беседу с вопроса, который меня интересовал больше всего: «Почему звезда 60-х – 70-х так резко исчезла с экранов, что же случилось?..»

« – Единственное, что мне непонятно, – размышляла актриса, – почему в Ленинграде, теперь Санкт-Петербурге, где я живу столько лет, нет никаких известий о моем существовании. Мне самой трудно объяснить то забвение, в которое я провалилась, как в болото. Сорок лет прожив в Ленинграде, душою рвалась в Москву. В 90-х я даже была на грани отъезда в Италию, настолько и физически, и духовно мне стало холодно на Родине. И как с этим бороться, я, честно говоря, до сих пор не знаю.

– Вы, на первый взгляд, такая мягкая, кроткая, в кино играли диаметрально противоположное. Было трудно?

– Отдавала много нервов, горела… Когда работала над очередной ролью, во всем себе отказывала, никуда не ходила, ни с кем не общалась. Всегда старалась играть, как в музыке, без фальши – не взять ни одной невыверенной ноты.

В «Алешкиной любви» я очень обязана Леониду Федоровичу –

благодаря ему моя роль удалась. Я уверена в том, что успехи актрис очень во многом зависят от личности партнера. Могут существовать разные направления в актерской игре, но когда рядом с тобой явление, то выигрываешь и ты, и фильм в целом.

Во время работы над образом Алешки Быков мне казался всегда каким-то неуверенным в себе, но, в то же время, не был равнодушным. И с чем бы он ни соприкасался – все светилось требовательностью к себе, ярким темпераментом. В Быкове большой художественный талант удивительным образом сочетался с простой и высокой нравственностью. Он кропотливо, почти дотошно выстраивал роль согласно своей актерской и человеческой интуиции. Работать с ним и общаться было и радостью, и счастьем. Я благодарю судьбу за то, что в начале своего творческого пути познакомилась с таким тонким мастером, человеком необыкновенно теплым, чутким и внимательным. Он дарил свою щедрость души и согревал всех своей неподдельной непосредственностью. Это был настоящий, большой, гуманный художник и человек. Все, кто хоть раз встретил его в своей жизни, работал с ним, будут помнить Леонида Федоровича Быкова с огромной нежностью, любовью, уважением перед его выдающейся личностью большого мастера и прекрасного человека».

Вернемся к фильму. Когда все организационные вопросы были улажены, съемочная группа отправилась на натурные съемки в окрестности Феодосии. Пока исполнитель главной роли был не найден, снимались эпизоды без его участия. Леонид Быков появился в кадре ближе к июлю. Ему было легко влиться в уже отлаженный съемочный процесс – на площадке царила удивительно благожелательная творческая атмосфера. Каждый из участников старался внести в работу что-то свое. И это благотворно влияло в целом на результат. Работа шла на одном дыхании. Съемки прервались лишь однажды, когда пришлось ненадолго отпустить двух исполнителей: Завьялову срочно вызвали в Москву на озвучание роли в картине «Хлеб и розы», а Белов в составе делегации советских кинематографистов отправился в Париж. В конце сентября все снова встретились в Феодосии и благополучно досняли нужные сцены. Уже по возвращении в Москву доработали и павильонные объекты – дом Зинки и палатку.

Вот как вспоминает то время кинокритик Георгий Капралов: «Да, Быков был не востребован. Замечательный актер! Я представляю, как бы он рос дальше. Он же ушел в расцвете сил. Он мог играть большие роли, но и маленькие роли сыграл, как большие. В каждой была личность, его личность. Не случайно мой

друг Семен Туманов – замечательный недооцененный режиссер, и театральный, и кинематографический, начал свою творческую жизнь как раз с «Алешкиной любви». И с каким восторгом он тогда говорил об этом, а на студии (на «Мосфильме») его не признавали. Ему говорили: ну, что вы сняли? Ну, ходит парень по рельсам каждый день за 20 километров на свидание. Вот если бы он строил Сибирскую магистраль, это было бы другое дело…»

Фильм был сдан под Новый год, но на всесоюзный экран попал лишь весной 1961-го. И вот здесь началось самое неожиданное – критика приняла мелодраму в «штыки», усмотрев в ней множество идеологических недостатков. На имя министра культуры СССР Екатерины Фурцевой пришло письмо от высокопоставленных партийных чиновников с оглушительной критикой в адрес фильма. В нем заострялось внимание на «ограниченности героев, ярко подчеркнутом постановщиками цинизме», а их поведение расценивалось как «нехарактерное для поведения нашей молодежи, для советских людей». Было выявлено и «хамски-пренебрежительное отношение к женщине», а язык фильма определялся как «скудный, пересыпанный уличными жаргонами, бранью и избитыми афоризмами».

Герои картины расценивались как «духовно обедненные, неживые личности», а в вину Зинке вменялось то, что она разговаривает «корявым, несовременным языком». Авторов фильма называли «оторванными от жизни», не представляющими себе «подлинного облика нашей рабочей молодежи, ее разнообразного круга интересов, вкусов и запросов». Авторов обвиняли в том, что они не воспользовались «возможностью показать величие и значение тяжелого труда геологов, изыскателей. Показать настоящий коллектив, дружбу, честность, любовь, верную и преданную»…

Журнал «Искусство кино» выделял крупные недостатки сценария, значительно усилившиеся в фильме. Коллектив «Мосфильма» призывался «сделать для себя серьезные выводы, повернуться, наконец, лицом к жизни», чтобы не выпускать «в свет суррогатов, подобных фильму «Алешкина любовь».

Остается лишь вновь удивиться, что все выше перечисленное относится к данному фильму! И недоумевать, как в таком незатейливом сюжете можно было усмотреть столько крамолы. Говорят, что Фурцева после прочтения грозного письма-обвинения самолично отправилась на просмотр рецензируемого фильма, но ничего крамольного в нем не нашла. А когда на «Мосфильме» ей показали кипу благодарственных писем от геологов и простых зрителей, все вопросы отпали сами собой.

Две встречи с Ростоцким

В фильмах фронтовика Станислава Ростоцкого Леонид Быков снимался дважды: в 1959 году в «Майских звездах» и в 1962 году в фильме «На семи ветрах». То были достаточно небольшие, но серьезные и запоминающиеся роли.

«Майские звезды»

Создавая на экране яркие комедийные образы, привычные для зрителей, сам Быков всегда стремился к серьезной драматургии. Особенно близка была ему тема войны. Несмотря на то что в этом фильме актеру отведена крошечная роль, она потребовала от исполнителя мгновенного, сиюминутного попадания в образ. Вложив в работу всю палитру своей души, Быков сделал роль незабываемой, создав, по сути, за несколько экранных мгновений «реквием» о солдате, не вернувшемся с войны, к чему стремился все последующие годы.

«Майские звезды» – картина совместного советско-чехословацкого производства, снятая по сценарию Людвига Ашкенази, непохожа на предыдущие фильмы Ростоцкого выбором темы и жанра и тем, что открывает новую страницу в творческой биографии режиссера. Прежде, не склонный к философским обобщениям, Ростоцкий в «Майских звездах» не только вглядывается в жизнь как наблюдательный очеркист, но и подмечает в ней самые разные ее стороны, находя очень точную поэтическую интонацию.

«Майские звезды» – фильм-воспоминание. Четыре новеллы, не связанные единым сюжетом, объединены местом и временем действия. Все происходит в День Победы в освобожденной советскими войсками Чехословакии. Сюжеты новелл словно случайно подсмотрены в жизни. Их герои немногословны, но их мироощущения и даже любовные переживания, оказавшиеся в центре повествования, по-своему убедительно раскрывают счастье и трудность Победы.

Первая новелла посвящена усталому советскому генералу (А. Ханов), остановившемуся для недолгого отдыха в домике у дороги, и маленьком мальчике, сыне хозяев. Вторая – о неожиданной любви встретившихся в сельской школе советского офицера Андрея Рукавичкина (В. Тихонов) и юной чешской учительницы (Я. Брейхова). В третьей новелле – наиболее активное внешнее действие: узник Освенцима (М. Недбал), возвращаясь домой, обнаруживает в квартире засевшего автоматчика. Фашиста можно уничтожить одним выстрелом из орудия танка, но тогда погибнет не только квартира, но и дом, в котором она находится. И старик, чудом оставшийся в живых, окажется без крова. Молодой танкист, которого и играет Быков, уничтожает автоматчика ценой собственной жизни. В последней новелле – бурная дискуссия: пассажиры первого послевоенного пражского трамвая упрашивают вагоновожатого (Ф. Кройцман)

уступить на один перегон место своему коллеге – советскому сержанту, в прошлом киевскому трамвайщику, стосковавшемуся по мирной профессии (Н. Крючков).

Новеллы соединяются лаконичными сюжетными связками. Генерал, едущий по пражским улицам, читает на стенах надпись мелом: «Квартал разминирован. Л-т Рукавичкин». Так подготавливается вторая новелла: мел кончился, и в поисках его сапер Рукавичкин попадает в школу. Аналогичным образом подготовлена и третья новелла: герой Тихонова встречает на дороге бывшего пленника Освенцима Новака и сажает его на попутную машину, идущую в Прагу. После гибели советского танкиста потрясенный Новак встречает рассвет на улицах Праги и видит первый послевоенный рейс пражского трамвая.

Интересно, насколько различны жанры новелл. Станислав Ростоцкий в апрельском номере журнала «Советский экран» за 1959 год, рассказывая о новом фильме, определил первую как традиционный детский фильм, вторую – как сказку о любви, третью – как трагедию, четвертую – как комедию. Конечно, подобная их несхожесть по драматургическим и жанровым признакам грозила нарушить целостность фильма, превратить его в четыре разрозненных фрагмента. К чести авторов, подобного не произошло. «Майские звезды» – фильм удивительно цельный, проникнутый единством мысли и стиля, общей эмоциональной атмосферой. Глубина перелома, свершившегося в жизнях и душах людей, неповторимость исторического момента, произошедшего на рубеже войны и мира, – главная поэтическая идея фильма. Она придает емкость и многозначительность его простым, казалось бы, ситуациям, возвышая будничное, а героическое делая естественным.

Леонид Быков в «Майских звездах» говорит со зрителем языком высокой драмы, раскрывая мужество и доброту своего героя. Достигнув предельной жизненной достоверности, убедительности и подлинного мастерства, он в который раз подтверждает истину, что для настоящего актера нет маленьких ролей.

Станислав Ростоцкий: «Есть люди, рядом с которыми хорошо, люди, излучающие какую-то добрую энергию, энергию ума и сердца. Таким человеком он запомнился мне с этой первой встречи. Может быть, именно поэтому, когда я вспоминаю сейчас дни нашей первой совместной работы, все представляется мне каким-то светлым и радостным, несмотря на трагичность новеллы, которую мы снимали с его участием. Я вспоминаю улочку старой Праги, на которую под лучами весеннего солнца въезжал танк, с лязгом открывался верхний люк, и из него

высовывался советский танкист. По сценарию, у танкиста не было даже имени, не то что биографии, но его играл Леня Быков, и вместе с ним сначала на съемках, а потом в фильме возникал и утверждался характер, проявлялась биография, рождалось ощущение правды происходящего.

Да, это была настоящая старая узкая улочка Праги, настоящий, с трудом протискивающийся в нее танк, но главным условием достоверности становился живой человек, за которым ощущалась судьба поколения, жизнь взрастившей его страны, чистая и ясная душа народа.

И так было всегда и во всем, к чему прикасался Леонид Быков.

Это ощущали все участники съемки».

И это неудивительно, ведь стилю актерской игры Леонида Быкова характерны удивительная естественность и отсутствие внешней эффектности, точность психологического рисунка, внимание даже к малозначительным деталям поведения и малейшим оттенкам душевного состояния персонажа. Гибель советского танкиста на улицах освобожденной Праги в день Победы потрясает. Его герой выполняет свой долг просто, словно повседневную работу. Появляясь на экране всего на несколько минут, солдат двумя-тремя фразами перебрасывается с окружающими. Оказавшись у дома, где засел последний гитлеровец, танкист решает разрешить ситуацию, особенно когда узнает, что хозяин квартиры вчерашний узник концлагеря.

С этой минуты к бойцу прикованы глаза, мысли и сердца, как экранных героев, так и зрителей. Вот Алеша вбегает в подъезд дома, в котором засел фашист, и все, затаив дыхание, вслушиваются в стук его сапог, раздающихся по лестнице, в короткую перестрелку… В наступившей напряженной тишине медленно текут секунды томительного выжидания. И вот появляется фигура бойца. Он идет, как-то неестественно переставляя ноги и волоча за собой автомат… И, как подкошенный, падает на камни мостовой. Чешская женщина закрывает глаза советскому солдату, отдавшему жизнь за мир чужого дома. Не в силах скрыть слезы, отворачивается потрясенный непоправимостью трагедии Новак. И уходит, еще больше сгорбившийся и постаревший. И такой несправедливой нам кажется смерть русского парня в этот праздничный, пронизанный солнцем день, первый день мира!..

Оценивая работу Леонида Быкова и вспоминая слезы, невольно выступавшие на глазах у задействованной в этой сцене массовке в момент гибели его героя, Станислав Ростоцкий был, как всегда, лаконичен: «Кончилась игра – появлялась правда».

Встреча со Станиславом Ростоцким оказалась судьбоносной для Леонида Быкова. Ростоцкий заронил в душу актера желание стать режиссером, поскольку считал, что у него есть не только необходимый для этого талант, но и главный человеческий дар: «И в жизни, и в своих фильмах он всегда ощущал чужое страдание более остро, чем свое. Именно этот дар рождает бунтарей и поэтов. Именно им должен обладать тот, кто претендует на высокое звание художника. Всем своим творчеством и всей своей жизнью Быков заслужил это звание. Герои, которых он сыграл, навсегда останутся в памяти народа». Кроме этого, Ростоцкий был уверен, что интеллигентом, как и народным художником, притвориться нельзя. Для этого нужно быть таким человеком, каким был Леонид Быков.

Ростоцкий – фронтовик, снявший несколько замечательных картин о войне, именно «В бой идут одни «старики» называл лучшим фильмом о войне – по точности воссоздания характеров и атмосферы, по человечности и эмоциональной силе…

«Когда я посмотрел «В бой идут одни «старики», – вспоминал он, – я даже как-то не сразу понял, почему так глубоко тронула меня эта картина. Не понял, но ощутил чрезвычайное волнение. Я сейчас мог бы многое объяснить, но мне не хочется этого делать. Я просто люблю, и полюбил с первого взгляда эту картину.

Мы часто хорошо забываем то, что забывать не надо. Мало кто помнит или старается теперь не вспоминать, что картину приняли далеко не единодушно. Очень часто о картине говорили снисходительно: «Ну, – так сказать, – актер сделал картину, ну простим…» Время все поставило на свои места так, как происходит всегда: уходят в небытие «яркие, высокохудожественные шедевры», поднятые до небес критикой, пустопорожние, сделанные к датам, а подлинное, честное, искреннее продолжает жить. Так живут картины Лени Быкова. Потому что в них есть истинная поэзия, искренняя любовь, подлинная масштабность. Потому что за ними мы всегда ощущаем душу художника, в которой так много сочувствия к чужим горестям и бедам.

Леня Быков любил людей, любил жизнь больше, чем себя.

…Когда была премьера фильма «В бой идут одни «старики», меня не было в Москве, но мне удалось прислать телеграмму, и Леня прочитал эту телеграмму вслух со сцены. Я ее послал от трех процентов оставшихся в живых мальчиков 1922 года рождения. Я знаю, что Леня очень гордился этой телеграммой… Хорошо, когда мы успеваем сказать человеку добрые слова при жизни.

Мне приходилось бывать иногда в среде летчиков, это

совершенно особая среда. И Леня это понял, и Леня это знал, потому что он сам был этим летчиком, он был в своих мечтах летчиком. Простите, он даже погиб, как Гастелло. И я знаю, как смотрели этот фильм.

Вы знаете, что такое летчик? Я сидел однажды в штабе штурмовой авиации в Москве, приходили летчики, которые докладывали одно и то же: фамилия, имя, отчество, летаю на «Иле» или на «Лавочкине», 25 боевых вылетов. Нормально. Ему говорили: «Летишь туда-то». Следующий: «15 боевых вылетов». – «Уходи». Вошел летчик и сказал: «125 боевых вылетов». Все генералы встали. Потому что истребитель в небе ведет рыцарский поединок с противником, один на один…

Леня Быков, конечно, был народным героем. Потому что он был поразительно хороший человек. Он был добрым, он жил жизнью народа. Для меня совершенно не важно, кто он: русский, украинец – он замечательный человек. Благодарю судьбу за то, что она свела меня с этим человеком.

Такие, как Леня Быков, не умирают. Они уходят, чтобы вернуться к нам и навсегда остаться в наших душах Человеком, Художником, Гражданином».

В газете «Культура» 17 декабря 1998 года Станислав Ростоцкий в добавление к сказанному писал: «Леня Быков был поразительным актером, замечательным режиссером, но, главное, во всем, чем он занимался, и просто в обычной жизни он всегда оставался Человеком! Человеком невероятной скромности, огромного таланта, неистребимой энергии; Человеком, излучающим свет и добро. Как же нам и в искусстве, и в жизни не хватает сейчас таких людей…

Леониду Быкову было бы сейчас 70 лет. Я представляю, как бы он засмеялся, если бы кто-нибудь назвал его великим…»

«На семи ветрах»

Фильмы, как люди, имеют разные судьбы – простые и драматичные. У этого фильма она особенная. Когда он вышел на экраны, то был тепло встречен – и критиками, и зрителями. За год проката картину посмотрело 27 миллионов человек. Ее успех обусловливался как постановкой Ростоцкого, успевшего к тому времени снискать зрительскую любовь картинами «Майские звезды» и «Дело было в Пенькове», так и тем, что одна из главных ролей вновь была отдана любимцу публики Вячеславу Тихонову. Особое внимание уделялось сценарию поэта и драматурга Александра Галича. Неподдельное восхищение вызывала и юная дебютантка, студентка ВГИКа Лариса Лужина, создавшая удивительно светлый образ главной героини. Кроме этих немаловажных составляющих в картине «На семи ветрах» зритель вновь встретился со многими любимыми актерами: Леонидом Быковым (игравшим пулеметчика Гаркушу), Вячеславом Невинным, Кларой Лучко, Анатолием Ромашиным, Светланой Дружининой, Людмилой Чурсиной, Владимиром Заманским, Софьей Пилявской, Павлом Винником, Виктором Павловым, Маргаритой Жаровой. Каждый из них внес свой, немаловажный вклад в успех картины.

«На семи ветрах» был снят в разгар хрущевской оттепели. Фильму пророчилась долгая счастливая жизнь. Однако на смену хрущевской оттепели пришли «холода»… Одним из первых это почувствовал поэт Галич. В своих песнях, широко расходившихся по стране в магнитофонных записях и самиздате, он смело критиковал «новые времена». Дело кончилось исключением его из Союза писателей и Союза кинематографистов и выдворением за границу. Вслед за этим запретили фильмы и спектакли, в которых Галич выступал как сценарист и драматург. Такая же участь постигла и лирическую киноповесть «На семи ветрах». Ее просто перестали показывать.

А ведь история любви девочки, ждущей с войны своего жениха в доме «на семи ветрах», ее взаимоотношения с людьми, с которыми на миг свела героиню война, – настоящая баллада женской верности и любви. Светлана становится участником многих драматических событий, работает на редакцию фронтовой газеты, на госпиталь, пока не оказывается на передовой. Несмотря на все уговоры перебраться в более безопасное место, девушка надеется, что однажды раздастся звонок, и на пороге появится Он. Ничто не в силах лишить ее этой надежды – ни чужие признания в любви, ни приказы начальства, ни прямые

попадания в дом снарядов…

Режиссеру очень повезло с исполнительницей главной роли. Роль Светланы принесла Ларисе Лужиной оглушительный успех. Пресса уделяла много внимания гармонии, естественности и пластике актрисы. Никто и не догадывался, насколько нервной и напряженной была поначалу работа юной дебютантки – у нее ничего не получалось. За спиной Ростоцкого шушукались, подозревали его в тайном расположении к молоденькой студентке, не зная, что выбор сделан художественным руководителем объединения Сергеем Герасимовым, в котором работал режиссер. Мэтр сказал, как отрезал: «Я знаю, что ты хотел снимать другую актрису, но Светлану будет играть моя студентка, моя ученица».

В критический момент, когда Ростоцкий уже объявил Ларисе, что снимает ее с роли, снова вмешался Герасимов, подсказавший постановщику, как работать со студенткой, не требуя от нее того, что обязана делать профессиональная актриса. Это помогло Ростоцкому стать более внимательным к Лужиной.

Вот что рассказывала мне Лариса Анатольевна о своей первой работе в кино: «На семи ветрах» была моим дебютом. Я пришла на картину совсем «зеленой» девчонкой, студенткой первого курса ВГИКа. Для меня было очень почетно встретиться с такими артистами, которых я уже видела на экране, перед которыми преклонялась (где-то со страхом начинала я эту работу). Моими партнерами по фильму были Леня Быков и Слава Тихонов – два очень разных артиста. С Быковым мы как-то сразу нашли на съемочной площадке общий язык. С ним было как-то по-домашнему уютно: Леня меня поддерживал, опекал. И хотя он снимался не меньше Тихонова и по популярности ему не уступал, оставался чутким, сердечным партнером. Это было чертой его характера. У нас нашлись общие точки соприкосновения, возникли добрые отношения. Он мне очень помогал в работе: придумывал, подсказывал… И рождалось что-то новое.

Мне кажется, что лично я ничего особенного там не сделала. Все вокруг работали на мой образ главной героини. Они – очень талантливые актеры и поднимали меня до своего уровня…

С Леней Быковым работалось спокойно и радостно. Я всегда знала, что он рядом и поможет в любой момент. В таких если влюбляются, то на всю жизнь. Его очень любил и режиссер Ростоцкий, неоднократно снимал, и они дружили. Любил его и режиссер Туманов, снявший его в «Алешкиной любви» (моей любимой роли Быкова), много о нем рассказывал.

Когда Леня погиб, я восприняла эту весть так, словно потеряла кого-то из близких».

Работа над картиной свела молодую актрису не только со знаменитыми коллегами, но и с драматургом Александром Галичем. Ему нравился фильм, нравилась исполнительница главной роли. Он говорил Ларисе, что она похожа на девушку, послужившую прообразом Светланы.

– В моем сердце к Галичу навсегда остались теплые и добрые чувства, – признавалась она. – Я помню его грустные, уставшие глаза. Это было время травли. Он не жаловался, делился творческими планами, хотя в душе уже ощущал, что будет вынужден покинуть страну… К счастью, пророческой оказалась его песня «Когда я вернусь». В самом начале перестройки он был первым, кто вернулся, пусть и не физически. Пошли по экранам его фильмы, громко зазвучали его песни. Вернулся к зрителям и фильм «На семи ветрах».

Исполнитель ротного командира Владимир Заманский тоже охотно вспоминал о работе с Леонидом Быковым: «Встречи наши были нечасты. Жизнь развела. Период нашего наиболее близкого знакомства приходится на начало 60-х годов. Для Лени это было время надежд, новых ролей в кино, возрастающей актерской известности. Да и у меня этот период связан с театром-студией «Современник» в его ранней, лучшей поре.

Познакомились мы на съемках картины «На семи ветрах» режиссера Станислава Ростоцкого. Леня этого времени в моей памяти светел, жизнерадостен. Он был прекрасный рассказчик и сочинитель устных рассказов, которые казалось, запиши – и будет книжка. В Москве собирались мы у сына писателя Константина Симонова – Алексея.

Далее вспоминаю Ленинград. Эти встречи были грустнее. Жизнь там у Лени не заладилась. «Ленфильм», к сожалению, «не угадал» Быкова. Встречи этого периода случайны, рассказы на ходу…»

Режиссер Алексей Симонов вспоминал первую встречу с Леонидом Быковым: «Он пришел к нам в дом со съемок фильма «На семи ветрах», пришел вместе с Владимиром Заманским, с которым они, видимо, не могли не подружиться по врожденной неактерской застенчивости натур. Пришел тихий человек с очень знакомым, на кого-то ужасно похожим лицом, так что я только к середине вечера понял, кто сидит за столом…»

К 70-летию Леонида Быкова, накануне вечера памяти, посвященного актеру в столичном Доме кино, там же состоялась пресс-конференция, на которой мне посчастливилось быть. Станислав Иосифович вспоминал свою совместную работу с Леонидом Быковым в фильме «На семи ветрах» так: «Снимать его было мучение. Каждый раз, когда он приходил на съемку, он

приносил огромное количество предложений – до 25 вариантов того, как это надо сделать и как это надо сыграть. Даже тогда, когда сцена состояла из одной фразы, из одного плана… И когда отберешь вариант с ним вместе, намучаешься, потому что ему все равно не нравится, он все равно говорит: «Нет, вот так было бы лучше». А все, что он делал, все было сразу прекрасно, и можно было и так, и можно было и так, и можно было и так…

Все, что он предлагал, было всегда так интересно, так живо, во всем было так много наблюдений ярких и точных, что мне стало ясно: ему уже тесно в рамках одного характера, одного образа, одной профессии. Народным художником притворяться нельзя. Работая с Леонидом Быковым, я твердо знал, что он обязательно будет режиссером. Обязательно. И я сам как-то сказал ему: «Леня, тебе надо заняться режиссурой».

Актер Леонид Быков часто погибал в картинах. Потом он стал режиссером, но и в этой профессии не щадил себя. Он отдавал своим картинам все богатство своей души, все силы своего не столь уж крепкого организма. Он жил неистово. Сколько он еще мог бы порадовать нас.

В жизни умирают один раз. Он пришел к своей черте, вернее, примчался. Утешений нет. Но и то, что он оставил нам как актер, режиссер, человек, хватило бы другим на долгую, долгую жизнь. Такие, как он, не умирают.

На меня с портрета на стене смотрит мой учитель Сергей Михайлович Эйзенштейн (в конференц-зале Дома кино стены увешены портретами великих российских кинематографистов. – *Н.Т.*). Он смотрит, а я все думаю, что он потом мне скажет, правильно ли я говорил или нет. Но я вижу, что здесь нет портрета Лени Быкова. Так вот я прошу вас всех поддержать мою просьбу к Конфедерации союзов кинематографистов, чтобы здесь в конференц-зале СК появился портрет Леонида Быкова».

Надо сказать, что после ухода из жизни Станислава Ростоцкого, его портрет занял достойное место на одной из стен конференц-зала, а вот изображение Леонида Быкова так и не появилось. Просьба Ростоцкого так и не была услышана. Недавно на вечере памяти Георгия Юматова я напомнила председателю Правления Дома кино Виктору Мережко слова Станислава Иосифовича, а также то, что в этом зале не хватает портрета и самого Юматова. И получила обещание, что вскоре они займут свои достойные места в компании мэтров отечественного кинематографа.

Незадолго до кончины Станислав Ростоцкий сказал при встрече Ларисе Лужиной: «Я тут посмотрел одну картину. «На семи ветрах» называется. Ты знаешь… неплохая! И с годами

становится лучше».

Трудно с этим не согласиться.

Режиссерский дебют. «Зайчик»

Гаснут на земле
Волны без следа,
Ветер без следа улетает…
Разве человек
Может навсегда
Так уйти, как облако тает?
Как слетает осенняя листва?
Как уходят ненужные слова?
Если ты, человек, так бесследно уйдешь,
Для чего ты живешь?
Даже с ночью день
Встретиться спешит,
Дарит ей зарю на рассвете…
Разве человек
Может жизнь прожить
Никому не нужным на свете?
Если в сердце зажечь ты не смог,
Ни мечты, ни надежд, ни тревог,
Если ты, человек, так бесследно уйдешь,
Для чего ты живешь?
Если ты, человек, так бесследно уйдешь,
Для чего ты живешь?

Песня из к/ф: музыка Андрея Петрова, слова Кима Рыжова

Эту лирическую песню за кадром исполнял Леонид Быков. Надо сказать, что сделал он это не хуже того же Эдуарда Хиля, царившего в те годы на эстраде, особенно на Ленинградском телевидении и радио. Ее слова:

Если ты, человек, так бесследно уйдешь,
Для чего ты живешь?.. —

стали лейтмотивом всей жизни Леонида Быкова неслучайно. До конца жизни его мучил вопрос о его личном вкладе в

искусство. По-моему, Леониду Быкову удалось найти на него ответ. Герой первого полнометражного фильма «Зайчик» Быкова-режиссера тоже борется за свое место под солнцем, делая все, чтобы его голос стал слышимым и значимым для людей.

Работая в Харьковском театре драмы, Леонид Быков летал то в Ленинград, то в Москву сниматься в «Укротительнице тигров», «Максиме Перепелице», «Алешкиной любви». После успеха последнего фильма об исполнителе главной роли заговорили как о драматическом актере. На Быкова посыпались предложения от режиссеров, а ему уже хотелось пробовать свои силы в режиссуре. И когда на «Ленфильме» Быкову предложили работу, о которой он мечтал, полный надежд, он тут же согласился и перебрался с семьей в Ленинград. К тому времени актерство уже не приносило Леониду Быкову былого удовлетворения, иначе он не произнес бы полную горечи фразу: «На мне весь средний советский кинематограф держится». С 1960 по 1969 год Леонид Федорович работал в Театре киноактера Киностудии «Ленфильм», но мечтал об одном – самому снимать картины и в них играть.

В 1961 году вместе с Гербертом Раппапортом Быков сначала ставит короткометражную ленту «Как веревочка ни вьется…», потом несколько сюжетов для сатирического киножурнала «Фитиль». Но все это «проба пера». В 1964 году Быков осуществляет самостоятельную полнометражную постановку, ставшую его настоящим дебютом в режиссуре и еще одной ступенькой в творческом поиске – комедию «Зайчик».

Дебют показывает: у режиссера Быкова есть главное – понимание комического, острота взгляда на вещи. При всей наивности сюжета, «Зайчик» вселяет в зрителей уверенность в себе, учит смело идти по жизни, не боясь трудностей. Время расставило все по местам – комедия и сегодня смотрится неплохо. Спустя годы друг Леонида Быкова, режиссер Николай Мащенко, признается: «Тогда нам казалось, что фильм «Зайчик» во многом наивный, но проходит время, и мы понимаем, насколько Быков – добрый человек и как он хотел из того мрака выбраться, и что эта картина, осветленная этой любовью, несет свет, улыбку и надежду».

Сам Леонид Быков так говорил о своем режиссерском дебюте в интервью корреспонденту газеты «Черноморская здравница» И. Гинзбургу 7 февраля 1965 года: «Сейчас, после ряда комедийных ролей в кино, имевших успех у зрителей, я решил, что самое время – попробовать свои силы в режиссуре. На киностудии «Ленфильм» я завершил съемки новой цветной кинокомедии «Зайчик» по сценарию, написанному молодыми драматургами М. Гинном, Г. Рябкиным и К. Рыжовым, где сам играю главную роль

– Зайчика. Фамилия эта – Зайчик – кажется смешной оттого, что в человеке, носящем ее, поначалу и вправду проглядывает что-то заячье. Скромный театральный гример, он застенчив и деликатен, только деликатность его то и дело обращается пугливостью, и часто в решающие моменты жизни он оказывается неспособным твердо сказать «да» или «нет». Но не напрасно в груди Зайчика бьется горячее и доброе сердце. И когда он понимает, что может стать необходимым людям, жизнь обретает для него высокий смысл и значение.

Жанр фильма мы определили для себя так: эксцентрическая комедия с изрядным сатирическим зарядом. Наш главный принцип состоит в том, что герой сталкивается с реально узнаваемыми людьми, с реально узнаваемыми учреждениями и, самое главное, с реальными явлениями».

В другом интервью того времени на вопрос журналиста: «Сменил ли он профессию актера на режиссуру?», Быков отвечал: «Сразу хочу отвести подозрения в измене своей профессии. Пока ноги носят по земле, буду актером. Это мое призвание, и оно – навсегда. А вот почему режиссером стал?.. Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Стремление глубже вторгнуться в образ? Желание своими руками построить здание, начав с нулевого цикла? Вероятно, есть и это. Но самое главное, мне кажется, заключается вот в чем. Каждый актер лелеет мечту о той или иной заветной роли. Видишь, чувствуешь характер своего героя, а сыграть его не можешь: надо ждать, пока кто-то создаст сценарий и кто-то возьмется за фильм… в котором тема каким-то чудодейственным образом совпадают с твоей задумкой. К сожалению, подобное в кинематографе случается редко. Вот и берешься сам за фильм, чтобы воплотить свою мечту».

Режиссер-документалист Алексей Симонов, хорошо знавший Быкова, разделял его стремление к режиссуре: «Многие актеры на каком-то этапе начинают тяготиться чужой волей и пробуют себя в режиссуре. Некоторые остаются в этой профессии, и ветер творческой удачи высоко поднимает их паруса. Но никто из них при этом не перестает быть актером. Они снимаются в своих и в чужих фильмах, и снимаются хорошо, хотя мне кажется, что в чужих фильмах их актерские достижения выше классом. Никто из них как актер сам себя заново не открыл, хотя у многих изначальным посылом к режиссуре была именно надежда на это.

Этот посыл толкал и режиссуру Леонида Быкова. И он, наконец, поставил свою первую картину, сыграл в ней главную роль и потерпел тяжелое поражение, борьба с последствиями которого и отняла у него целый десяток лет.

Никто уже толком не помнит «Зайчика». Я сам помню его

смутно, помню только, что ничего дурного, безвкусного или непрофессионального в картине не было. Однако ей тогда не простили именно эту усредненность: Быков требовал, бился, доказывал, чуть ли не шантажировал своим нежеланием сниматься – и что? Как у всех! Так для этого не надо было мучить ни себя, ни людей – такова была примерно реакция на эту картину в Ленинграде. Правда, оценщики, как всегда, не хотели принимать во внимание свою усредняющую роль на всех этапах создания картины, от заявки до переписи и сдачи…

А ведь если сегодня посмотреть заинтересованным взглядом на неудачного «Зайчика», мы в нем увидим родовые черты будущих быковских лент. Ну, во-первых, то была невеселая комедия. Тогда про нее говорили «несмешная». А мне кажется, она была сознательно невеселой, от внутренней полемики Быкова с неизбежным оптимизмом его тогдашних ролей. И сыграл он главного героя хорошо (я вообще не помню, чтоб даже в плохих картинах он играл плохо), только герою для непривычности, новизны, которые хотел в него вложить Быков, не хватало материала в сценарии. Он оказался как бы на полпути между тем, что от Быкова ждали, и тем, чего он хотел от себя. И, наконец, я совсем не уверен, что сам Леня твердо знал, чего он хочет, по крайней мере, столь же твердо, как то, чего он не хочет. А это не одно и то же. Недаром поется: «Отречемся от старого мира», потом добавляется «отряхнем его прах с наших ног» – так сказать, в два приема. Причем, первое, как известно из истории, сделать легче, чем второе.

Примерно можно представить себе по фильмам, которые он сделал через десять лет, чего Леня хотел. Хочется думать, что именно об этом он мечтал, когда ему дали снимать первую картину».

Мысль о режиссуре зародилась у Леонида Быкова давно. Первым это стремление заметил режиссер Григорий Михайлович Козинцев и помог его воплотить в жизнь. «Зайчик», несмотря на все сюжетные недоработки, – интересный, самостоятельный поиск в жанре эксцентрической комедии. Главный упрек – сценаристам. На момент постановки сценарий оказался сыроват, и многое пришлось доделывать на ходу.

И все же странно, что за такой добрый, душевный фильм начинающий режиссер получил столько оплеух от критиков и «товарищей» по цеху. Возможно, потому, что фильм высмеивал бездушных формалистов и бюрократов. Комедийный аффект возникал в нем из-за несоответствия общепринятой логики с той, что была свойственна герою, вступающему в борьбу с бюрократом Шабашниковым. Эти сцены получились по-настоящему смешными

и острыми. Дуэт Леонида Быкова и Игоря Горбачева то и дело высекает искру веселого смеха у зрителей. Бюрократ у Горбачева не выглядят злонамеренным: вежливые слова, улыбка… Однако сколько выдумки и изобретательности потребуется Зайчику для получения «автографа» на заявлении, сколько раз придется ему штурмовать крепость бюрократа, прежде чем она дрогнет. Евгения Симонова, актриса: «Леонид Федорович был слишком независимый, слишком честный. Ведь это большой героизм – прожить так и ни разу не поступиться совестью. Для этого надо быть фантастически мужественным человеком – независимым, свободным. Не зря его герой Зайчик считал, что «надо уважать людей, независимо от должности, просто больших должностей на всех не хватает». Так считал и сам Быков. Как мы понимаем, оставить эту сцену было непросто. Но он смог отстоять. Сегодня реплика может показаться безобидной, а для 64-го года это был серьезный удар по определенной категории чиновников. В своем фильме «Зайчик» Леонид Быков впервые решается на такой шаг».

Герой меняется прямо на наших глазах. Если вначале поведение Зайчика вполне соответствует его фамилии, а его нерешительный характер сильно затрудняет ему жизнь, то потом он решает, что «с волками жить – по-волчьи выть», и меняет тактику поведения, поскольку в театре, в котором работает, между сослуживцами сложились отношения, далекие от идеала. Вот, к примеру, директор в блестящем исполнении Сергея Филиппова – откровенный хам, притом «классический», поскольку периодически приводит изречения классиков сцены. Однако оставайся Зайчик зайчиком всю картину, было не о чем и говорить. Авторы предлагают такой сюжетный поворот: Заяц обращается в Льва. Что дает известную свободу в поведении героя. После того как Зайчик, невольно подслушав фразу врача: «Протянет этот зайчик месяц, не больше», которая относилась совсем не к нему, а к питомцу кружка юннатов, настоящему лесному зайцу, принимает смертельный диагноз на свой счет. Это заставляет героя по-новому взглянуть не только на себя, но и на всю окружающую его жизнь.

Зайчику надоело быть незаменимым винтиком в отлаженном механизме театра – кроме основной работы, гримеру порой приходится, хотя и весьма неудачно, подменять на сцене опоздавшего актера, заниматься общественной работой. Его робость с любимой девушкой Наташей, которую играет Ольга Красина, весьма трогательна. Его любовь и чистота самоотверженны. Однако, когда нужно, робость и застенчивость сменяются у Зайчика отчаянной решимостью. Жаль только, что дело не стоит стольких душевных затрат. Деликатный, душевно

тонкий, наивный и бескорыстный Зайчик в чем-то очень схож как с героем «Добровольцев» Алешей Акишиным, так и с самим Быковым.

В фильме участвовало немало и других прекрасных актеров. Мы уже упоминали непревзойденного мастера комедии Сергея Филиппова, без которого, считал Аркадий Райкин, нет комедийного фильма. Актер саркастически зло и, как всегда, невероятно смешно играл директора театра. Блистательная Гликерия Богданова-Чеснокова предстала в образе председателя месткома и местной примадонны. Небольшую роль сыграл и Георгий Вицин. Здесь же произошла и судьбоносная встреча Леонида Быкова и актера Алексея Смирнова.

И все же, сатирические сцены фильма так рассердили руководство «Ленфильма», возлагавшего на Быкова столько надежд, которые, как оно считало, он не оправдал, что никаких режиссерских открытий в дебюте дирекция не обнаружила. Ни о каком дальнейшем сотрудничестве не могло быть и речи. Решено было к режиссуре Быкова больше не допускать. Актриса Ольга Красина, снимавшаяся в фильме, вспоминала: «Он все делал очень остро, не шел на компромиссы. И все принимал через свое сердце, любые удары. Он не был равнодушным. Был очень горячным. И никогда ни с чем не соглашался в угоду каким-то там расчетам. Никогда!»

В картине не понравилось все – и главный герой какой-то обыденный, и четкой сюжетной линии нет, и откровенно слабая драматургия… После столь нелестных отзывов не каждый решится показаться на глаза коллегам. Честно говоря, этого и добивались. Он, конечно, ужасно переживал – молчал, всех сторонился, но не жаловался. Держался, как мог, и в провале винил только себя. На фоне непонимания и отлучения от кино у Быкова наступает творческий кризис и молчание, вследствие которых актер пропал с экрана на несколько лет, отказываясь от многих предложений. Вот как сам он описывал этот период в письме другу: «Уже почти год не снимаюсь. Не хочу. Отказался от 9 сценариев. Не хочу участвовать в лживых и антихудожественных вещах. Мне кажется, что я себя потерял, другого определения найти не могу. Хожу за зарплатой. Стыдно…».

Счастье, израсходованное в Ленинграде…

«Ленфильм» давно заприметил обаятельного актера с неистребимым украинским говором. После почти десятилетней службы на харьковской сцене Леонид Быков оставляет раздираемый интригами и обескровленный уходом лучших актеров театр.

Ленинград сразу же признал Быкова своим. «Максим Перепелица», «Укротительница тигров», «Осторожно, бабушка!», «Чужая родня», «Дорогой мой человек» – все эти картины вышли именно на «Ленфильме» и принесли Леониду Быкову всесоюзную славу. Его вместе с Тамарой приглашают в штат «Ленфильма» и сразу же вручают ключи от просторной трехкомнатной квартиры в лучшем районе города, на набережной Мартынова. То были самые счастливые годы. К тому времени у Леонида и Тамары было двое маленьких детей – сын Лесь и дочка Марьяна. «Мы жили по своему уставу, своей конституции, – вспоминала позже дочь. – Мама была у нас президентом, мы были у нее пипл. Папа считал ее мерилом нравственности и ставил ее в абсолют человеческих качеств». Наверное, поэтому именно оценку жены Леонид Быков ждал с особенным волнением. Марьяна: «Он дождется, пока картина выйдет, она купит билет, пойдет в кинотеатр. И это время, эти полтора-два часа, пока идет кино, он курит, он не находит себе места. Прикидывает вслух, какое именно место фильма сейчас идет на экране, стараясь представить ее реакцию… Гадает: «Вот сейчас, наверное, идет вот этот момент…» Такие сцены Марьяна в Ленинграде наблюдала достаточно часто.

Немало способствовало переезду в Ленинград и то, что Быкову пообещали на «Ленфильме» кинопостановку. Надо сказать, что в начале 60-х считалось хорошим тоном, что обладатели разных творческих специальностей – сложившиеся сценаристы, операторы, актеры пробовали свои силы и в кинорежиссуре. Так что Быков был в этом отношении не одинок. Приняв сознательное решение, он органически перерастает в режиссера, не расставаясь, однако, и с актерской профессией. В результате в 1961 году вместе с режиссером Гербертом Раппапортом Быков сначала снимает короткометражный фильм «Как веревочка ни вьется…», а потом и режиссерский дебют – кинокомедию «Зайчик», сыграв в нем главную роль.

Павел Кадочников: «Я услышал, что Быков ушел из

Харьковского театра и собирается переезжать в Ленинград, будет работать у нас на «Ленфильме».

Леня долго пробивал право на постановку фильма «Зайчик», параллельно пробуя себя в режиссуре на «Фитилях». Несколько раз предложенный им сценарий отклоняли. Но Быков с упорством дорабатывал, в какой уже раз, и, наконец, художественный совет студии сценарий утвердил. Я выступал на худсовете с самыми теплыми словами о сценарии, о Быкове. Меня поддержал Григорий Михайлович Козинцев, очень добро относившийся к Быкову. Он и представил фильм на премьере в ленинградском Доме кино».

На гонорар от фильма, на радость всей семье, Леонид Быков покупает свою первую машину «Волгу» ГАЗ-21 и гараж. Машина нужна ему не как акцент престижности, она дает возможность умчаться куда-нибудь от назойливой городской суеты, от людей, побыть наедине с природой, с семьей. В таких случаях Тяпа (так ласково называет он свою машину) незаменима.

«Каждому человеку в жизни выделяется определенное количество счастья, – вспоминала на страницах «Газеты 2000» 9 декабря 2005 года Марьяна Быкова. – Мы то счастье, которое нам выделила судьба, израсходовали в Ленинграде. Папа нежно любил этот город, и в Ленинграде он был совершенно другим: абсолютно раскрепощенным, открытым, счастливым человеком. В нашем доме всегда было по-хорошему шумно, весело, нашими гостями бывали очень интересные люди, велись очень интересные разговоры. Борис Андреев, Станислав Ростоцкий, Алексей Баталов, Алексей Смирнов – тогда нам с Леськой эти имена ни о чем не говорили, но мы видели, как лучились глаза родителей в эти незабываемые ленинградские вечера…»

Марьяна в силу своего возраста тогда и не догадывалась, сколь непросто складывалась жизнь отца в Ленинграде. Хотя незамысловатую историю о симпатичном человеке со странной фамилией Зайчик зрители встретили неплохо, чиновники и критики разгромили ее в пух и прах. Поклонники Максима Перепелицы не сразу приняли этого героя. Зайчику не простили его непохожесть на привычных быковских персонажей. Настораживало и то, что полюбившийся актер устремился в режиссуру. Прицепив «Зайчику» ярлык «неактуальное мелкотемье», начальство решило больше не допускать Леонида Быкова к режиссуре. В ответ на это актер начинает отказываться от предложенных ему ролей. В период с 1961 по 1964 год на экраны выходят только несколько картин с его участием: «Осторожно, бабушка!», «Горизонт», «Когда разводят мосты», «На семи ветрах», «Улица Ньютона, дом 1».

«Он очень боялся попасть в вечные мальчики кинематографа… У Быкова часть души, не вместившаяся в его роли конца 50-х – начала 60-х годов, не просто болела, ныла, мешала жить – она бунтовала! Этот тихий удачник ел себя поедом за каждое повторение. Удача средней, по его внутренней оценке, картины, в которой он снимался, не приносила ему ничего, кроме разочарования», – объясняет причину такого поведения актера режиссер-документалист Алексей Симонов.

Проанализировав сделанные им ошибки в дебютной постановке, Быков щедро делится опытом с товарищами «по кино». Вот как вспоминает одну из таких бесед Евгений Матвеев: «…Кажется, это было в 1965 году. Во время Всесоюзного кинофестиваля в Киеве мы наговорились с ним вдоволь…

К этому времени Леонид Федорович уже испытал сладость и горечь режиссуры, поставив па «Ленфильме» комедию «Зайчик», а я только готовился к своей первой постановке («Цыган») на Студии имени А. П. Довженко.

Леня! Добрый и чистый Леня! Он словно заглянул в мои смятения – и подарил мне день. День откровения! Все то трудное, неожиданное, опрометчивое, суетливое, коварное, что он испытал на своем режиссерском «Зайчике», он рассказал мне как предостережение».

В 1965 году Леониду Быкову присваивается звание заслуженного артиста РСФСР. Ему тридцать семь. Время зрелости. Леонид Быков отчетливо понимает, сколь непростительно мало сделано им в искусстве, и начинает переживать настоящий творческий кризис. В одном из писем он признается харьковскому другу Николаю Борисенко: «Уже почти год не снимаюсь. Не хочу. Отказался от 9 сценариев. Не хочу участвовать в лживых и антихудожественных вещах. Конечно, долго не продержишься, надо выполнять план студии. Все чаще думаешь, что надо возвращаться домой. Но в театре, очевидно, то же самое. В чем же суть? Как же сделать, чтобы жить на уровне? Может, это наша проклятая работа?..»

Прошло еще несколько лет, но мало что изменилось. В период с 1966 по 1971 год Леонид Быков снялся всего лишь в трех картинах. В крохотном эпизоде в фильме Иосифа Хейфица, которому не смог отказать. В картине Юрия Рогова «Счастье Анны». И в довженковском фильме «Разведчики» по сценарию Евгения Ониприенко, с которым позже придумал историю «Стариков».

Вот как вспоминал этот период жизни Леонида Быкова в статье «О тех, кого помню и люблю. Счастливчик» в апрельском журнале «Искусство кино» 1987 года Алексей Симонов: «…Наша с

ним вторая запомнившаяся встреча – в Ленинграде примерно два года спустя после первой. У него родился третий ребенок. Детям не полезен климат Финского залива. Денег нет, потому что он отказывается от ролей. Если, как он просит, ему не дадут самому поставить картину, ему надо возвращаться на Украину. Леня тих и мрачен. У меня возникает ощущение, что его раздражает и мое присутствие, и мой интерес к его делам. Не идем ни к нему домой, ни ко мне в гостиницу, ни на студию, встречаемся на улице, на улице расстаемся…»

Тучи сгущаются. Свободолюбивому художнику Леониду Быкову трудно ужиться, пусть и в золотой, но клетке… Он переехал в Ленинград в надежде на столь необходимый ему «воздух», на свободу творчества, но ожидания не оправдались. Все чаще Быков подумывает вернуться туда, откуда уже не суждено будет вырваться…

Клиники, стационары, врачи, специалисты по нервным расстройствам – это тоже часть жизни Быкова, скрытая от посторонних глаз, трагическая и горькая. Вялотекущая шизофрения – такой диагноз поставлен психиатром жене Быкова Тамаре. Любящий муж долго отказывался в это верить. «Она просто много пережила, – убеждает он себя. – Когда ребенок умирает сразу после родов, какая женщина перенесет это спокойно? Правда, у Томочки случаются нервные срывы, истерики… но ведь это еще не повод записывать ее в сумасшедшие…»

Врачи уверяли, что Тамара больна давно, просто на маленькой стадии шизофрению трудно распознать, она незаметна для окружающих. Жаль, что диагноз поставлен с таким опозданием. После перенесения женщиной ряда трудностей и бед у нее сначала развилась так называемая эндогенная депрессия, которая потом перешла в вялотекущую шизофрению. «В этом случае ее состояние будет только ухудшаться», – друг за другом вторили врачи.

Каждый раз Леониду Быкову стоило немалых усилий убедить жену сходить к врачу. На сердце – невыносимая тяжесть… На ее долю выпало слишком много страданий и тяжелых испытаний. Жить с талантом всегда нелегко, а быть спутницей ярко одаренного, мужественного человека – огромная нагрузка, ответственность, большое напряжение сил. …Все чаще Быков надолго уходит из дома и часами бесцельно бродит по улицам. Он как будто пытается убежать от собственных гнетущих мыслей, от семейных проблем. Порой ему кажется, что точно так же одиноким, слабым и беззащитным чувствовал себя так и не сыгранный им Башмачкин – жалким, никому не нужным в

большом чуждом ему городе…

Николай Мащенко вспоминал: «Помню незабываемый вечер в квартире Быковых. Жена Леонида Федоровича, Тамара, готовила обед, а мы с Леней говорили об искусстве, о пока несбывшихся мечтах. И вот тогда он рассказал мне, почти как концертный номер, историю, которая стала потом фильмом «В бой идут одни «старики». И когда он говорил, казалось, что нужно включить камеру и незаметно начать съемку, чтобы сохранить своеобразное видение художника. Тогда в Ленинграде мы решили, что эту картину Быков будет ставить на Киностудии имени Александра Довженко. И потом, несколько лет спустя, когда я уже смотрел готовый фильм, меня не покидало радостное чувство, что мой друг не забыл своего давнего замысла».

Так что было решено – он круто изменит свою жизнь, уволится с «Ленфильма» и переедет в Киев, куда его так настойчиво зовут, обещая интересную работу, блестящие сценарии и полную свободу творчества. К тому же и ему, и его Томе, как воздух, нужна смена обстановки. Быков надеется, что родные стены помогут ему обрести второе дыхание…

Противостояние. Киевский простой

Несвоевременно все в мире происходит
По чьей-то злой, неведомой нам силе.
Такое впечатление, что водит
Судьба нас за нос в этом сложном мире.
Удачи нас находят слишком поздно,
Надежды оставляют слишком рано…
Да, в этом мире все ужасно сложно.
Да, в этом мире все предельно странно…

Из песни Игоря Талькова

Вот и в жизни всенародного любимца Леонида Быкова происходило «все предельно странно…». С интервалом в несколько лет он получает заслуженного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии Украинской ССР, народного артиста Украины, призы кинофестивалей. Его талант востребован миллионами зрителей, фильмы с его участием приносят огромную прибыль государству. Однако наравне с этим все чаще и чаще Леонид Быков получает щелчки и зуботычины от киношного начальства…

Жить становилось все труднее. За прожитые годы Быковы так и не сроднились с болотистым и сырым Ленинградом. После тяжелых мытарств и мучительных раздумий Быков принимает трагически неверное, но выстраданное решение – вернуться на родину, в Киев. Как оказалось, этот поступок потребовал от Быкова немалого творческого мужества. Вот как отозвалась об этом Лариса Лужина: «После первой, как он сам считал, неудачной картины другой, наверное, сразу бы бросил кинематограф или стал бы заниматься только своим актерским делом – сниматься в кино, играть на сцене. А Леня выстоял и сумел добиться того, чтобы остаться в режиссуре».

Он не мог знать, что ждало его в Киеве. Подавшись на уговоры и посулы чиновников, на их настойчивые просьбы и взывание к «национальной совести», Быков отправляется в Киев

поднимать украинское кино. Однако очень скоро понимает, что совершил, пожалуй, самую большую ошибку в своей жизни. Николай Мащенко искренне хотел помочь другу, зазывая его в Киев, но оказалось, что далеко не все в его компетенции. Леонид Быков не мог знать истинных мотивов кинематографического начальства. Его популярность должна была придать студии больший вес, но, как оказалось, сам он был не нужен. Киев встретил его неприветливо. Многие коллеги восприняли «новичка» как конкурента, столичную знаменитость, выскочку и встретили полным бойкотом и фразой: «Понаїхали тут генії! Своїх вистачає! А хто такій Біков?!» Вокруг него воцаряется атмосфера отчуждения и неприязни. Этому способствуют и независимые суждения беспартийного Быкова, его честность и принципиальность.

Надо сказать, что по линии КГБ Украина в те времена считалась самой свирепой. В ходу даже была поговорка «Если в Москве стригут ногти, то в Киеве рубят по локоть». Быков ехал в Киев с надеждами и грандиозными планами, вконец измотанный метаниями между Киевом и Ленинградом, где чаще всего снимался. Леонид Быков вполне мог повторить судьбу Кирилла Лаврова, Олега Борисова, Павла Луспекаева и других драматических артистов, навсегда перебравшихся из Киева в город на Неве, однако вернулся. В 1969 году. Хотя его и предупреждали, что ехать не стоит.

Станислав Ростоцкий, узнав о намерении Быкова, предлагал, как ему казалось, единственный выход: «Не заезжая в Киев – сразу в Москву!» Однако Быков, воодушевленный обещаниями киевских чиновников, не послушался. В Ленинграде тем временем еще полгода ждали его возвращения. Все это время пустовала квартира. Не воспользовавшись возможностью междугороднего обмена, актер, покидая город, оставил ключи от квартиры на вешалке, написав будущим жильцам плакат «Добро пожаловать!». Уезжая из Северной столицы, Быков бросил на счастье монетку в Неву, но вернуться – ни сразу, ни потом ему не позволила гордость.

«Леня очень боялся попасть в вечные мальчики кинематографа, – вспоминал режиссер Алексей Симонов. – «Маленькая собачка до старости щенок» – им употребленное выражение. Ведь сколько взлетов такого рода знало кино, а потом десятками лет стареющие мальчики вынуждены были искать себя в каком-то новом, так и не открывшемся качестве. Вот отсюда, как мне кажется, его беспримерное в нашем деле и в нашей среде решение, в тот момент всем, в том числе и мне, казавшееся самоубийственным. Он уехал из Ленинграда в Киев и словно

исчез…»

Приезд Быкова в Киев резко активизировал студийные интриги. Сначала все организации, творческие объединения, кланы пытались «застолбить» новенького, перетянуть его на свою сторону. Оживились и сценаристы, особенно те, чьи труды пылились на полках, никем не востребованные. Руководство, решив не оставаться в стороне, собрало всех редакторов, поручив отобрать для Быкова лучшие сценарии – такие, из которых он смог бы сделать второго «Максима Перепелицу». Оказывается, Быков приехал со своей задумкой. По непонятным причинам чиновники из Госкино его сценарий быстренько прикрыли и к нему на студии как-то сразу утратили интерес, очередь на режиссера рассосалась. Леонид Быков остался один на один со своими проблемами – без работы, без квартиры, без перспектив. Ютился с семьей в общежитии.

Потом ему выделили трехкомнатную квартиру. Звучало, конечно, солидно, если не считать, что ее полезная площадь укладывалась в 44 квадратных метра, а одна из комнат составляла всего 5 метров. Когда это выяснилось, Быков пошел к тогдашнему директору студии Циркунову, он тут же подключил председателя украинского Госкино, и ему дали пусть и не сразу, и с недовольством, квартиру побольше, но на самой окраине Киева.

Марьяна: «Два года он находился в простое. Очень тяжело это переносил и задавал себе до конца жизни только один вопрос: «Зачем?! Зачем нужно было меня переманивать, если я здесь никому не нужен?! Мы выходили из дому, я шла в школу, а потом в институт, папа ехал на работу и говорил мне: «Детка, если бы ты знала, как мне не хочется туда идти! Мне трудно переступить порог. Вот вхожу, вижу студию и заставляю себя переступить ее порог…» Быкова можно понять – слишком много сил и здоровья он тратил, стараясь пробить лбом стену чиновничьих равнодушных перестраховок и непонимания.

Первым фильмом Леонида Быкова, снятым на Киностудии им. Довженко, стала телевизионная лирическая комедия «Где вы, рыцари?». Быков здесь вновь играл чудака, кабинетного ученого, жаждущего избавить человечество от страстей, волнений, сердечных мук, душевных терзаний. В этой ленте уже не было следов ученичества, режиссерской робости. Сделанная уверенной рукой, она все же далека от истинного пути, по которому еще предстоит пройти режиссеру Быкову.

Идея постановки принадлежала другу Быкова, главному редактору телевизионного объединения «Экран» Владимиру Соссюре. Вот как вспоминал он этот период: «Вынеся сценарию «Уходят женщины» (так поначалу назывался фильм) приговор за

«мелкотемье», чиновники хотели от Быкова «чего-нибудь героического». А тут уходят какие-то женщины от каких-то своих любимых из-за душевной черствости, эгоизма, скупости и толстокожести мужчин. Мол, что за тема в самом прогрессивном в мире советском кинематографе!

Еще со времен «Максима Перепелицы», где партнером Лени была моя супруга Людмила Соссюра (играла девушку Максима Марусю. – *Н.Т.*), мы подружились, и я начал его агитировать переехать в Киев. Поэтому, когда Леня остался не только без работы, без жилья, но и без перспективы на ближайшую постановку, я решил, что милости от начальства ожидать нет смысла. А видя, в какой растерянности находился Быков и равнодушие чиновников к его судьбе, я со сценарием «Уходят женщины» отправился в Москву – к руководству Центрального телевидения. И предложил снять на Киевской студии не кино, а телефильм. Моим уговорам вняли, и сценарий мы быстро запустили в производство.

Помню, пока студия переписывалась по поводу «Уходят женщины» с Госкино УССР (а я был первым редактором сценария), испрашивая разрешения утвердить и обещания выполнить все рекомендации свыше, реплики героев картины становились студийными афоризмами. Например: «Вы, кажется, не очень глупы», «Прости меня, Иуду коммунальную», «Бульдозер с цитатами», «В очках, а зубы – золотые!», «Я не могу оправдываться, просто я хочу танцевать!», «От имени научной общественности я вырежу вам аппендицит»…

А какой актерский ансамбль собрал Быков: Сергей Филиппов, Смирнов, Тимошенко (Тарапунька), Гурзо, Брондуков, Яковченко, Швидлер! «Комедийный цвет», как говорили на студии. Музыку писал к фильму Игорь Поклад, тексты песен – Юрий Рыбчинский.

Вспоминаю, как уверенно, азартно и изобретательно работал Леонид Федорович. Он был и режиссером, и исполнителем главной роли – ученого-биолога, эдакого «вундеркинда с неразвитой мускулатурой», у которого подопытная обезьяна Геркулес съела все данные его эксперимента. А ведь герой Быкова диссертант Кресовский был близок к получению препарата от… несчастной любви!

Комедия получилась. Приняли ее без поправок, но попросили заменить название на «Где вы, рыцари?». В прежнем, считали чиновники, есть привкус драмы – мол, уход женщин всегда драматичен.

На радостях мы завалились в «Метрополь». Тогда я впервые собственными глазами увидел, какой неслыханной популярностью пользуется Быков. К нашему столу непрерывно

подходили люди, чтобы сказать что-то доброе, продемонстрировать свое внимание, уважение и восторг любимому артисту… И все желали выпить «на брудершафт» с кумиром. Пришлось ретироваться по-английски, не прощаясь».

Эмилия Косничук: «Начиная работу над этой картиной, Леонид пригласил меня поработать редактором. Съемочная группа его боготворила. Каждое утро на проходной киностудии выстраивалась очередь за автографами. Одно его присутствие озонировало атмосферу… Это был очень добрый, трогательный человек.

Кабинета ему так и не выделили, поэтому он нашел себе уютный уголок. Рядом с буфетом стояла огромная пальма в кадушке, возле которой все курили, а бычки тыкали в грунт… Говорят, что, когда ее из милосердия перетащили в другой конец коридора, она без табачного дыма и привычных окурков стала чахнуть. Пришлось вернуть растение на прежнее место. И, получив привычную дозу никотина, она вновь расцвела.

Под ее сенью и стояло старое-престарое кресло. Дерматин, которым оно когда-то было обито, давно полопался, из дырок торчали использованные автобусные талоны, бумажки, вата… Именно это кресло на долгие годы и стало «кабинетом» Быкова. Каждый день он приходил на студию в своей любимой болоньевой курточке, с которой не расставался ни зимой, ни летом, в красной клетчатой ковбоечке, которая была ему очень к лицу, заказывал в буфете чашечку кофе, обожаемые им конфеты «Кара-Кум» и обосновывался в любимом кресле. Даже если сладостей не было в ассортименте, буфетчица Лена обязательно припасала несколько конфеток для любимого Ленечки. Подзаправившись, он начинал прием посетителей…

Народ в верхней одежде толпился в очереди к его креслу. Если нужно было что-то написать, он приходил к нам в редакторскую комнату. Мы организовывали чай, кофе, пирожки. Не знаю почему, про себя называли его Пончиком – наверное, потому, что это прозвище рифмовалось с Ленчиком. Если он что-то начинал рассказывать, причем неважно, смешную или грустную историю, преподносил ее так, что мы ухохатывались.

Когда фильм «В бой идут одни «старики» был готов к запуску, Ленечке наконец-то выделили малюсенькую комнатушку, похожую на келью. Там стоял стол, который пришлось подтесать, чтобы он пролез в дверной проем. Еще были выписаны два кресла, но в кабинете поместилось одно. Второе он затащил к нам в комнату – для особо почетных гостей. Что интересно, на следующий день после его похорон оба кресла исчезли. А ведь с ними многое связано! Мы хотели отдать их в студийный музей.

Увы…

Одевался очень просто. Всегда ходил в такой красной клетчатой рубашечке и болоньевой темно-синей курточке, шапки не носил – у него была прекрасная шевелюра. Только один раз мы увидели его при параде после премьеры «Стариков» – вышел такой элегантный, в очень красивом ратиновом пальто с бобровым воротничком. «Какой вы красивый, Леонид Федорович! Просто Голливуд!» – закричали мы, а он так скромненько: «Спасибо, девочки, не надо». Больше в том шикарном пальто мы его не видели».

Киноисторик Лилия Маматова тоже вспоминала «рабочий кабинет» Леонида Федоровича под пальмой: «Мне довелось беседовать с Быковым только один раз, и то строго по делу. Режиссер-документалист Арнальдо Фернандес снимал «кино про кино» по моему сценарию, и мы решили обратиться к Леониду Федоровичу с просьбой принять участие в фильме. Нас дружным хором предупредили, что он непременно откажется, так как не любит публичности, особенно официальных затей и всякого рода «мероприятий», никогда почти не выходит на трибуну. Вообще, легенда про него, которая мне была хорошо известна, гласила: очень скромен, порядочен и кристально честен. Разговаривали втроем в небольшом холле под винтовой лестницей, хорошо известном довженковцам. Здесь у Леонида Федоровича был свой «рабочий кабинет», где он общался с коллегами и друзьями. От нашего приглашения он и впрямь отказался, но зато предложил использовать в фильме письма зрителей, которые потоком начал получать со всех концов страны после своих «Стариков» и «Аты-баты…». Писали не только бывшие фронтовики, но и совсем молодые люди, знающие о войне понаслышке. Похоже, быковские фильмы восполняли дефицит доброты, душевной теплоты, который остро ощущается сегодня. Они пришлись по вкусу самым разным людям.

Рассказывал Леонид Федорович о письмах, цитировал кое-что наизусть с каким-то, я бы сказала, родственным чувством близости к своим зрителям и с нескрываемой гордостью. В остальном легенда подтверждалась: держится предельно просто, глаза смотрят приветливо, дружелюбно и чуть-чуть насмешливо, говорит охотно, с полной доверительностью, как будто мы давно знакомы. Во всем облике – ничего специфически актерского, никакого знака профессии, а тем более «звездности». Нормальная доброжелательность человека, привыкшего с уважением относиться к чужой работе. Свой отказ смягчил извиняющейся улыбкой и какими-то очень естественными мотивами – ни малейшего намека на позу, на рисовку: вот, мол, глядите, какой я

отличный парень, скромница, вне общественной суеты и тщеславных забот (существует ведь и такого сорта снобизм, и он очень даже был в ходу до недавнего времени в творческой среде). Редкое зрелище человеческой доброкачественности.

После трагической гибели Быкова вместе со всеми я испытала острое чувство потери и личной вины. Вот жил рядом большой, настоящий человек, дышал, говорил, работал, фантазировал, совершал поступки… Теперь остается только горестно сожалеть: была возможность спросить его о чем-то серьезном, самом главном – о жизни, о смерти, о правде. Да уже не спросишь…»

Как человек самостоятельный, Леонид Федорович не желал лебезить перед начальством. Его пытались сломить как личность, подчинить себе. Никого не устраивал человек, имеющий свои мысли, свой взгляд на жизнь. Быков становится на студии белой вороной. Константин Кудилевский: «Если возникала перспектива чего-то, что грозило компромиссом с собственной совестью, могло вызвать неловкость дальнейших взаимоотношений, Леонид Федорович с особенной своей мягкой, но и твердой интонацией произносил: «Нам же завтра встречаться!» И все становилось на свои места…» С чиновниками от искусства Леонид Федорович выбрал замечательный стиль общения. Начальники Госкино вызывать его к себе опасались, а беседовать в «кабинете» под пальмой им было вроде как негоже. Они предпочитали разговаривать с режиссером, прохаживаясь по коридору.

…Потянулись месяцы, годы безвременья. Он писал и писал сценарии, но не один из них не был утвержден. Вскоре после вынужденного простоя Леонид Быков понимает, что его спасет только кино, снять которое он давно мечтает – картину о небе и летчиках, о войне, а его друге летчике Викторе Щедронове. Разрываясь между матерью, семьей и кабинетными боями, он снимает свой фильм «В бой идут одни «старики». В нем Быков – актер, режиссер и автор сценария. Мечта об этой картине словно родилась вместе с ним. Многие зрители до сих пор считают, что в образе капитана Титаренко Быков рассказал часть своей биографии, не зная, что он никогда не участвовал в боевых сражениях. Во время войны Быков был еще ребенком, но небо манило его всю жизнь.

Леонид Быков угадал со временем, в котором родиться. Вот только его талант стал для него наказанием, роком. Его крестом. И случившееся с Быковым непростительно для всех, кто жил с ним рядом, в любой потере всегда кто-то виноват. Опровергая известное утверждение, он был «одним в поле воином», так часто он мог рассчитывать только на себя. Слишком выстраданно прозвучали из уст его героя Титаренко слова: «Знаешь, Серега, в

жизни человека бывают минуты, когда ему никто, никто не может помочь. Рождается сам и умирает сам».

Ада Роговцева вспоминала случайную встречу с Быковым в тот трудный для него период противостояния: «Мы знали, что не с неба падает успех. Мы знали о его тернистом жизненном пути, о бескомпромиссной натуре, о той громадной нравственной ответственности, которую взвалил на себя этот выдающийся художник, гражданин и в то же время незащищенный, очень ранимый человек. Мы знали цену его успеха. Случайная встреча обнажила эту тревожную истину. Передо мной был уже не юноша Алешка со своей трогательной любовью. Видела усталый взгляд, посеревшее лицо, измученное внутренним страданием. И закрадывались в душу беспокойство и досада на собственную беспомощность. Наконец, чисто по-человечески, по-дружески хотелось разгладить ранние морщинки на его лице и сказать что-нибудь совсем простое: «Леня, знаешь, как ты всем нам нужен – держись!» Не сделала… Не сказала…» Роза Макагонова, с которой Леонид Быков снимался в своем дебюте «Судьба Марины», впоследствии тоже корила себя за то, что в трудную минуту не нашла нужных слов, не помогла, не поддержала: «Жизнь, к сожалению, надолго развела нас, и я совсем не знала, каким он стал потом. Слышала о его творческих огорчениях, восхищалась его успехами на экране уже и как режиссера. Виделась с ним на ходу на совещаниях, съездах кинематографистов и т. д. Но запомнилась наша последняя встреча в Киеве, незадолго до его гибели. Он уже был известный, признанный, именитый. Но что-то в той встрече встревожило и тревожит меня сейчас. Или это последующие события наложили свой отпечаток на мое восприятие той встречи?

Понимаете… он уже не излучал той радости, прежней. Он обрадовался мне, но глаза были грустными, тревожными… Повторяю, может быть, это – мое воображение. Он рассказывал о работе, о детях. А в самом конце сказал, что купил машину. Наверное, ту самую…

И вот это сочетание фразы о машине с грустными, почти трагическими глазами привнесли в мою жизнь ту тревожную ноту, с которой я живу до сих пор. Может быть, он предчувствовал?.. С тонкими, одаренными натурами это бывает.

Почему-то есть еще у меня и чувство вины. Если что-то почувствовала – почему не расспросила, не помогла? Как же мы бываем равнодушны друг к другу подчас, не бережливы!» А ведь Быкову действительно была так нужна простая дружеская поддержка… Он переживал тяжелое время без любимого дела, которого был лишен. Жизнь теряла для него всякий смысл и

ценность. Окружающие, будто из такта, обходили молчанием то, что происходило, и это еще более усугубляло состояние безысходности, одиночества… Обнадеживала, помогала держаться на плаву лишь поддержка друзей, находивших при встрече нужные теплые слова.

Сам он всегда умел помочь людям в трудную минуту. Как говорил его друг Иван Миколайчук, делал он это столь ненавязчиво, как бы «случайно», что человек только позже спохватывался: да ведь это была тщательно продуманная акция помощи! Почти забытая ныне, вымирающая добродетель: стыдливость даже в добром поступке – из боязни ранить чужую гордость или предполагаемую стыдливость. Защитить себя было сложнее, он этого не только не умел, но и не хотел. Последнее время сердечные приступы следовали один за другим, но Леонид Федорович так и не научился беречь себя и жить в щадящем режиме. Режиссер Алексей Смирнов: «Жизнь Леонида Быкова в кино – это высокая трагедия, понимаемая в классическом значении этого слова: поле жизни, где на наших глазах шла борьба между героем и судьбой. Борьба с переменным успехом и трагическим исходом, о котором позаботился наш технизированный век».

Всеобщая лесть, угодничество, коррупция, царившие вокруг, не давали Леониду Быкову спокойно жить и работать. Он так хотел снимать свое кино – честно, открыто, по-человечески. Переживая за происходящее на студии, он пишет другу: «Всю ночь не спал. Рассказать бы правду о том, как загубили театр. Почему из Киевской киностудии ушли режиссеры Алов и Наумов, Хуциев, Донской, Чухрай? Мы наконец-то стали судить людей за халатное отношение к технике. А когда же начнем судить за преступное отношение к людям? Самое страшное – общественное равнодушие. Угодничество. Культ мог вырасти только на почве угодничества».

Быков ждал… стиснув зубы, множа шрамы на сердце. Рубец ложился за рубцом, в никуда уходили лучшие годы… Пока однажды, придя на студию, не увидел себя в списках на увольнение… Как просто!.. Не в силах больше сносить узколобость чиновников, Леонид Быков решается на переезд, на сей раз в Москву. Однако жизнь меняет его планы – неизлечимо заболевает его мама Зинаида Панкратовна. В ее 60 лет врачи ставят ей неутешительный диагноз – онкология. Приходится забирать маму к себе. Последние четыре года и четыре месяца ее жизни в семье сына становятся для всех не только бесконечно трудными, но и окончательно приковывают Быкова к Киеву. И эта полоса неудач тянется до самых «Стариков».

После триумфального успеха фильма «В бой идут одни «старики» не замечать талантливого режиссера уже невозможно. В том же году ему присваивается звание народного артиста Украины. Причем, в отличие от многих деятелей искусства того времени, заслуживших это звание в силу самых разных причин, Леонид Быков получает его вполне заслуженно – за талант и популярность в народе.

Несмотря на триумфы и награды, тоже случавшиеся в биографии Леонида Быкова, на его душе не становится спокойнее. Даже всенародная любовь не может защитить его от жесточайшей критики, цензуры, зависти коллег. Они, как путы, сковывают все его начинания и задумки, мешают ему свободно дышать и творить. И даже в таких условиях Быков остается Быковым. Все, кто с ним общался и работал, знают – Леонид Федорович никогда никого не осуждал, старался не замечать закулисной борьбы, держась в стороне, «над схваткой». Марьяна Быкова: «Папа был необычайно терпеливым, сдержанным и наивным. Очень доверял людям. А если убеждался, что человек поступает по отношению к нему недостойно, вычеркивал его из своей жизни. При этом он мог, не подавая вида, вежливо здороваться с этими людьми. И лишь одну женщину за полтора года до гибели просто перестал замечать. Это его редактор Эмилия Косничук, которая теперь рассказывает сказки про то, как за три дня до смерти Быкова случайно обнаружила в своем столе письмо-завещание…

Это неправда, что у отца не было врагов. Были. Причина – его характер. Папа никогда не носил камень за пазухой или фигу в кармане. Он говорил, что за правду нужно бороться только с открытым забралом. Он мог посоветовать министру, который не умеет управлять, идти на пенсию. Мог отказаться от банкета с очень высокопоставленной особой и пойти в это время на рыбалку с тем, кто расскажет ему новый секрет мастырки, и очень ценил, что рыбаки доверяют ему свой секрет. Это было для него интереснее и важнее – нормальные человеческие отношения. Он никогда не искал выгодных знакомств и полезных связей. Это был не его стиль. Вот рвать на себе тельняшку и закрывать амбразуру или броситься вырывать из пасти озверевшей собаки окровавленного щенка – в этом был весь папа. Или у пьяного мужика отбирать топор, когда даже милиция боится подойти, – это он мог. Подойти и сказать спокойно: «Не шали!» И бандит стоял растерянный…»

Лариса Шепитько рассказывала, как незадолго до гибели Леонида Быкова они встретились в Москве на съезде кинематографистов. Он сидел… молчал… крутил сигарету, но

критическая масса назревала… Не в силах больше терпеть угодничество, откровенную фальшь и ложь, вышел выступать, хотя его не звали. Потом объяснял свой поступок жене: «Томочка, я не смог, я сорвался». «Сорвался» – значит, вышел на сцену и очень просто, без внешних эффектов, сказал все, что думает о состоянии кинематографа и о тех, кто стоит «у руля». В перерыве к нему подошла Лариса Шепитько, обняла и сказала: «Ленечка, и что же ты натворил? Запугать тебя нельзя, купить нельзя. И что же теперь с тобой делать? Только убирать». Это было где-то за месяц до его гибели, а через два с половиной месяца погибла и сама Шепитько.

И это было не единственное подобное выступление Быкова «на высшем уровне». Широко известен случай, когда в 1977 году на праздновании 60-летия Комитета государственной безопасности СССР, при просмотре заслуженными работниками КГБ Советского Союза отрывков из фильма «В бой идут одни «старики» Леонид Быков в своем поздравлении, не сдержавшись, напомнил сидящим в зале, что такое совесть, честь, доброта и любовь. В ответ в зале раздался угрожающий скрежет зубов… Сотрудники КГБ были крайне возмущены. Быков со своей правдой уже давно многим высокопоставленным чинам стал той самой костью в горле. Стоит ли сомневаться, что после данного выступления врагов у него прибавилось. Однако вести себя иначе Быков не мог. Говорить правду, во что бы то ни стало, его научили родители. Вот и они с женой, еще учась в институте, дали друг другу клятву, что никогда не будут иждивенцами, не будут ни у кого ничего просить, никогда не поступятся своими принципами. И были верны этой юношеской клятве всю жизнь, что бы ни случилось. Быков, следуя принципам юности, никогда не изворачивался, не бил исподтишка, не лгал. И правду говорил только в лицо.

Евгения Симонова полностью солидарна с такой характеристикой Леонида Быкова. «Слишком независимый, слишком честный, – вспоминала она. – Ведь это большой героизм – прожить так, чтобы ни разу не поступиться совестью – это надо быть фантастически мужественным человеком. Независимым, свободным». Как говорил его герой Зайчик: «Надо уважать людей, независимо от должности. Просто больших должностей на всех не хватает». Оставить эту сцену в фильме было непросто, но он смог ее отстоять. Сейчас эта реплика кажется безобидной. А для 64-го года это был серьезный удар по определенной категории чиновников. В своем фильме «Зайчик» Леонид Быков впервые решается на такой шаг. Он все делал остро, не шел на компромиссы. И вообще был человеком, пропускающим все через

свое сердце, любые удары. Он не был равнодушным, он был горячим. И никогда ни с чем не соглашался в угоду каким-то расчетам. Никогда».

Да, нелегко ему было снимать свои фильмы, но об этом отдельный разговор. Сопротивление же больших чинов во время съемок «Аты-баты…» было особенно сильным. Регулярно задерживалась проявка пленки, прекращалось финансирование, пропадали консультанты по съемкам боев, что, естественно, сильно тормозило всю работу в целом. Его война на экране продолжалась и в жизни, и была столь же безжалостной. В нем, по-прежнему, бушевали бури, и не всегда такой темперамент удавалось «закрыть» в себе. Однако он старался, как мог. И воевал, как жил – без грома и криков.

Что и говорить, трудно было сдерживаться, не сваливать внутреннее состояние полной безысходности на плечи близких. В какой-то момент Леонид Быков стал совершенно другим… Из легкого, открытого и внутренне свободного человека он превратился в замкнутого, закрытого, но все равно не сломленного невзгодами человека. Это так никому и не удалось. В подобной ситуации Быкову лишь оставалось прикрываться сквозь толщу глубокой грусти своим неповторимым, с грустинкой, юмором, который он к тому времени в совершенстве постиг. В один из таких моментов, в период нахлынувшей безысходности Быков пишет другу: «Боже! Как я хохотал, представив, что в день съезда кинематографистов УССР я бы загнулся, и собирали бы на венок…»

Даже из этой короткой строчки видно, что к тому времени вся жизнь Леонида Быкова в Киеве стала вызовом системе, запросто перемалывающей человеческие жизни. Владимир Заманский: «Примерно за год до его кончины – встреча в коридоре Киностудии имени А. П. Довженко. На первом этаже, возле гримерной, на скамейке, длинный разговор. Он говорил – я слушал. Мы не были закадычными друзьями, но по симпатии, по взаимному доверию, по душе были близки. Поэтому и мог он со мной так долго говорить о себе. Леонид Быков был человеком, не разделявшим понятие совести отдельно на художническую и на жизненную…» Трудно понять, как за несколько лет безработицы Быкову удалось не только не растерять профессиональные и человеческие качества, но и не озлобиться. Да еще сохранить юмор и веру в людей. Это был поистине человеческий подвиг.

Леонид Быков не понимал людей, которые мелко мыслят и мелко чувствуют. В течение своей сложной судьбы он так и не научился притворяться и приспосабливаться. Он позволял себе эту непозволительную по тем временам роскошь – говорить

правду. Вот и приставили к группе Быкова надлежащего человека. С ним режиссеру повезло. Даже если Сергей Цыганков по роду службы и «стучал» на подопечного, то был не чужд и некоторого сострадания к нему. Они прекрасно ладили, часто говорили по душам. Когда однажды в откровенном разговоре Сергей попытался, в который раз, образумить Быкова, то в ответ услышал: «Я свою дорогу выбрал, ты выбери свою. Я назад отступать не буду».

В один из периодов вынужденного простоя Цыганков попытался помочь Леониду Быкову, предложив руководству студии назначить его художественным руководителем Творческого объединения. Странно было видеть, как самый знаменитый режиссер Украины ходит безработным. Месяц он уговаривал Быкова. Руководство пока ждало его решения и надеялось, что Быков согласится. Цыганков, наконец, Быкова уговорил. И когда они наконец вошли вместе к директору, Быков сразу с порога озвучил свои условия: «Я согласен стать директором объединения, но я закрою все плохие сценарии». Директор опешил от такого напора: «Леонид Федорович, ну, как все? Мы что, снимать ничего не будем? Надо же что-то ставить, а если ничего хорошего нет». А Быков ему: «Вот, я и побыл директором объединения. Всего каких-то 30 секунд». Развернулся и ушел…

Вконец измотанный противостоянием самодурству чиновников и бытовыми проблемами – опять болела жена, не все в порядке было с сыном… – Леонид Федорович, возможно, в какой-то момент перестал верить в торжество справедливости. На прямой вопрос Владимира Соссюры, случайно встретившегося ему накануне злополучной поездки на дачу в Страхолесье: стоит ли тому соглашаться на должность главного редактора студии, устало ответил: «Я тебе не советую, Володя»…

Его независимость и разного рода бескомпромиссные выступления раздражали начальство все больше и больше. Управлять Быковым пытались по-разному и перепробовали, казалось бы, все: держали без работы, пытались раздавить, действуя через сына, но сломать так и не смогли.

Словно чувствуя надвигающуюся беду, незадолго до гибели Леонид Федорович сказал жене: «Надо избавиться от машины!»

«Снимать о войне надо, когда болит…»

Так считал актер и режиссер Леонид Быков, в творчестве которого тема Великой Отечественной войны стала центральной. «Пока мы будем снимать фильмы о войне, читать стихи о ней и помнить людей, которые подарили нам победу, всех, кто погиб и жив, будет жива и наша страна», – говорил он и делал все, чтобы внести в это свою лепту. Леонид Быков принадлежал поколению, по возрасту не успевшему побывать на фронте. И все же война – с ее буднями, лишениями, повседневным трудом и героическими подвигами во имя Победы наложила свой отпечаток на его характер, на его судьбу. Неудивительно, что она оказалась так близка его человеческому «я», а значит и творчеству. Он постоянно возвращался к этой теме, признаваясь: «Моя мечта поставить и сыграть реквием о солдате, не вернувшемся с войны». Каждая его новая роль – ступенька к осуществлению задуманного. Фильмы Быкова – духовное завещание мастера, признанная классика в обширной фильмотеке Великой Отечественной.

Сегодня уже трудно представить праздник 9 мая без фильмов Леонида Быкова – «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…». Эти картины, в которых в полной мере проявился режиссерский и актерский талант Быкова, вошли в золотой фонд нашего кино. Не будь этих лент, для большинства зрителей Быков мог бы так и остаться вечным Максимом Перепелицей или кем-то другим из своих героев, в сущности, составляющих единый типаж, базирующийся на личности самого актера. «Наш хлопец» – так, пожалуй, можно определить собирательный образ героев Леонида Быкова в кино – юморной, простой, добрый. Балагур. Мечтатель… Так и не повзрослевший мальчишка, готовый по первому зову в трудную минуту прийти на помощь. Человек, способный на подвиг, как на что-то само собой разумеющееся. Люди, знавшие Быкова, говорят, что таким он, по сути, и был. И лишь немногие догадывались, как порой тоскливо становилось у него на душе от творческой нереализованности.

Несмотря на это, Леониду Быкову многое удалось в профессии. Именно ему мы обязаны появлению жанра героической кинокомедии, так умело воплощенной в фильмах «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…». В них Быков предстает зрелым мастером. Его желание окунуться в режиссуру – необходимость творческой самореализации, неодолимое желание выговориться, выплеснуться, заставить

прислушаться к самому важному для него – теме войны, любви и дружбы на войне, когда пора молодости совпадает с суровым военным временем. Главным в данных обстоятельствах для Быкова было то, что его герои сумели не только победить врага, но и сохранить свою душу.

Клара Лучко: «Тема войны всегда его волновала.

В Киеве он поставил фильм «В бой идут одни «старики». О войне, о летчиках, о своих неосуществленных мечтах. Картина имела колоссальный успех. Леониду присвоили звание народного артиста Украины. Он получил несколько почетных призов на фестивалях, Государственную премию имени Т.Шевченко, первую премию за режиссуру и диплом за лучшую мужскую роль на Всесоюзном кинофестивале в Баку.

Успех окрылил Быкова. Он понял, что может еще многое сказать о войне, на которую сам не попал, но ее дыхание обожгло его. В следующем фильме – «Аты-баты, шли солдаты…» – он рассказал о памяти, о том, как дети и внуки вспоминают близких, не вернувшихся с полей сражений.

Фильмы, поставленные Быковым, свидетельствовали о том, какой он тонкий, вдумчивый, с Божьей искрой режиссер. Сколько юмора и трагизма совместилось в его творчестве, как пронзительно звучит и откликается в душах живых нота оборванных человеческих жизней…»

«Я много лет мечтал о своем Титаренко, о летчике-асе времен Отечественной войны, – словно в благодарность сказанному говорил Леонид Федорович, – а если хотите, о Максиме Перепелице военных лет, о ребятах, которые, едва достигнув совершеннолетия, стали освободителями Родины от фашистов… Об этом надо напоминать людям… О войне нельзя лгать – это было бы кощунством…» И Леониду Быкову это удалось. Он создал очень честный, удивительно добрый, гуманный фильм, в котором сочетается, казалось бы, несовместимое: смерть и жизнеутверждающий юмор, романтическая грусть и бесшабашная удаль, песенная лирика и высокая героика.

Киновед Эльга Лындина предельно точно охарактеризовала главный фильм в творческой биографии Леонида Быкова: «Фильм «В бой идут одни «старики» Быков снял в тоскливом и холодном безвременье. Тогда социальное начало резко возобладало в талантливых и ярких наших картинах. Работа Быкова отстоит от них, сближаясь скорее с кинематографом военных лет. Его чуть надрывной романтикой, идеальными героями и духом единения, которые всегда привносил Быков во все свои роли. В жизни застенчивый, всегда смущавшийся, он искал общения с людьми и восполнял через экран, высказывая затаенное, сокровенное. За

бытовыми сценами, красками, словечками открывается лирик и романтик. В солдатах, людях войны, в любимых летчиках сконцентрирована естественная логика жизни быковских героев, элементарнейшие, законнейшие желания человека. Война всему этому противостоит как нечто чудовищное, противоестественное…»

С ней полностью солидарен и бывший фронтовик, друг и соратник Леонида Быкова Евгений Оноприенко, вместе с ним написавший сценарий к фильму «В бой идут одни «старики»: «Все, к чему он прикасался в искусстве, сразу обретало некое иное измерение. Как-то мне сказали, что Быков, живший тогда в Ленинграде, согласен сыграть в фильме «Разведчики» по моему сценарию одну из ролей. Я удивился – роль была малюсенькая – и обрадовался, конечно. Но Быков согласился при условии, что сначала переговорит со мной. И в результате этого разговора роль старшины Макаренко стала едва ли не главной в картине, а что наиболее сочной и интересной – так это уж точно! Он так увидел роль и так мне, автору сценария, показал ее, что я не мог не дописать ее, не переделать. К сожалению, по ряду причин картина не стала явлением, однако в том, что она получила первую категорию и ее посмотрели пятьдесят миллионов зрителей, бесспорно, огромная заслуга Быкова».

Его персонаж – старшина разведотряда – простой детдомовский парень Сашко Макаренко по прозвищу Макар – балагур и весельчак, лучший разведчик Дунайской флотилии, незаменим и в бою, и во время короткой передышки. Бывший повар, громадина Вася Сигаев (А. Смирнов) ходит за Макаром по пятам, впитывая солдатские премудрости.

Командование поставило перед разведчиками непростую задачу: раздобыть карту минных полей участка Дуная, по которому вскоре должен пройти караван судов с продовольствием – помощь истощенному голодом городу. Храбрецы отправляются в глубокий тыл противника, хотя знают, что вернутся не все…

Многие из военных героев Быкова, таких, как и старшина Сашко Макаренко, отдали за Победу самое дорогое – свою Жизнь. Особо трагичным и запоминающимся стал эпизод гибели Свата из «Аты-баты, шли солдаты…». Под песню «Бери шинель, пошли домой» он стоит, не дрогнув, перед движущимся на него танком, как символ русского солдата, приносящего себя в жертву во имя Родины.

Стремясь показать лучшее, что открывается в человеке на войне, Быков был уверен, что главный ее урок в том, что человек смог побороть собственные отчаяние и страх. Творческий прием Леонида Быкова затрагивал те глубинные уголки души, из

которых на смену страху приходит смех. Ведь высмеять страх – значит победить его. Природа юмора быковских персонажей, наполненных жизненной силой, целительна. Она в героике без излишнего пафоса, в которой наряду с трагизмом уместны ирония и самоирония. Быков верил в социальную значимость смеха, в то, что соединение «комического и трагического – вершина искусства. Это Чарли Чаплин, – отмечал он. – Это то, к чему стремится Альберто Сорди и наш Василий Шукшин».

Талант Леонида Быкова неповторим. И своеобразие своего таланта он принес в режиссуру. В быковских фильмах привлекает единство его человеческого, актерского и режиссерского дарования. На первый план выходит попеременно – то лирическая, то острокомедийная сторона создаваемых им образов. Юмор и лиричность вместе рождают новое качество – драматизм, достигающий трагической силы.

Недаром великий художник Ван Гог считал, что первый признак гения – доброжелательность, а высшая художественность – способность любить людей. Эту мысль Леонид Быков подтвердил всем своим творчеством, всей своей жизнью. Воплощая на экране своеобразный солдатский фольклор, его герои иллюстрировали сугубо народный юмор, отмеченный богатой гаммой полутонов. Как мы уже говорили, его капитан Титаренко из фильма «В бой идут одни «старики» – это, по сути, сам Леонид Быков, со своей мечтой о небе, о свободе. Фольклорные корни угадываются в любом из его персонажей: командир поющей эскадрильи, задорный Маэстро – сказочный Иван-царевич, «махнувший не глядя» коня на истребитель, балагур ефрейтор Святкин, Сват – Вася Теркин, сохранивший чувство юмора даже перед лицом смерти… Кино «Аты-баты, шли солдаты…» по эмоциональному воздействию получилось настолько мощным, что обрело жанровые черты баллады, саги о солдате. И все же правдивый, щемящий трагической необратимостью рассказ о героическом самопожертвовании горстки ребят, защищавших Родину, не смог повторить оглушительной славы «Стариков».

Александр Камшалов в книге «Героика подвига на экране» писал так: «Фильм в «Бой идут одни «старики» продолжает разговор о подвиге, героизме, верности, братстве и дружбе людей разных национальностей, о чувстве прекрасного у советского человека, его стремлении к красоте, которое не угасло и находило проявление даже в пору самых суровых испытаний Великой Отечественной войны. История жизни-подвига молодых отважных летчиков эскадрильи составляет сюжетную основу фильма. Прибытие на передовую выпускников летных училищ

ускоренного выпуска, знающих только взлет и посадку, этих необстрелянных «желторотиков», знакомство их с фронтовыми буднями, со «стариками» эскадрильи, которым по двадцать два – двадцать три года, идущими в бой, чтобы отодвинуть опасность от своих юных друзей, процесс их взросления, мужания – все это эпизод за эпизодом разворачивается в волнующую летопись становления характера.

Знакомство с обаятельными героями фильма: умным и тонким капитаном Титаренко, молчаливым и внешне сдержанным Агишевым – Ромео из Ташкента, непосредственным и решительным Кузнечиком, веселым и смелым Щедроновым, добрым и заботливым Макарычем, укрепляет веру в то, что этих людей ни сломить нельзя, потому что они, несмотря на индивидуальность и неповторимость своих характеров, объединены одной идеей – победить врага.

И «старики», и новое поколение – молодые люди, вступившие в бой за свободу и независимость своей Родины, за свое счастье и счастье грядущих поколений. Они гордятся своими подвигами, сбитыми фашистскими самолетами, но не хвастаются этим. Это их работа на войне, именно так их учит командир эскадрильи Титаренко (Л. Быков). Когда один из летчиков радостно докладывает о сбитом им самолете: «Я сбил, я сбил, товарищ командир», Титаренко спокойно охлаждает его пыл: «Поздравляю с первой победой… Но между прочим… сбивать самолеты противника – это не подвиг. Это, так сказать, обязанность истребителей, наши будни…» Леонид Быков произносит эти слова тихим голосом, в его герое (хотя он и Герой Советского Союза), сбившем не один десяток гитлеровских асов, нет никакой рисовки перед летчиком, который испытал первую победу. Он просто считает, что первый удачный бой может вскружить голову молодому летчику, что он может подумать, что с противником в воздухе драться легко, просто. Титаренко же думает иначе. Хорошо, с трезвой головой и холодным расчетом может драться тот, кто овладел всеми секретами авиационного мастерства. Умением можно одолеть даже превосходящего по силам соперника. Плюс еще немного смекалки, хитрости. Комэск считает даже, что в бой нужно идти весело, с песней, которая помогает бить врага, а потому и вся эскадрилья его «поющая». Так, не то в шутку, не то всерьез окрестили его однополчане, а самого комэска-2 прозвали Маэстро. Даже молодое-то пополнение Титаренко отбирает по принципу: можешь или не можешь петь, какие песни знаешь, чем вызывает недоуменные взгляды выпускников летной школы.

Для Титаренко в исполнении Быкова – яркого, достоверного,

темпераментного, война – преходящее явление, а песня, музыка – вечные понятия, душа солдата. Поэтому для него так близки и понятны слова, весь образный строй, сам смысл любимой в те суровые годы песни: «Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне!»

Быков рисует Титаренко не только боевым командиром, хорошим товарищем, веселым парнем, но, там где это нужно, суровым, даже беспощадным к тем своим друзьям-однополчанам, кто в какое-то мгновение струсил, вышел из боя, оставив товарища, не прикрыв его собой. Вспомните историю с летчиком Скворцовым и тот жесткий мужской разговор, который состоялся между ними.

Он серьезно повлиял на судьбу летчика, пошатнувшегося, струсившего, но обретшего себя, преодолевшего затем в себе страх. Титаренко не доложил об инциденте, поверил Скворцову. А такая вера много стоила во время войны, она окрыляла, вселяла силы, уверенность. Монтаж сцен фильма с документальными кадрами, снятыми военными операторами во время боев за Днепр, достигает высокой степени убедительности. Авторам удалось изобразить «каждодневную» войну.

Фильм построен так, что зрителю кажется, что он видит художественное воплощение кинодокументов, а не обычный художественный фильм. Мы видим то, что в действительности случалось, хотя и нечасто, но в то же время и не было исключительным явлением. Этот фильм посвящен тем, кто в период войны поднялся в небо, но не вернулся на землю …

Подвиг в его фильмах – это результат войны, нечто само собой разумеющееся. Война требует жертв, и их неизбежность Быков показывает откровенно. В фильме «Аты-баты…» он очень умело переносит внимание и на потомков, подчеркивая их прямую связь с защитившими Родину дедами – жизнь продолжается, помните ваших отцов и их самопожертвование.

Сопоставление времен – чисто кинематографический прием. Режиссер хорошо знает силу эмоционального влияния игровой стихии. Правду войны с нынешним поколением связывает очерченная в фильме сюжетная нить: Анна, дочь младшего лейтенанта Суслина и медсестры Кимы, собирает потомков тех, кто погиб в бою».

Тема преемственности поколений действительно очень важна для Быкова. Леонид Федорович понимал, что новые поколения, не видевшие войны, с годами станут смотреть на нее иными глазами, нежели их родители и участники событий. Время показало его правоту. И все же, несмотря на все произошедшие перемены, неизменными остались – отношение к войне, нашей

Победе, и к ветеранам, для которых Великая Отечественная война когда-то стала мерилом, высшим экзаменом на прочность. Последние годы радуют появлением новых хороших фильмов на военную тему. Проза писателей-фронтовиков и киноленты, посвященные этой теме: фильмы «Летят журавли» Михаила Калатозова, «Иваново детство» Андрея Тарковского, «Баллада о солдате» Григория Чухрая, «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…» Леонида Быкова давно стали классикой, признанными эталонами военного кино, как и многие другие прекрасные ленты этого жанра. Наша память жива. Жив и генетический патриотизм, а значит, по-прежнему любимы и картины Леонида Быкова.

Возможно, секрет успеха его работ разгадал Иван Миколайчук, как никто знавший своего друга: «Не каждая вещь может стать предметом искусства.. А он брал, и получалось!… его фильмы строились на большущем сердце. На доброте…»

«В бой идут одни «старики»

«Если бы не это проклятущее кино, был бы я летчиком. В небе. Где нет дорог и правил уличного движения. А есть только простор и воля. Летал бы. Как демон…»

Леонид Быков

Накануне нового тысячелетия сотрудники газеты «Спид-инфо» провели на улицах Москвы опрос. Прохожих спрашивали: «Какой фильм о войне вы бы взяли в XXI век?» 83 процента опрошенных назвали «В бой идут одни «старики».

Фильм «В бой идут одни «старики» стал самой большой актерской и режиссерской удачей Леонида Быкова. И по праву занял достойное место в десятке лучших российских фильмов о Великой Отечественной войне. Картина наполнена особой романтическо-героической атмосферой, в которой нашлось место и мягкому, безмятежному юмору, и щемящей грусти. После ее выхода все мальчишки бредили небом. Отсутствие патетического надрыва и точно подобранный, выверенный актерский состав сделали ее любимой зрителями. Мы сроднились с его героями. Их имена давно стали нарицательными, разошлись на крылатые фразы цитаты из фильма. Даже зная наизусть сюжет, мы продолжаем сопереживать «старикам» и «желторотикам», а кто-то пишет и посвящает фильму стихи…

«От винта!» – команда прозвучала,
Сорвана с кабины маскировка,
Приладив парашют у друга на плечах,
Макарыч крестит самолет неловко.
Он сделал все что мог, осталось только ждать,
Смотреть с надеждой в багровеющее небо.
Тяжелый труд – комэска провожать.
На смертный бой, где он бы не был…
Близка Победа, и какой ценой
Достанется она – уже не важно.
Отчаянно сражаясь той весной,
До мирных дней дожить мечтает каждый.
Но долг солдатский снова в бой зовет,
В военном небе, расправляя крылья,
Вперед на запад, командир ведет

«Поющую» вторую эскадрилью.

Репина Вера

Про Великую Отечественную войну снято немало прекрасных лент. Кинематографисты любят эту тему, искренне веря, что переплетение трагического и героического изначально сулит успех. Однако признание приходит не ко всем. Работы Быкова – это особое авторское чутье и обостренные чувства правды и искренности – режиссерской и исполнительской. Зрителя не обманешь, он всегда отличит – истину от фальши, художественную правду от очередной заказной темы. Выдать может любая малость, даже самая незначительная деталь – белоснежный воротничок на запыленной солдатской гимнастерке или слишком чисто выбритый боец. От создателей военных лент память павших и пристальное внимание живых требуют большого авторского мужества, строгой правды изложения событий и правильной мотивации поступков героев.

«В бой идут одни «старики» – фильм авторский не только потому, что режиссер Леонид Быков является и одним из авторов сценария, и исполнителем центральной роли. Это еще и выстраданная авторская позиция, отношение к подвигу. Его можно по-разному увековечить – в граните обелисков, в бронзе скульптур, в Вечном огне на могиле Неизвестного солдата… Главное, за всем этим не забыть о скромных деревянных звездах на безымянных могилах, пожелтевших от времени карточках в самодельных рамках, тонких пачках писем-треугольников, хранимых как самая дорогая семейная реликвия. Это тоже память о прошлом, которая вновь и вновь возвращает нас к войне, к тому, что пережили наши деды. С их помощью мы понимаем, какой ценой была завоевана Великая Победа.

Леонида Быкова война тоже «зацепила» – он был мальчишкой, когда она началась. Детская память цепко ухватила атрибуты той поры – эвакуацию, теплушки на железнодорожных перегонах, раненых в сибирских госпиталях, слезы похоронок, потерю друга, радость Победы…

Чувствуя ответственность перед памятью, Леонид Быков однажды признался: «С каждым годом все труднее делать фильмы о войне. Много хороших лент, с которыми трудно соперничать, но много и серых подделок, отбивающих охоту смотреть такие картины. Поставить же фильм о летчиках, действовавших в годы войны, оказалось почти невозможно: уничтожена вся старая боевая техника. В музеях кое-что сохранилось, но на ходу – ничего. Можно сказать, мы заново конструировали старые

машины. И как летали на них, сейчас не могу даже представить».

Леониду Быкову удалось в фильме главное – точно передать время, характеры и настроение людей, для которых война стала общей судьбой. Его эскадрилья неспроста стала «поющей» – так капитан Титаренко подбирает себе новичков. Его «старикам» чуть больше двадцати, а «желторотикам» – пополнению из летных училищ ускоренного выпуска, совсем пацанам, и того меньше. Им еще многое предстоит испытать – и жар боев, и радость первой победы над врагом, и величие братства, скрепленного кровью, и первую любовь, и горечь утраты… Летчики второй «поющей» ежедневно поднимаются в воздух и ведут неравный бой, иногда с втрое превосходящими силами противника. Даже в таких условиях, несмотря на весь драматизм событий и горечь потерь, люди остаются людьми – спорят, влюбляются, разыгрывают друг друга, выкраивают время для занятий любимой музыкой, чтобы песней поддержать себя и своих товарищей. Настанет день, и бывшие «желторотики» по команде «В бой идут одни «старики» бросятся к своим самолетам… «Показывая, как быстро мужают на войне мальчишки, – говорил Быков, – нам хотелось поговорить о природе массового подвига советского народа. И ответ напрашивается такой: война, сражения, бомбежки – все это преходящее, а вот мир человеческих чувств, душевных ценностей человека – это вечно. И в этих ценностях, в нравственном здоровье, в вере, что твое дело правое, истоки непобедимости нашего народа».

Леониду Быкову удалось создать очень честный, удивительно добрый и гуманный фильм, пропитанный надеждой – на возвращение любимого человека, на светлое будущее без войны. В рассказе о летчиках-истребителях сочетается несочетаемое: смерть и жизнеутверждающий юмор, романтическая грусть и бесшабашная удаль, песенная лирика и высокая героика. Режиссеру важно показать приподнятый эмоциональный настрой героев ленты. Отвечая на вопрос: «Почему героями фильма стали именно летчики?», Быков признавался: «Трудно сказать. Может быть, потому что сам я учился в авиационном училище, мечтал о полетах и до сих пор восхищаюсь представителями этой героической профессии. Разговаривая с летчиками, участниками боев, мы поняли одну очень важную для нас вещь. В жестоком горниле войны, в беспощадном ее пламени старшие опытные товарищи стремились, где это было возможно, сберечь молодых и неопытных соколят.

В этом была высшая мудрость – забота о будущем, извечное право и долг сильных охранять, растить и воспитывать себе смену.

Так родилась тема «В бой идут одни «старики». Другая – не менее дорогая нам, известная мудрость гласит: «Когда говорят пушки, музы молчат». Мы же хотели доказать, что в годы испытаний побеждают те, кто остается людьми в самых жестоких условиях, кто берет с собой в бой все светлое, человечное, за что и ведет битву с врагом. А что может быть прекраснее музыки? Недаром герои второй, «поющей» эскадрильи любят повторять: «Война преходяща, музыка вечна!»

Злобе, человеконенавистничеству фашизма наши герои противопоставили высокий гуманизм, творческое созидательное начало, заложенное в человеке.

Нам хотелось создать этот фильм в память о тех, кто не вернулся с войны, и в благодарность живым, выстоявшим эту жестокую битву. Поэтому с особой трепетностью и волнением показываем мы свою картину ветеранам войны. И лучшая награда для нас, когда они говорят: «Да, это было так».

Называя «Стариков» главной темой своего творчества, Леонид Федорович признавался: «Всегда повторяю: я всегда буду стремиться играть солдат и ставить фильмы о солдатах. Мне не довелось воевать, войну я встретил 12-летним мальчишкой, но ее каток прокатился и по моей судьбе, и по судьбе моих сверстников, многие мои друзья лежат в братских могилах. Об этом надо напоминать людям». Леонид Быков очень гордился тем, что его называли «солдатским актером» – он немало их переиграл, но выше сержанта никогда не поднимался. В «Стариках» его карьера круто пошла в гору, Титаренко – капитан, потом становится майором. «Это не меняет его солдатской сущности, – считал Быков. – Титаренко и его друзья – это списанные с реальных людей образы. Это дань их светлой памяти».

Реквием о солдате, не вернувшемся с войны, о мальчишках, не успевших признаться в любви, Леонид Быков задумал давно: «Этот фильм – дань моих юношеских объяснений в любви тем, кого я лично знал и кого не знал. Это фильм о тех, кто остался лежать «в полях за Вислой сонной», о тех, кто не пришел домой с войны…» Поэтому фильм «В бой идут одни «старики» можно считать обращением погибших солдат к своим сверстникам – поколению двадцатилетних, не знавших войны. «Мы, актеры, – признавался Быков, – помним о своей большой ответственности перед зрителями. Актер бросает с экрана зерна доброго, и они прорастают. Человек становится умнее, тоньше, красивее, в этом – смысл работы актера».

По свидетельству работавших над фильмом «В бой идут одни «старики», Быков стал его вдохновителем и душой. В его

режиссерском почерке легко узнается Быков-актер, чувствуется обаяние его человеческой индивидуальности. Капитан Титаренко, командир эскадрильи истребителей – яркий, самобытный характер. Он аккумулирует в себе все лучшее, что было найдено актером в прежних ролях. Глубокая народность образов, созданных Быковым на экране, присуща и героям фильма «В бой идут одни «старики». Бережное, глубоко уважительное отношение Быкова-режиссера к своим героям передается и камере. Она нежно любуется исполнителями, стараясь раскрыть их новые актерские грани и как можно полнее представить творческие возможности новичков, многие из которых стали открытиями Быкова-режиссера. «Наверное, нет ничего приятнее и почетнее, чем помочь своему младшему товарищу получить «путевку» на экран, – считал он. – Я обратился к студентам и выпускникам специальных институтов и не жалею об этом. Их работа в «Стариках» оставила у меня чувство глубокого удовлетворения. Для Сережи Иванова, Володи Талашко и других – это вторая роль, а вот Сережа Подгорный, Саша Немченко и Женя Симонова вообще впервые снимались в кино».

Легкое дыхание фильма созвучно внутреннему камертону режиссера, его собственной мелодии. Словно и не было долгих бессонных ночей и титанического труда. Затрудняясь определить жанр «Стариков», Леонид Быков говорил: «… война знала все – слезы и смех, любовь и гибель любимых, радость и горе, песню и похоронный марш. И как часто все это переплеталось. О войне можно ставить высокую трагедию, можно ставить веселую комедию – лишь бы была правда. О войне нельзя лгать – это было бы кощунством. Помните девиз «стариков»? – «Будем жить!» Так вот, этот девиз произносит Титаренко в качестве тоста. А Скворцов кричит в мегафон «Будем жить!», направляя свой горящий самолет на вражеские цистерны с бензином. Те же слова, а звучат по-разному. Шутка? А шутка может быть разной, иногда и такой, что улыбнуться не хочется.

Я верю в социальную значимость смеха. А смех – всегда лекарство, каким бы он ни был – лукавым, добрым, задорным, грустным или гневным. И комедия на экране может быть разная. Чисто развлекательная? Музыкальная? Прекрасно! Пусть зритель получает заряд душевной бодрости. Сатира, гротеск? Великолепное очистительное оружие. Но если смех вызывает слезы, если соединено воедино комическое и трагическое, это – вершина искусства».

Быкову удалось задуманное. Не потому ли «В бой идут одни «старики» стал одним из самых любимых военных фильмов? Высокую оценку дал ему и актер Михаил Ульянов, партнер

Леонида Быкова по «Добровольцам». Он назвал его фильмом «на слезе», настолько правдивый это рассказ, а роль Титаренко – лучшей, светлой, артистически и сердечно сыгранной ролью Быкова. Говорил, что есть в фильме что-то певуче-украинское и нежно-наивное, что пришло к Быкову из распахнутости, романтики и песенности «Добровольцев». «Он эту роль как будто бы спел, а не сыграл, – считал Ульянов. – И дело не в напоенности музыкой всего фильма. Дело в той певучей душевности, влюбленности в песню этого лихого геройского летчика. И вот что замечательно сыграно… Да, это ас, бесстрашный и умный боец, мужественный и талантливый летчик, мастер воздушного боя. Он рожден быть летчиком, он создан природой – летать. Но для него это как будто необходимость, всегда опасная, иногда надоевшая необходимость. Здесь он по необходимости. А душой, сердцем – в песне, в музыке, в артистизме. И эти, как будто противоположные, грани его характера дают объемность и глубину образа».

Действительно, любовь к музыке выступает в фильме емким символом, понятным всем. Авторы фильма сознательно отказались от изображения крупных воздушных боев, решив раскрыть своих героев в будничной обстановке фронтового аэродрома, и даже в таких мирных занятиях, как репетиция оркестра. Разумеется, это не просто поиск нового материала или необычных ситуаций, а стремление наиболее полно и ярко раскрыть духовное богатство героев и их боевых товарищей. Их человечность и неискалеченность войной, ее преодоление.

Мотив мужества, героизма, ставшего нормой существования, главенствует в картине, но одновременно затрагивается и ряд других емких тем. Одна из них – тема интернационализма. Титаренко и его командир вспоминают, как воевали в Испании. В составе «второй поющей» служат сибиряк Алябьев, грузин Вано, узбек Ромео… Но и здесь создатели ленты избегают громких фраз.

И только в самом конце, когда уже почти все сказано и остается место лишь для заключительного аккорда, тон фильма становится открыто патетическим. Тогда и появляются на экране Вечный огонь и надпись: «Не вернувшимся из боевых вылетов посвящается».

Маэстро и другие прототипы фильма

Вот что писала газета «Советская Белоруссия» 18 мая 2005 года: «Во многом благодаря Виталию Ивановичу и личному знакомству с ним Леонида Быкова и состоялся фильм «В бой идут одни «старики». В эскадрилье Героя Советского Союза, тогда еще капитана Ивана Павловича Лавейкина начиналась фронтовая биография молодого пилота Виталия Попкова. Комэск Лавейкин, глядя на то, как быстро схватывал премудрости летного дела Виталий, не раз с восхищением делился с командиром 5-го гвардейского полка гвардии майором Василием Зайцевым: «Вот смотрю на него и думаю, а не в небе ли он родился? Уж очень у него все отменно получается!» Впоследствии именно эти летчики – Иван Лавейкин, Виталий Попков, Василий Зайцев и станут прообразами героев фильма Маэстро, Кузнечика и Бати. Причем, собирательными образами, потому, что тот же Попков обнаружит многие факты своей биографии как в образе гвардии капитана Титаренко, так и в «желторотике» Кузнечике.

Началось все с курьеза, почти точь-в-точь, как у Кузнечика в фильме. За дерзкое воздушное лихачество над аэродромом командир полка назначил Попкова вечным дежурным, но не по аэродрому, а по кухне. Однажды ранним утром, когда Виталий в очередной раз чистил опостылевшую картошку, над аэродромом неожиданно появилась четверка немецких самолетов. Как был он в фартуке, так и вскочил в кабину самолета и пошел на взлет навстречу фрицам. И, как говорится в фильме, «против всех законов физики» сбил свой первый самолет – бомбардировщик «Дорнье-217». Тогда-то и прозвучала легендарная фраза: «Вы, товарищ командир, своим нижним бельем мне всех фрицев распугали». После этого Кузнечик – Попков был допущен к полетам и громил врага до победного 45-го. За это время он совершил 678 боевых вылетов, провел 117 воздушных боев, сбив 47 самолетов противника лично и 13 – в группе. В Москве на Самотечной площади установлен бронзовый бюст героя.

«Кузнечика сделали лейтенантом, невзирая на мое утверждение, что я начинал сержантом, – рассказывал Виталий Попков «Московскому комсомольцу» 23 мая 1998 года. – «Не мог быть летчик сержантом!», а я в этом звании знаменитого Графа «посадил» под Сталинградом. Но я не спорил… Ну а Маэстро – между прочим, таким был мой позывной – пел и руководил джазовым оркестром, как и я в своей эскадрилье. Кроме того, Быков расспросил меня о чертах характера командира полка и моих друзей, хотел знать, о чем они говорили перед полетами,

как взлетали, какими словами рассказывали о победах и неудачах. Я дал и название фильму, рассказав, как инспектирую – это было в конце 60-х – авиационные полки и дивизии от Министерства обороны.

Прихожу и говорю командиру: «Выделите мне десять летчиков, но учтите, по оценке их работы будет дана оценка всему коллективу. Сработают на двояк, весь полк получит «два», а сработают на «отлично», и полк будет на хорошем счету. Все смогут ходить с гордо поднятой головой. Одним словом, в бой идут одни «старики». Киношники встрепенулись: «А что, так говорили?! Почему?» И я рассказал, как в 41-м году пришел в полк к командиру дивизии генерал-полковнику Михаилу Михайловичу Громову, впоследствии ставшему командующим 3-й Воздушной армией. Сидело нас около сотни, и Громов спрашивает: «Ну, у кого есть боевые вылеты?» Все молчат. А для справки сообщу, что у Хартмана, лучшего летчика фашистской Германии, перед началом войны было 600 часов боевых налетов. У меня был один боевой вылет – будучи инструктором Батайской школы, я летал на прикрытие моста в Ростове-на-Дону – 1 час 34 минуты, но я храбро поднял руку. «Понятно, – сказал комдив, – в бой идут одни «старики». Вот и Кузнечик в конце фильма, невзирая на протесты новичков, говорит перед полетом эту самую фразу…

Нашу эскадрилью называли поющей, на наши музыкальные вечера приезжали танкисты, пехотинцы, если у кого-то был день рождения, комиссар обязательно организовывал наш концерт. Как командиру эскадрильи мне легко было собирать всех на репетиции. Каждый, кто оказывался в командировке в тылу, обязан был привезти новую песню из репертуара Леонида Утесова или Эдди Рознера. Мы пели «Заветный камень» Мокроусова, «Партизанскую песню» и, конечно, «Ты одессит, Мишка» Утесова…

Леонид Утесов был шефом нашей эскадрильи и от имени Государственного джаза РСФСР подарил два истребителя, на борту которых было написано – «Веселые ребята». А когда мы знакомились, ему представили меня как Маэстро. В 42 – 43-х годах мы встречались довольно часто, и однажды я был на концерте Утесова в саду «Эрмитаж». Поскольку певец не имел званий, его представляли – «маэстро Утесов». И вот Леонид Осипович выходит и говорит: «А вот тут еще один маэстро». Я сразу понял, о ком речь, и встал. Люди захлопали, мол, давай сюда своего маэстро. И пришлось мне петь и дирижировать настоящим оркестром. А в другой раз, услышав рассказ о том, как в эскадрилье поют «одессита Мишку», Утесов подарил нам 32

своих пластинки с дореволюционным репертуаром. С «Муркой» и другими песнями. Вот такие у нас были дружеские отношения». Во время войны коллектив оркестра Леонида Утесова и сам знаменитый артист собрали деньги на несколько истребителей и подарили их авиаполку, в составе которого была эскадрилья капитана Лавейкина. По просьбе Утесова на фюзеляже самолетов были нарисованы ноты, и эта визитка, по замыслу музыкантов, должна была отличать их подарок от других боевых машин.

В годы войны почти в каждой боевой части занимались художественной самодеятельностью. Но вот прославилась далеко за пределами дивизии именно первая эскадрилья 5-го гвардейского истребительного полка под командованием Попкова. Он же был создателем, запевалой и дирижером музыкальной группы. На освобожденных территориях летчики давали концерты. Чтобы послушать их, народ шел за десятки километров.

Однажды на одно из таких выступлений попал никому тогда не известный мальчишка. Решил: «Буду летчиком и таким же маэстро!» Был тем мальчишкой Леонид Быков. «Режиссер Леонид Быков нашел меня в конце шестидесятых годов, – вспоминал Виталий Иванович Попков. – Первая фраза Леонида: «А помните?» Оказывается, встретились в 1944 году в украинском городке Краматорске, после освобождения которого мы дали концерт. Местные подростки отблагодарили выступлением своего хора. Хорошо пели. Мы им даже по цветочку подарили. Еще бы! Запевал-то у них пацан по фамилии Кобзон. Да, да, тот самый. Выделялся и Леня. Через столько лет я его, конечно, не узнал. Выступление помню, а что до лиц, то куда там!

Тогда же Леня рассказал, как три раза поступал в летное училище (здесь легендарный фронтовик путает: в летное Быков поступал дважды. – *Н.Т.*), но не попал из-за болезни сердца и малого роста. Попросил разрешение снять фильм о моей эскадрилье. Два дня расспрашивал. Более всего интересовался характерами летчиков, подробностями нашей фронтовой жизни. Та встреча не пропала даром. Мои боевые друзья узнавали себя в фильме. И ироничный Сережа Глинкин, и Вася Кононов, которому я подарил свою трубу, а играл он не хуже Эдди Рознера. И Женя Быковский – скромняга, с девушками застенчивый, а когда за рояль садился, преображался».

Со слов Попкова Быков узнал и о летчике из Узбекистана Николае Марисаеве, влюбленном в Галю Туберелидзе из своего полка. Девушка эта погибла во время бомбежки столовой, а потом погиб и Николай. Прототипом ее подруги Зои стала жена главного консультанта фильма Героя Советского Союза генерал-

полковника Семена Ильича Харламова. Его эскадрилья 163-го гвардейского истребительного авиационного Феодосийского Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени полка была лучшей в армии по ведению ближней разведки. Только за 10 месяцев 1944 года она совершила 1737 самолетовылетов на разведку противника, уничтожив в воздушных схватках 15 вражеских самолетов. Не отставала в храбрости от него и его подруга Герой Советского Союза Надежда Васильевна Попова – заместитель командира эскадрильи 46-го гвардейского женского полка ночных бомбардировщиков «По-2», в годы войны совершившая 852 боевых вылета.

«Тот самый момент, когда по фильму девушки впервые приезжают в наш полк, воспроизведен один к одному из реальной жизни, – рассказывал Виталий Попков. – Все так и было – они появились у нас, ребята начали было увиваться, а тут девчонки снимают шинели… У мужиков аж глаза от удивления повылазили – девушки имели на своем счету больше сбитых самолетов и орденов, чем они. По фильму обе девушки погибли, но на самом деле вторая жива. Ее муж в шутку грозился, когда они ругались: «Надя, перестань, а то убью по-настоящему».

Солист нашего хора, мечтавший стать солистом Большого театра, погиб во время воздушного боя. Когда самолет падал, он успел только крикнуть: «Будем жить!» Эта фраза была в нашей эскадрилье любимой.

Был и механик, который крестил самолеты перед вылетом. Мы очень дружили, он, кстати, любил выпить, и, бывало, что-то недосматривал в работе. Мне не раз приходилось его выгораживать, иначе по тем временам ему грозил трибунал».

Как говорили фронтовые друзья: эскадрилья Попкова была самой веселой и дружной в полку. И в воздухе, и на земле – вместе. Летчики без слов понимали друг друга. А когда выпадала свободная минута, веселились с таким упоением, с каким дрались на фронте. А сражались поющие истребители так, что одиннадцать из четырнадцати участников эскадрильи стали Героями Советского Союза. Среди них Виталий Попков – самая яркая звезда. К двадцати годам на его боевом счету было 24 самолета противника, за что он и стал Героем Советского Союза.

Подчиненные слушались его беспрекословно, хотя он, как Титаренко, никогда не повышал на них голоса и был душою и заводилой всего полка. Нередко шуткой командир подбадривал товарищей и в бою, особенно во время тяжелых боев над Курской дугой, когда его эскадрилья прикрывала советские части, штурмовала вражеские позиции, атаковала фашистские бомбардировщики и истребители… Его отвага и оптимизм были

всегда примером для подражания, особенно для вновь прибывших «желторотиков», боевой пыл и желание которых скорей «завалить» один-другой «фоккер» даже при отсутствии какого-либо опыта не могли не вызвать уважение у тех же «стариков».

Леониду Быкову было важно знать все, чтобы его герои получились живыми, ненадуманными и обрели характеры. Какими были летчики, защищавшие Родину, о чем они думали перед боем, что делали, испытывали ли чувство страха – эти и другие вопросы волновали постановщика фильма. Режиссер старался придать героям картины и внешнее сходство с прототипами. Так, Кузнечик напоминает молодого Виталия Попкова, хотя это образ собирательный. Как впоследствии признавался сам режиссер, Кузнечик – это он сам в молодости, вот только полетать на войне ему так и не удалось… Ромео – это узбек Морисаев.

В ходе работы над сценарием Леониду Быкову и его соавторам Евгению Оноприенко и Александру Сацкому довелось поговорить со многими летчиками-фронтовиками, среди которых были и трижды Герои Советского Союза Иван Никитович Кожедуб и Александр Иванович Покрышкин. А вот фамилия Маэстро – Титаренко, так полюбившаяся исполнителю этой роли Быкову, пришла в фильм в память о Дмитрии Титоренко – легендарном летчике, ведомом Кожедуба, с которым они на пару уничтожили в 45-м немецкого аса Курта Ланге. Гвардии майор Титоренко был от первого до последнего дня войны на фронте, в составе 176-го гвардейского истребительного. Именно он открыл боевой счет полка, за что и был награжден орденом Красного Знамени еще в начале июля 1941 года, в первом сталинском указе. Быков изменил только одну букву в фамилии и имя, сделав Титоренко – Титаренко, да к тому же еще и Алешкой. Так же появился в фильме и летчик Вано – в память о фронтовом друге Кожедуба отважном грузинском парне Вано Габуния, погибшем при таране немецкого истребителя… Этот образ стал собирательным, поскольку сам исполнитель этой роли Вано Янтбелидзе в картине опирался на образ своего отца, героя-летчика, пять раз горевшего в самолете…

Прототипом летчика Сергея Скворцова, которого сыграл Владимир Талашко, стал летчик Евгений Быковский, геройски погибший и похороненный в поселке Половинкино Луганской области. В годы войны здесь базировалась летная эскадрилья. Всего в районе было три военных аэродрома, на которых дислоцировались части 5-го гвардейского истребительного авиаполка. В 1943 году Старобельск стал первым украинским городом, освобожденным от немецких оккупантов. Задача

летчиков состояла в прикрытии железнодорожной станции Старобельска, по которой ежедневно на фронт проходили десятки эшелонов с вооружением и боеприпасами, а назад возвращались с ранеными, поскольку на территории Старобельского района в то время «развернулось» 37 военных госпиталей.

Когда тишину неба взорвал рев моторов 37 немецких бомбардировщиков, которых прикрывали несколько вражеских истребителей, на взлетном поле в Половинкино стояли всего два дежурных самолета. Первый не завелся, поэтому Евгению Быковскому пришлось принимать бой одному. Очевидцы рассказывают, что уже на первых минутах советский летчик подбил два вражеских самолета и своим неистовством навел панику на немцев. Они сбросили все бомбы мимо цели, благодаря чему город и железнодорожная станция избежали разрушения, и открыли бешеный огонь по советскому истребителю. Свидетели того боя вспоминали весьма странное поведение самолета. Судя по отсутствию дыма и огня, машина не была подбита, тем более что летчик продолжал стрелять. В то же время самолет быстро падал на землю. Позже выяснилось, что Быковский был убит через лобовое стекло и, падая, зацепился за гашетку. Уже будучи мертвым, летчик продолжал расстреливать врага, сея в его рядах панику… Владимир Талашко не раз бывал в Половинкино, принимая участие в мероприятиях, проходивших в рамках акции «Венок памяти» на могиле героя.

В сценарии много эпизодов, взятых из реальной жизни: так ветераны особого отдельного 434-го истребительного полка рассказывали, что эпизод, когда Маэстро – Титаренко возвращается в полк после боя не на самолете, а на лошади – «махнул не глядя!» – случился под Сталинградом с летчиком их полка Александром Александровым, когда он был сбит и вернулся ночью на коне. А ветераны 1-й гвардейской авиадивизии узнали эпизод с замаскированными под копнами сена немецкими танками, который имел место в биографии их боевого товарища и командира, Героя Советского Союза гвардии майора Степана Пруткова.

Но наибольшие дебаты вызвал эпизод с трофейным «мессершмиттом», на котором Титаренко летал на разведку, закончившуюся, как все помнят, смачной потасовкой с пехотинцами на передовой. Подобный случай был, как оказалось, далеко не единственным. Наши летчики, как, кстати, и немецкие, часто использовали для разведполетов трофейные самолеты. Была даже создана «спецгруппа Александра Покрышкина» на трех «мессерах» для полетов по вражеским тылам. Во время возвращения с задания у одного из «Ме-109» отказал мотор.

Летчику все же удалось дотянуть до нашей передовой и плюхнуться у самых окопов. Его с криками «А, фриц, попался!» сразу же окружили пехотинцы и, несмотря на то, что капитан кричал им по-русски, надавали ему тумаков.

Еще более анекдотичная ситуация была у летчика-истребителя Льва Радигера, который, сев на вынужденную посадку и решив, что попал на немецкую территорию, пользуясь тем, что в совершенстве знал немецкий, начал на нем «шпрехать» с набежавшими солдатами. И получил «по полной». От него отступились только тогда, когда «фриц» взвыл на всю округу благим матом.

Среди других прототипов героев фильма:

– Дважды Герой Советского Союза, командир 270-го истребительного авиационного полка 203-й истребительной авиационной дивизии Сергей Данилович Луганский. В небе Румынии, над Одером он летал на самолете – подарке алма-атинских комсомольцев. Боевой путь закончил в Берлине. К концу войны совершил 390 боевых вылетов, лично сбил 37 и в группе 6 самолетов противника. Написал книгу «На глубоких виражах».

– Герой Советского Союза, гвардии капитан, штурман 7-го гвардейского штурмового авиационного полка Василий Борисович Емельяненко, за время войны совершивший 100 успешных боевых вылетов и уничтоживший 23 самолета противника, подбивший десятки танков и автомашин, нанесший врагу большой урон и в живой силе. Автор книги воспоминаний «В военном воздухе суровом».

– Трижды Герой Советского Союза, маршал авиации, а в годы войны – гвардии майор, легендарный ас «Ла-7» Иван Никитович Кожедуб, на фронтах войны продемонстрировавший высокое воинское мастерство, личное мужество и отвагу, совершивший 330 боевых вылетов, в 120 воздушных боях сбивший 62 самолета противника, сам ни разу не сбитый.

– Дважды Герой Советского Союза подполковник Арсений Васильевич Ворожейкин, во время войны возглавлявший 32-й истребительный авиационный полк 256-й истребительной авиационной дивизии. На счету героя более 300 боевых вылетов, 90 воздушных боев, 52 сбитых самолета противника лично и 13 в группе с товарищами. Написал книги: «Рядовой авиации», «Под нами Берлин», «Солдаты неба» и другие. В них он рассказал о своей неповторимой манере боя, включающей резкие маневры, использование различных уловок для введения противника в заблуждение, стрельбу с короткой дистанции…

– Герой Советского Союза, гвардии майор Владимир

Дмитриевич Лавриненков, в разное время командующий сначала звеном, потом эскадрильей, а затем и прославленным 9-м гвардейским авиаполком. Прошел Западный, Воронежский, Сталинградский, Южный, 3-й и 1-й Белорусские фронта, участник боев под Сталинградом, в Крыму, под Кенигсбергом и Берлином. К концу войны на его счету было 448 боевых вылетов, в 134 воздушных боях сбито лично 35 и в группе 11 самолетов противника.

Биография Лавриненкова весьма необычна и насыщенна: побывав в плену, летчик воевал в партизанском отряде. Благодаря прессе Геббельса, имя его обросло легендами и небылицами – в глазах врага он был коварным и кровожадным асом.

История создания картины

Конечно, после успеха фильма «Где вы, рыцари?» у Леонида Быкова была возможность сделать еще один фильм на Центральном телевидении. По горячим следам ему не раз предлагались сценарии, но он уже был настолько увлечен идеей, которая жила в нем с детских лет, что не мог думать ни о чем другом.

В конце 60-х годов Быков узнал из уст дважды Героя Советского Союза летчика-истребителя Виталия Попкова о его «поющей» эскадрилье, которая создала собственный ансамбль, поднимающий боевое настроение однополчанам музыкой. «Мы старались беречь молодежь, давая ей возможность стать на крыло», – делился своими воспоминаниями легендарный фронтовик. История о героизме советских истребителей, сражающихся в небе с фашистскими асами, и о «желторотиках» – юных летчиках, вчерашних школьниках, пришедших на фронт из училищ «взлет-посадка», заворожила Быкова. Особенно то, что вместе с готовностью к подвигу в юных летчиках жила и потребность в шутке и песне.

Идея фильма о летчиках появилась у Леонида Быкова еще на «Ленфильме». Он поделился ею с начальством, но ему ответили: «Снимать будешь на студии Довженко. Студия слабая, а ты украинец, тебе ее и поднимать». В те годы в ходу была шутка: есть фильмы хорошие, есть плохие, а есть фильмы студии Довженко.

Сам Леонид Быков вспоминал этот момент так: «Старики» относятся к темам выношенным. Я много лет мечтал о своем Титаренко, о летчике-асе времен Великой Отечественной войны. Если хотите, о Максиме Перепелице военных лет, о ребятах, которые, едва достигнув совершеннолетия, стали освободителями Родины от фашистов. Нашел единомышленников, драматургов-профессионалов Женю Оноприенко, который солдатом всю войну прошел, и Сашу Сацкого, бывшего зенитчика. Написали мы с ними сценарий, и стал я делать своего Титаренко…» Никогда больше друзья не видели Быкова в таком приподнятом настроении. Глаза его были такими лукаво-заговорщицкими, такими прозрачно-зелеными… Он словно чувствовал, что наступил его звездный час!..

Однако то был только первый этап работы. «Пробить» постановку «Стариков» оказалось не так-то просто. Сценарий получился настолько правдивым и не соответствующим официальной версии военных событий, что вызвал настороженность у чиновников, которые решили признать его

низкохудожественным и недостаточно патриотичным. И тогда Леонид Быков пошел другим путем – начал «обкатывать» сценарий на публике. Чтение отдельных кусков будущего фильма со сцены в самых разных городах Советского Союза вызывало бурю восторгов у слушателей. Это укрепило уверенность режиссера в правильности выбранного пути.

Картину спас случай. Чтобы получить самолеты, Быкову пришлось поехать в Москву к тогдашнему маршалу авиации, председатель ЦК ДОСААФ, легендарному боевому летчику, трижды Герою Советского Союза Александру Ивановичу Покрышкину. Благодаря его поддержке в 1972 году Быкову разрешили снимать фильм, который вскоре назовут самым правдивым фильмом о войне. Прочитав сценарий, маршал удивился: «Леня, ты же не был на войне, как ты мог так правдиво написать?» И, потрясенный отображенной в нем правдой жизни, на весь лист поставил свою резолюцию: «Вот это и есть война!»

Полное отсутствие в СССР самолетов времен войны стало большой и неожиданной проблемой для Быкова. Не сохранилось ни одного истребителя «Ла-5ФН», на котором воевали летчики 5-го гвардейского. То же самое было и с немецкими «мессерами». Один летающий «По-2» удалось обнаружить только в Польше. Там же в музеях нашлись и шесть «кукурузников».

Спас создателей фильма все тот же Покрышкин. В свое время он служил в Киеве и не раз бывал на Киностудии имени Довженко. В его лице Леонид Быков встретил настоящего единомышленника и покровителя. Истребители «Ла-5» решили воссоздать, пожертвовав учебно-спортивными «Як-18А». Своим приказом Покрышкин отдал киношникам «на растерзание» четыре самолета, у которых «отломали» переднюю стойку шасси, приклепали хвостовое колесо, а для создания задней центровки загрузили фюзеляж балластом. Роль «мессершмитта» в фильме исполнил чешский спортивный самолет «Z-326», внешне похожий на «Мессершмитт-109». С бипланом «По-2» выручил начальник академии имени Гагарина маршал авиации Сергей Руденко. В вузе по инициативе Героя Советского Союза, маршала авиации Степана Красовского был создан музей военно-воздушных сил. В его экспозиции пылился «По-2» выпуска 1945 года, который в нарушение всех инструкций на свой страх и риск Руденко одолжил для съемок.

Вот как вспоминает о тех далеких событиях кинооператор Виталь Кондратьев: «В первый съемочный день на «Чайке» мы снимали воздушные бои «яков» и «мессеров». По старой киношной традиции, после того как были отсняты первые кадры нового фильма, вдребезги разбили большую тарелку. Каждому

члену съемочной группы досталось по осколку. Потом, когда фильм был уже сдан, мы все собрались в ресторане и сложили разбитую на счастье тарелку. Но это было позже, а тогда в небе «воевали» «яки»-истребители. После «боевых» полетов летчики-актеры за обе щеки наворачивали вареники и запивали их компотом…

Место для полевого аэродрома «второй поющей» мы с Леонидом Федоровичем и художником-постановщиком Григорием Прокопцом подобрали еще в мае – до начала съемки. Нам повезло, и мы довольно быстро нашли подходящую поляну. На ней вполне могли садиться и взлетать самолеты. Рядом – лес и берег Десны. Место было выбрано очень удачно, тем более что Быков обожал рыбалку. При первой же возможности он с огромным удовольствием удил рыбу…

Итак, мы прибыли в Чернигов. Нас разместили в лучшей гостинице «Украина». Все были в сборе, осветительная и съемочная техника приехала вместе с нами и была готова к работе. Мы ждали только самолетов. Их должны были привезти отдельно на грузовиках. Прошло несколько дней, а самолетов все не было. Мы начали волноваться, стали названивать в Киев, слать срочные телеграммы, но все тщетно. Среди актеров пополз слушок, что, мол, картину закрывают. Тогда Быков в срочном порядке собрал нас на экстренный совет. Мы пришли к общему мнению: нужно срочно менять директора картины. Это было, конечно же, проще решить, чем сделать, но мы своего добились. Вскоре из Киева приехал новый директор, Николай Золочевский, да не один, а с заместителем. Дело заспорилось, самолеты наконец прибыли, и съемки продолжались…

Я придумал особенное устройство, которое крепилось между первой и второй кабинами и позволяло установить камеру для съемок актера крупным планом прямо во время полета. Он сам включал камеру из кабины в нужный момент. Быков мое изобретение одобрил и тут же решил первым подняться в воздух, чтобы испытать его в деле. Начались съемки. Пилот выписывал в небе «бочки» и «мертвые петли», нырял в «штопор» и делал серии энергичных разворотов, а Леонид Федорович включал камеру, давил на гашетку и кричал в объектив: «Серега, прикрой! Атакую!!!» После каждого дубля самолет садился, я менял кассету с пленкой и машина снова поднималась в небо. В конце съемочного дня Быков буквально вывалился из самолета и плюхнулся на зеленую травку аэродрома. Мы подбежали к нему. «И что ж это за дурной такой режиссер, что заставил актера летать на таком коварном аэроплане?» – сказал, улыбаясь, Быков и вытер пот с лица. «Ну как дела?» – спросил я и услышал в ответ:

«Проявим пленку – увидим».

Однако проблемы на этом не закончились. Когда была снята уже добрая половина картины, Быков получил телеграмму-приказ о срочной отправке в Киев молодого актера Анатолия Матешко, на тот момент исполнявшего роль Смуглянки. В самый разгар работы его переманили, предложив одну из главных ролей в многосерийной ленте «Как закалялась сталь». Быков ничего никому не сказал, но, по словам дочери, очень сильно это переживал. Выхода не было. Лишь через несколько дней из первокурсников театрального училища, привезенных ассистентом режиссера, Быков выбрал нового Смуглянку – Сергея Подгорного. Пришлось переснимать с новым актером множество материала. Голова шла кругом и от частых поломок старых самолетов. Ответственность за все это, в первую очередь, лежала на плечах Быкова. Если бы не энтузиазм остальных участников съемок и добровольных помощников, неизвестно еще, как бы сложилась судьба картины.

Вот что рассказывали газете «Факты» в декабре 2002 года участники съемок, летчики, мастера спорта по высшему пилотажу Виктор Соловьев и Анатолий Луговской. «Весной 1973 года к нам на аэродром «Чайка» приехал Леонид Федорович Быков, – вспоминал начальник штаба Центрального аэроклуба имени О.К.Антонова Виктор Александрович Соловьев. – Объяснил, что от нас требуется.

Опыт участия в таких делах у нас уже был. Более того, в нашем аэроклубе работали инструкторами и авиатехниками бывшие фронтовики Владимир Воловень, старший тренер сборной Украины по высшему пилотажу Валентин Коваль, Леонид Уткин… Консультантами фильма были генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза Семен Харламов и заслуженный военный летчик СССР Анатолий Иванов, начальник нашего аэроклуба Николай Титовский.

…Перед съемками все тщательно продумывалось. Бывшие фронтовики здорово помогли приспособить спортивные машины для наземных съемок и крупных планов. Например, у наших «Як-18П» было три стойки шасси, третья – носовая. У истребителя «Ла-5» – две стойки и маленькое колесо на хвосте. Поэтому у «яка» носовое шасси убрали, вместо него приварили колесо на хвосте. А чтобы самолет не опрокидывался вперед, в заднюю часть фюзеляжа положили противовес – бетонные блоки. И машина прекрасно рулила.

Кстати, Леонид Быков пожелал сам научиться рулить. Сказал, что неплохо водит автомобиль, и с рулежкой особых проблем у него быть не должно. Мы с товарищами переглянулись:

управление самолетом ничего общего с вождением машины не имеет. Скорее, оно ближе к вождению танка. Но посадили Леонида Федоровича в переднюю кабину, в заднюю сел летчик. И Быков за полчаса научился прекрасно рулить! Он даже летал неплохо с нашим инструктором Леонидом Уткиным.

А в роли немецких истребителей мы использовали спортивные самолеты «Z-326» чешского производства – у них двигатели более остроносые. Раскрасил – ну чисто тебе «мессершмитт»!

Разрисовывал самолеты художник из киногруппы – пожилой дядечка без руки, фронтовик. Он пользовался немецким календарем 1944 года с прекрасными фотографиями боевых машин люфтваффе, на которых отлично были видны камуфляж, кресты, номера, символика разная – драконы, звери, тузы бубновые и прочее.

Правда, самолеты, особенно «немецкие», раскрашивались гуашью, чтобы потом можно было смыть. А ночью прошел дождь, и весь камуфляж потек! Опять пришлось красить. Художники ругались. Потом кто-то додумался в гуашь добавить клей. Отлично получилось. Зато потом, после съемок, техник начал мыть самолет – а краска не смывалась! Когда мы возобновили учебные полеты, то больше недели летали над киевской околицей со свастиками, пока не отмыли.

Для наземных съемок мы задействовали четыре «Як-18П» – они «играли» наши «Ла-5», два летающих «Z-326» – «мессершмитты», и еще два «зета» использовали для наземных съемок – один с драконом на борту, а второй – старый, списанный, который Москва разрешила нам сжечь. Помните, Кузнечик (Сергей Иванов) с собачкой в кабине сбил внезапно появившегося над нашим аэродромом «мессера», к которому, горящему на земле, подъехали на грузовике Титаренко с товарищами? Там тоже была, кстати, проблема. Киношники где-то откопали настоящую старую «полуторку» – полуторатонный грузовичок «ГАЗ-АА» с деревянной кабиной времен войны. Этот «экспонат» был, как нынче говорят, совершенно убитый. Дело в том, что спортивный самолет сгорает очень быстро, примерно, как и истребитель, – ровно за 17 секунд. Обшивка-то у него – перкаль, пропитанный лаком. И если во время съемки этой сцены машина вовремя не заведется или заглохнет на полпути, артисты не попадут в кадр, а самолет сгорит – второго самолета, чтобы сжечь, у нас не было. Мы предупредили об этом Быкова. Леонид Федорович попросил механиков проверить двигатель. И полуторка не подвела. Мы вкопали «мессер» в землю, как будто он при падении зарылся носом, подожгли. Артисты подъехали к

нему за пять секунд. Кадр получился!

Но я назвал не всю технику. Еще на двух летающих «Як-18ПМ» мы с мастером спорта по высшему пилотажу Сергеем Щуром изображали «лавочкиных». На третьем Толя Луговской возил оператора Виталия Кондратьева, на четвертом с летчиком Уткиным летал Леонид Быков.

Старый «кукурузник», использовавшийся в качестве ночного бомбардировщика, на котором летали героини Ольги Матешко и Евгении Симоновой привезли из подмосковного города Монино. Там находится Музей ВВС. Самолет уже не летал, но двигатель запускался, и летчица Людмила Петраш, чемпионка Украины по самолетному спорту, рулила на нем по земле. Но Люда, прекрасный летчик, мастер спорта, как-то не сразу приноровилась к маленькой особенности старого «По-2»: у него шасси не имело тормозов. Скорость движения по земле, остановки – все регулировалось сектором газа, оборотами винта.

Но вот когда приземлившийся якобы самолет с девушками-летчицами должен был рулить в кадре прямо на зрителя, то есть на камеру, и должен был остановиться метрах в трех-четырех от нее, Люда, очевидно, не рассчитала и газанула так, что кукурузник попер прямо на камеру. Оператор с круглыми от ужаса глазами отпрянул от окуляра, а потом дал деру. Все, кто стоял рядом, схватили самолет – кто за киль, кто за нижние плоскости – и метрах в двух от камеры остановили его, удержали.

Летчики рассказали, что для того, чтобы создать иллюзию горящих самолетов (сцена с раненым Ромео, который не мог приземлиться, и с Сергеем Скворцовым, направившим пылающую машину на врага), придумали нехитрое приспособление.

– На вертушке, напоминающей детскую карусель, – продолжил рассказ Виктор Соловьев, – установили отрезанную от списанного самолета кабину. Рядом оборудовали место для камеры и оператора. В кабину садился артист. Перед фонарем на капот или рядом ставили противень с горящей и дымящейся промасленной ветошью.

Помощник оператора привязывал к этому сооружению веревку и, бегая по кругу, вращал его. Пламя от встречного потока воздуха разгоралось, лизало фонарь, горизонт вращался – полная иллюзия полета. Казалось, что и двигатель горит, и в кабине пожар. А горящие и падающие сбитые самолеты мы имитировали, конечно, при помощи дымовых шашек и прочей пиротехники, еще в фильм очень хорошо вписались сцены воздушных боев из кинохроники.

– Как себя вел на съемках Леонид Быков?

– Вы знаете, очень спокойный, простой, хороший был

человек. Со всеми, независимо от чинов. Никакого крика, мата. Помню, когда снимали «Освобождение», Юрий Озеров, не в обиду будет сказано (ведь тоже хороший был человек, но импульсивный), иногда крепко костерил нерадивых. А с Быковым и нам, и его коллегам работалось очень легко. Задачи объяснял обстоятельно, терпеливо, дублей мы делали минимальное количество, все получалось, как правило, сразу».

Леонид Быков, играя командира «поющей» наконец исполнил мечту детства – сел за штурвал самолета и лично поднялся в небо. Надо сказать, что, несмотря на внешнюю неспортивность, Леонид Федорович прекрасно играл в футбол и волейбол, легко переплывал Днепр, мог довольно долго ходить на руках и обожал упражнения на перекладине. Трюки в фильмах он тоже предпочитал выполнять сам и быстро научился самостоятельно запускать двигатель и рулить по аэродрому…

Однажды произошло непредвиденное. Во время посадки машина Быкова, жестко приземлившись, проехала несколько метров и завалилась набок. Режиссеру помогли выбраться из кабины. Быков был бледен, с трудом переводя дыхание, держался за сердце. Дежурившие на съемках врачи тут же предложили ему проехать в больницу, но Быков отказался.

В другой раз его чуть не задавило балластом, загруженным в хвост «Яка». Быкову даже в голову не пришло выпрыгнуть, когда булыжники поползли в его сторону. Его самообладания хватило не только на то, чтобы выровнять самолет, но и на то, чтобы доиграть до конца сцену. Ассистент режиссера Тамара Бородачева вспоминала: «В Шестовцах (под Черниговом) снималась часть летных эпизодов «Стариков». Один из «Яков» загрузили камнями (в хвосте) для того, чтобы Леонид Федорович мог «вести» самолет для съемки на земле. Камера включилась, и самолет начал выруливать на взлетную полосу. Но на пути оказалась яма от какого-то старого взрыва. Работники аэродрома закамуфлировали ее, забыв предупредить группу. Самолет вдруг вздрогнул, и балласт начал сдвигаться в сторону Леонида Федоровича. Капли пота выступили на его лбу, стала мокрой спина гимнастерки. От страха у меня пропал голос – хотелось крикнуть: «Прыгайте!» Но через мгновение он выровнял самолет, проскочив через яму, и довел его до той линии полосы, где начиналось пшеничное поле с васильками. Он спрыгнул, сорвал василек и протянул его мне со словами: «Будем жить?» Можно такое забыть?..»

Марьяна Быкова: «Старики» – это больное для папы. Это сотая часть, оставшаяся от замысла. Задумывались другие съемки, другая техника, другие актеры. Скворцова должен был играть Леонид Филатов, Кузнечика – Владимир Конкин. Это должен был

быть красивый цветной фильм о любви и о том, что «ненависть разрушает, созидает только любовь». Это мамины слова. Ради них задумывались «Старики». А сколько замыслов осталось на бумаге…»

Бессонные ночи и переживания, связанные с работой не могло пройти даром. «Фильм снимался под Черниговом, – вспоминала Марианна. – Из-за нервотрепок у папы начались нелады с сердцем, и мама отправила меня приглядеть за ним. Порой он чувствовал себя так плохо, что я просила сделать перерыв в съемках. Когда закончили снимать «Стариков», у папы случился первый инфаркт».

Еще одна проблема заключалась в цветной пленке, вернее в полном ее отсутствии. «Папа хотел снять «Стариков» в цвете, но цветную пленку не дали, – вспоминала дочь. – Выделили черно-белую, узкоформатную. Это сейчас критики говорят, что Быков специально выбрал такую пленку, чтобы получилось под военную хронику». Как он мечтал снять свой фильм, дело всей жизни, на цветной пленке, чтобы показать всю красоту родной Украины! На деле пришлось довольствоваться черно-белой, что, кстати, не повлияло на качество фильма. Профессиональный монтаж так умело состыковал игровые куски с фронтовой хроникой, что порой зрители путаются – где художественная съемка, а где документальная. Алим Федоринский: «Оттого, что эту картину снимали на 35-миллиметровой пленке, фильм только выиграл. Он стал ближе к правде – к военным хроникам, которые снимали на такую же пленку. Но при этом в фильме все красиво – умирают красиво, летают красиво, водку тоже пьют красиво…»

«Смуглянка». Второе рождение

Музыка фильма «В бой идут одни «старики» – важная составляющая выразительного строя картины. Это не условность, не фон, не вставной номер, а вполне осознанный выбор постановщика. С экрана звучит чуть ли с не десяток известных мелодий и песен военных лет. Они помогают режиссеру не только создать нужное эмоциональное настроение, но и лучше понять события и поступки героев фильма.

Вот, скажем, эпизод гибели Сергея Скворцова, идущего на таран на цистерны с бензином – блестящий образец звуко-зрительного режиссерского решения. Быков очень умело выбрал здесь украинскую народную песню, «скрепляющую» два эпизода – всего минуту назад Сергей пел ее в кругу друзей.

Откуда появилась в фильме его главная песня – «Смуглянка»? Вот как сам режиссер это объясняет: «Я мечтал о полетах, всегда завидовал летчикам, любил их слушать. Однажды в поезде встретился с двумя летчиками-фронтовиками, которые ехали на могилу своего командира. Всю дорогу они напевали любимую песню комэска, вспоминали, что их эскадрилью за привязанность к песне называли «поющей». Нетрудно догадаться, что это была «Смуглянка». Песня так запала юному мечтателю в душу, что он пронес ее через жизнь. А когда стал артистом, спустя почти тридцать лет, вспомнил ту сцену в вагоне-теплушке и летчиков, поющих «Смуглянку». И сделал ее лейтмотивом своего нового фильма «В бой идут одни «старики».

У каждой песни, как у человека, своя судьба – одна становится популярной сразу, другую ждет долгий, «тернистый» путь к известности. Вот и песня композитора Анатолия Новикова и поэта Якова Шведова «Смуглянка» фактически пролежала «на полке» несколько десятилетий, прежде чем ее запела вся страна.

Долгое время шли споры, сколько же «Смуглянке» лет? Одни утверждали, что песня написана в 1946 году, другие – в 1940-м. Недавно нашлись архивы, подтверждающие, что «Смуглянка» написана для бессарабских партизан. Больше 30 лет песня ждала своего часа и была возрождена Быковым буквально из небытия.

Во время Великой Отечественной войны композитор Анатолий Новиков, вдохновленный патриотическим порывом, сочинил более сорока военных композиций. То были «песни мщения», взывающие к возмездию. Кроме них, страна нуждалась еще и в глубоко лирических песнях о любви и верности. И автор вспомнил о «Смуглянке», сочиненной им перед войной. Она прозвучала как-то по радио в исполнении известного оперного

певца, но оказалась невостребованной и была забыта. Когда на фронтах в 1942 году стали появляться глубоко лирические песни, А. Новиков решил вернуться к отвергнутой мелодии. Поэт Я. Шведов находился в то время во фронтовой командировке, но благодаря полевой почте смог внести коррективы в текст и вернуть его в Москву композитору.

Имея хорошие творческие контакты с ведущими армейскими музыкальными коллективами, А. Новиков отнес несколько своих новых произведений руководителю Ансамбля песни и пляски А. Александрову. На удивление автора, из многих клавиров, прихваченных по такому случаю с собой, тот выбрал именно «Смуглянку». И опять ее обвинили в «сентиментальности и чуждости советскому слушателю в такое сложное время». Песня вновь вернулась «на полку», и пролежала там вплоть до 1944 года. К этому времени за плечами советского народа уже победы под Сталинградом, Курском, враг был отброшен к западным границам Родины.

На праздничном концерте в честь 7 ноября в Концертном зале имени П. И. Чайковского А. Александров вспомнил о песне, которая до той поры так и не получила признания. «Смуглянку» встретили «на ура», публика дважды вызывала исполнителей на «бис». После чего многие ансамбли песни и пляски включили ее в свой репертуар… И все же прошли долгие годы, прежде чем песня приобрела поистине всенародную популярность и ее запела вся страна. Произошло это незадолго до 30-летия Победы, после выхода фильма «В бой идут одни «старики». С тех пор «Смуглянка» часто звучит по радио и телевидению, а летчики ее считают своим неформальным гимном.

Актерский ансамбль

Наша юность вернется сквозь экран и года…
И Кузнечик смеется и кричит: «От винта!»
И Маэстро ворвется верным жестом руки,
И приказ остается – в бой идут «старики».
Снова в бой, только головы побелели давно,
А были мы очень молоды – это было в кино.
До последнего вылета, до последней черты,
До последнего выдоха в бой идут «старики»!

Из песни, написанной актером Вилорием Пащенко

Так уж повелось, что фильм – дело коллективное. Его успех зависит от профессионализма сценариста, режиссера, оператора, художника, композитора, гримера, звукооператора и других специалистов, а запоминается, в первую очередь, актерской игрой, наиболее полно доносящей до зрителей авторский замысел. Именно исполнители становятся главными проводниками режиссерской мысли, дающими ей плоть и кровь. И к каждому из них он должен найти свой подход, проявить в работе терпение и такт. Быков, как артист, изнутри знал непростую актерскую долю и поэтому, как режиссер, проявлял к исполнителям чуткость и понимание. Даже кинопробы – один из самых мучительных для актера процессов в работе над фильмом, становились у него истинным творчеством. На собственном опыте он слишком хорошо знал, как чувствует себя отвергнутый актер и сколь огромна нанесенная ему психологическая травма. У Быкова-режиссера не было уничижительного: «Тот подходит, этот нет». Единственный, за кого он стоял горой, был Алексей Смирнов. И Леонид Федорович добился, чтобы в роли механика эскадрильи снимался именно этот актер, которого он очень любил.

Столь нежно Леонид Быков относился и к молодежи, доверял ей, не забывая при этом и актеров старшего поколения. И студент-дебютант, и опытный артист чувствовали себя у него на площадке свободно, настолько доброй и удивительно доброжелательной была царившая там атмосфера. На студии до сих пор любят вспоминать, как в 6-й павильон стекался народ – посмотреть, как Леонид Быков снимает свой фильм. Приходили целые экскурсии, чтобы хоть на несколько минут погрузиться в атмосферу доброго творчества и взаимопонимания.

В большом павильоне Киевской киностудии, где одновременно работало несколько съемочных групп, снимать было нелегко. Время от времени съемку «Стариков» приходилось прерывать, чтобы дать поработать коллегам. Много времени забирал на себя и репетиционный момент. Благодаря чему эпизод «обрастал» все новыми, столь важными для правды фильма бытовыми подробностями. Работа текла непринужденно, на волне свободной импровизации, что потом проявилось на экране. И в четко-слаженном актерском ансамбле слились воедино лиризм, комедийность и подлинный драматизм фильма.

Как художник, Леонид Быков четко знал, чего именно добивается от своих коллег. Георгий Прокопец вспоминал: «Обладая великолепным пространственным воображением, он ясно представлял себе, что он хочет увидеть в кадре, и не шел на компромиссы. Но если ему предлагали интересное решение или иную планировку, или яркую деталь и если это по-настоящему было хорошо, а в этом он прекрасно ориентировался, то предложение принималось независимо от того, кем оно сделано.

И вот такое сочетание художнической принципиальности с чутким и доверительным отношением к работающим с ним людям, в конечном счете, давало прекрасный результат.

Я согласен с мудрецом, который сказал, что доброта – это язык, которым немой может разговаривать и который глухие могут слышать. Сейчас, по прошествии времени, вспоминаю работу с ним как великолепный праздник. Праздник не в смысле веселья; а как обогащение, внутреннее наполнение от общения с этим удивительным, талантливым человеком».

Как дорог нам созданный им образ капитана Титаренко, прозванного друзьями Маэстро. Его Титаренко – лихой, опытный ас, верный друг, готовый поддержать товарища в трудную минуту, отец-командир, проявляющий заботу о «желторотиках»-новобранцах, быстро становящихся на войне «стариками». Он вызывает невероятную симпатию – тем, как улыбается, как дирижирует своей «поющей» эскадрильей, как привычно убирает карту в голенище сапога и как, вернувшись на родной аэродром

на немецком самолете, бросает своему механику: «Макарыч, принимай аппарат! Во – махнул не глядя!»

Титаренко в душе так и остался мальчишкой – озорным, азартным, как его «желторотики». Маэстро тоже хочется поиграть с ними в футбол, но должность обязывает держать себя в руках. И все же он забивает свой мастерски-непринужденный гол в ворота Ромео и не может скрыть радости при этом!.. Эти и другие маленькие штрихи характера и поступков героя незаметно складываются у зрителей в столь родной сердцу образ Маэстро. Таким Быков навсегда и останется в нашей памяти.

Виктор Мирошниченко, актер: «Леонид Федорович любил импровизировать. В сценарии «В бой идут одни «старики» эпизода с забиванием гола в сцене «разговор с Ромео» не было. В перерыве между съемками других сцен мы постоянно играли в футбол. И он играл. Думали, просто так, отдыхает. А однажды он рассказал нам, что сцену разговора с Ромео о женитьбе будет снимать здесь, на футбольном поле…»

Он играет своего героя предельно точно, с большим чувством, умело и деликатно «ведя» своих партнеров, задавая тем самым всему актерскому ансамблю верный тон. Исполнительская раскованность, широта, щедрость Леонида Быкова на бытовые, в сущности, но такие важные комедийные характеристики и легкий, филигранный переход к иной исполнительской манере – строгой, сдержанной вновь подтверждают его глубокий драматический потенциал. И здесь особенно впечатываются в память две сцены – та, в которой Титаренко узнает о гибели Смуглянки, и финальная – у могилы летчиц.

Подобная работа требовала от актера полной самоотдачи и уверенности в собственных силах. Надо не забывать, что на площадке Быков выполнял еще и режиссерскую миссию, а значит, двойная ответственность требовала от него поистине титанических усилий. Быков работал с утра до ночи. После очередного эпизода садился на землю и вытирал пот с лица. «Сейчас продолжим, только отдохну немножечко», – говорил он, держась рукой за сердце.

«Его гимнастерка, как у справжнего (по-русски – настоящего) летчика, не просыхала и была белой от пота, – воспоминает актер Владимир Талашко, исполнитель роли лейтенанта Скворцова. – Она до сих пор стоит у меня перед глазами, стоит прямо на земле, твердая – от высохшего пота и соли. Он успевал и сам играть, и нас, молодых актеров, – учить, и еще в камеру как режиссер-постановщик смотреть. Леонид Федорович на тот момент сыграл полсотни ролей (здесь Владимир Дмитриевич, к сожалению, ошибается. – *Н.Т.*), а для меня это была только вторая

роль, но относился он ко мне, как к равному. Есть в украинском языке слово «лагидный», что по-русски означает «нежный». Так вот Быков-режиссер удивительно нежно и бережно относился к окружающим, он никогда не поднимал голоса на гримера, оператора или актера».

Виктор Мирошниченко, актер: «И еще одна особенность таланта актера, режиссера и человека Леонида Быкова вспомнилась мне: удивительное чутье органичности. В кадре у него органично все: и натура, и реквизит, и поведение актера, и текст, им произносимый, и звук, и музыка, и даже то место, точка, где стоят камера и оператор. Все – правда. Все – жизнь.

Никакой позы, никакой фальшивой фразы и в жизни. Разговор с нами, актерами, почти всегда касался отвлеченных тем. И о футболе (он страстно болел за киевское «Динамо»), и о рыбацких делах (с Володей Волковым они часто толковали о том, как варить горох для рыбы и для какой), и о песне… Да мало ли тем диктует нам каждый день?

Но во всех этих якобы необязательных разговорах никогда не забывал Леонид Федорович о тех, кто рядом с ним. Удивляюсь до сих пор, откуда и как он узнавал обо всех наших житейских бедах и затруднениях: кому квартиру не дают, кого не снимают… И что важно, не просто словом помогал, но действовал. В самом прямом смысле слова: ходил по кабинетам, доказывал, убеждал, не боялся и с трибуны сказать свое мнение по тому или иному вопросу.

Любимое его выражение «будем жить, пехота!» я принимаю как наказ жить только по тем отметинам, которые он оставил в моем сердце».

Актер Дмитрий Миргородский, снимавшийся у Леонида Федоровича в небольшой, но яркой роли – капитана пехоты, так отзывался о его режиссерском таланте: «Быков относится к тем редким людям, которые дарят миру киноткрытие. Он подарил миру целое созвездие артистов, мало кому известных ранее: Иванова, Подгорного, Талашко, Сагдуллаева. И уже известного Алексея Смирнова он восславил в новом качестве. Он относится к роду озаренных людей, которых можно назвать одержимыми, вечно влюбленными, парящими. Это крылатые люди-птицы. Мне кажется, Быков был птицей. Он был жаворонком. Сколько времени уже нет в мире Быкова, а жаворонок в небе…

Во время съемок «Стариков» я как-то сильно подвел Леонида Федоровича. У меня как раз были гости – грузинская компания. Гуляли мы «до упора». А утром на съемках я заговорил… с грузинским акцентом. Первый дубль. Второй. Акцент не уходит. «Митя, – волновался Быков, – ну ты же русский солдат, у нас уже

есть в картине грузин». Сцену сняли с первого дубля, но только на второй день. А когда Быкова отчитали за то, что он позволяет актерам снимать по три дубля, режиссер спокойно ответил: «Извините, вы не по адресу. Это были технические проблемы с пленкой, и я их уже решил». С ним можно было идти в разведку».

Роли «желторотиков» в картине исполняли молодые ребята, студенты Театрального института им. Карпенко-Карого, как тогда говорили, далеко не «престижного» вуза. Они, вживаясь в свои образы, бегали по студии в военном обмундировании периода войны. В летной форме, со звездой Героя Советского Союза ходил и Леонид Федорович, по фильму комэск Титаренко.

Его забота затрагивала всех, каждому артисту он старался создавать комфортные условия. К моменту приезда на съемочную площадку группу уже поджидали четыре бидона парного молока и булочки. Быков успел продумать и это, договорившись с бабушками из соседнего села. Несмотря на свою загруженность, успевая погонять со всеми в футбол, отсняться и отснять других.

Владимир Талашко: «В группе у нас было много молодежи, дебютантов – тогда еще студентов театрального института. Леонид Федорович стремился создать такую атмосферу в группе, когда все – одна семья, единый коллектив. Для этого он и придумал «анкету», чтобы получше узнать ребят, участвовать в их человеческом становлении, заинтересовать и приобщить их к творческому процессу. Ведь они же – совсем мальчишки! А наша картина – их первое боевое крещение. Он любил их, наших «желторотиков», заботливо и терпеливо, совсем по-отечески». Все актеры отвечали ему любовью. Вот только несколько воспоминаний, красноречиво это подтверждающих:

Евгения Симонова (Маша): «Ну, что там я? Первая картина. Ничего вообще не соображала. И как же было, тем не менее, легко, потому что все на меня смотрели и на всех с какой-то такой любовью и такой верой, что казалось, что все, действительно, сможешь».

Сергей Подгорный (Смуглянка): «Леонид Федорович Быков задумал необычный фильм про войну и решил пригласить не маститых актеров, а пацанов – ровесников героев сценария. Нас с Кузнечиком он нашел в театральном. Помню первое знакомство с Киностудией Довженко: май месяц, деревья цветут, на крыльце стоит тоненькая девочка Женя Симонова, воплощение чистоты и наивности.

Состояние влюбленности испытывали все актеры, и все благодаря атмосфере, которую излучал Быков. Мы, «желторотики», тогда сразу решили, что эта сказка и есть кино, но волшебный мир доброты, созданный режиссером, оказался,

увы, исключением, «зигзагом», а не правилом… О Быкове говорить не могу, больно. И не имею права, не оправдал его надежд. Будь он жив, и моя, и Кузнечика судьба сложилась бы иначе. Он бы не умер, это однозначно. Когда актер не востребован, он тихо и незаметно тлеет…

Сначала меня назначили на другую роль, а на Смуглянку утвердили Толю Матешко. И вдруг Быков подходит и говорит (он медленно говорил): «Читай сценарий, переодевайся, сбрасывай с погон одну звездочку, заштукатурься и через 15 минут – на площадку. Играешь Смуглянку». У меня подкосились ноги, и я… залег в пшеницу… Там через час (!) и нашел меня Талашко… Такой атмосферы я не ощущал больше ни на одной съемочной площадке».

Сергей Иванов (Кузнечик): «Быков открыл для меня путь в кино и подарил веру в мечту. Гений добра… В русском квартале Лос-Анджелеса в витрине магазина видеокассет я увидел только один русский фильм – «Зайчик». «Просто другие не пользуются спросом», – объяснила продавщица. Так Быков покорил и Америку». В книге воспоминаний о Леониде Быкове «Будем жить!» Иванов писал: «Сценарий «В бой идут одни «старики» я увидел в актерском отделе. Прочел. Думал все эти дни, как подойти к Леониду Федоровичу Быкову и сказать, что…

И вдруг сталкиваюсь с ним на проходной:

– Сережа, прочти сценарий моего…

– Уже…

– Ну и как?

– Буду играть!

– Кого?

– Кузнечика!!!

И уже потом, на съемках Леонид Федорович как-то сказал мне:

– Восемьдесят процентов утверждения тебя на эту роль – из-за вот этой твоей наглости, когда ты сказал: «Буду играть Кузнечика». Помнишь?

Я вложил в ответную улыбку всю силу обезоруживающей непосредственности… этого персонажа.

Это было в памятном мне 1973 году, а в 1976-м – опять короткий диалог:

– Снимешься?

– С удовольствием!

– Помогай мне!

– Понял!

Речь шла о картине «Аты-баты, шли солдаты…», в которой я работал немного, но которая стала таким же этапом в моей

жизни, как и в «Бой идут одни «старики».

Странная штука – актерская память. Выдает на-гора отрывки каких-то разговоров, которые другому, видимо, и контуров предмета не обрисуют, а тебя заполняют всего: мозг, сердце, душу. Ни одного его слова нельзя забыть, а главное – нужно сохранить в них, этих обрывках, выражение его глаз, его жест, его неповторимый юмор.

Но как это сделать? Не знаю. Не сумею.

И вот сейчас я думаю: а что, если бы сегодня, сейчас, написать ему письмо?

«Уважаемый Леонид Федорович!

Лежу я в данный момент в траве на широком летном поле. Самолеты не летают. Кузнечики поют. Умеют ли они петь на самом деле – не знаю. Но я слышу их голоса. Смотрю на облысевшие головки одуванчиков и думаю: что было бы, если бы не я, а другой актер играл Кузнечика? И не я, а он жил бы в этой родной мне стихии – второй эскадрилье? И не меня, а его отчитывал любимый командир за проступок, а может, за преждевременную смелость! И не на меня, а на него постоянно был устремлен взгляд умных глаз режиссера, по которым я читал, что делать в кадре? Что было бы тогда?!

Нет, этого просто не могло произойти, не могло случиться.

Я знаю, что Кузнечик – это я, я, больше никто…

И то, что Вы, Леонид Федорович, назвали тогда наглостью (я не обиделся, нет, я понял ваш добрый юмор), совсем нет, Леонид Федорович, не наглость. Это мое обретение себя в этой роли. Внезапное, неожиданное… Я не верил в переселение душ, пока не прочел сценарий «В бой идут одни «старики».

Ведь это я, и только я, каким являюсь сейчас и каким себя ощущаю, – тот «желторотик», которого Вы поставили в строй «второй поющей»…

И это я, а не кто другой, пью свои первые в жизни «законные сто грамм» в окружении друзей – моих ребят, с которыми связана вся жизнь. И это я, а не кто другой, погибаю в бою, еще не насмотревшись на небо…

Теперь вы верите, Леонид Федорович, что это не наглость, а неизбежность моей встречи с собой в Вашем фильме, маэстро?!»

Надо сказать, что роль Кузнечика первоначально предлагалась Владимиру Конкину, но он был занят на картине «Как закалялась сталь» и жалеет об этой роли до сих пор. Так случилось, что на студии площадки этих картин оказались по соседству. Землянку летчиков соорудили рядом с бараком строителей узкоколейки. И в перерывах между съемками Павка Корчагин бегал слушать «Смуглянку» и смотрел, как «его» роль

блестяще исполнял Сергей Иванов.

Вано Янтбелидзе (Вано): «В моей скромной квартире тихо. Уже поздно… Со стены на меня смотрит грустное лицо Леонида Федоровича. На портрете надпись: «Дорогой Вано, бери мой хлеб! Всегда твой Быков».

К сожалению, я не видел ни одного фильма с участием Леонида Федоровича до этого… Как новичка меня все пугало и к тому же влекло своей неизвестностью, все вызывало тревогу, и без этой тревоги жить не хотелось. Он это знал, чувствовал и с какой-то легкостью сочетал требовательность с дружелюбием. Он был актером, который знал не только тонкости этой сложной профессии, но и цену доброго слова, ласковой поддержки в сложные моменты.

Он всегда вселял надежду, веру в свои силы, уверенность. Когда закончился первый фильм, он подарил надежду новой встречи друг с другом и с интересной работой. И эта встреча состоялась. А какой он был мастер создать дружелюбную атмосферу, сближать людей, рождать привязанность, дружбу! Фильм «В бой идут одни «старики» снимался почти в той последовательности, как были расположены эпизоды в самом фильме. Смерть каждого героя означала, что он закончил съемочные дни и должен был уезжать. Каждый такой эпизод вызывал еще какое-то добавочное сожаление о том, что мы на время должны были расстаться с другом.

Естественно, что играющий режиссер – всегда пример на съемочной площадке. Но его актерское лидерство подкреплялось не только авторитетом режиссера, а его истинным актерским даром. Он никогда не подчеркивал свое преимущество, никогда не требовал особого уважения к себе, ни в чем не щадил себя, репетировал всегда с полной отдачей, захватывал своей эмоциональностью, заражая нас сиюминутной готовностью.

Мы порою забывали, что он режиссер. Это была настоящая эскадрилья. Он – командир, мы – солдаты… В фильме есть эпизод – отдых эскадрильи. В этом эпизоде были заняты почти все участники фильма. Длинная панорама захватывает всех летчиков: кто письмо пишет домой, кто моется, кто рассматривает карту, кто наигрывает на баяне… Эпизод репетировался долго. Среди всех нас расхаживал командир «поющей» эскадрильи, наш «маэстро». Репетиция шла вяло. Леонид Федорович был недоволен, ему чего-то недоставало. Наконец он сказал: «Давайте снимать». Пошли напряженные минуты съемки. Камера шла за Леонидом Федоровичем, и пошел он совсем другой, с присущим ему сочетанием грусти с бодростью. Он подошел к одному из нас, который старался стать на руки, остановился, внимательно

смотрел на его тщетное страдание, улыбнулся, отодвинул его в сторону, сделал какой-то головокружительный кульбит, похлопал его по плечу и пошел дальше. Этого он на репетиции не делал. А сейчас сделал с такой легкостью и с таким азартом, что мы все мгновенно подтянулись, все ожили. И так было всегда. Наш «маэстро» всегда готовил какие-то «сюрпризы».

Сейчас, когда прошло столько времени, я снова смотрю этот фильм, и когда вижу Леонида Федоровича, которого уже нет, все воспоминания, которые скрыты за каждым эпизодом, приобретают другой оттенок, другую значимость. Искренне сожалею, что по своей беспечной молодости не вел дневников. Не записывал все те мелочи, все мгновения судьбою дарованной мне этой встречи… Из моей жизни ушел человек, который мне дарил светлую надежду и веру в себя и во все прекрасное».

Евгения Симонова после окончания первого курса Щукинского училища приехала на первые в своей жизни кинопробы в Киев тайком от педагогов и однокурсников и очень волновалась. «Леонида Федоровича я увидела перед входом в киностудию, на ступеньках, – вспоминает она. – Вокруг было очень красиво, цвели яблони в замечательном Довженковском саду. А передо мной стоял человек с таким знакомым и таким неповторимо добрым лицом, что я тут же успокоилась, и это спокойствие, даже какое-то умиротворение не покидало меня во время общения с Быковым. Я была утверждена на роль летчицы Маши, и хотя в фильме роль у меня маленькая, всего одиннадцать слов, я считаю ее своим настоящим началом, а Леонида Федоровича – крестным отцом в кино…

Снимаясь в фильме «В бой идут одни «старики» и наблюдая удивительные отношения между режиссером и группой, режиссером и актером, я думала, что в кино только так и бывает, только такие прекрасные и чистые люди здесь работают. Потом, позже, я поняла, что это был подарок судьбы, что это огромная редкость – такой режиссер и такая атмосфера, такой кристальной честности и порядочности человек, каким был Быков. И в моей жизни было много грустного, и трудного, и мучительного в работе в кино, но память о моем радостном начале у Леонида Федоровича, как о счастливом детстве, помогала мне.

Я помню первую в моей жизни премьеру в Доме кино. Мы стояли на сцене: Быков, автор сценария и я (никто больше не смог приехать). И Быков сказал про меня:

– Вот стоит перед вами девочка, студентка второго курса, ее еще никто не знает, но вот увидите – у нее будет большое будущее, я в это верю!

Его вера и благословение были со мной всегда».

Ольга Матешко (Зоя): «Мой образ складывался из простых вещей. Из сценария и глаз Леонида Федоровича. Сам Быков вообще не любил репетировать, не любил много дублей. На самом-то деле фильм «В бой идут одни «старики» снят практически с одного дубля. А второй дубль делали только для операторов. Я очень люблю эту картину. И очень часто покупаю кассету. И она у меня постоянно исчезает. Просто, по всей видимости, у этого фильма есть свойство не держаться у меня дома… В памяти со съемок «Стариков» осталось только хорошее: у нас никогда не было недомолвок, не было дрязг, ссор. Так и получилось: картина, снятая с одного дубля, уже многие годы смотрится на одном дыхании».

Интересен рассказ Ольги Матешко о съемках двух ключевых сцен фильма: «Танцевать я умею – так я считала. А тут выясняется – нет. Я расстроилась. Смотрю, и Женя Симонова в недоумении – на завтра назначена репетиция сцены «Вечеринка». Нас должны… учить танцевать.

Я понимала, что в этой сцене мы должны танцевать так, как танцевали бы ребята военных лет – ведь многие из них были совсем детьми и не знали, не успели узнать этой премудрой науки. Но как этому можно научить?

На репетицию пришли все задолго до начала. Включили музыку: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось…» Танго. Мы с Женей пытались вжиться в эту знойную мелодию – двигались медленно и расслабленно. Ждали учителя танцев. А его все не было. Стали посматривать на часы. Почему он опаздывает? Неужели не знает, что к Быкову не опаздывают – ни на съемку, ни на репетицию?!

Вдруг: «Внимание, репетиция! – Леонид Федорович подходит ко мне… – Разрешите?»

И мы пошли… Кто говорил вчера, что я не умею танцевать? Сегодня мне так легко, с моим партнером! Проделывая все движения довоенного танго, каждой клеткой своей я ощутила Зою Молчанову в эти мгновенья – как замерло ее сердце при звуках музыки, как хотелось ей сейчас танцевать и… нравиться комэску. В тягучей мелодии «Утомленного солнца» я ощутила другой пульс, другую энергию. Ведь рядом был человек, который трансформировал эту энергию… Рядом был он – актер, которого я знала и любила; режиссер, которого я слегка побаивалась, при котором всегда хотелось быть в форме; человек, который одним взглядом добрых глаз своих заставлял внутренне собраться – мой первый и единственный, неожиданный учитель танцев…

В пустом студийном коридоре мы все – и «желторотики», и «старики», и гости – летчицы с самолета «У-2» повторяли

движения за Леонидом Федоровичем в такт уже органично вошедшей в нас мелодии танго. Мы танцевали самозабвенно, мы забыли, что время репетиции истекло, мы сознательно продлевали мгновенья радости и вдохновения. Мы знали уже, как будем вести себя в кадре, хотя никаких словесных объяснений по сцене режиссер нам еще не давал.

Мы любовались его манерой держаться, в которой органично сочетались чувство собственного достоинства и подкупающая любого искренность и простота, его неповторимой пластикой, его какой-то светлой красотой…

Я посмотрела на наших актеров, все распрямились, глаза заблестели – ну, какие же красавцы в этой «второй поющей»! Ну как тут не влюбиться?!

Помните сцену прощания летчиц с хозяевами аэродрома? Сумерки, белеют березы вдали, проселочная дорога вьется узкой лентой… и по ней идут они – Зоя и Маша, Титаренко и Ермаков, ребята из первой и второй эскадрилий.

Не знаю, удалось ли мне донести до зрителя состояние Зои в тот вечер: ей было грустно расставаться с этими необыкновенными людьми, она была смущена от внезапно возникшего в ней чувства к комэску Титаренко, старалась скрыть его и потому так залихватски протянула на прощание обе руки в разные стороны – Титаренко и Ермакову. А ведь Алексей не мог не понимать этого и потому, будучи сам смущенным, так же бесшабашно сказал: «Ему – так левую!» Зое понятен был этот упрек, но ответить на него она не могла, поэтому просто отвернулась, наверное, пряча слезы…

Когда мы снимали эту сцену, я думала почему-то о том удивительном дне репетиции «Вечеринки», когда Леонид Федорович учил нас танцевать…

Мы многому научились у Леонида Федоровича Быкова, но прежде всего – дружбе. Той дружбе, которая озаряет, как молния, но истинный смысл которой, начинаешь понимать потом, спустя годы…»

«Быков искал молодых артистов 18 – 20 лет, – вспоминает Александр Немченко, исполнивший роль Ивана Федоровича. – Пришел к нам на актерский факультет и сказал: «Мне нужны люди, которые умеют петь, играть на музыкальных инструментах, и те, у кого вместе с аппендицитом не ампутировали чувство юмора». Я спел «Червону руту», но, чувствую, что ему не нравится. Леонид Федорович говорит: «Фильм о войне, спой что-нибудь из песен того времени». А у меня ступор – ничего не могу вспомнить. Ну, я и выдаю: «Наплевать, наплевать – надоело воевать». Он: «Немного не в тему, но мне подходит…»

Вилорий Пащенко (Воробей): «Быков поручил мне сыграть роль старшего лейтенанта Воробьева, зная, что я умею играть на многих инструментах и пою. Началась работа. Снимать фильм было очень трудно. Но Быков сумел влюбить нас в будущих героев – «желторотиков», как любовно называл их Леонид Федорович. Он сам чувствовал каждую роль и все время помогал нам, молодым актерам».

Рустам Сагдуллаев (Ромео): «В «Старики» меня Радик Нахапетов «продал». Так у нас по-киношному говорят. Он пересекся с Быковым на фестивале и тот попросил найти ему актера-узбека. Вскоре в Ташкент приехал второй режиссер Владимир Чернолих и прямиком ко мне, в театральный институт. А в то время я снимался в фильме «Мой добрый человек» у моего крестного отца в кино Равиля Батырова. Поражаюсь его мудрости до сих пор. Ведь у режиссеров есть неписаный закон: своих актеров не отдавать. Особенно во время съемок. А в тот момент он сказал: «Ну, раз моего актера приглашает Студия имени Довженко, то я его отпускаю».

Кстати, в фильме «В бой идут одни «старики» есть несколько кадров, где я в шлемофоне. Это была маленькая хитрость. По сюжету фильма Батырова «Мой добрый человек» у меня были длинные волосы, и поэтому на съемках в «Стариках» приходилось надевать головной убор, чтобы их прикрыть. А когда закончили работать с Батыровым, прическу привели в порядок, и я уже снимался с открытой головой…»

Виктор Мирошниченко (комполка): «Помню, работал я в Черниговском драматическом театре. И вдруг телеграмма – приглашение на кинопробы в Киев, к Быкову, в «Старики». Приехал. Не могу унять волнения. Читаю сценарий. По роли – я сибиряк, с эдаким широким характером, с характерной речью… Забоялся я, откровенно признаюсь. Впервые за годы работы в кино такое несоответствие между мной и характером моего персонажа.

– Не потяну, – сообщил я Леониду Федоровичу с горьким облегчением. – Никак не смогу я с сибирским колоритом…

– А ты, Витя, не волнуйся. Раскрепостись и давай с черниговским колоритом!..»

Судьба актеров после фильма сложилась по-разному…

Ольга Матешко, окончив ВГИК, вышла замуж за оператора Итыгилова, вместе с мужем работала на студии им. Довженко. Осталась одна, когда муж умер, облучившись во время съемок Чернобыльской аварии. В 1994 году в составе делегации от Союза кинематографистов поехала в Америку и осталась. Преподавала в Свято-Сергиевской академии на Манхэттене, работала на

телеканале для украинских эмигрантов. В настоящее время вернулась, трудится на телевидении, снова снимается, в частности в работах своего брата-режиссера Анатолия Матешко (того самого, который отказался от роли Смуглянки) и сына – Александра Итыгилова-младшего.

Евгения Симонова стала известной актрисой. Ее судьба сложилась наиболее счастливо из всех актеров фильма. В 1976 году, после окончания Театрального училища им. Б. В. Щукина была приглашена в Московский академический театр им. Вл. Маяковского. Снялась более чем в 60 фильмах. Была дважды замужем – за актером Александром Кайдановским и режиссером Андреем Эшпаем. В браке с каждым имела по дочери. Зоя Кайдановская стала актрисой.

Владимир Талашко после окончания института в 1972 году пришел актером на Киностудию им. Довженко, много и успешно снимался. Организовал Фонд Леонида Быкова, который за 6 лет своего существования совершил немало славных дел, но по настоянию семьи Быкова был закрыт. Одно время сотрудничал с украинским телевидением, вел программы «Будем жить!» и «Полевая почта памяти», посвященные ветеранам труда, войны и Чернобыля. Последние 15 лет преподает актерское мастерство и возглавляет курс кинотелережиссеров и телеведущих в Киевском университете театра, кино и телевидения имени И.К. Карпенко-Карого, который сам некогда окончил.

Сергей Подгорный, по сути, так и остался актером одной роли. В 1976 году окончил КГИТИ им. И.К. Карпенко-Карого, работал на Киностудии имени Довженко. Давно не снимается. Сейчас живет в поселке Буча в 50 км от Киева.

Рустам Сагдуллаев после окончания в 1975 году Ташкентского театрально-художественного института им. А.Н.Островского стал актером киностудии «Узбекфильм». Снимается до сих пор. В 1984 году в качестве режиссера дебютировал в фильме «Останься». В 2001-м на собственной студии «Равшан-фильм», созданной специально под этот проект и названной в честь его сына, снял телесериал «Слепые», в котором выступил в качестве режиссера, продюсера, соавтора сценария и исполнителя главной роли.

Сергей Иванов после окончания КГИТИ им. И.К. Карпенко-Карого в 1972 году, работал на Студии им. Довженко. Какое-то время был внештатным советником по культуре министра финансов Украины. В конце 1990-х годов работал на телевидении. Задумал сериал о замках Западной Украины, но успел снять только один фильм… В личной жизни все тоже было не гладко. Рано женился. Пока снимался у Быкова, жена-балерина

от него ушла. Через несколько лет встретил Ирину, по профессии бухгалтера, и долгие годы был счастлив в браке. 15 января 2000 года, в возрасте 49 лет, умер от обширнейшего инфаркта. Любимого артиста хоронил весь Киев. Покоится на Байковом кладбище, недалеко от Маэстро.

Надо сказать, что с каждым годом участников съемок остается все меньше. Из основного актерского состава фильма, со слов Владимира Дмитриевича Талашко, на сегодняшний день живы: Евгения Симонова, Ольга Матешко, Сергей Подгорный, Рустам Сагдуллаев (в Узбекистане), Вилорий Пащенко (в Киеве), Вано Янтбелидзе (в Грузии), Александр Немченко (живет в Виннице), Леонид Марченко (в Киеве).

Поклонники фильма обнаружили в нем некое мистическое звучание. Вот как рассказывает об этом Рустам Сагдуллаев: «Это парадокс – все те актеры, которые остались живые на экране, сейчас уже умерли. И все те, кто погиб в фильме по сценарию – все живые. Вот «Смуглянка» – живой, «Ромео» – живой, Ольга Матешко, Маша… Причем, есть еще один мистический момент. Вспомните, когда Быков идет сообщить жене моего героя, что «Ромео» погиб, они идут в таком порядке: первым – Титаренко, вторым – Макарыч, а третьим – «Кузнечик». Идут, не оборачиваясь. Словно уходят навсегда. Вот в этом порядке они и распрощались с жизнью…

Провожать каждого из них было невыносимо тяжело. Помню, как мы Быкова хоронили. Какое скопление народа! А когда гроб подняли, понесли к могиле, грянули «Смуглянку»… три слова только смогли вымолвить, и слезы к горлу подкатили… не смогли продолжить. Макарыч потом ушел. Потом рядом с Быковым похоронили и Иванова – «Кузнечика». Его могила прямо напротив Леонида Федоровича. Вот Быков, вот дорожка, и вот – «Кузнечик»…»

Макарыч

Об этом актере хочется сказать особо. При жизни фамилию Алексея Смирнова знали немногие, хотя в лицо узнавали сразу. Имена его персонажей становились нарицательными. Его героев цитировали, над ними добродушно потешались. Сегодня уже трудно с полной достоверностью установить реальное число его ролей. Место, которое он занял в отечественном кинематографе, словно долгие годы ждало именно его и остается вакантным поныне.

К самоотверженности и полной самоотдаче он привык на фронте. При жизни актера мало кто знал о его боевом прошлом. Смешной недотепа на экране, в жизни он был асом рукопашного боя, дважды кавалером ордена Славы (советский аналог легендарного Георгиевского креста), кавалером ордена Красной Звезды, имел медали «За отвагу» и «За боевые заслуги»…

Центральный архив Министерства обороны хранит в своих недрах красную папочку с личным делом красноармейца Алексея Макаровича Смирнова, командира огневого взвода 169-го минометного полка, прошедшего путь от рядового до лейтенанта. Из наградных листов Алексея Смирнова: «9 апреля 1944 года в районе деревни Пилява после мощных артналетов два батальона противника при поддержке 13 танков перешли в атаку. Тов. Смирнов со взводом открыл мощный минометный огонь по немецкой пехоте. В этом бою огнем взвода было уничтожено: 4 станковых и 2 ручных пулемета, 110 фашистских солдат и офицеров. Контратака немцев была отбита».

Наградной лист к приказу по третьей артиллерийской дивизии от 15 сентября 1944 года так сопровождает первый орден Славы Алексея Макаровича: «20 июня 1944 года в районе высоты 283 противник силою до 40 гитлеровцев атаковал батарею. Товарищ Смирнов, воодушевляя бойцов, бросился в бой, отбил нападение гитлеровцев. На поле боя осталось 17 немцев, сам лично взял в плен 7 гитлеровцев…»

В 1946 году Смирнова комиссовали из армии по причине тяжелой контузии, которую он получил в кровопролитных боях за одерский плацдарм. Выручило искусство – до войны Алексей Смирнов учился в Студии при Ленинградском театре музкомедии. Послевоенная нищета отступила, когда его пригласили в труппу театра, в которой он отыграл шесть лет. При этом, говорят, у Смирнова не было ни слуха, ни голоса, зато он обладал редкой сочной колоритной внешностью и склонностью к клоунаде. Уникальный дар актера не мог остаться незамеченным

в кино. Последовали эпизодические роли фрицев, буржуев, солдат…

Однажды произошел интересный случай. О нем поведал директор театра музкомедии, в котором после войны работал артист. Владимир Пашков вспоминал: «Никто из театральной труппы до 1954 года даже не подозревал о боевых заслугах Смирнова. И не узнали, если бы не случай. Поехал как-то наш театр на гастроли в закрытый город Капустин Яр, и вечером мы с Лешей тайком пошли на бахчу за арбузами. У реки, пролезая через лазейку в заборе, неожиданно столкнулись с группой отдыхающих. И вдруг Леша вытянулся по струнке и строевым шагом подошел к одному из них и стал докладывать: «Товарищ маршал, разрешите доложить. Взводный 169-го Краснознаменного минометного полка гвардии сержант Алексей Смирнов». Я присмотрелся: перед нами стоял сам маршал Жуков. Маршал спросил, что, мол, делаете здесь, сержант Смирнов? А Леша ответил, что он артист, находится здесь на гастролях, и пригласил Жукова вечером в местный клуб на просмотр пьесы «Морской узел». Тот пообещал, что придет обязательно. И действительно ведь пришел! Мало того – после спектакля он пригласил Лешу к себе на ужин. Вот так мы узнали о боевых заслугах нашего коллеги».

По-настоящему для кино Алексея Смирнова открыл Леонид Гайдай, пригласив в картину «Деловые люди», снятую по рассказам О’ Генри. Роль Билла Дристолла в новелле «Вождь краснокожих» – самая смешная в фильме, запомнилась всем. Здесь к месту были и актерская манера игры, и склонность к сатире и комикованию. Следующая роль в картине Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» стала поистине звездной.

Энергетика актера такова, что все образы, созданные Алексеем Смирновым настолько ярки и самобытны, что сразу запоминались зрителям. Все считали его прекрасным комиком и недотепой, ведь исполнитель производил впечатление милого, беспечного и неунывающего добряка. И мало кто догадывался, насколько трагичной была реальная жизнь актера.

Природа наградила Алексея Смирнова уникальным талантом и запоминающейся внешностью, а жизнь одарила одиночеством. Его единственным близким человеком была старенькая больная мама, с которой он почти всю жизнь прожил в коммуналке. Он нежно любил маму и заботился о ней до конца ее дней. Актер и режиссер Ролан Быков вспоминал об актере: «Он закончил горько, одиноко. Семьи Лешенька так и не создал – женщины были к нему несправедливы. Мечты об отцовстве так и не реализовал, а

детей любил безумно. В перерывах между съемками его можно было найти только в окружении ребятишек, которые липли к нему, как к Деду Морозу, а он с огромной радостью, самозабвенно вырезал для них деревянные фигурки…»

По воспоминаниям коллег, Алексей Макарович так и остался большим и великодушным, а порой очень обидчивым ребенком – доверчивым и открытым фантазером, любимцем окружающих. Все, независимо от возраста, звали его Лешенькой. Фактурная внешность актера стала не только первопричиной его фантастической популярности, но и сыграла с ним злую шутку. Именно она мешала многим воспринимать актера иначе, чем его экранных персонажей.

Друзья знали – это лишь маска, под которой скрывался умный, ранимый и интеллигентный человек. При нем всегда был томик стихов, который он с упоением читал в перерывах между съемками. Мог всю ночь у костра читать собравшимся японскую поэзию. Было у актера и хобби: коллекционирование водных насекомых, скорпионов, змей и прочих пресмыкающихся. Он привозил их со всех экспедиций и держал в своей комнате в банках со спиртом. Когда умерла мать, Алексей Макарович тут же расстался со своей коллекцией, чтобы она не напоминала ему о смерти…

Как и любой комик, Алексей Смирнов мечтал о большой драматической роли. Эту мечту помог ему воплотить в жизнь его лучший друг Леонид Быков, сняв его в своей картине «В бой идут одни «старики» в роли механика Макарыча, написанной специально для него. Они познакомились в Ленинграде. Смирнов снимался в дебютном фильме Быкова «Зайчик». Потом они встретились в «Разведчиках». И наконец, в ставшем для обоих знаковым, фильме «В бой идут одни «старики»…

Добиться этого было непросто. Киношные чиновники резко воспротивились участию Смирнова: «У него же глупое лицо и амплуа комедийного актера!» – говорили они. Пока Быков не заявил, что откажется снимать фильм, если в нем не будет Смирнова. Окончательным доводом послужило то, что сам он – бывший фронтовик, герой войны. Сопротивление было сломлено.

Как понимали эти двое друг друга, как импровизировали на ходу!.. На студии над ними подтрунивали: Смирнов смотрит на Быкова с обожанием, будто мать на новорожденного. Впрочем, иного отношения к Быкову быть не могло. Актер очень гордился ролью Макарыча, порой с горечью вздыхая: «Как жаль, что я так поздно нашел своего режиссера».

Так уж случилось, что кинопробой Алексея Смирнова в фильме стал эпизод у памятника погибшим летчицам. Макарыч в

безмолвной боли комкает кепку, поднимает к небу полные слез глаза… Владимир Талашко так рассказывал об этой съемке: «Вспоминаю, как Алексей Макарович Смирнов пробовался на роль Макарыча. Необычное для него амплуа, незнакомая роль.

– Будем снимать, как в картину! – вот и вся вступительная речь Леонида Федоровича в тот день.

Снимали эпизод «Макарыч и Титаренко у могилы Зои и Маши». Помните слова Титаренко: «…И как врежем «Смуглянку» от начала и до конца!» Алексей Макарович плакал. Мы знали, что он фронтовик, что были в его жизни потери, были могилы… И не выдержало сердце старого солдата – второй дубль не успел отснять: Макарычу стало плохо прямо на площадке в кадре…

Эта актерская проба и вошла в фильм как предфинальный эпизод. Леонид Федорович не посмел, не отважился – пусть даже таким святым способом – напомнить еще раз фронтовику о былом…»

На съемочной площадке актера все любили. Вот что рассказал о нем участник съемок «В бой идут одни «старики» летчик, мастер спорта по высшему пилотажу Виктор Соловьев: «Под стать Леониду Федоровичу по лучшим человеческим качествам был и второй великий актер Алексей Макарович Смирнов. Обаятельный человек!

…Как-то образовался перерыв в съемках. Ну и мы решили все это дело отметить на природе по-летному – на траве расстелили самолетный чехол, поставили на него выпивку-закуску нехитрую. Ждали Быкова, но Леонид Федорович был чем-то занят, приехал один Алексей Макарович. Незадолго до этого он попал в автомобильную аварию, нога побаливала, садиться на брезент человеку грузному и так тяжело. Положили Макарычу два парашюта один на один, дали стакан коньяка, и пошла застольная беседа. С нами был начальник Черниговского аэроклуба (мы с его аэродрома в Колычевке взлетали) – большой любитель анекдотов. И начали они со Смирновым соревноваться. Авиатор новые рассказывает. Алексей Макарович – «с бородой». Но как! Мы просто ухохатывались, животы болели. И он с нами искренне смеялся – смешно и заразительно. Никакой гордыни и звездности в нем не было. Еще мне запомнилось, что на съемках Смирнов почему-то все время ходил с покусанными губами. Почему – я постеснялся спросить. Молод был».

Грустно об этом говорить, но последние годы жизни Смирнов злоупотреблял алкоголем. Причиной тому и творческая неудовлетворенность актера, и болезнь матери, так и не оправившейся после гибели на фронте младшего сына. Из-за пагубной страсти Смирнов не сыграл в следующей картине своего

друга «Аты-баты, шли солдаты…», куда тот его настойчиво звал. То было тяжелое для Алексея Макаровича время. Из театра он ушел, в кино его больше не приглашали, боясь очередного срыва. Некогда любимый, теперь всеми забытый актер влачил жалкое существование. Соседи по дому признавались, что, видя его состояние, звонили на «Ленфильм», прося помочь любимому артисту, но на их просьбы так никто и не откликнулся.

В октябре 1978 года у Смирнова случился очередной сердечный приступ. Он пролежал в больнице больше полугода. За это время никто, кроме Леонида Быкова, его ни разу не навестил. Последняя их встреча состоялась 25 марта 1979 года. Тогда посмотреть на Быкова сбежался весь медперсонал. Он провел у постели друга два часа и на прощание, похлопав его по плечу, сказал фразу из фильма, ставшую их совместным девизом: «Будем жить, Макарыч! Будем жить…» А спустя две недели Быкова не стало.

Врачи не сказали Смирнову о смерти друга, опасаясь, что это известие окончательно его добьет. Накануне 9 мая Алексея Смирнова выписали. В тот день он накрыл для врачей стол. Его первый тост был за друга, снявшего такой душевный фильм о войне. Но выпить Алексей Макарович не успел… Главврач обнял артиста и сказал: «Нет с нами Быкова. Мы боялись вам сказать…». Смирнов молча поставил рюмку, ушел в палату, лег на кровать… и умер. Случилось это 7 мая 1979 года, за два дня до праздника Победы, за которую он воевал четыре года. Ему было 59 лет…

Посвященные творчеству и жизни актера Алексея Смирнова документалисты сняли два фильма – «Трагедия комика» и «Две славы солдата и актера». Они о трагедии нереализованного таланта, о стране, в которой не ценят кумиров.

Премьера и триумф

Съемки фильма закончились в середине октября. Леонид Быков приступил к монтажу, который закончил 6 декабря. Шесть дней спустя фильм без поправок приняли на студии. Первый просмотр «В бой идут одни «старики» состоялся в 3-м тонателье Щорсовского корпуса. Зал был полон, стояли и сидели на полу прямо в проходах. Быков вышел перед залом и скромно сказал: «Вот закончили фильм, посмотрите». Успех был ошеломляющим…

Однако чиновники не спешили признавать «Стариков», отзываясь о нем так: «Фильм наивный и простой до смешного. Наспех склеенный, без особых режиссерских изысков. Сценарий легковесный, все персонажи напоминают опереточных героев».

Когда картина «В бой идут одни «старики» была закончена, руководство Госкино Украины стало настаивать на переводе ее на украинский язык. Лишь вмешательство ответственного сотрудника ЦК Компартии Украины С. Д. Безклубенко, на которого фильм произвел сильнейшее впечатление, спасло картину от поругания. На первом закрытом просмотре один из высоких чиновников неожиданно расчувствовался: «Вот снять бы фильм в цвете, в широком формате!» «Так я же у вас пять раз просил цветную пленку, а вы не дали», – ответил на то раздосадованный Леонид Быков.

Сдача ленты в Госкино Украины состоялась 27 декабря 1973 года. На нее были приглашены не только высокие чины украинского кинематографа, но и те, о ком, собственно, и рассказывал фильм – летчики-фронтовики. Среди них был и прославленный советский ас, трижды Герой Советского Союза, сбивший в 156 воздушных боях 59 фашистских самолетов, Александр Покрышкин. Когда в зале зажгли свет, от присутствующих не укрылось, что он вытирает слезы. Справившись с волнением, легендарный летчик дал фильму самую высокую оценку. Картина вызвала восторг и у летчиков Киевского объединения ПВО, которым командовал дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Лавриненков, и у работников ЦК ДОСААФ, и у летчиков-асов из Академии воздушных сил…

Посмотрел картину и Виталий Попков, позже вспоминающий об этом так: «Министр культуры Украины наложил на фильм «вето». «На войне так быть не могло», – заявил он. «А вы были на войне?» – спросил я его. «Нет, не был, но это не имеет значения. Я знаю, что так быть не могло. Они все там поют, танцуют и

влюбляются. А кто же тогда Родину защищал?» Образец чиновничьей глупости был налицо. Но переубедить этого «деятеля от культуры» ни мне, ни моим фронтовым друзьям-летчикам, присутствовавшим на просмотре, не удалось. Режиссер и актер Леонид Быков был расстроен до слез. Но мы рук не опустили и дали решительный бой чиновничеству, как в войну. Ходили по инстанциям, доказывали, что это нужная, хорошая картина. Наконец, нам удалось добиться повторного просмотра, на который пригласили Павла Степановича Кутахова, в ту пору Главкома ВВС и заместителя министра обороны СССР. После просмотра этого фильма П.С. Кутахов оглядел собравшихся в зале и с присущей военному человеку прямотой задал вопрос: «Ну и какой же дурак не выпускает этот фильм?»

Судьба картины была решена. Спасибо за это Павлу Степановичу и, конечно же, огромное спасибо, безвременно ушедшему из жизни, талантливому киноактеру и режиссеру Леониду Быкову, подарившему нам с экрана Маэстро и Кузнечика». Доподлинно известно, что ради фильма член ЦК КПСС, главный маршал авиации, Герой Советского Союза Павел Кутахов лично пошел на прием к министру культуры Украины. И добился своего.

Премьера состоялась морозным январским вечером 11 января 1974 года в киевском кинотеатре имени Довженко. В тот день, вышедший на сцену Леонид Быков произнес такие слова: «Мы уверены: те, кто пережил войну, поймут нас. А вот поймут ли нас молодые, те, кому сегодня двадцать? Это волнует нас больше всего… Пройдет еще тридцать лет, время напишет новые песни о любви и нежности. И о войне. Люди будут петь эти песни. И только солдатские вдовы, которых остается все меньше и меньше, вечерами, так же, как много лет тому назад, с надеждой всматриваются в темноту за окном. А внуки удивляются: кого это бабушки ждут… Им, внукам погибших солдат, мы хотим от имени «поющей» эскадрильи подарить песню-сувенир. Новую песню – ей всего лишь тридцать лет…» (речь идет о «Смуглянке». – *Н.Т.*) После просмотра фильма медленно загорелся свет. Сначала… минутная тишина. Затем зал взорвался громом аплодисментов: на сцене, словно сойдя с экрана, освещенные тем вечным огнем, стоят актеры, одетые в форму своих героев – славных летчиков гвардейской «поющей» эскадрильи…

Вот как вспоминает начало триумфального шествия фильма «В бой идут одни «старики» по экранам страны Владимир Соссюра: «Самым ярким событием в этом ряду считаю показ картины в Томске… Первый секретарь Томского обкома партии, небезызвестный Егор Лигачев прислал на студию приглашение

учредить в Томске фестиваль кинофильмов студии имени Довженко и проводить его каждые два года. Взяли семь лучших картин, среди которых первыми шли, конечно, «Старики», сформировали делегацию из 30 человек, среди которых были Быков, Гринько, Талашко, Шевчук и другие известные украинские актеры, и поехали в Сибирь.

Фестиваль начался показом фильма Быкова. Что творилось в зале кинотеатра, рассказать невозможно, а сегодня и представить нельзя! После оваций зрители вдруг на какое-то мгновение смолкли, а потом как «врезали» хором «Смуглянку»! Удержаться от слез уже никто не мог. Пели и плакали, плакали и пели…

Леонид Федорович стоял на сцене перед экраном, опустив голову, а зал неистовствовал, высказывая любимому актеру и режиссеру «любовь навсегда»…

По просьбе зрителей пришлось и закрывать фестиваль в Томске фильмом Быкова. Такого не было никогда, чтобы какой-нибудь фестиваль открывался и завершался одним и тем же фильмом. Я уже не говорю о том, что посмотреть «В бой идут одни «старики» нефтяники ехали и ехали из самых отдаленных уголков области, пришлось устраивать дополнительные сеансы. Ясно было: фильм в одночасье стал культовым».

А вот как вспоминал об этом Вилорий Пащенко: «Зимой 1974 года в Томске проходил кинофестиваль украинских фильмов. Во Дворце спорта собралось примерно семь-восемь тысяч зрителей, и мы показали им картину. Когда пошли завершающие ленту титры: «Не вернувшимся из боевых вылетов посвящается», мы во главе с Л. Быковым вышли на сцену, вспыхнул свет в зале. И – тишина… Люди потрясенно молчали. Я обратил внимание на зрительный зал. Первые ряды и все пространство от первого ряда до сцены занимали мальчишки – «желторотики» образца 1974 года. И было в их глазах такое, что не позволило Быкову дать команду «От винта!», по которой мы должны были спеть «Смуглянку». Мы не спели. Картина сказала все сама».

Владимир Талашко: «…Несколько тысяч разных по возрасту, опыту, эмоциональному настрою людей, собравшихся в Томском Дворце спорта на премьеру фильма «В бой идут одни «старики», рыдали чуть ли не навзрыд. Не было экрана, не было зрителей… Существовало нечто единое, нераздельное, в чем бился единый пульс, одно большое чуткое сердце…

Я стоял в кулисах и видел это собственными глазами. Стоял рядом и Леонид Федорович. Я не видел его лица, но чувствовал, как он переживает реакцию зрительного зала на фильм. Он любил людей, и люди платили ему любовью.

Пожилой пожарник, стоявший по ту сторону кулис, закрыл

лицо руками. Не знал, видимо, как гасить вот такой пожар – десятитысячный зал, уже стоя, громом аплодисментов сотрясал своды огромного здания. И тут я первый и единственный раз увидел, как Леонид Федорович плакал. Не смог выйти тогда к зрителям на сцену автор фильма Леонид Быков. Томичи это помнят… (Не в этот ли раз у Быкова стало плохо с сердцем? – *Н.Т.*) И тогда я подумал: разные сокровища есть на свете. Без многих из них может обойтись и обходится человек. Но вот без того сокровища, которым обладал этот скромный, деликатный человек, никогда не обходился и не может обойтись ни человек, ни человечество. Его сокровище бесценно, неистощимо, непреходяще. Имя ему – талант человеколюбия».

Во многом благодаря прекрасным отзывам бывших фронтовиков фильм «В бой идут одни «старики» не только вышел на широкий экран, но и Госкино СССР приняло решение поощрить создателей картины. 6 февраля 1974 года был издан приказ о выплате им денежного вознаграждения. Это было справедливое решение, если учитывать, что лента была снята с большой экономией средств: из отпущенных на ее постановку 381 тысячи рублей было потрачено только 325 тысяч. В числе поощренных числилось 39 человек. При награждении особо выдели режиссера-постановщика Леонида Быкова: ему выплатили 200 рублей премии и присвоили звание «режиссера-постановщика 1-й категории», а таким актерам, как А. Смирнов, В. Талашко и С. Иванов, выплатили по 50 рублей.

Однако руководству Киностудии имени Довженко сумма вознаграждения главным создателям фильма показалась недостаточной. Оно стало ходатайствовать перед Госкино СССР, чтобы авторам сценария Л. Быкову, Е. Оноприенко и А. Сацкому подняли гонорар с 6 тысяч рублей до максимального – 8 тысяч. Однако в Госкино посчитали, что «работа коллектива поощрена достаточно убедительно и увеличение гонорара не представляется целесообразным». И это притом, что через несколько месяцев фильм «В бой идут одни «старики» принес государству доход в сотни миллионов рублей и собрал множество призов на всевозможных кинофестивалях – награды посыпались на него, как из рога изобилия.

На широкий экран фильм «В бой идут одни «Старики» вышел 12 августа и стал популярным в одночасье. Залы кинотеатров были переполнены, очереди за билетами занимали с раннего утра. До конца года картину посмотрело 44,3 миллиона кинозрителей. Заняв в прокате 5-е место, она шла вслед за такими картинами, как «Калина красная» (62,5 млн. зрителей), «Мачеха» (59,4 млн.), «Невероятные приключения итальянцев в

России» (49,2 млн.).

Со всех уголков огромной страны Леонид Быков получил письма от благодарных зрителей. «Низко еще раз кланяюсь всем за то, что вы своим творчеством умеете передать все, что мы, солдаты, пережили во время войны, – писал ему бывший танкист. – После такой картины хочется помолчать. У меня она вызвала бурю воспоминаний о прошлом. Да, видно, солдаты Отечественной войны никогда не перестанут воевать. Вы – артисты, знаете как глубока должна быть правда жизни на экране, чтобы она затронула зрителя».

Леонид Быков очень гордился такими отзывами о своем фильме. «Да, зрителей может увлечь, убедить, то есть затронуть только правда жизни. Старая истина?! Но как тяжко ее добывать самому, в работе, а не в учебниках, как долог и труден путь к ней. А на экране должна быть только правда – безупречная, самоочевидная, бьющая точно в цель. И только тогда понимаешь, что ты, наконец, на верном пути», – говорил он.

Даже на фестивале в Колумбии картину приняли на ура. «Тут жара, пальмы, разве им понять моих «Стариков»?» – переживал Быков и курил одну сигарету за другой, но, когда фильм закончился, зал встал и долго аплодировал режиссеру.

Вот как вспоминала тот триумф Евгения Симонова: «Вторая встреча с Леонидом Быковым состоялась в семьдесят шестом году. Картина «В бой идут одни «старики» была представлена на международном кинофестивале в Колумбии, в городе Картахена. И, в общем, надо сказать, этот выбор был не самый лучший… в смысле картины на этот фестиваль, потому что колумбийцы люди очень далекие от нас, от тех проблем, которым посвящен наш фильм. Мы опасались, что когда они увидят черно-белый вариант, узкий экран, каких-то парней и девушек в комбинезонах, войну, неизвестную им, – это все будет для них непонятно.

Картину смотрели очень несобранно. В зале был такой шум, который приводил нас в ужас. Лишь позже мы узнали, что в принципе это происходило на всех картинах. Там и на Феллини вели себя так же, вообще просто уходили из зала.

Нам казалось, что картина просто проваливается, и мы сидели в зале, сжавшись. Леонид Федорович закрыл лицо рукой. Я сказала Быкову:

– Давайте уйдем, пока не поздно!

А Быков мне ответил:

– Женечка, что бы там ни было, провал или успех надо встречать лицом к лицу.

Фильм кончился, мы вышли на сцену. Все сидели на своих местах и смотрели на нас. Мы стояли вдвоем, как… на баррикаде.

И он начал говорить. Я даже не помню конкретно, что он говорил, но что-то о картине, желая немножко разъяснить зрителям далекие от них проблемы.

Он говорил так страстно, с таким латиноамериканским темпераментом и с такой русской болью, что его стали слушать, слушать, слушать. А когда он закончил, уже не было той пропасти между ними и нами, они улыбались и аплодировали, и в их глазах была симпатия и желание понять.

Быков победил».

Приз в Баку

Так уж случилось, что VII Всесоюзный кинофестиваль в Баку, проходивший в апреле 1974 года, вошел в историю отечественного кинематографа в первую очередь тем, что на нем были представлены такие картины, как: «В бой идут одни «старики» Леонида Быкова и «Калина красная» Василия Шукшина. Конкурс есть конкурс – фильмы конкурировали, но режиссеры, снявшие их, нет. Слишком хорошо понимали они друг друга, много было общего и в их судьбе – оба талантливы, оба принадлежали к одному поколению – мальчишкам военной поры, у обоих непросто складывалась их творческая судьба…

Возглавлял жюри фестиваля режиссер Станислав Ростоцкий. В жюри входили такие мастера отечественного кино, как драматург Евгений Габрилович, режиссер Николай Мащенко, актриса Зинаида Кириенко… Именно она попросила после просмотра кинофильма «Белый пароход»: «Поставьте теперь что-нибудь веселенькое… Что нам привез Быков?» Когда закончился «В бой идут одни «старики», актриса, с красными от слез глазами подошла к Леониду Быкову высказать свое восхищение. Хотела что-то сказать, но не смогла. Лишь обняла его и шепнула: «Спасибо, Леня!..»

Сегодня Зинаида Кириенко так вспоминает те события: «Я, к сожалению, лично не была с ним знакома, но обожаю Леню Быкова как актера, как режиссера. И считаю его «В бой идут одни «старики» одной из лучших картин о войне, о Родине, о патриотизме, как это ни звучит сегодня вычурно и банально.

Особенно я люблю Леню в «Стариках». И всегда с умилением смотрю эту картину. Он там очень достоверный и обаятельный, просто переполнен добром – к жизни, к людям. Это все легко читается в нем, поэтому его так и любили зрители. Первый просмотр фильма был действительно потрясением, которое я не забуду. В Баку тогда очень серьезно стоял вопрос – «Калина красная» или «В бой идут одни «старики». Выбрать было нелегко. Время показало, что оба фильма достойны. По мне – я бы отдала приз «Старикам». И тогда голосовала за него. Прекрасный фильм. К нему можно относиться по-разному, только не мерить примитивными понятиями – черное или белое.

Леня сделал огромное дело в воспитании патриотизма у молодежи. Фильм пропитан огромной любовью к людям, которые воевали. К молодым, не верящим в смерть, готовым жизнь отдать за Родину, а ведь у них впереди была целая жизнь. Быков умело подводит зрителя к раскрытию своей темы с такой лирикой и

глубиной, с такой достоверностью и музыкальностью… И идет все это от сердца. У меня к Быкову самое нежное чувство, замешанное на грусти, что ему так трудно все давалось, что он так мало успел».

И все же главный приз фестиваля получила «Калина красная», хотя и с оговоркой: «За самобытный, яркий талант писателя, режиссера и актера Василия Шукшина». Евгений Габрилович, тоже заседавший в тот год в жюри, научил, как отстоять фильм опального Шукшина в тайной борьбе, но сам решил остаться при этом в стороне. Со словами «Я не солдат…» он отказался от открытого выступления. Лидия Федосеева-Шукшина вспоминала: «Баку мне запомнился рассказами об интригах в жюри. Председатель Станислав Ростоцкий категорически не хотел давать «Калине красной» главный приз. Фестиваль всесоюзный, и потому в жюри были представители от каждой республики. Они и рассказали нам, как пообещали выйти из состава жюри, если не победит фильм Шукшина. Вот и испугались скандала».

Сразу же после выхода «Калины красной» на экраны она стала лидером проката. Фильм потряс зрителей заявленной в нем темой, ведь ничего подобного в отечественном кинематографе еще не было. Сергей Бондарчук рассказывал: «Помню один из первых просмотров фильма. Это было в Госплане СССР. Так случилось, что до последней минуты мы не знали, будем показывать фильм или нет. Все были очень напряжены, особенно Шукшин. Просмотр все-таки состоялся. Когда фильм окончился, зрители аплодировали и на глазах у многих были слезы, Шукшин все повторял мне: «Ты видишь, им понравилось!» Он ликовал».

Стоит ли удивляться, что столь противоречивая, новаторская картина вызвала сильнейшую волну неприятия со стороны чиновников кино. Хотя она и была представлена в конкурс Бакинского фестиваля, была предпринята отчаянная попытка отодвинуть ее в сторону. Всем было бы спокойнее, если бы победила картина Леонида Быкова. Украинской делегации намекнули на то, что Быков может получить главный приз. Узнав, что его работа будет соревноваться с «Калиной красной», Быков наотрез отказался участвовать в закулисных интригах, считая своим долгом поддержать Шукшина в столь трудный момент. «В списке, где будет Василий Шукшин на первом месте, я почту за честь быть хоть сотым. Ведь моя картина – это рядовой фильм о войне, а его – это настоящий прорыв в запретную зону, прорыв в сферу, о чем раньше и думать-то не позволялось. Так и передайте мои слова руководителям фестиваля», – заявил он. И «Калина красная» получили Гран-при Всесоюзного кинофестиваля, а

Леонид Быков удостоился Первых премий – за лучшую актерскую работу и лучший художественный фильм.

Через несколько дней в ЦК Компартии Азербайджана чествовали победителей. В большом зале мелькали знакомые лица – актеров, режиссеров из всех республик огромной страны. Украинскую делегацию поздравляли с первой премией, завоеванной фильмом Леонида Быкова. С поздравлениями к режиссеру подходили ведущие мастера советского кино: Донатас Банионис, Павел Кадочников, Евгений Матвеев… От присутствующих не укрылось, что Леонид Федорович все время искал кого-то глазами. Заметно волнуясь, признался: «Хочу поздравить Шукшина, познакомиться с ним». Друзья решили взять инициативу в свои руки и представить их друг другу.

Василий Макарович нашелся в другом конце зала. Он встретил Быкова широкой улыбкой и крепким рукопожатием. Они обнялись, как старые знакомые, как близкие друзья. И до конца вечера не отходили друг от друга, не в силах наговориться. Возбужденно о чем-то жестикулировали и заразительно смеялись… После вечера, когда все сели в автобус, чтобы вернуться в гостиницу, Быков восхищенно сказал: «Какой удивительный мужик этот Шукшин. Человечище!..» Это была их первая и последняя встреча. 2 октября 1974 года Василия Макаровича не стало…

После фантастического успеха фильма не замечать Леонида Быкова стало невозможно. Ему присвоили звание народного артиста Украинской ССР, наградили орденом Октябрьской Революции.

Награды фильма

– Серебряная медаль им. А. Довженко «За произведения на героико-патриотическую тему» (1974, режиссер и актер Л.Быков);

– Первая премия «за лучшую мужскую роль» (Л. Быков) Всесоюзного кинофестиваля в Баку (1974);

– Первая премия «за лучший художественный фильм» Всесоюзного кинофестиваля в Баку (1974);

– Специальный приз жюри МКФ в Карловых Варах-74. «Хрустальная ваза» – специальный приз и Премия Центрального Комитета Союза чехословацко-советской дружбы на XIX МКФ в Карловых Варах (ЧССР, 1974);

– Главная премия МКФ «Фильмы за свободу» в Сопотце (Югославия, 1974);

– Статуэтка «Свобода» – Главная премия III МКФ фильмов о свободе и революции в Сопоте (Польша, 1974);

– Большой приз Международного кинофестиваля в Касмаи (Югославия, 1974);

– Первая премия на кинофестивале в Загребе (Югославия, 1974);

– Приз на Международном кинофестивале Карловы Вары (Чехословакия, 1974);

– Нагрудный значок «Отличник культурного шефства над Вооруженными Силами СССР».

«И снова в бой идут одни «старики»?

Прошли годы…. Несмотря на это, участники легендарной картины продолжают называть себя «второй поющей эскадрильей» и мечтают о продолжении «Стариков» под названием «И снова в бой идут одни «старики». Это была бы история о том, как сложилась жизнь каждого из них, и о том, как бы она могла сложиться. Фильм Быкова до сих пор очень дорог актерам, не отпускает от себя, хотя уже давно живет собственной жизнью. Вилорий Пащенко по этому поводу говорит: «Уже давно написан сценарий, новые песни, но все не было денег. Нас часто спрашивают: «А зачем снимать, ведь Леонида Федоровича уже нет?» Мы отвечаем: «Вот поэтому и надо снимать тех, кто еще остался. Сколько можно молодежь воспитывать на голливудских фильмах, где нет ни морали, ни этики, ни смысла… Мы так соскучились по смыслу в фильме».

Как-то, собравшись вместе, актеры вспоминали, как Леонид Быков им говорил: «Мало иметь совесть – надо, чтобы она еще и мучила». На каждого, кто сталкивался с Быковым в жизни, он оказывал огромное влияние, иногда даже в корне меняя мировоззрение и само отношение к жизни. Однажды на съемках молодежь повздорила, да так, что дело чуть не дошло до потасовки. Режиссер был вынужден вмешаться. Его слова: «Научитесь делать добро из зла, потому что больше не из чего» запомнились на всю жизнь. Леонид Федорович называл своих желторотиков «пацанами». Он очень любил это слово. А они не обижались на Маэстро, поскольку и правда в ту пору были таковыми.

ВСЕ КАК ПРЕЖДЕ, МАЭСТРО!
Посвящается Л. Ф. Быкову
Человек жив, пока о нем помнят!
Ты летаешь над нами,
Все, как прежде, кружишь,
Но… уже не садишься,
Но… уже не спешишь.

Не спешишь во «вторую»,
Чтоб «Смуглянку» нам спеть.
И… не встретит Макарыч —
Тоже… вырвала смерть.

Есть ли смерть, наш Маэстро?

Может, просто устал?
Что ж не спел ты с оркестром,
Как в том фильме мечтал?

Что оркестр? Твои роли!!!
Все слова наизусть!
Не пожать твою руку —
Ну и что ж, ну и пусть.

Ты в сердцах наших бьешься!
В наших душах поешь!
Все, как прежде, смеешься!
Все, как прежде, живешь!!!

Николай Колесник

К 80-летию любимейшего актера. 12.12.2008.

(стихи положены на музыку киевским композитором Анатолием Куликом).

«Старики» в цвете

Изменился строй, эпоха, вкусы публики, на смену старшему поколению пришло новое поколение Hi-Fi… А старые фильмы живут и в новом тысячелетии. Некоторые из них, нарушая законы жизни, с годами лишь молодеют благодаря современным технологиям – обретают новый звук, новое изображение, цвет, которого так не хватало черно-белым картинам изначально! Вот оно – чудо XXI века – спустя 36 лет знаменитая картина «В бой идут одни «старики» обрела вторую жизнь благодаря новейшим компьютерным технологиям.

Авторам колоризации хотелось восстановить историческую справедливость, поскольку по задумке режиссера фильм планировался именно цветным, но на студии Довженко Быкову выдали лишь черно-белую пленку. Причем, при ее дефиците режиссеру приходилось еще и ограничивать себя одним-двумя дублями. Кроме этого, урезанный бюджет не позволил режиссеру снять и так нужные военному фильму масштабные батальные сцены с техникой. Пришлось выходить из положения с помощью хроники времен Второй мировой войны. Кстати, следующая картина Леонида Быкова «Аты-баты, шли солдаты…» сделана уже в цвете, без хроники, поскольку ей был выделен надлежащий бюджет на танковые атаки и массовые батальные сцены.

Многие зрители признаются, что при просмотре фильма «В бой идут одни «старики» они словно не замечали, что он черно-белый. Специалисты объясняет это тем, что цвет сначала рождает свет, который и несет в себе цветовую составляющую. Монохромность – выхолощенный цвет, который наш глаз зафиксировать не в состоянии. Если у человека богатое воображение, он не замечает черно-белости, додумывая себе цвет. «Выключить» его легко, а вот «вернуть» – процесс трудоемкий и дорогой.

Чтобы произвести «раскрашивание» «Стариков», компания Игоря Лопатенка выиграла конкурс Министерства культуры Украины на восстановление и колоризацию картины. Сначала в Госфильмофонде России в подмосковном поселке Белые Столбы сделали контратипную негативную копию картины, заново переписали звуковую дорожку. Далее в Голливуде произвели сканирование. Таким образом, лента подверглась полному восстановлению и была переведена в суперсовременный формат без добавления новых звуковых эффектов.

К колоризации фильма подошли максимально деликатно. Сначала «Стариков» перевели в цифровой формат, а уж потом при

помощи компьютерных программ очень деликатно и тактично «раскрасили». Готовясь к работе, мастера по восстановлению подняли материалы, хранящиеся в Музее Студии им. Довженко, опросили людей, работавших с Быковым, получили консультации по военно-исторической тематике, военному костюму, самолетам. Все цвета в фильме родные. Для пущей достоверности проверялись цвета волос и глаз исполнителей. Голоса актеров тоже остались неизменными – авторы проекта использовали только тот материал, с которым работал Быков. Цифровое восстановление картины в исходнике серьезно повысило качество изображения и звука, который был тоже отреставрирован.

Вышел фильм и на широкий экран в ограниченном прокате по России и Украине. Зрители не только увидели его в современном формате, но и услышали, поскольку вся звуковая составляющая картины вместе со знаменитой «Смуглянкой» были переведены в формат dolby surround.

При этом главный акцент авторов колоризованной версии делался на достоверность цветопередачи – на создание цвета, соответствующего возрастным характеристикам пленки. В Индии трудоемкую процедуру полуавтоматического «раскрашивания» осуществляли 150 человек. После чего лента снова улетела в Америку, где были сделаны окончательные правки. Надо сказать, что в самом Голливуде колоризировано почти все черно-белое кино. В России все только начинается…

В «Стариках» самым сложным оказалось разобраться в многообразии зеленого цвета. В некоторых кадрах до 27 его оттенков – здесь и зелень деревьев, и трава, и военная форма… В этом трудоемком процессе была важна каждая деталь. Когда выяснилось, что неверно определены цвета погон летчиков и то, что просветы на погонах полевой формы должны быть не голубые, а красные, пришлось переделать 60% уже выполненной работы.

Военная хроника 40-х годов, использованная в фильме тоже подверглась реставрации, была очищена от царапин и стала цветной. В работах по колоризации картины приходилось учитывать множество деталей. Так, художники в процессе работы над фильмом узнали, что ордена Славы 1941 и 1943 годов, оказывается, имели разные оттенки. Кроме всего прочего, потребовалось сделать 144 ручных эскиза пуговиц, погон, орденов и медалей.

Не стоит забывать, что в фильме 1943 год отображен через призму 1973-го. Быков, снимая его в черно-белом варианте, порой не слишком строго придерживался стиля военных лет, частенько используя полевую, а не военную форму. Когда компьютерная программа определила, что в черно-белом фильме окантовка

звездочек на самолетах, которые рисовали техники за сбитые летчиками самолеты, оказалась желтой, хотя по логике вещей должна была быть красного цвета, решено было оставить реальный цвет, изначально утвержденный режиссером. Из-за чего авторам, бережно работавшим с исходным материалом, пришлось выслушать немало нареканий в несоблюдении исторической точности.

Полгода работы, полумиллионный бюджет колоризации и знаменитая картина, снятая на черно-белую пленку, «заиграла» красками. Режиссер и генеральный продюсер проекта Игорь Лопатенок считает, что цветная версия «Стариков» получилась более мягкой, но не менее драматичной, а цвет открыл фильм для нового поколения, которое не привыкло смотреть черно-белое кино.

И все же, цветная версия легендарной картины Леонида Быкова, как и знаменитый телефильм «Семнадцать мгновений весны» в цвете, вызвал множество споров. В интернете было развернуто горячее обсуждение. Не всем зрителям понравилось такое нововведение. Особенно старшему поколению, которому трудно принять такое прочтение классики. Несмотря на филигранную работу мастеров, произведших полное пересканирование и ремастеринг звука, многие зрители остались верны черно-белому оригиналу.

Несмотря на это, окрыленные первым успехом, авторы проекта в ближайшие два года ожидают бум колоризации российских фильмов. В данный момент, кроме перечисленных лент, цвет приобрели: «Золушка», «Волга-Волга», «Веселые ребята», «Подкидыш», «Офицеры»… Работы в этом направлении продолжаются. Говорят, в скором времени мы увидим в цвете и 3d формате – «Чапаева», «Валерия Чкалова»… Ведутся переговоры с Эльдаром Рязановым и Георгием Данелия по колоризации «Берегись автомобиля» и «Я шагаю по Москве».

Цитаты из фильма

– Арфы нет – возьмите бубен! *(Титаренко)*

– …Ну, а ты что скажешь о драке, Ромео?

– Бой видел, все видел: кресты, кресты, кресты, кресты, кресты…

– Ну а сам-то стрелял?

– А как же! Все до последнего патрона. Да вот только все мимо… *(Вторая эскадрилья)*

– Все, кто отличает ноту «до» от ноты «фа» – за мной! *(Титаренко)*

– Я мог бы, конечно, и больше, но вы, товарищ командир, своим нижним бельем распугали всех немцев. *(Кузнечик)*

– «Макарыч, принимай аппарат! Во! Махнул не глядя!

– Во, можешь за хвост подержаться! Дракон уже не кусается… *(Титаренко)*

– А я для нашей «девятки» штуцера-а выбил…

– А «девятка» тю-тю…» *(Титаренко – Макарыч)*

– И парашют… тю-тю… *(Макарыч)*

– …И в тот же миг влюбленное созданье, включив форсаж, умчалось на свиданье. *(Кузнечик)*

– …Как сказал Шекспир в восемнадцатом… нет, в девятнадцатом сонете: «Гуляй, Вася!» *(Зоя)*

– …Тебя я понял, умолкаю! Не то по шее получу, и подвиг свой не совершу! *(Кузнечик)*

– Ну, могем! – Не могЁм, а мОгем! *(Капитан пехоты – Титаренко)*

– «Макарыч, в ставке Гитлера ходят упорные слухи, что некоторых «советских соколов» некоторые несознательные механики перед боевым вылетом крестят…

– В ставке Гитлера все малахольные». *(Титаренко – Макарыч)*

– «Я сбил. Я сбил, товарищ командир!

– Ай-ай-ай… что ты натворил! Придется родителей к

директору вызывать…
– Честное слово, сбил!
– С испугу, наверное». *(Вторая эскадрилья)*

– Пилотом можешь ты не быть, летать научим все равно, но музыкантом быть обязан. *(Титаренко)*

– А я, между прочим, не в филармонию пришел наниматься, а драться. *(Кузнечик)*

– В жизни бывают минуты, когда человеку никто, никто не может помочь!.. Рождается сам и умирает сам… *(Титаренко)*

– Ромео из Ташкента загрустил. Джульетта в «кукурузнике» умчалась. *(Кузнечик)*

– Летать не умеют. Стрелять тоже… пока не умеют… Но, орлы! *(Титаренко)*

– Детский сад, а не пополнение. *(Савчук)*

– Это не вокал, это эскиз к вокалу. *(Титаренко)*

– Во!.. Только дорогу старшим надо уступать…
– В трамвае – пожалуйста, но не в бою!
– Споемся…» *(Макарыч – Ромео)*

– …Спокойно. Не надо оваций. *(Кузнечик)*
– «Между прочим… Где мои сто грамм за сбитый?
– Какой сто грамм, дорогой, тебе бочка чачи!…
– Я – непьющий, но – дело принципа!» *(Кузнечик – Вано)*

– Ну как у тебя там? Как у тебя там, Маэстро?
– Нормально… Падаю…» *(Комдив – Титаренко)*

– Не махни на танк, «не глядя»… *(Комдив)*

– Самое тяжелое в нашей работе – ждать… *(Макарыч)*

– Нет, это ты хорошо придумал, гм… Самое главное – вовремя… *(Титаренко)*

– Человечество должно же когда-нибудь понять, что ненависть разрушает. Созидает только любовь! *(Кузнечик)*

– Ребята, будем жить! *(Скворцов)*

БУДЕМ ЖИТЬ!
До последнего взлета
Ты держался в бою,
До последнего вздоха
Пел «Смуглянку» свою,

Но однажды в кабине,
Приняв бой за двоих,
В полумертвой машине
Дотянул до своих.

Ты был первым и лучшим
Среди нас, «стариков»,
Вот и нам выпал случай
Без тебя принять бой.

Дай нам Бог продержаться,
До тебя дорасти.
Дай нам Бог не сломаться
На нелегком пути.

Вот закончилась пленка
И притих кинозал,
По щеке у мальчонки
Покатилась слеза…

Это значит – недаром
Наш «Маэстро» сгорел,
Сохранил нам «Смуглянку»,
А себя – не сумел.

На войне все смешалось:
Песни, смерть и любовь.
Тем, кто выжил, осталось
Вспоминать вновь и вновь,
1
Как под звуки оркестра
Мы умели дружить,
Как веселый «Маэстро»
Говорил: «Будем жить!»

Будем жить мы, ребята,
Что б нам кто ни вещал,
Мы – поющие братья, —
Так он нам завещал!

2-я поющая эскадрилья

«Аты-баты, шли солдаты…»

На Земле безжалостно маленькой
жил да был человек маленький.
У него была служба маленькая.
И маленький очень портфель.
Получал он зарплату маленькую…
И однажды – прекрасным утром —
постучалась к нему в окошко
небольшая, казалось, война…
Автомат ему выдали маленький.
Сапоги ему выдали маленькие.
Каску выдали маленькую
и маленькую – по размерам – шинель.
…А когда он упал – некрасиво, неправильно,
в атакующем крике вывернув рот,
то на всей земле не хватило мрамора,
чтобы вырубить парня в полный рост!

Роберт Рождественский, «Баллада о маленьком человеке»

Говорят, Леонид Федорович очень любил это стихотворение Роберта Рождественского, и встречи со зрителями часто завершал именно им. Он и себя считал таким же маленьким человеком,

солдатом.

Обращаясь в своем творчестве к лучшему в человеке, Леонид Быков говорил с экрана о самом сокровенном. О том, что нужно стараться беречь в себе, как самое дорогое – ощущение внутренней свободы и доброе отношение к людям, не черстветь душой. Не терять человеческого достоинства и порядочности ни при каких обстоятельствах. Делал он это с присущей ему мягкой улыбкой, с изящным и легким юмором.

Несмотря ни на что, Быкову удалось сохранить в себе особое мальчишеское озорство. Он продолжал верить, что можно победить и болезнь, и кривотолки, и косное руководство… Если было нужно, отчаянно бросался в бой. Даже осознавая, что такие, как он, как его экранные герои, гибнут в первую очередь: на фронте, в творчестве, в труде. И доказал это своей жизнью.

Леонид Федорович никогда в работе не обращался к высоким словам. Он собственным примером вел за собой молодых актеров, снимавшихся у него. Его удивительная способность органически существовать в образе, беспощадная самоотдача, теркинское лукавство и самозабвенная преданность делу вызывали в них восхищение и желание следовать за наставником. Сам Быков был весьма скромного мнения о своих творческих способностях. И словно оправдываясь, признавался, что «недостаток профессионализма» ему приходится «компенсировать сердцем». И говорило в нем не кокетство, а высочайшая требовательность к себе художника.

Сценарий нашел его сам

Тема Великой Отечественной войны свята для каждого из нас. И сколько бы ни минуло лет, она генетическими отголосками останется в будущих поколениях. Для Быкова обращение к этой теме было еще и данью юности, когда он мечтал о профессии военного летчика, данью памяти его юным друзьям, отдавшим жизнь за Родину, за мирное будущее. Герои, которых он играл, как и персонажи его фильмов «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…» были для него столь же реальны, как и те двадцать миллионов, не вернувшиеся с войны. Создав на экране собирательный образ русского солдата, защитника Отечества, Леонид Быков остался верен себе, берясь снимать героическую драму «Аты-баты, шли солдаты…». Несмотря на трагический исход, она пронизана светлым оптимизмом, так свойственным всему его творчеству, а значит, Борис Васильев и Кирилл Раппопорт не ошиблись, предлагая сотрудничество Леониду Быкову. Драматургам пришлась по душе талантливая режиссура кинофильма «В бой идут одни «старики», своеобразный быковский кинематографический почерк и его чисто человеческие качества. Зная, какое место занимает военная тема в творчестве Быкова и о его чрезвычайной требовательности в выборе литературного материала для очередной постановки, Борис Васильев и Кирилл Раппопорт обратились к Леониду Быкову в надежде, что режиссеру понравится их новый сценарий. Они были в курсе, что он находится в поиске темы для своего нового фильма, прочитал за последние пару лет два десятка сценариев, но так и не нашел материала, который бы тронул его. Драматурги стали сами искать с Быковым встречи, предложив свою работу Киевской киностудии имени А.П. Довженко в расчете именно на него. Тем более, что изначально самая колоритная роль в сценарии ефрейтора Святкина и писалась под Быкова. Возможно, поэтому Святкин оказался столь похож на Максима Перепелицу, только более зрелого, опытного и обожженного войной. Святкин – двадцать вторая и последняя роль Леонида Быкова в кино.

Действительно, совместное творение драматургов Бориса Васильева и Кирилла Раппопорта «Аты-баты, шли солдаты…» понравилось Быкову. Особенно авторский замысел столкнуть в фильме две стихии – драматическую и комедийную. Это Быков хорошо умел и уже демонстрировал в фильме «В бой идут одни «старики». Вскоре Леонид Федорович представил авторам режиссерские правки. Вот как вспоминал об этом Кирилл

Раппопорт: «Мы не так уж часто встречались с ним во время работы над режиссерским сценарием, но, когда прочитали разработку Быкова, то, возможно, впервые за долгую кинематографическую жизнь с удовольствием поставили свои подписи на последней странице. Все сделанные режиссером сокращения, все дополнения и изменения, внесенные им в литературный сценарий, а главное – изобразительное решение эпизодов и трактовка произведения в целом – все говорило о высочайшем профессиональном уровне, а также, что немаловажно, об уважении, которое питал Леонид Быков к творческому труду других людей. Леонид Быков со снайперской точностью выбрал актеров для исполнения как главных, так и второстепенных ролей. Ансамбль был безукоризненным: В. Конкин, Е. Уралова, Л. Бакштаев, Е. Шанина, Н. Наум, М. Езепов. И только исполнителя центральной роли Святкина Быков нашел не сразу. Посмотрев актерские пробы, я нисколько не сомневался, что Святкина должен играть не кто иной, как сам Леонид Быков. Все были за это. Против был только один человек – режиссер фильма».

Быков считал, что по возрасту уже обогнал своего героя, во всяком случае, такого, каким он задуман в сценарии. Авторам пришлось приложить немало усилий, чтобы его переубедить, они сознавали, что зрители вряд ли простят Быкову-режиссеру отсутствие в фильме их любимца Быкова-актера. И были правы. Его участие в проекте, как всегда, в немалой степени обеспечило его успех. Фильм «Аты-баты, шли солдаты…» еще раз подтвердил характер быковского дарования – яркого, самобытного. Эмоциональная щедрость Быкова-режиссера вновь подкрепилась точностью психологического рисунка Быкова-актера. Его Святкин – глубокий, емкий образ. Он выделяется среди других персонажей фильма сложностью, многогранностью, необычностью своего характера. В нем легко проглядываются и теркинские черты, хотя ефрейтор злее и ожесточеннее на войну. Бывалый боец оказывает своего рода «покровительство» необстрелянному юному лейтенанту, постепенно делая из него настоящего фронтового командира.

Становление характера

«Становление характера, быстрое мужание воина» – таков был, по заявлению самого режиссера, предмет его интереса в фильме «Аты-баты, шли солдаты…». Показать формирование характера человека на войне – задача для искусства, как известно, наитруднейшая. В «Стариках» пунктирно обозначился лишь первый след авторских намерений. В «Аты-баты…» режиссер достиг более значительного результата. И хотя к написанию сценария в этот раз Леонид Быков был не причастен, новый сюжет как бы продолжал предыдущий. Мотивы первой картины разрабатываются во второй на более глубоких пластах материала, сюжетная конструкция первой откликнулась во второй. Действие здесь тоже происходит в 1944 году, герои картины опять-таки истребители, только не летчики, а истребители танков – взвод, куда направляется, окончив училище, в звании младшего лейтенанта, «желторотик» Суслин. Однако, в отличие от первой истории, в которой «желторотики» почтительно учились у «стариков», здесь дело обстоит иначе. Суслин назначен командиром взвода, и с первого дня берется рьяно обучать и воспитывать тех, кто старше его не только по возрасту, но и по боевому опыту, по опыту душевному и житейскому.

Три момента сильно повлияли на Суслина, сделав его другим человеком, иначе говоря, определили то, что так интересовало режиссера – «становление характера, быстрое мужание воина»: труднейшая «притирка» к солдатам, короткая встреча с любимой девушкой и, наконец, первый и последний в его жизни бой, в котором он успел многое для себя понять. Поначалу младший лейтенант Суслин совершает одну оплошность за другой, не в силах скрыть мальчишеского наслаждения от самой возможности командовать подчиненными ему людьми. Впрочем, сверкая новеньким обмундированием перед далеко не молодцеватым строем своих бойцов, он испытывает немалое огорчение – среди «стариков» встречаются действительно немолодые люди, и вид у них совсем не бравый. Суслин отклоняет попытку ефрейтора Святкина познакомить его с каждым из бойцов поближе. Святкина – остряка, всеобщего любимца и признанного авторитета, за язвительные замечания он наказывает тремя нарядами вне очереди. Вскоре Суслин допускает новую оплошность: пытается отнять два кочана, которые его солдаты во время разгрузки капусты потихоньку подарили девочке-сироте.

Очень показателен эпизод первого учебного боя, когда младший лейтенант, переполненный рвением, выкрикивает

звонким, школьным голосом нелепые команды, которые по ходу дела пытается незаметно исправить пожилой старший сержант Горбузенко. Стоя в теплом полушубке около лежащего на снегу и замерзающего бойца Мятникова, почитаемого товарищами за образованность и интеллигентность, он наставительно говорит: «Вас убило». Мятников удовлетворенно делает вывод, что в таком случае ему можно встать, но Суслин неумолим: «Так убило же вас». И тогда Мятников, вынужденный подчиниться несуразному, восклицает: «Кошмар!» И тут, будто в наказание Суслину, появляется ефрейтор Святкин и просит у младшего лейтенанта огня, чтобы раскурить уже заготовленную самокрутку.

Святкин из бывших беспризорников, его трудный характер хорошо известен командирам, но отчаянный храбрец в последнем бою подбил три танка, награжден орденом, и с ним считаются. Леонид Быков играет Святкина истово, наполненно, открывая в герое всю его биографию. Плотная фигура, голова слегка выдвинутая вперед, будто готовая боднуть, близко посаженные, внимательные глаза, бережно, не без форса зачесанные кудряшки, скуластое, чуть тронутое морщинами лицо – весь его облик выражает привычку к самозащите, ум и иронию. При всем том, Святкин не лишен позерства. Леонид Быков дает понять, что и это – от стремления утверждать себя в течение многих лет трудной жизни.

При виде Святкина плакатно-розовое лицо Суслина делается пунцовым. Тыча рукою в сторону, где Святкин в учебном бою должен был с другими бойцами «отражать» атаку «противника», Суслин кричит тонко и пронзительно: «Там танки! Там товарищи ваши гибнут!» На что Святкин, не моргнув глазом и сладко затянувшись махорочным дымом, неспешно цедит: «Так те танки я отбил». «Как отбил?» – не успевает найтись Суслин. И тогда Святкин, передразнивая заученно-патетический тон Суслина и глядя ему прямо в лицо, режет: «От-важ-но!»

Конфликт неизбежен

Эти люди – полная противоположность друг другу, их конфликт неизбежен. «Дуэт» лейтенанта Суслина и ефрейтора Святкина интересен и важен в фильме. Эти герои показаны крупнее и подробнее, чем остальные. Весь энтузиазм Игоря Суслина в мальчишеском порыве сводится к одному – быть взрослым и самостоятельным. Он безупречно честен, когда признается, волнуясь и стыдясь своей молодости, что, не колеблясь, поменялся бы местами с любым из своих солдат. Ему действительно слишком мало времени отпущено на сложную науку управления людьми на войне. Единственная сила, которой он владеет, – искренний порыв, вера в правильность своей судьбы. Жизнь фронтового взвода он не представляет иначе как по нормам комсомольского братства довоенного образца, и поэтому в решительные минуты обращается к своим бойцам не по уставу, но от самого сердца: «Ребята!»

Суслин долго не может найти общий язык с «неисправимым бузотером» Святкиным, уже нахлебавшимся войны. У быковского Святкина, прозванного Сватом, есть, казалось бы, несочетаемые черты: лихость, озорство, прорастающее из корня все еще не растраченного им мальчишества. Но есть и ранняя мудрость, дарованная ему тяжким опытом войны, печаль, скрытая под бравадой и каким-то упрямым и не очень-то веселым озорством. Сват вообще считает, что по сравнению с боем все на этом свете – «аты-баты», и с презрением отвергает надоедливую въедливость комвзвода, в отместку окрестив его Сусликом.

Трудно представить, как в какой-то другой ситуации мог бы проявиться конфликт этих столь разных людей. В фильме он разворачивается в условиях войны, а потом и последнего боя. И не авторы, а сама война преодолевает его, заставляя нас понять, что и мальчишеская придирчивость лейтенанта, и отчаянное озорство ефрейтора одного происхождения. И в том, и в другом случае черты сформированы войной. В смертном бою Суслин открывает в Святкине столь высоко ценимое им чувство товарищества, а ефрейтор признает, в конце концов, что Суслик – настоящий парень, совсем не «дешевка», а если и суетится зря, бегает «на полусогнутых», то по неопытности и наивности, а не из желания выслужиться.

Владимир Конкин так вспоминал работу с Леонидом Быковым: «Самое дорогое и ценное для артиста – любовь к нему режиссера. Она может открыться сразу, иногда на это уходят годы. Так случилось и у нас с Быковым. В конце 1975 года, это

опять был декабрь, он предложил мне прочитать новый сценарий – «Аты-баты, шли солдаты…», сказав: «Любая роль, что тебе понравится, – твоя. И чтобы ты даже не сомневался! Если будет что-то греть, позвони мне домой». Мы с супругой, Аллонькой моей, прочитали. Через час с небольшим, ночью, звоню Быкову: «Леонид Федорович, дорогой вы мой Человечино, у меня к вам просьба: только Суслин, только этот «неоперившийся» мальчик, после десятилетки пошедший на фронт».

Уж очень мне приглянулся Игорь Суслин – необстрелянный, неопытный командир, пытающийся честно делать то, чему его учили в училище. Но жизнь, война, а главное – люди, которыми ему приходится командовать, ломают все инструкции, опрокидывают привычные понятия. И Суслин это понял. Понял перед тем, как без лишней патетики отдать свою жизнь за Отечество, погибнуть вместе со своим взводом в первом же бою с фашистскими танками.

Мне очень понравился сценарий – он давал перспективу показать что-то с юмором, тем более у режиссера, понимавшего толк в комедии. И некоторые смешные вещи, какие-то нюансы мы импровизировали прямо на съемочной площадке. Понимали друг друга с полуслова».

А вот что об образе Суслина и его исполнителе писала киноисторик Лилия Маматова: «На роль Суслина был приглашен актер В. Конкин после исполнения Павла Корчагина в многосерийном телефильме Н. Мащенко «Как закалялась сталь». Режиссер Л. Быков не мог не понимать, что В. Конкин теперь «узнаваем», что у зрителя свежа память о недавней роли актера. Это обстоятельство, по-видимому, режиссер сознательно брал в расчет. И не ошибся. Эмоциональный «шлейф» прежнего, высокого и чистого образа вызвал двойной эффект. Зритель поначалу разочаровывался в Суслине, который характером на Павку был огорчительно не похож. Вместе с тем зритель хранил надежду на то, что Суслин непременно должен оказаться человеком правильным, ибо лицом похож на Павку, словно брат родной. Л. Быкову было как раз необходимо и то и другое.

Конкин играет человека, чье усердие сильно отличается от железного упорства Павки Корчагина, потому что оно не освещено ни духовностью, ни душевностью. Актер наделяет Суслина повадками вчерашнего школьника-отличника. Он, наверное, любил читать знаменитый «отрывок из романа», где говорится о жизни, которую нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Читал и как бы присваивал эти слова, делал их своими собственными, чем-то особо отличающими его от других».

Устраивая взводу по три броска в день при тридцатиградусных морозах, нацеливаясь еще и на ночные броски, Суслин заглядывает в лицо командиру роты, ожидая похвалы. Однако тот, опасаясь, что очень уж ретивый младший лейтенант вымотает и поморозит людей еще до передовой, жалуется на него командиру батальона. Надо сказать, что режиссер считал стержнем картины именно образ младшего лейтенанта Суслина, а не Свата. «Таких, как он, на фронте было большинство, и во многом благодаря их крепости духа, их стойкости и мужеству была добыта Победа, – говорил он. – Володя Конкин точно и осмысленно передал философию, сверхзадачу образа…» Сам Конкин вспоминал: «После выхода на телеэкраны страны в начале 70-х фильма «Как закалялась сталь» на меня обрушилась такая слава! Меня раздражало давление роли. Фильм был снят, но за Павкой не видели меня самого. Но я-то Владимир Конкин! Преодолеть давление роли мне помог Леонид Федорович Быков. Он пригласил меня на роль младшего лейтенанта Суслина в «Аты-баты…». Это спасло мою творческую судьбу. И, скажу честно, – мне за этот фильм сегодня не стыдно».

Владимир Конкин нравился Леониду Быкову – искренностью, жаждой жизни, молодой пытливостью, еще не угаданным другими режиссерами актерским комедийным потенциалом. Пусть не удалось им поработать в «Стариках», но появилась возможность сотрудничества в новом фильме, тем более, для молодого актера нашлась интересная роль. Мы уже говорили о том, как Леонид Федорович подбирал актеров в свои фильмы. Кроме актерских возможностей исполнителя он немаловажным считал и его человеческие качества. Композитор фильма Георгий Дмитриев по этому поводу вспоминал: «Ни один удачный шаг товарища по съемочной группе не оставался не замеченным Леонидом Федоровичем. Точный кадр, тонкий звуковой переход или психологически верный интонационный нюанс, выразительный момент в игре актера – все находило в нем благодарного ценителя, отмечалось им.

На упоминавшейся уже премьере в московском Доме кино Леониду Федоровичу был задан, в частности, вопрос: по какому принципу производит он подбор творческой группы, как находит будущих своих сотрудников. Помнится, Леонид Федорович подчеркнул тогда решающее значение чувства глубокого доверия к тому или иному кандидату, ощущения его человеческой состоятельности. Здесь показательно, что Леонид Федорович не мыслил профессиональных качеств творческого работника в отрыве от его человеческой сущности. Как перекликается это с пушкинским «гений и злодейство – две вещи несовместные»! И не

подтверждает ли с наибольшей наглядностью мудрости и верности подобного подхода пример самого Леонида Федоровича, покорявшего не виртуозностью профессиональной техники (он, разумеется, ею владел), а светом привлекательнейшей человеческой личности, озарявшим все, к чему он, как художник, прикасался, и что заставляло зрителей забывать о какой бы то ни было творческой «кухне».

Действие картины «Аты-баты, шли солдаты…» развивается в двух временных пластах – в прошлом и в настоящем. Герои отделены друг от друга дистанцией в тридцать с лишним лет. Взрослые дети, по возрасту старше своих отцов и братьев, до этого незнакомые друг с другом, съезжаются на станцию Подбедня, где неподалеку от села Ильинка в братской могиле покоятся их близкие, погибшие здесь в неравном яростном бою. Эта встреча стала мучительно необходимой, когда в руках у каждого из них оказалась нежданная почтовая открытка без подписи: «Дорогой друг! Наши отцы погибли в одном бою. Если хочешь почтить их память, приезжай 18 марта, в годовщину боя, на станцию Подбедня». Позже они узнали, что написала ее Анна (Е. Уралова), дочь погибшего там же младшего лейтенанта Суслина.

«Никто не забыт и ничто не забыто!»

Да, поистине безграничны возможности человеческой памяти! Порой легче понять себя, обратившись к прошлому. Недаром в песне тех лет, которая так нравилась Быкову, пелось «все, что было не со мной, помню…». Фильм «Аты-баты, шли солдаты…» – не столько о войне, сколько о нашей ответственности перед ней. Он – святая память о погибших отцах в сознании их детей, своеобразная перекличка поколений, повествование об отцах, навсегда оставшихся молодыми, и о детях, пришедших почтить их память спустя тридцать лет на место их последнего смертного боя. Отношение детей к подвигу погибших отцов красочно иллюстрирует утверждение, ради которого и снят фильм – «никто не забыт и ничто не забыто!». Делается это ради активизации эмоциональной памяти зрителей. Переживая гибель героев, мы ощущаем нерасторжимую, кровную связь с ними.

Реакция зрителя на картину оказалась на редкость единодушной. Как и картина «В бой идут одни «старики», «Аты-баты…» затронула одну из самых чувствительных струн, одну из главных потребностей человека – в памяти, в воспоминаниях, ведь без памяти не было бы и полноценной человеческой личности…

А еще фильм о нравственной стойкости человека в дни войны и в дни мира, о нерушимом единстве солдата и командира, о котором в своей книге «Дело всей жизни» маршал Советского Союза А. М. Василевский говорил: «Чтобы выиграть сражение, одного повиновения мало. Нужно, чтобы подчиненные доверяли командирам», а командиры «находили путь к сердцу и разуму солдата».

Никакие подробности солдатского быта, поведение солдат и командира в казарме, в строю, на учениях не заслоняют того, что в боевой обстановке составляет высший смысл их жизни – уничтожение врага. Все личное в условиях войны отходит на второй план. Преодолеваются себялюбие, несговорчивость, заносчивость, а то и низость иных поступков. Судьба каждого становится неразрывна с судьбой остальных, а неистребимый солдатский оптимизм жив даже перед лицом смерти.

С высоким мастерством Леонид Быков добивается органического соединения трагедийного и комедийного, героического и лирического в сюжете фильма. То, что в картине «В бой идут одни «старики» выглядело смелым приемом, в «Аты-баты, шли солдаты…» стало творческой манерой. Режиссерские

пристрастия при этом остались прежними. Снова в центре фильма бравый весельчак и запевала Сват. Названием картины становится строка то ли из озорной солдатской песни, то ли из детской считалочки, а события тем временем разворачиваются в иной, трагедийной плоскости…

Есть в фильме эпизод, предваряющий бой. Неожиданно выпавшая на долю героев ночь без тревог. Почти мирная ночь, когда ефрейтор Святкин празднует первую годовщину своего сынишки, которого он еще никогда не видел. Желает своему наследнику счастливой доли. А в это время младший лейтенант Суслин влюбленно смотрит в глаза девушки со странным именем Кима (производным от модного в те годы мужского имени Ким – данность коммунистическому интернационалу молодежи). Расставшись с ней сразу после школы и теперь нечаянно встретив ее на фронте, в полосе боев, Игорь говорит о том, в чем не успел признаться раньше ни ей, ни себе. Кимка благодарна судьбе и за эту короткую передышку, и за чувство, неожиданно подаренное ей. «Господи, господи, пусть хоть дети наши будут счастливы», – шепчет она, обнимая Игоря.

Увидеть своих детей, узнать, сбылись ли отцовские мечты об их счастье, не дано ни Суслину, ни Святкину. Об этом знаем мы, зрители фильма. Об этом думаем, вглядываясь в лица собравшихся у братской могилы и именно здесь начинающих осознавать свою кровную близость друг с другом, свое нравственное единство. Их было всего восемнадцать – третий комсомольский взвод, остановивший колонну немецких танков. Доблесть, мужество и беззаветная преданность Родине сочетается в картине с дружбой, любовью и взаимовыручкой, без которых трудно пришлось бы солдату на войне.

Режиссер Леонид Быков представляет нам солдат из взвода лейтенанта Суслина примерно так же, как представлял в свое время летчиков эскадрильи капитана Титаренко. Каждый наделен своеобразием, ровно настолько, чтобы мы отметили его, не забыв при этом об остальных. В результате в памяти остается многофигурный портрет своеобразной фронтовой коммуны, где отношения между людьми определяются нерушимыми законами братства.

Они разные, солдаты сорок четвертого года. И «морская душа» Сайко (И. Гаврилюк), и добродушный растяпа Хабарбеков (А. Ганиев), и яростно справедливый, обожженный оккупацией Глебов (Н. Сектименко), и романтический мечтатель и философ Кодеридзе (В. Антбелидзе). Быкову вновь удалось сделать нас соавторами, заставить сопереживать каждому из его героев, домысливать их биографии и характеры. Он мог бы просто пойти

по сценарию, дававшему возможность сложной и четкой гравировки образов, но предпочел воздействовать на зрителя иначе. Леонид Быков строит фильм на пестрых и сочных деталях, сработанных фактурно. Он словно пишет крупными мазками, выбирая преимущественно глубокие, насыщенные тона…

Пресса тех лет, газета «Советская культура» писала: «Горят, горят вражеские танки. Им не пройти через овраг, не прорваться через мост, не преодолеть огневой рубеж возле утопающей в снегу безвестной деревеньки Ильинки. Здесь навязал врагу свой первый и последний бой, здесь стоит насмерть взвод младшего лейтенанта Игоря Суслина. Горят, горят вражеские танки… И один за другим гибнут солдаты из бронебойных расчетов комсомольского взвода истребителей танков. Все они – герои нового фильма Леонида Быкова «Аты-баты, шли солдаты…» – отнюдь не железные люди, но в свой звездный час ведут себя так, как могут вести себя только люди, выкованные из стали, воспитанные советским образом жизни, – истинные патриоты и интернационалисты. Встреча с ними в их последние дни, часы и минуты бесконечно волнует всех: и тех, кто воевал, и тех, кто знает о войне только из книг и фильмов. Ибо все понимают – им жить не до смерти, им жить до бессмертия…»

Фильм ведет нас к трагической кульминации неспешно. Подвиг солдат с самого начала воспринимается как свершившийся факт. Мы предчувствуем его буквально с первых же кадров – для этого есть опора и в сюжете, и в самой атмосфере фильма. Мы не знаем, как прожили солдаты свои последние дни и часы – те, что отделяли их от смерти на безымянной высоте. Поэтому ретроспекции и занимают в повествовании особое место. Константин, Анна и их ровесники, собравшиеся у могилы своих отцов, – не фон, комментирующий события далекого прошлого, а полноправные герои картины, помогающие зрителям стать участниками переклички поколений. Главный герой картины – память, ее лейтмотив, ее тема ведет нас от настоящего к прошлому…

Съемки фильма

После обсуждения на студии сценария 27 октября 1975 года началась его режиссерская разработка, и уже 16 декабря фильм был запущен в подготовительный период. В течение двух последующих месяцев подыскивалась натура, готовились эскизы декораций, шли актерские пробы. В середине января 1976 года съемочная группа выехала в Загорск, где в скором времени должны были начаться натурные съемки. Однако из-за проволочек Министерства обороны, вовремя не выделившего необходимые войска, работу пришлось сдвинуть на неделю, на конец января.

9 февраля в Госкино СССР состоялось утверждение актерских проб. Просмотр состоялся в присутствии зампреда Госкино Бориса Пашенка и главного редактора сценарно-редакционной коллегии Даля Орлова. Все актеры руководству понравились. По просьбе Комитета кинематографии СССР Министерством обороны в распоряжение киногруппы наконец-то было выделено несколько армейских взводов и боевая техника: танки, артиллерия, автомобили…

Съемки фильма начались с одного из самых тяжелых эпизодов: марш-броска взвода Суслина. Режиссер сделал это намеренно, чтобы актеры с первых же дней погрузились в материал и поняли, что такое воевать в лютую тридцатиградусную стужу. Нелегко приходилось и в мирное время: на съемочной площадке то и дело глохла техника, заболевали люди. Однако никто не жаловался, понимая важность момента. Актер Леонид Марченко вспоминал: «Я никогда не забуду съемки фильма «Аты-баты, шли солдаты…». Загорск, Подмосковье. Мороз минус 30 градусов. Трудно очень. На следующий день съемка. Мы собрались в холле гостиницы. Актеры подошли к Быкову: «Леонид Федорович, может, отменим на этот день съемку, надо, ведь мороз, уже уши болят?..» А он ответил со всей честностью и детской непосредственностью: «А когда фашисты рвались к Москве, стояли такие же морозы. Ваши сверстники отстояли Москву, не думая о холоде. Вот теперь и подумайте…» Все тут же собрались и молча сели в автобусы. Съемка состоялась!»

Время съемок вспоминал и актер Виктор Мирошниченко: «… Однажды я опаздывал на съемку. В «Аты-баты…» в Загорск. Опаздывал на целую смену. Зная, как переживает по этому поводу Леонид Федорович, спешил ужасно. Сошел с электрички и пошел по шпалам – точно не знал, где именно в лесу находится наша

съемочная площадка. Чуть не замерз – путь казался бесконечным в лесу. Машина съемочной группы подобрала меня. Не заезжая в гостиницу, я попросил отвезти меня на площадку.

Ну, думал, и получу же я сейчас. Но Леонид Федорович молчал… Я начал оправдываться:

– Понимаете, в той группе белая лошадь захворала. Хромать стала. А я же – при ней! Из кадра в кадр! Вот и опоздал – ждал, пока она…

– Ну, я тебе эту белую лошадь еще вспомню! – сказал Леонид Федорович. Сказал так, что я не понял – в шутку или всерьез. Но в картину он потом «втащил» эту белую лошадь… (Только было это в «Стариках»! – *Н.Т.*). Больше я ни разу не подвел его в работе.

…Мороз в Загорске в ту зиму 1975-1976 гг. был крепкий. Прилетел на съемку Вано Янтбелидзе из Тбилиси. Снимали строй. Стоит в строю и он. И вдруг: «Я больше не могу…». И, как сомнамбула, глядя перед собой, вышел из строя, несмотря на работающую камеру…

– Перерыв! – остановил съемку Леонид Федорович. – Чтобы Вано согрелся.

– И тепло стало сразу всем…»

Узнав о трудностях на съемках, на подмогу Леониду Быкову добровольно прибыл милицейский взвод, готовый работать бесплатно и без выходных. Этот случай красноречиво подтверждает зрительскую любовь к Леониду Быкову, который никогда ей не злоупотреблял, платя за понимание и поддержку благодарной монетой, порой мало заботясь о самом себе. Владимир Конкин вспоминал: «Я никогда не забуду, с какой нежностью и заботой, особенно когда были морозы, пусть и последние, ветродуи, обжигающий ветер… он проверял каждого – одевали ли мы теплое белье, чтобы у нас ушанки были завязаны… А у него у самого по роли была ушанка завязана на затылке, короткая телогрейка, никакого белья. Лицо вишневого цвета, потому что оно было обморожено. Даже у нас носы лупились от мороза и ветродуев, а уж что говорить о нем. Он целый день на съемочной площадке. То новые мизансцены выстраивает, то камеру проверяют, то свет переставляют… И все время под этими ветродуями, так, что у него струпьями кожа слезала. Мы как какой-то эпизодик снимем и сразу в автобус, он нас загонял. А сам все время на улице, практически круглосуточно. Мы все как огурчики, а у него это обветренное, будто фронтовое лицо.

И когда мы, наконец, отсняли эту натуру, слава тебе, Господи, успели, уже пошла капель… И он пополз… Последняя граната… И этот клочок гимнастерки с орденом Красной Звезды висел на ветке… Я вот сейчас вспоминаю, и у меня прямо мороз

по коже… Тогда мы не знали, что эта картина станет последней с биографии этого замечательного художника».

Фильм «Аты-быты…» мог стать последним и для самого Владимира Конкина, если бы не Леонид Быков. Сцена гибели младшего лейтенанта Суслина под танком требовала особенной подготовки. Для актера вырыли яму, в которую он должен был прыгнуть, как только танк подойдет на опасное расстояние, границу которого отметили флажками. Однако, не учли «мертвой зоны» танка – танкист не видит человека, стоящего прямо перед машиной. Вот как рассказывал об этом случае сам артист: «Танк уже подходит к флажочкам, и я прекрасно понимаю, что вот сейчас он эту линию перейдет, и он немножко будет меня давить, причем, давить навсегда. И у меня было ощущение какого-то паранойяльного безволия – когда ты знаешь, что тебя сейчас не будет, но тебе это как-то уже даже и не страшно. И Леонид Федорович понял, что меня заклинило. Это все доли секунды. Быков толкнул локтем ассистента нашего, стоящего на трансфлакаторе нашей камеры, парень естественно тут же все понял, вот что значит, съемочная группа у Лени Быкова, он сделал какой-то необыкновенный прыжок и в спину пнул меня ногой! И я полетел, и еще не успел долететь до дна этой ямы, как танк уже кружился у меня над головой…» Так молниеносная реакция Быкова спасла жизнь артисту.

Весь февраль съемки велись на пределе возможного, а тут еще произошло непредвиденное. Кинооператор Виталь Кондратьев вспоминал: «За месяц было отснято более полутора километров цветной кинопленки. Так уж вышло, что за все это время отснятый материал не проявляли. И вот, когда все масштабные батальные сцены были уже отсняты, коробки с пленкой отправили в Киев на проявку. Проходит день, другой. Все с нетерпением ждут результата. Наконец звонок из Киева, весь снятый материал – абсолютный брак. Оказывается, когда на студии готовили камеру в экспедицию, то забыли поменять рамку с обычного кадра на широкоэкранный. Вся работа – насмарку…

Ужас! Что делать? План студии горел, и Леонид Федорович срочно отправился в Москву. Там он пробился на прием к министру обороны маршалу Гречко, которому уже доложили о ЧП на съемках нового фильма, и он прекрасно знал, зачем к нему пожаловал режиссер. Не успел Быков перешагнуть порог его кабинета, как Гречко заорал: «А-а, явился! Что, Министерство обороны для вас – лакей? Бюро добрых услуг? Да вы все, б…» – и обложил семиэтажным матом съемочную группу. Во время всей «вступительной речи» маршала Быков стоял по стойке «смирно», то бледнея, то краснея. Наконец министр в буквальном смысле

доорался до хрипоты, закашлялся и сел за свой уставленный телефонами и селекторами стол.

Быков воспользовался паузой, тихо и очень вежливо извинился и попросил, чтобы Гречко его выслушал. Тот немного поутих, закурил сигарету. После долгого разговора «по душам» министр вызвал своего помощника и поручил ему разобраться «с этими горе-киношниками». Мне об этой «задушевной беседе» Леонид Федорович рассказал спустя полгода на киностудии…»

Когда «добро» на продление сроков военной экспедиции было получено, съемки под Загорском продолжились. А тот разнос, который устроил Леониду Быкову министр, вскоре аукнулся режиссеру серьезными проблемами с сердцем, но об этом позже.

Вот как тот же случай с браком пленки вспоминал Леонид Бакштаев: «При всей жесткости, требовательности, необходимой в профессии режиссера, Леонид Федорович не терял в себе доброты к людям. И это чувствовал каждый, кто общался с ним, работал. Я вспоминаю тот заснеженный, вьюжный февраль, зябкий морозный ветер, глубокий снег, сугробы… Снимается эпизод боя, танковая атака, где заняты войска, актеры, съехавшиеся из разных концов страны. По этому поводу «Мосфильм» наконец прислал несколько немецких «тигров», гремят взрывы, горят подбитые танки, колдуют пиротехники…

И вдруг к вечеру оператор обнаружил по вине его ассистента брак! Снято 300 полезных метров сложнейшего игрового эпизода – и все это нужно выбросить в корзину. Значит, опять нужно собрать военную технику, массовку, просить актеров, «давших» два-три съемочных дня, остаться еще на день, «просить» на завтра мороза и снега у синоптиков, все переснимать заново. Быков ни слова не сказал виновнику, не обрушил на него справедливых слов своего негодования, только тверже стали побелевшие скулы, весь он как-то съежился, стал меньше, молча сел в машину и уехал в гостиницу. Природная интеллигентность и мягкость, высокая нравственность и воспитанность этого замечательного человека не позволяли ему разрядиться, выплеснуться, он гасил в себе обуревавший его пламень…

Как навязчивая мелодия, в ритм февральской метели шуршащей по заснеженному полю, вертятся у меня в голове блоковские строчки: «…разыгралась что-то вьюга, ай вьюга, ай вьюга, не видать совсем друг друга за четыре за шага…». Я готовлюсь к первому моему кадру в фильме Леонида Быкова «Аты-баты, шли солдаты…» и должен сказать сейчас совсем другие слова…

В морозном воздухе пронзительно застывали звуки марша «Прощание славянки», который играл духовой деревенский

оркестр: кларнет, баритон, бас-труба и турецкий барабан. Не суетится массовка, готовы все службы к съемке, собранные на окраине небольшой деревушки в Подмосковье, где остановилась наша съемочная группа. В четырех шагах от меня на холмике, заметенном снегом, за оградой, стоит обелиск, там похоронен мой отец в братской могиле.

Сейчас я открою калитку, ступлю в глубокий снег, медленно сниму военную фуражку и скажу: «Здравствуй, батя!..» Тут я не один: мы, сыновья и дочери наших молодых отцов, погибших здесь в далеком сорок четвертом году, приехали сюда в годовщину боя, на станцию Подбедня, чтобы почтить их память.

Но я никак не могу собраться, отогнать эти блоковские слова, кружащиеся снежинками вокруг меня. Вот сейчас помощник режиссера хлопнет дощечкой, объявят номер дубля, и я войду в кадр.

Леонид Быков сидит рядом, ждет моей готовности. Я молча благодарен ему, что он дает мне возможность сосредоточиться, проникнуться этими щемящими до боли, грустными и ясными звуками марша. Вспомнить свое далекое военное детство: бесконечные бомбежки, слезы и страх перепуганных насмерть, таких же, как я, детишек в тесном и душном бомбоубежище. Кочующих погорельцев по дымной дороге, от запада к востоку, и длинные-длинные дни и ночи долгой оккупации в темной белорусской деревушке Добрынь. Все это глубоко запало в мою память, нужно только вспомнить, воскресить…

Леонид Федорович внимательно смотрит на меня, глаза его, всегда мягкие и грустные, сейчас пытливы и властны, они ждут ответа. Молча киваю головой, тихо звучит его глухой голос: «Начали… Мотор!» Оборвалась музыка. Во внезапной тишине слышу знакомый волнующий стрекот кинокамеры. Еще маленькая пауза – и я шагнул к калитке в свой первый дубль, навстречу новой роли Константина Святкина в фильме «Аты-баты, шли солдаты…».

Когда я вспоминаю Быкова, меня не покидает ощущение, что он жив, что он где-то рядом. Мне кажется, я вижу его небольшую стройную фигуру, идущую по длинным коридорам студии. Вот он сидит на ступеньках и о чем-то говорит со мной тихим, ласковым голосом, и в его печальных глазах сейчас вспыхнут лучики мягкого юмора, сбегутся морщинки венчиком, и весь он засветится добротой и сердечностью. Доброта… Пожалуй, это было главной чертой в его характере. Прекрасное, емкое слово – доброта! Как подчас нам не хватает доброты друг к другу, внимания, чуткости, бескорыстия!»

Съемки того же эпизода вспоминала и Наталия Наум:

«Работая с Леонидом Федоровичем в фильме «Аты-баты, шли солдаты…», я с огромным вниманием присматривалась к его методу работы с актерами, к его беспредельно уважительному отношению. Он работал с той требовательностью к себе, которая исключает нерешительность, колебания, дезориентирующие исполнителей ролей и всех, кто сталкивался в работе с режиссером-постановщиком…

Мне посчастливилось в этом фильме сыграть небольшую роль, но какое наслаждение принесла она мне! Съемки у обелиска. Звучит песня «День Победы» – для настроения актеров, для создания соответствующей атмосферы. Перед командой «Мотор!» Леонид Федорович сам произнес слова одного из сыновей, отец которого похоронен под обелиском. Он так произнес эти слова, что мы перестали быть актерами, мы стали детьми отцов, отдавших свою жизнь за нашу жизнь…

Воздействие Леонида Быкова как режиссера, актера и человека было магическим, огромным».

Другая участница этих съемок, Евгения Уралова, сыгравшая в фильме дочь Кимки и Суслина, рассказала мне такую историю: «Воспоминания о Леониде Быкове почему-то всегда вызывают у меня слезы, отчего – не знаю… Наша первая встреча произошла, когда я в студенческие годы за три рубля в день подрабатывала в массовке и случайно оказалась на съемках «Зайчика». Снималась сцена на берегу в открытом ресторанчике. Меня поразило тогда, что Быков подошел к каждому из массовки и объяснил, что за сцена снимается. К тому времени у меня уже был опыт работы в массовке, и я привыкла, что на нас никто не обращает внимания. Больше я с Быковым не встречалась и видела его только в кино. Меня очень тронули его «Старики»… Когда он задумал «Аты-баты, шли солдаты…», неожиданно пригласил меня на пробы. Позвонила ассистентка Быкова и сказала, что меня вызывают в Киев. Я отказалась. Потом после очередного спектакля мне передали, что внизу меня кто-то ждет. Это был Быков, который специально пришел пригласить меня на пробы. Пришлось вновь отказываться, объясняя это тем, что не люблю войну и не хочу сниматься в подобных фильмах, к тому же, у меня маленький ребенок. Быков был непреклонен: «Евгения Владимировна, я вас прошу, приезжайте, пожалуйста, мы немного снимемся для начальника». Он так меня уговаривал, что отказаться было невозможно…

После этого мы долго созванивались с ассистенткой. Когда я приехала, меня встретили на машине, потом заехали за Быковым, и мы поехали вместе на студию. Мне дали текст. Это был монолог за столом. Я оказалась перед камерой, за которой рядом с

оператором стоял и Быков. Он смотрел на меня с такой мольбой, с такой поддержкой… Я прочитала свой монолог и увидела, что Быков плачет… Потом он подошел ко мне, поблагодарил и сказал: «Не отказывайтесь, я вас очень прошу».

И вот мы приехали на съемки под Загорск. Меня потрясли его обтрескавшиеся от мороза, почерневшие лицо и руки, и такие несчастные глаза… В то время Озеров снимал свою эпопею, и вся военная техника была отдана ему, потом еще приключился брак с пленкой… Артисты хоть как-то грелись, что-то выпивали, а Быков и этого позволить себе не мог. Так хотелось ему хоть чем-то помочь. Ему было очень тяжело – то не дают павильон, то нет техники. Он даже заболел. Жаль, что эта работа досталась такой большой кровью.

Потом, когда были съемки в Киеве в павильоне, у меня случилось воспаление среднего уха, Быков, заметив, что я все время держусь за него, предложил намотать что-нибудь на голову, чтобы ухо было в тепле. Быков всем сострадал, переживал, если что-то не получалось… В сцене у могилы, когда звучит песня, было холодно. Все смеялись, грелись… Начинаем снимать, а у артистов веселые глаза. И тогда я предложила Быкову: «А давайте, не включайте музыку, спойте сами…» И он это подхватил. И спел за камерой так, что всем стало стыдно, и все получилось, как нужно. Такая вот была отдача. Быков был замечательным партнером, режиссером. У меня он вызвал абсолютное доверие. Он знал каждую сцену, каждого персонажа, он как бы через себя пропускал, прочувствовал за всех, знал и понимал, что происходит. И как я могла сомневаться? Я же могла пропустить этот фильм и работу с таким человеком!»

Как видим, все актеры, несмотря на трудности, с удовольствием и благодарностью снимались у Леонида Федоровича. Они понимали – судьба предоставила им редкий шанс встречи с замечательным мастером. Исполнительница роли Кимки Елена Шанина вспоминала: «Фильм снимался в такое время, когда все лучшее в кино и театре как раз было сделано в рамках военной темы. Здесь можно было, не касаясь политики, остаться человеком. В картине у меня была роль о любви, которая обречена на смерть. А о таком материале каждая актриса мечтает! Надо сказать, что Леонид Быков был невероятно терпелив ко мне. Снимали мы в поле, зимой, в страшные холода. Никаких комфортных условий, разумеется, не предполагалось. Поэтому все жутко обморозились. Но любые неудобства покрывала особенная творческая атмосфера. У актеров было такое ощущение, что все вокруг создается только для них. Мы все были просто одержимы нашей работой».

«Мозоли на сердце»

В самый разгар съемок, в апреле 1976 года, у Леонида Федоровича случился второй инфаркт. Его сердце не выдержало обрушившегося на него груза организационных неприятностей, то и дело происходивших на съемочной площадке по вине руководства Киностудии им. А. Довженко, перепада погодный условий… Однажды Леонид Быков очень точно, почти пророчески охарактеризовал профессию режиссера: «Если вы хотите иметь мозоли на ладонях, идите на завод, а если мозоли на сердце – идите в режиссеры».

«Особенно тяжело ему дался фильм «Аты-баты, шли солдаты…», – вспоминал Алим Федоринский. – Кто знает, если бы не эта картина, может, он до сих пор был бы с нами».

Его могла расстроить любая несправедливость, особенно по отношению к артистам. Однажды он вступился за Елену Шанину, которую обсчитал не очень добросовестный директор картины. Вроде бы пустяк, но подобное на съемках, к сожалению, такая редкость, что этот эпизод на всю жизнь врезался в память актрисы. Вот как она сама рассказывала об этом: «Он (Быков. – *Н.Т.)* сил не жалел абсолютно. И играл «на полную катушку», и работал как режиссер на площадке. И вот он, как-то пройдя мимо стола директора, увидел бумаги – договор. И вдруг я слышу страшный крик: «Негодяи, мерзавцы! Как можно с актерами так…» После директор ко мне подходит: «Елена, извините, я посчитал вашу ставку…» (а мне платили тогда что-то порядка 160 рублей. Оно и понятно – только что пришла в театр, 21 или 22 года…) А он, когда увидел причитающуюся мне ставку, был возмущен безумно». Возможно, этот случай в тот день стал последней каплей в череде тормозящих работу мелочей и позже тоже мог сказаться на самочувствии Леонида Федоровича.

Владимир Конкин: «Во время работы над фильмом Быков чувствовал себя не лучшим образом: был надорван постоянными препонами, чинимыми ему твердолобыми начальниками, ханжеством, непониманием. По сути, ему просто ломали руки, старались выдернуть крылья. Быков, как мог, держался, у него была какая-то внутренняя «упертость», как говорили на Украине, в хорошем смысле этого слова».

Леонид Бакштаев: «Мало кто знал в группе, что у Леонида Федоровича больное сердце. Никогда он не обнаруживал усталости, недомогания. А ведь на плечах режиссера огромная нагрузка: он отвечает за все – от самого главного до мелочей – как там у солдата пришита пуговица, и те ли знаки различия у

генерала.

Во время съемок всегда кого-то ждут, кто-то не приехал, что-то забыли. То солнца нет, и проклинают тучи, то у них умоляют дождика, то снег сносят для кадра со всех окрестностей, то из-за него отменяется съемка… И, может быть, за эту постоянную изменчивость, новизну, за готовность мгновенно собраться и выявиться до конца, за ту обязательную взаимопомощь и чуткость к партнеру, без которой немыслима правда существования в кадре, за то братство и товарищество, что неизменно возникает на каждой картине, мы, актеры, и любим эту «киношную вольницу».

А если во главе всего этого – талантливый режиссер-художник, к которому все творческие пути сходятся, – то счастлив каждый в отдельности и все вместе, это увлекательно и интересно. Режиссеру дано окончательное право отменить или назначить съемку, снять или утвердить на роль, он последний должен принять решение и не ошибиться в выборе. Он должен объединять в себе и зрелость мастера, и тонкость психолога, уметь увлечь за собой коллектив, зажечь его своей мыслью, темпераментом, своим виденьем окончательного результата! А Леонид Федорович был еще и исполнителем главной роли в этом фильме. Двойная нагрузка. Прекрасный артист, подлинно народный художник – он предельно успел выразить себя, свое время!

В нем постоянно горел глубокий, внутренний огонь. Его фильмы «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…» отличали неподкупная простота и ясность, народный юмор, эмоциональная заразительность и емкость восприятия. Редкое качество!

Сразу же после экспедиции Леонида Быкова сразил… инфаркт. Он три месяца пролежал в больнице, думал, что ему уже не выкарабкаться. Но судьба распорядилась по-своему: ему суждено было встать и закончить фильм, который был блестяще принят зрителями и критиками…»

26 апреля, когда Быков все еще лежал в больнице, в Москве от сердечного приступа умер министр обороны А. Гречко. Зла на него Быков никогда не держал и тот досадный инцидент, который приключился в феврале, уже благополучно забыл. Тем более что именно Гречко помог ему завершить работу натурных эпизодов под Загорском. Пока Леонид Федорович лежал в больнице, съемочная группа строила декорации, готовилась продолжить работу над лентой. В Киев Быков вернулся к майским праздникам, и 10 мая в павильонах киностудии были возобновлены съемки.

В утопающей в зелени столице Украины жизнь казалась прекрасной и счастливой, и настроение Леонида Быкова радикально изменилось. Любимая работа заставила забыть о ранее перенесенных неприятностях. Съемочная группа, волнуясь за здоровье Леонида Федоровича, договорилась между собой не давать ему прикуривать. К удивлению всех, работу он начал с труднейшего для себя эпизода, в котором его ефрейтор Святкин лихо отплясывал перед однополчанами «цыганочку с выходом». И это сразу после инфаркта! На съемках он выглядел бодрым и веселым, и трудно было поверить, что каких-нибудь пару недель назад этот человек был на грани жизни и смерти. По-прежнему не жалуясь на здоровье и больное сердце, Быков и не думал что-то делать вполсилы. И пока он исполнял свою легендарную «цыганочку с выходом» за софитами дежурила бригада врачей.

Вот как рассказывал об этом Владимир Конкин: «Самый первый эпизод, к которому он приступил после болезни, – день рождения сына Святкина. Какой-то сарай, посреди которого горит костер. Среди солдат сидят мой герой, младший лейтенант Суслин, и медсестра Кима Волинтович, которую играла Елена Шанина.

– Цыганочка с выходом! – восклицает Быков. Он нарочито театрально сбрасывает телогрейку под первые переборы гитары, в такт, притопывая ногой, похлопывает ладонями по груди, потом по балкам невысокого потолка и начинает ход – настоящий «выход», постепенно убыстряя темп. Утрированная страсть ведет его вокруг костра, он входит в танцевальный раж, темп уже бешеный… И вдруг с криком «ротный, дай рубль, на пузе затанцую!» Быков взвивается в прыжке над костром, откидывает голову назад, чуть не касаясь затылком согнутых в коленях ног, и приземляется возле сидящего лейтенанта, по-цыгански подергивая плечами.

Дубль, еще дубль, а Быков недоволен. Нервно курит сигарету. И еще дубль, пока маленький и, в общем-то, проходной эпизод не доводится до совершенства. У нас, не страдавших тогда тяжелыми сердечными заболеваниями, во время этой «цыганочки с выходом», с прыжками над костром просто сердце замирало. Надо сказать, танцором Быков был отменным. Как он владел телом! Танец для него был особым состоянием души. Съемочная группа любовалась его пластикой, чувством ритма, легкостью… Собравшихся в тот день на съемочной площадке охватило какое-то особое чувство единения, душевного родства с героями фильма. Девчонки стояли с мокрыми от слез лицами. Все знали, что Леонид Федорович только что перенес сильный сердечный приступ…»

Владимир Конкин не раз признавался, что был просто околдован задушевным тенором Быкова, его тихим голосом, умением держать себя на людях. «В этом, – считал актер, – была его сила. Сколько в нем было деликатности, тактичности, какой-то нежности, настоящей украинской певучести и сердечности… Быков – целая эпоха моей жизни. За долгую жизнь в театре и кино я работал со многими режиссерами, интересными и разными, но и по сей день Быков – один из самых любимых. Низко кланяюсь этому человеку, и, как говорится, мир душе его».

В течение полутора месяцев в павильонах студии имени Довженко были отсняты следующие объекты: «канцелярия роты», «кабинет начальника училища», «квартира Кости», «буфет», «вагон», «хата Вали», «госпиталь», «чердак», «казарма». Однажды на съемках произошел презабавный случай, о котором поведал актер Виктор Мирошниченко: «Снимали сцену «с кражей мыла в казарме»… В павильоне работало два десятка человек. Звучала несколько раз команда «Мотор!», осветители колдовали над светом, оператор и его ассистент – с камерой, актеры входили и выходили из кадра, – словом, шел нормальный съемочный процесс.

Смена закончилась, все зашумели, кто-то заскандировал «Аты-баты, шли солдаты, аты-баты, по домам», но… выйти из павильона никому не удалось. Павильон снаружи был заперт. Наглухо. На засов.

После усилий нашей предприимчивой администрации нас открыла изумленная тетя Дуся:

– Я думала, тут вже никого немае. Тихо ж зовсим! – извинялась она, искренне удивляясь, что столько киношников в павильоне могли работать без привычного ей шума и гама.

Поначалу и я удивлялся, когда еще в «Стариках» работал. В ушах звенела тишина, знакомая всем, кто работал с Леонидом Федоровичем, какая-то особенная, быковская тишина… И здесь, в седьмом павильоне киностудии, и на натуре – в Чернигове или Загорске, на каждой съемочной площадке, где работал Быков, я слышал эту тишину и слышал все лаконичные, емкие, единственно необходимые реплики режиссера. Такой тишины я не слышал больше ни на одной съемочной площадке. Именно эта атмосфера давала возможность внутренне собраться перед съемкой, вспомнить все наши разговоры по поводу роли с Леонидом Федоровичем, уточнить и упорядочить какие-то новые ощущения от предстоящей сцены, высказать ему свои сомнения, находки… Ведь он ждал – это чувствовалось, – чтобы актер принес свое видение роли, сцены, эпизода. Иначе с таким вниманием не выслушивал бы все то, что порой и не успевало

укладываться в мысль…

Никогда не было вокруг него суеты. Никогда. Всегда все успевал, всегда на все хватало времени. Он умел ценить время, берег его, он необычайно остро ощущал его бег».

«Бери шинель, пошли домой»

В жизни Леонида Быкова песня играла особую роль. Как человек по-настоящему музыкальный, он понимал, насколько важна она в кино. Он прекрасно разбирался в музыке, что продемонстрировал и в обеих своих военных лентах, щедро цитируя мелодии и песни, родившиеся как во время войны, так и после нее. Причем большинство из них пришло к нам с экрана: «Я сегодня до зари встану», звучащая в финале ленты «В бой идут одни «старики», «Бери шинель, пошли домой» в «Аты-баты, шли солдаты…»... И это не случайность, а вполне осознанный режиссерский прием. Быков не боится вспоминать, не боится цитировать чужие воспоминания – в этом умении переосмыслить их, тоже сила и обаяние его картин.

Вот что рассказывал композитор Валентин Левашов в интервью «Красной звезде» 29 июня 2005 года: «Вскоре после выхода на экран картины «От зари до зари» у меня в квартире раздался неожиданный звонок из Киева. Звонил мой друг, известный киноартист и режиссер Леонид Быков.

Л. Быков в это время работал над фильмом «Аты-баты, шли солдаты». Как выяснилось из дальнейшего разговора, он по радио услышал мою песню «Бери шинель, пошли домой». Она ему очень понравилась, и он под нее уже снял сотни метров пленки. Звонок его был не чем иным, как предложением мне стать композитором фильма.

Когда я ему сказал, что песня «Бери шинель» уже звучит в фильме «От зари до зари», то просто сердцем почувствовал, как он побледнел. Ну, а если точнее, то он просто лишился дара речи.

Минут пять продолжалось молчание, а потом он сказал: «Я позвоню дня через два…» Звонок состоялся. За эти два дня он успел взять из проката фильм «От зари до зари», просмотрел его и… все-таки не отказался от своей творческой идеи. Только спросил: «Ну, что мне делать, посоветуйте?..» Я хорошо понимал его чувства и потому, после короткого раздумья, посоветовал пригласить в качестве композитора другого автора, а песню «Бери шинель» оставить, указав в титрах ее авторов.

Так он и поступил. Спасибо ему за это от имени песни, у которой сложилась такая счастливая судьба».

Георгий Дмитриев, композитор: «Личное знакомство мое с Леонидом Федоровичем Быковым относится к периоду работы над картиной «Аты-баты, шли солдаты…»… Оживленный, окруженный людьми, Леонид Федорович появился в гостинице, где я его ожидал. Чувствовалось, что, несмотря на трудности,

дело ладится. Я подошел к нему, обратился, на что он с простодушной хитрецой ответил:

– Так вы меня знаете?

– Кто же вас не знает, Леонид Федорович!

…Вошли в его номер. Леонид Федорович, очевидно, продолжая свои мысли, стал объяснять мне некоторые монтажные переходы:

– Буду монтировать «внахальную»: кровь на снегу и сразу же красные гвоздики у обелиска!

Эта увлеченность своим делом не заслоняла, однако, его редкостной человеческой внимательности:

– Молочка не хотите?

Хотя сценария я еще не читал, но из слов Леонида Федоровича понял заложенную в фильме идею смещений во времени и предложил использовать для таких переходов легкие фоновые звучания синтезатора, ненавязчивые, но по воздействию на зрителя весьма эффективные. Высказал я и еще некоторые практические соображения. Мы быстро поняли друг друга. Помнится, Леонид Федорович говорил о том, что очень ценной в фильме представляется ему монотематическая музыкальная драматургия – сквозное развитие единой музыкальной темы, говорил и о том, чего не принимает: «Не люблю, когда на экране любовь, а в оркестре в это время звучат скрипки!»

Уезжал я, очарованный благородством и душевной чистотой этого прекрасного человека, воодушевленный предстоящей интересной работой.

Вообще, одним из важнейших профессиональных качеств Быкова-режиссера было, на мой взгляд, совершенно особое умение без каких-либо деклараций и призывов, совершенно ему чуждых, создавать вокруг себя творческую, рабочую обстановку, при которой участники киногруппы делали свое дело увлеченно, не формально. Если же такого отношения Леонид Федорович не видел, сталкиваясь иной раз с равнодушием, недобросовестностью, а то и с непорядочностью, – переживал это всякий раз очень тяжело и очень лично. Все, за что брался, Леонид Федорович делал с душой, вкладывая в дело всего себя. Иначе он просто не умел…

Далее были несколько моих приездов – уже в весенний цветущий Киев: ознакомление с материалом, обсуждение музыкального плана и т. п. В один из таких приездов я сыграл Леониду Федоровичу главную музыкальную тему, которая звучит на титрах, а также проводится в видоизмененном виде еще несколько раз в картине.

Часть музыки я выполнил в ЭСЭМ – экспериментальной

студии электронной музыки на синтезаторе «Синти-100». С самого начала Леонид Федорович горячо одобрял и всячески поддерживал весьма нетрадиционную тогда идею электронной музыки, но вместе с тем волновался и беспокоился, не представляя себе до конца ее возможностей, характера, эстетического и драматургического эффекта.

Основной областью применения электронной музыки в фильме намечалась большая сцена боя группы советских солдат с вражескими танками. Для того чтобы посмотреть ее с выполненной мною в Москве музыкой, нужно было смонтировать и расставить соответствующие звуковые «слагаемые» на несколько пленок, сделать немало другой подготовительной работы, чем я и занимался с монтажером картины Шурой Голдабенко отдельно от Леонида Федоровича. Мы условились с Быковым, что он познакомится с «продукцией» в уже более или менее готовом виде.

Впоследствии Леонид Федорович рассказывал, что один раз он все-таки не выдержал и, воспользовавшись моим кратковременным отсутствием, попросил Шурочку дать ему послушать что-нибудь на монтажном столе. Услышав нечто похожее на «мяу», он в смятении покинул монтажную, но виду не подал, хотя и решил про себя, что будет вынужден обойтись одними шумами.

Перед показом электронной музыки (он проходил в зале перезаписи) мы оба шутили: он – чтобы смягчить для меня удар вероятной неудачи (было само собой разумеющимся, что никакая личная приязнь или неприязнь не способны заставить его покривить душой – тем более в вопросе творческом, а следовательно, для него лично самом важном и дорогом), я – чтобы, по возможности, облегчить ему ожидание, отвлечь от тягостности внутреннего беспокойства и напряжения. Показ прошел отлично, многослойные обобщающие звучания синтезатора органично сливались с изображением, и в дальнейшем мало кто даже догадывался, что вся эта более чем десятиминутная сцена в звуковом отношении построена исключительно на электронной музыке. Отвозя меня в гостиницу, Леонид Федорович говорил, что электронные звучания преследуют его и мерещатся в каждом бытовом шуме.

Поводом для юмора стало требование музыкальной редакции сдать партитуры… электронной музыки. Сидя в монтажной, я изготовил нечто наукообразно-заумное, Леонид Федорович подтвердил, что с партитурами знаком и полностью их одобряет. Отсюда же произошла юмористическая его затея представить и классифицировать «использованные инструменты». Леонид

Федорович сделал рисунки, были разработаны соответствующие названия – в результате возникли «вибродолб», «судьботык», «утюрган» и т. п., сделаны примечания. Связь звучания «инструментов» с их кодовыми названиями была всем своим совершенно понятна, и этот жаргон помогал нам в работе во время перезаписей.

Вспоминается и другой образец нашего юмора. Я жил тогда в небольшой гостинице, кажется, Академии наук. Леонид Федорович по утрам заезжал туда за мной, а после работы иногда заходил ко мне к великому интересу работавших там сотрудниц. Однажды мы появились там втроем с директором фильма и как бы по-деловому, занятые своими соображениями, стали измерять ширину входной двери, лестницы, при этом негромко переговариваясь: «Колонну придется снести» и т. п. Сотрудницы, прислушивающиеся к этим нашим разговорам, понимали, что затевается нечто недопустимое, но и не знали, как реагировать. А мы поясняли, что мне требуется в номере рояль, а чтобы его внести, необходимы некоторые предварительные работы. Мы успокаивали обеспокоенных сотрудниц, что все расходы возьмет на себя киностудия и т. п. Светлые, незабываемые дни!

Остановившись, быть может, излишне подробно на этой, конечно же, далеко не самой главной стороне нашего общения, мне менее всего хотелось бы представить Леонида Федоровича эдаким беззаботным весельчаком, помышляющим лишь о шутке, розыгрыше. Нет, разумеется. Просто Леонид Федорович был удивительно естественным, живым и светлым человеком. Все эти юмористические эпизоды – не более чем редкие отдушины, возникавшие лишь тогда, когда немного «отпускало», когда Леонид Федорович ощущал, что его усилия в чем-то оправдываются, что-то получается, когда отвлекался от многочисленных и многообразных своих забот, позволял себе ненадолго расслабиться.

Ничто не давалось ему легко, «играючи», ему приходилось труднее, чем многим. Однако он не искал ничьего сочувствия, никаких легких путей, многое и много переживая в себе, лишь приоткрываясь в чем-то перед близкими по духу людьми».

Фильм закончен

Фильм «Аты-баты, шли солдаты…» был снят Леонидом Быковым раньше установленного срока. Уже 21 июня режиссер засел за монтаж и закончил его через два месяца. Вот как описывает этот этап жизни актера и режиссера Леонида Быкова в книге «Наше любимое кино» Федор Раззаков: «27 августа фильм был сдан руководству киностудии, причем практически без поправок. Та же история повторилась и в Госкино. Там в эти же дни принимался другой фильм о войне – «Восхождение» Ларисы Шепитько, – так фильм Быкова был поставлен в пример: дескать, вот какое кино о минувшей войне нам нужно – героическое, зовущее на подвиги. А фильм Шепитько, как мы помним, был назван «религиозным и упаднических».

«Аты-баты, шли солдаты…» вышел на широкий экран 25 апреля 1977 года. Касса, собранная им за несколько месяцев проката, выглядела внушительно: его посмотрели 35 миллионов 800 тысяч зрителей. Для фильма о войне это был рекорд: последний раз нечто подобное было в 1974 году, причем опять же с фильмом Леонида Быкова – его «В бой идут одни «старики» собрал 44,3 млн. зрителей».

Евгения Уралова так вспоминала те времена: «После съемок в фильме у меня сложились с Леонидом Быковым самые хорошие и доверительные отношения. С каждым годом «Аты-баты…» нравятся мне все больше, даже больше, чем «В бой идут одни «старики». Быков говорил про фильм «Аты-баты…»: «Я не попал на войну. Это мой долг, а долги надо отдавать».

На премьере, когда я увидела фильм целиком, просто обревелась, сидя в первом ряду. Вышла с красным носом. И была не одинока, весь зал ревел. И даже снобы, которые в этот день пришли в Дом кино. Хорошо, что Быков настоял на моем участии. Мы с ним после этого очень подружились. Общались по телефону. Когда он приезжал в Москву, всегда мне звонил, приходил на спектакль, и мы вместе обедали. И когда картину прокатывали в разных странах, он сразу сказал в Комитете, что ездить не будет и чтобы брали меня. И я с ней объездила много стран, где только не была – в Монголии, в Югославии, в Южной Америке, в Панаме… В Перу человек, который нас пригласил, говорил, что он, как коммунист, работает себе в убыток. А в результате получил колоссальный доход, в кинотеатры простаивали дикие очереди. Для них это было неожиданно и интересно. Еще был фестиваль народный в Чехословакии, мы проехали всю страну на автомобиле. Утром вставали и ехали в очередной городок на

прием к мэру, потом был осмотр достопримечательностей, а вечером выступление перед зрителями, банкет. А на следующий день новый город. И так целый месяц. И везде нам дарили огромную книгу про этот городок, где мы были, тарелку или другой презент. К концу поездки за нами уже следовала машина, полная подарков. Я тогда Быкову, как заядлому рыболову, потратив много суточных, купила красивый подарочный набор на стену – доску со спиннингом и остальными снастями, залитые пластиком. У нас такого не было. И у меня его украли. Я так была расстроена, что один мой знакомый привез из Финляндии похожий набор, который я и подарила Быкову. Он так обрадовался этому подарку…»

Успех фильма вызвал поток зрительских писем. Леонид Федорович был счастлив, получая подобные признания своего труда. Зрители писали: «Мой родной брат вначале считался без вести пропавшим, затем мне удалось установить, что он погиб 17 августа 1942 года в селе Скляево Воронежской области. Я честно собирался съездить туда, но как-то все не находил времени. А после просмотра вашей картины я с семьей сразу нашел время и съездил на могилу брата. Спасибо Вам, что вы не дали душе зачерстветь». А вот другое: «У нас во дворе пацаны играют в Вас (в Маэстро, в Святкина), повторяют Ваши слова, выражения, дышат воздухом тех событий, их чистотой, ответственностью. А самое прекрасное, что забыты фантомасы и всякое подобное, а вышли на свет настоящие, будничные, светлые, героически-прекрасные герои, как в нашем с Вами детстве Чапаев и Максим».

В 1977 году зрительская любовь была подтверждена высокой наградой. За фильмы «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…» Леонид Быков был удостоен Государственной премии Украинской ССР имени Т. Шевченко.

Цитаты из фильма

Все в порядке – бобик сдох! *(Святкин)*

Завтрак – пшено, обед – пшено, ужин – пшено! Узбек вам птичка, что ли? *(Эпизод)*

Мужчина не плачет, мужчина огорчается. *(Эпизод)*

Нам бы кралю, нам бы кралю хоть одну!.. – А что это они поют такое? – «По долинам и по взгорьям», товарищ генерал. *(Святкин)*

Начальство всегда найдет! *(Эпизод)*

Порядок в танковых войсках! *(Эпизод)*

Суслик бежит! – На полусогнутых. *(Святкин)*

Я не бу… – Что значит не бу? Что не бу? Не бу… ду? – Я не ду, потому и не бу! *(Святкин – Суслин)*

Я не философ, а филолог. – Да один хрен, грамотный! *(Святкин)*

Народность героев Быкова

Как ни странно, и коллеги, и чиновники часто упрекали Быкова в недостатке «героического начала» в его фильмах, в тех же «Стариках». А Быков, не любя пафоса, искал героическое даже в обычном, казалось бы, ничем не примечательном, на первый взгляд, человеке. Он делал в кино то, что считал нужным. Однажды обостренное чувство справедливости подтолкнуло его на кинофестивале в Баку отказаться от главного приза, который, по сути, уже был присужден его фильму «В бой идут одни старики» в пользу «Калины красной» Василия Шукшина, поскольку считал, что Шукшин заслужил этот приз как никто другой.

Было много общего в этих двух художниках, то, что делало их духовными братьями. Неслучайно их герои, принятые народом, так раздражали чиновников. Время все расставило по своим местам – творчество Леонида Быкова и Василия Шукшина живет и объединяет нас по сей день. Секрет успеха и долголетия их произведений – в народности, которая идет от личности художников.

В канун 1999 года в Белом зале московского Дома кино прошел юбилейный вечер, а в конференц-зале Союза кинематографистов России – пресс-конференция, посвященные 70-летию замечательного актера и режиссера Леонида Быкова. Ради этого из Киева приехали гости – Марьяна Быкова, дочь Леонида Федоровича; художник Виталий Лазарев; актеры, работавшие с Леонидом Быковым, – Дмитрий Миргородский и Владимир Талашко (благодаря которому был создан и много лет активно работал Фонд имени Леонида Быкова); киновед Сергей Тримбач. Я была тогда и на вечере, и на пресс-конференции. И хотела бы привести в книге отрывки наиболее важных, на мой взгляд, выступлений.

Валерий Фомин, критик. …Когда умер Шукшин, в этот вечер в Доме кино была премьера у Кончаловского. Все, кто пришел, уже знали эту ужасную новость, все были ошарашены и ждали, когда Андрон, выйдя на сцену, даст возможность помянуть Василия Макаровича, хоть как-то чувства свои выплеснуть. Но он, видимо, боясь испортить свою премьеру, не сделал этого. Я смотрел фильм в скорбных чувствах, для меня он пропал только из-за этого. А ведь весть о гибели Быкова тоже попала на премьеру – «Восхождение» Ларисы Шепитько. Лариса представляла фильм, который достался ей кровью. Действительно, для нее это было святое событие. И вот она

вышла на сцену и большую часть того вечера посвятила Леониду Быкову. Вырвала себя из праздника премьеры. Но ее фильму это вовсе не повредило – совсем наоборот.

Творчество каждого художника обязательно задевает какую-то крупную теоретическую проблему. В данном случае это проблема народного кино… У нашего кино всегда был очень мощный союзник – народная, фольклорная культура. И с самых первых шагов, когда кинематограф опознал этого союзника, кино наше очень быстро выросло. Но были периоды, когда контакты киномузы и музы фольклорной прерывались или принимали ложный характер, что имело самые негативные последствия.

Один из эпизодов такого драматического развития случился как раз в перестроечные годы. Падение, которое пережил наш кинематограф, я объясняю тем, что он про традиции народной культуры, народного искусства совершенно забыл, отошел от них. И потерял один из главных, не единственный, конечно, но, повторяю, один из главных источников своей силы.

Был довольно сложный момент, но не такой катастрофический, в период «оттепели». Тогда, вырвавшись из пут фальшивого, казенного, амбициозного кинематографа, художники наши устремились к правде. Презумпция достоверности, жизнеподобия, в конце концов, тоже ударила по нашему кинематографу.

«Кубанские казаки» Пырьева до сих пор воспринимаются многими как образец самого лживого, самого казенного кинематографа. А ведь произошла элементарная подмена понятий. В фольклоре работает так называемый принцип идеализации, который обязывает художника, работающего в фольклорной традиции, не следовать жизни, а противостоять ей. Давать то, чего в самой жизни, как правило, нет. И не просто давать, но и концентрировать. Например, в одной из былин пахарь предстает в сафьяновых сапожках, расшитых жемчугом, золотой кафтан на нем, шляпа шикарная с каким-то невероятным пером. Былине это прощали, а Пырьеву не простили. А он, по-моему, следовал не заветам партийной пропаганды, а фольклорной традиции и питался именно ее источниками. И когда начался «культ правды», вся эстетика народной культуры с ее праздничностью, красочностью, жизненностью, оптимизмом была дискредитирована как лакировка действительности. То, что легко прощали Голливуду, – его хеппи-энды, его лучезарность, критика не прощала нашим художникам. За подобное их довольно жестоко пороли и порют до сих пор.

Есть народное кино, и есть кино псевдонародное, неплохо гримирующееся под народное. Это разные вещи, и если мы

продолжим дискуссию, если это будет действительно интересно, то, может быть, мы попытаемся найти грань между истиной и подделкой.

Нея Зоркая, киновед, кинокритик. …Грустно признавать тот факт, что Быков был невостребованным актером – и у режиссуры, и у критики, и у киноведов. О нем нет книжек, кроме одной, вышедшей на Украине и так и не дошедшей до нас. Но представьте, что было бы, если бы такой артист появился в американском кино. Он был бы героем сериала, циклы для него бы писали. Потому что он сочетает в себе такие грани, где народность и элитарность существуют в органичном конгломерате. Ведь не только Быкова мы проглядели. Вот, например, Олег Жаков. Недавно шел по ТВ средний фильм «Без права на ошибку», где играет уже совсем старый Жаков. Но ведь, простите, Клинт Иствуд – груб рядом с нашим Жаковым. Мы это не проанализировали. «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Но огромное спасибо Украине, которая так чтит память замечательного артиста, которая обеспечила ему то, что называется «жизнь после смерти». Есть даже такой прекрасный институт, как Фонд Быкова. Я, как представитель Высших режиссерских курсов, горжусь, что дипломная работа нашего выпускника Андрея Осипова «Голоса», получила и приз Фонда Леонида Быкова. Андрей Осипов говорил, что для него это очень большая честь.

И последнее. Мне, тогда совсем молодому критику, довелось написать какие-то две страницы в каком-то обзоре про фильм «Алешкина любовь». Это была замечательная картина. Леонид Федорович, встретив меня, поблагодарил и до конца своих дней передавал мне приветы. Из-за чего? Из-за каких-то двух страниц! И вот я думаю о том, как все-таки мало он услышал доброго при жизни и как хорошо, что сейчас столько доброго посвящено его памяти.

Георгий Капралов, критик. …Леонид Быков – Личность, богатейшая человеческая личность. Какое было счастье видеть его на экране, кому-то посчастливилось увидеть актера и на сцене. У меня святейшее убеждение, что актер и в театре, и в кино – первая фигура. Каким бы гениальным ни был режиссер, при самом изысканном мастерстве, при самых блестящих режиссерских выдумках, если там нет яркого актера – не получится и фильм. Потому что там нет человека, нет характера, нет судьбы. Я считаю, что ему не дали в полной мере развернуться. Не его было время, к сожалению…

Евгений Марголит, критик. …Обратите внимание на

удивительно мягкий украинский акцент Быкова, который принадлежит все же не традиционному языку. Происхождение Быкова – это граница Новороссии и Слобожанщины, граница, где литературные нормы украинского языка исчезают, уступая место фактически русской лексике, но очень своеобразно, очень специфически трансформированной именно звуково, фонетически. Когда Быков пришел в кинематограф, это была эпоха актеров, представлявших воплощенное слово. Вспомните этих корифеев конца 40-х годов, тех немногих кинозвезд – Дружникова, Давыдова… Это ощущение идеального слова, воплощенного в идеальной внешности. Что было прямо противоположно традиции, возникшей в начале звукового кино, где герой – балагур, герой – народный шут изумительно выворачивал наизнанку это официальное слово, начиная с Николая Крючкова, Бориса Чиркова, Петра Алейникова… С их замечательным простецким говорком украинский акцент Быкова и был этим неофициальным, чисто демократическим выворачиванием официального государственного слова.

В произведениях, где герой был так или иначе задействован в государственной системе, Леонид Быков, безусловно, мог быть только на вторых ролях. Может быть, самое несправедливое в судьбе быковского героя на всем протяжении его творческой истории – это его гибель. Потому что по логике жанра народный шут на самом деле погибнуть не может. И всем своим творчеством в тех же «Аты-баты, шли солдаты…», в тех же «Разведчиках» Быков до неизбежной гибели сопротивлялся этой логике.

Быков воплощал собой те, если угодно, антигосударственные тенденции, демократические тенденции, которые продолжали существовать, постоянно убиваемые, в народной среде. Герой Быкова в кинематографе никогда не был государственным человеком, но он непременно был честным человеком.

В чем же заключается подвиг быковского героя в его двух великолепных военных картинах? На мой взгляд, среди прочего и, может быть, в первую очередь, в том, что его герой превращает боевую единицу, то есть государственную боевую единицу, в некую разновидность семьи. Ибо только так, с точки зрения народного сознания, что зафиксировано в нашей фольклористике, и можно было выжить в годы Великой Отечественной войны. Вспомним о том, что Быков в большей части своих ролей играл персонажей военной эпохи. Естественно, человек 1928 года рождения, он доигрывал то, что доигрывало все его поколение, которое жаждало сражаться и не могло, еще и еще раз проходило дорогами войны, что, кстати, и закреплено в

сюжете «Аты-баты, шли солдаты…».

Быков в нашем кинематографе был воплощением именно той полноты народной независимости, народного сознания, которая, может быть, и давала возможность выжить нашему искусству, постоянно обозначая то подспудное течение, которое прорывалось хотя бы в той же «Юности Максима» и в вещах, ему подобных.

Коллизии многих быковских картин самым неожиданным образом соприкасались с высокими, даже элитарными образцами не только нашего, но и мирового искусства. Одна из таких картин, как ни парадоксально, «Зайчик». Смешная, милая, вроде бы незначительная комедия, схожа с «Жить» Куросавы. Это закономерно, потому что полнота существования народной культуры дает Быкову право задействовать эти сюжеты, их переживать. И очень характерно то, что известие о скорой смерти героя оказывается ложной.

Я обращаю внимание на то, что существование Быкова в украинском кино в 70-е годы, может быть, было его спасением. Студия им. Довженко способна была дать десятилетием раньше изумительные образцы элитарного кино, но катастрофа заключалась в том, что кино массового, подлинно народного, не было. Быков был первым, кто сумел такое кино сделать. По существу, и «В бой идут одни «старики», и «Аты-баты, шли солдаты…» – это своеобразный и плодотворнейший диалог с наиболее интересным явлением украинского кино тех лет – с кинематографом Николая Мащенко с его апологией жертвенности. А что делает с актерами фильмов Мащенко, с присутствующим здесь Владимиром Талашко, с героем Конкина – Леонид Быков в своих картинах? Этих персонажей он одновременно как бы снижает и возвышает, что столь важно для карнавальной традиции народной культуры.

Здесь говорилось, что Быков был недооценен своим временем. Наоборот, время, которое препятствовало развернуться любому живому организму, любому живому существованию, одновременно учило подлинных художников преодолевать все эти препятствия. Быков в этом смысле фигура совершенно героическая, потому что он смог раскрыться. Не знаю, на сколько процентов. Но речь о том, что Быков был одной из главных фигур нашего русского кинематографа и не просто кинематографа, а нашего общественного – никак не государственного – общественного существования в 70-е годы. Вот почему его гибель мы ощутили, как свою личную потерю.

Вита Рамм, журналист радио «Эхо Москвы». Мне кажется, что «народное кино» – это то кино, которое могло бы принести

деньги в кассу, но, тем не менее, продюсеры совершенно не заботятся о той публике, для которой снимают. Я знаю по социологическим данным, что фильмы Быкова были в первой пятерке, в первой тройке по зрительскому рейтингу. Поэтому вопрос: почему продюсеры, думая о кассе, не думают о народе? Или это неправда?

Андрей Разумовский, продюсер. Наверное, я здесь потому, что не только очень люблю творчество Быкова, не только потому, что могу бесконечно смотреть «В бой идут одни «старики». На студиях лежат замечательные сценарии, хотелось бы дать работу молодым режиссерам, но почему же наш институт не выпускает режиссеров, которые могли бы делать народное кино?

Петр Мартынович Алейников и Леонид Быков – это звенья одной цепи. Это же великолепные образы! И мне, например, как продюсеру, остро не хватает сейчас такого плана и актеров, и режиссеров. Уж сколько раз говорили: мы выпускаем только гениев, только авторов… С первого дня, когда мы приходим во ВГИК, мы все уже «гении». Но кто сегодня может снять мюзикл? Кто может снять комедию – не комедию ужасов, а настоящую комедию? Никто!

Быкова тоже, наверное, этому не учили, но он брал талантом, органикой. Посмотрите его роли, посмотрите того же «Максима Перепелицу» – как же все органично! Я никак не могу понять, когда говорят, что он не сыграл крупную роль. А разве Максим Перепелица – не крупная роль? Это крупнейшая роль Быкова! Попробуйте сейчас такого героя найти. Вот если бы были сейчас такие фильмы, мы бы собирали огромную аудиторию.

А что касается невостребованности, то это можно отнести ко всем. Ко всем! Что, у нас востребованы Эраст Павлович Гарин или Фаина Георгиевна Раневская?

У нас всегда существовал девиз: мы все работаем для народа. На самом деле почти вся наша режиссура о народе никогда не думала. Она думала о себе, о самовыражении. Поэтому фильмы тех, кто думал о народе, и сейчас смотрят.

Ирина Шилова, критик. Проживая эту жизнь, не всегда успеваешь познакомиться с теми, кто может эту жизнь украсить. Я не была знакома с Леонидом Быковым и, пожалуй, только сегодня, пересматривая его картины по телевизору, вдруг обнаруживаю, что есть в нем некая загадка для меня – как критика и историка кино.

Леонид Быков проживал свою жизнь и точно нашел тот период истории, когда демократические понятия можно было обозначить в полный голос. И он это сделал. Причем удивительно ведь что? Мы живем очень скоротечной жизнью, все ежесекундно

меняется, и нам нужны хотя бы сантиметры почвы, на которую мы можем опереться при любых переменах – просто поставить ногу, чтобы почувствовать землю, а почувствовав землю, почувствовать небо, почувствовать прошлое и будущее.

В чем, на мой взгляд, феномен Быкова? Ему удалось не только найти ту классическую для нашей истории ситуацию, в которой мог проявить себя во всей полноте нормальный человек. Вот это удивительное чудо.

Все времена накладывают на нас отпечатки. Освободиться от суетности, найти опору для последующего – вот в чем чудо Леонида Быкова… Эту систему ценностей и открывал Леонид Быков как исходную и способную проявить в полной силе народный характер. Мы знаем, что фольклорность со всей ее мощной энергетикой бывает двух видов: основанная на традициях прошлого, когда можно оглянуться назад, и куда более сложный опыт – освоение современной фольклористики, рождаемой народом. По последнему пути шли Шукшин и Быков.

Шукшин – фигура, параллельная Леониду Быкову, который попытался в фильме «Живет такой парень» найти собственно фольклорный характер для того, чтобы проявить его в сегодняшнем дне, в современности начала 60-х годов. С какими трудностями в развитии этого характера он столкнулся и как он пришел к вечной печали и безнадежности!

В чем чудо Быкова? Он нашел ситуацию, в которой историческое признало себя как самоценное, как опорное для развития данной культурной традиции. Понять, как это культурное поле работает в современности, – вот в чем чудо Быкова.

Сергей Тримбач, киновед. Это верно. Многие творческие работники, в частности, Олесь Гончар перед смертью признавался, что война для него лично была временем личной свободы: «Я никогда – ни до, ни после не чувствовал себя таким свободным человеком, каким был на войне».

Ирина Шилова. Да, то был период в развитии нашей истории, который позволил демократизировать все понятия. Война позволила говорить правду о нашей жизни.

Валерий Фомин. В той же вещи шукшинской, которую мечтал поставить Быков, в сказке «До третьих петухов» – сюжет простой и великий. Ивану-дураку все культурное общество предлагает достать справку, что он умный. Это история про нашу страну в принципе – Россия все время пытается такую справку добыть и предъявить.

И это история про наше кино тоже. Уже будучи сильным, успев встать в свое русло, определиться, оно очень часто бегало

за такой справкой. На этом очень многие теряли, уходя в псевдоумствования, убегая от своих истоков.

Я вот все думаю, почему такая непосредственность? Вроде бы уже творчество Медведкина и Пырьева и многих-многих других замечательных художников показало: вот где главное русло нашего кино. Но то и дело из этого русла выбивались и его теряли.

ВГИК, наш главный любимый киноинститут, в одном деле сильно недоработал. Универсальная вгиковская программа чему только ни учила: истории музыки, истории театра, литературы и т. д. Но даже маленького спецкурса ни для киноведов, ни для режиссеров, ни для драматургов не было, посвященного национальной фольклорной культуре. И обладатели вгиковских дипломов знали все тех же «Трех богатырей» и ничего более практически. По-настоящему не были объяснены вещи более сложные, более скрытые из истории народной культуры. А ведь это два потока, две разные культуры, не враждебные, но разные: профессиональная высокая классическая культура, ее высокие ценности, и такая же великая фольклорная – это два рукава.

Конечно, народным художником надо родиться. Но все-таки и ВГИК, как специальное учебное заведение, может и должен сделать так, чтобы студенты знали, что в культуре есть два полнокровных и равноправных русла. Из ВГИКа многие режиссеры выходили оголтелыми авангардистами, для которых главная «икона» – новизна. Про силу традиции нам никто не объяснял, и только некоторые с годами, в мучениях, постепенно-постепенно открывали для себя эту истину. Слава богу, что этот процесс идет, и наше сегодняшнее собрание – доказательство того, что хоть поздно, но все-таки просветление умов и представлений происходит.

Татьяна Москвина, критик. На чем я себя сегодня поймала, когда рассматривала выставку, посвященную творчеству Леонида Быкова, которая расположилась в фойе Большого зала? Я обратила внимание, что названия фильмов написаны на украинском языке, и они так непривычно и странно прозвучали, а ведь на самом деле это фильмы нашего общего советского периода. Были периоды, когда традиции русской культуры и традиции украинской культуры не разделялись, было единое советское культурное пространство, и все там как-то сосуществовало.

Что из того времени продолжает жить и почему? Почему сейчас мы смотрим фильмы Гайдая практически постоянно или фильм «Девчата», или фильмы с участием Леонида Быкова? Почему они востребованы сейчас, уже в постсоветское,

постперестроечное время? Я пыталась для себя найти ответ – где и когда было сформулировано понятие народности, в чем его тайна. Это философия разрабатывалась наиболее подробно в XIX веке. И Толстой, и Достоевский, и Соловьев писали, что «народная жизнь определяется разумными нравственными убеждениями»… Образы, которые создал Быков, тоже вписываются в эту мифологию. Они очень родные. Отголосок здорового народного духа, в котором есть душа, всегда был и остается востребован зрителем.

Геннадий Полока, режиссер. Произошла поразительная вещь. Это симптоматично, что мы, и украинцы, и русские, да и другие народы нашей великой страны, ощущаем Быкова своим. Это удивительно. И я подумал, что он и мой, наверное. Почему? Я его почти не знал. Я одновременно с ним начинал на «Ленфильме», если иметь в виду его режиссерский опыт, – он снимал «Зайчика». Я начинал там именно как доработчик, а не как режиссер – меня пригласили переписать сценарий «Республики ШКИД», и уже был материал фильма «Зайчик». Вспоминаю, как много Быкова ругали на худсовете «за пошлость», «за примитивизм».

Я думаю, что судьба его была как раз недостаточно счастливой, потому что народ его любил бесконечно. Но я был на нескольких худсоветах, где об него вытирали ноги, и он сидел с достоинством, выслушивал это. Я видел, как он иногда порывался что-то сказать, но сдерживался… И это удивительно! То, что для меня является смелостью и признаком высочайшего класса режиссуры, для членов худсовета тогда было образцом пошлости.

Вот арбузы… Меня в «Укротительнице тигров» потрясла эта линия – линия человека, который ходит с арбузами. Если взять его роль в этой картине и очистить от таких приспособлений – казалось бы, пошлых и эстрадных, почти клоунады, и взять чистый лист, – это смешная роль. Это такая сентиментальная, трогательная роль некрасивого неудачника. Но что делает Быков?

Как я потом убедился (мне Кадочников об этом рассказывал), всех этих приспособлений вроде арбузов не было в сценарии. Он специально брал почти клоунские приспособления, стоящие на грани примитивного глупого смеха, и сквозь это вдруг возникала трагедия неудачника, маленького человека, но человека с большим, даже гипертрофированным достоинством. Помните, как он пугается тигра и как пытается сохранить офицерскую позицию в этой сцене?

Я вспоминаю такую же сцену с арбузами в другой картине, но зеркально похожую, – в картине «Максим Перепелица», где он подкладывает эти арбузы Вицину? (Там были тыквы – по-

украински «гарбуза». – *Н. Т.*)

Вспоминаю еще одну историю. Я начинал «Республику ШКИД». Меня пригласил директор студии Киселев и сказал: вот у нас лежит список некрасивых артистов, которых нельзя пробовать. Это установка из Комитета. У нас сейчас проблема антигероя, так что ознакомься. Я сейчас вспоминаю фамилии из этого списка – «некрасивые лица», которые нельзя снимать: Леонид Быков, Ролан Быков, Слава Любшин, Майя Булгакова, Алла Демидова, Сергей Юрский… Было фамилий пятнадцать. Поразительно, что сегодня многие из них нам кажутся красавцами. Вот что произошло. Мне, например, как-то трудно представить, что Демидова некрасивая, понимаете? Но было несоответствие тому традиционному представлению об образе героя, которое существовало у официального руководства.

Я никогда не мог, глядя его работы, определить, что главное. Он был очень смешным артистом, но назвать его комиком я не могу. Я вспоминаю колоссальный успех фильма «Алешкина любовь» и как принимали этот фильм на «Мосфильме», как тепло встречал его не только худсовет, но вообще аудитория, которая набилась в транспорантный зал студии. Люди выходили и говорили, что вот если в этом году будет голосование в «Советской культуре» – «лучший по профессии», а тогда такое голосование проводилось ежегодно, то большинство создателей этой ленты, в том числе Туманов и Быков, прежде всего, – достойны первого места.

Да, он снимался не в шедеврах, но в популярных картинах и украшал их, а, может быть, делал их популярными. Все его картины нравились и фронтовикам, и молодежи того времени. «Зайчик»… Сегодня я бы к этой картине отнесся снисходительно, потому что те упреки, адресованные ей, – упреки направлению, которое Быков представлял, – направлению трагической народной драмы. Потому что главное его качество – отвага актерская, и по отваге я его могу сравнить, пожалуй, лишь с Луспекаевым.

И еще. Лучшие наши послевоенные фильмы – это фильмы о войне. «Летят журавли», «Иваново детство»… Могу назвать еще несколько картин. Замечательным является то, что Быков в этом потрясающем ряду выглядел достойно и ни на кого не походил. У меня, когда я смотрел «Стариков», все время был такой страх, как будто это я играю эту роль, у меня было все время ощущение, что вот-вот будет уже неправдоподобно, не очень органично. Но нет – он по самому краю шел и был убедительным.

Народное кино основано на том, что вы воспринимаете народ как человека. Я был на «Ленфильме», когда шли пробы «Зайчика».

Популярность его у технических работников – уборщиц, охраны была поразительной. Быков ходил по коридору и пробовал какие-то жесты, какие-то приспособления. Мы, режиссеры и редакторы, проходили, не обращая внимания, но за спиной слышали хохот охранника, который стоял и проверял пропуска… Через какие-то банальности он мог рассказывать о великом и значительном….

Вы знаете, я говорю и как бы открываю его для себя, а это и есть главное. Великое, как говорил Чаплин, всегда существует рядом с банальным. Но вот на такое, на такую степень риска способен действительно Большой Человек.

Ирина Шилова. Дело в том, что, пересматривая картины Быкова, мы замечаем одно изумительное свойство – есть вечно живущие вещи, ценности, от которых отречься не может ни одно новое поколение. Могут меняться ритмы, могут вступать в действие другие музыкальные системы, образы – все, что угодно, но остается ценность нормального нашего песнопения, славянского песнопения. Вот он, Леонид Быков, точно понимал, что народная картина не может быть только разговорной. Душа открывается там, где человек начинает петь. Музыкальные фактуры его картин идут через времена, пробуждая у людей, которые увлечены тяжелым роком или бог весть чем, ту желанную тишину, когда ты готов слышать. Народный фильм без пения существовать не может, и Леонид Быков это точно знал. Слушая его картины, каждый раз я понимаю, что его персонаж, запев, открывает мне то, что опять звучит через времена.

Дмитрий Миргородский, актер. Быков, светлый человек, был высокообразованной личностью и, несмотря на три инфаркта, несмотря на то, что его обокрали с «Не стреляйте в белых лебедей!», несмотря на то, что у него закрыли несколько замечательных сценариев, этот человек ушел в вечность с чистотой своей песни и своей души… Через 20 лет после ухода Леонида Федоровича мы были в Краматорске. Мы пришли в музей, там сидел целый класс, и не потому, что их привели в музей. Они сами хотели узнать, что это был за человек, который снял «В бой идут одни «старики». Дети подходили к нам, окружали, мы не могли от них оторваться. Они просили расписаться нас всех, мы расписывались, и я спросил одну девочку: «Что для тебя наши автографы?» И она ответила: «Для меня это подарок от светлого человека». Для них Леонид Быков – живой.

Из неосуществленного…

Работать в искусстве – значит, работать сердцем. Следовательно, и мозоли будут на сердце…

Леонид Быков

Леонид Быков относится к числу самых незаурядных актеров советского кино. К сожалению, послужной список его ролей и особенно осуществленных режиссерских замыслов не так уж велик. Интересных творческих открытий могло быть куда больше, если бы ему, как говорится, не то что помогали, а просто бы не мешали…

«Шинель»

1958 год. Неожиданное известие от Алексея Баталова как гром среди ясного неба: популярный актер берется за экранизацию гоголевской «Шинели». Режиссерский дебют требует особого тщательного подбора актеров. В роли маленького человека Акакия Акакиевича он видит только его – Леонида Быкова. Актер потрясен и обрадован доверием своего коллеги. Ничего подобного ему никто и никогда не предлагал. Быков ясно видит мрачный Петербург, ледяной ветер… и маленькую, жалкую фигурку Башмачкина на мосту…

Эта роль словно специально написана для него. Образ маленького человека, неоднократно так удачно воплощенный Быковым на экране, органичен самой сути артиста. Пусть его герои и не совершают поступков большой социальной значимости, о которых пишут в газетах, они реальны, узнаваемы. Вот и герой Гоголя, когда получает свою шинель, не успевает нарадоваться подарку судьбы, поскольку его сразу у него отнимают. Это внутреннее ощущение героя было очень понятно актеру. Однако задуманному не суждено было сбыться.

Когда Быков бросился к руководству Харьковского театра, в котором тогда служил с просьбой отпустить его на съемки, восходящую звезду советского кино быстро поставили на место: «Вы и так слишком часто отсутствуете. Пора бы и театру уделить время». И в очередном отпуске отказали. Случившееся стало огромным потрясением для молодого актера. Акакия Акакиевича Башмачкина сыграл другой, не менее блистательный актер, к тому же еще и его однофамилец – Ролан Быков.

А Леониду Быкову еще предстояло примерить на себя шинель Башмачкина – не в кино, а в жизни.

«Беглец»

Одной из причин драмы Быкова и возвращения его с «Ленфильма» на студию Довженко было его многолетнее, но безуспешное желание поставить повесть одного из самых любимых своих писателей-современников, наряду с Василием Шукшиным, Валентином Распутиным, Виктором Астафьевым, Чингизом Айтматовым, белорусским писателем-однофамильцем Василем Быковым – Николая Дубова «Беглец», опубликованную в Киеве в 1966 году. Она о подростке из приморского поселка, о трагедии семьи, где отец – слабый, безвольный человек и горький пьяница, теряет зрение и становится инвалидом. Появление в жизни мальчика взрослого друга духовно обогащает его и пробуждает в нем интерес к знаниям. Однако чувство долга не позволяет покинуть семью и оставить без опоры беспомощного отца… Другие повести автора «Огни на реке» и «Мальчик у моря» были экранизированы. Первая – в 1953 году, вторая – в 1965-м (под названием «Какое оно, море?»).

Опять не получилось, опять сорвалось…

«Берегись автомобиля»

Оказывается, и недотепистого страхового агента Юрия Деточкина в комедии Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля» мог сыграть Леонид Быков. Известно, что саму идею Эльдару Рязанову и его постоянному соавтору Эмилю Брагинскому подкинул Юрий Никулин, слывший в актерской среде неистовым собирателем анекдотов и необычных историй. В одной из многочисленных гастролей он услышал забавный рассказ о непримиримом борце за справедливость. Рассказал сюжет Рязанову, и тот загорелся желанием снять про него фильм. Главная роль предназначалась Никулину, недаром героя назвали в его честь – Юрием. Вначале сценарий назывался «Угнали машину». Для того чтобы сыграть Деточкина, Юрий Никулин даже прошел ускоренные курсы вождения автомобиля «Волга». И тут выяснилось, что «Союзгосцирк» отправляет его вместе со старым цирком на длительные гастроли в Японию.

Рязанов был вынужден начать пробы с другими актерами. Первым на роль Деточкина пробовался Леонид Быков, который, по мнению режиссера, наиболее удачно, после Никулина, подходил на эту роль. Он приехал в Москву из Ленинграда. Репетиция проходила на дому у режиссера. Однако после первой же пробы Быков сам отказался от роли.

Вскоре затея с картиной рухнула. Запустить ее в производство удалось лишь в 1965 году. Юрий Никулин и на этот раз пребывал в длительной зарубежной гастрольной поездке, Леонид Быков был занят. Их кандидатуры даже не рассматривались. Среди других претендентов на главную роль были: Юрий Яковлев, Василий Лановой, Михаил Державин, Леонид Куравлев, Александр Белявский, Олег Ефремов (позже без всяких проб сыгравший следователя Подберезовикова). Сыграл Деточкина, как мы знаем, Иннокентий Смоктуновский.

Известно также, что на роль Димы Семицветова, которую так блестяще исполнил в фильме Андрей Миронов, претендовал Юрий Белов.

«Двойная нестыковка»

Оказывается, Быков мог сыграть и в одном из фильмов режиссера Евгения Матвеева. Однажды тот признался: «К моему глубокому огорчению, судьба меня надолго не сводила с Леонидом Быковым. Мы постоянно тянулись друг к другу, более того, предлагали друг другу роли в наших фильмах, но… По разным причинам этой радости испытать мне не пришлось».

Остается лишь догадываться, какие именно роли предлагал Матвеев Быкову, а Быков – Матвееву…

«Пропавшая грамота»

Борис Ивченко, которому поручили после гибели Леонида Быкова снять «Звездную командировку» (так переименовали «Пришельца»), за несколько лет до этого спас для студии другую «горящую» картину – «Пропавшая грамота». Там у него снимались: Иван Миколайчук, Федор Стригун, Михаил Голубович и другие прекрасные актеры Киностудии имени Довженко. В одной из главных ролей Ивченко хотел снять и Леонида Быкова. Однако, как на грех, актер незадолго до этого упал с лошади, вывихнул ногу и сниматься не смог…

«До третьих петухов»

Как уже упоминалось, одним из любимых писателей Леонида Быкова был Василий Шукшин. Особо ему нравилась его повесть-сказка «До третьих петухов» с размышлениями о нравственно-социальных традициях русского крестьянства. О том, кто же он все-таки такой, этот «загадочный» русский «деревенский человек», неизменно порождавший вокруг себя столько самых серьезных и самых разнообразных споров, откуда он пришел и куда идет? Эти вопросы звучат уже в зачине сказки, в котором известнейшие персонажи классической русской литературы заводят между собой спор о том, достоин ли Иван-дурак находиться в их обществе. То есть, иначе говоря, можно ли его считать достаточно реальным явлением русской общественно-исторической жизни и, отсюда, персонажем, достойным внимания литературы, таким, скажем, какими были в свое время Онегин и Обломов, Бедная Лиза и Акакий Акакиевич, герои Толстого, Тургенева, Чехова…

Когда Быков впервые прочитал это одно из самых ярких произведений Шукшина, долго ходил под сильным впечатлением. Он понял, насколько кинематографична повесть и сколько открытий может подарить ее экранизация. И решил непременно ее поставить. Известно, что и Шукшин, уже к тому времени написавший на ее основе сценарий и никому его не доверявший, готов был предоставить сочинение Быкову. К тому времени свои сценарные наработки появились и у Быкова. Не сбылось. Творческая встреча Шукшина и Быкова не состоялась. А ведь она могла стать творческой кульминацией мастерства Быкова-режиссера и Быкова-актера. И, возможно, то была еще и его, быковская песня, его мелодия, которую мы так никогда и не услышим.

«Инспектор уголовного розыска»

Однажды кинорежиссер Суламифь Цыбульник (одна из самых известных режиссеров Украины, которую довженковцы прозвали матерью Терезой украинского кино) предложила Леониду Федоровичу сняться в небольшом эпизоде в ее картине «Инспектор уголовного розыска». Рассказала подробно о предстоящей роли.

Леонид Быков в тот момент был занят и не смог сниматься, но предложил режиссеру одну существенную деталь, которая придала эпизоду дополнительную окраску. В дальнейшем в работе с актерами Юрием Соломиным и Львом Перфиловым в роли дамского парикмахера, которого мог сыграть Быков, предложенная деталь использовалась. Казалось бы, какое дело Быкову до чужой работы? Однако щедрость таланта дала возможность поделиться с коллегой своей задумкой, как если бы он снимался сам.

«Хроника пикирующего бомбардировщика»

Говорят, что Леонид Быков собирался снять эту картину. Вездесущее начальство не позволило тогда начинающему режиссеру «Ленфильма» осуществить задумку. Однако Быкову так хотелось принять участие в картине о героизме военных летчиков, что он был готов сыграть и небольшую роль – Осадчего, с которой позже неплохо справился Виктор Ильичев. Уже трудно установить, по какой причине актер не принял участие в фильме. И все же, без Леонида Быкова не обошлось – он озвучил Ильичева, наградив его персонаж сочной и певучей украинской речью.

«Василий Теркин»

Заявка на постановку этого фильма тоже подавалась Леонидом Быковым в Госкино сразу после «Стариков…», но так и не получила одобрения. Возможно, она просто не дошла до адресата – столько было недоброжелателей у Быкова в Киеве.

«Последний срок»

Повесть Валентина Распутина «Последний срок» привлекла Быкова своей пронзительной правдивостью и глубиной человеческих характеров, так характерных для произведений писателя. Жаль, что и эта задумка режиссера не была воплощена в жизнь. Несомненно, то был бы интересный, глубокий фильм-размышление о судьбах людских, о сыновних и дочерних долгах перед родителями.

Финальная фраза из повести: «Ночью старуха умерла» заставляет сердце сжаться от боли. Хотя и немало пожила старуха Анна на свете – почти 80 лет. Сколько дел переделала, вот только некогда ей было вздохнуть и оглянуться по сторонам, «задержать в глазах красоту земли и неба». И вот пришел последний отпущенный ей в жизни срок, последнее свидание с разъехавшимися по стране детьми. То, какими Анне пришлось увидеть детей, стало для нее самым горьким испытанием, подтвердило наступление «последнего срока» – разрыва внутренних связей между поколениями. Последние часы, отпущенные матери, становятся детям в тягость. Им некогда…

«Не стреляйте в белых лебедей»

После триумфа «Стариков» у Быкова начались хождения по мукам: один за другим сценарии, представленные им, отклонялись. Особенно удивительна история с повестью Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедей». Студия дважды подавала его в расчете на режиссера Быкова. Уже было получено «добро» от Госкино УССР… А вскоре куратор из Госкино СССР объяснил отказ: мол, в Быкове нет той обреченности, за которой зритель должен интуитивно чувствовать неминуемую гибель героя в конце. Леонид Федорович всегда воспринимался оптимистом «от А до Я».

Дочь Марьяна вспоминала: «Он несколько раз ездил в Госкино «пробивать» постановку «Лебедей», но киношный чиновник с лицом мясника, багровея и брызгая слюной, срывался на крик: «Этот фильм он не будет снимать никогда!» Через год после смерти Быкова сценарий отдали Родиону Нахапетову, и он снял свое, другое кино». Многие, знавшие Леонида Быкова считали, что у него картина получилась бы более проникновенной, глубокой и неожиданной, ведь благодаря фильму «Аты-баты…» по сценарию Бориса Васильева мир и художественная позиция писателя стали особенно близки Леониду Быкову. «Егор, – сказано в повести, – всегда оставался самим собой, не умел и не пытался казаться ни лучше, ни хуже. И если делал что-то, то не для одобрения свыше, а так, как велит совесть».

Быков должен был не только играть главную роль (сценарий писался специально под него), но и ставить фильм. Его привлекала профессия лесника и роль Егора Полушкина, но она досталась другому, не менее блестящему актеру Станиславу Любшину…

Несостоявшийся проект Ивана Миколайчука

То мог быть фильм о разведчике, потерявшем память. Каким он был бы, уже никому не суждено узнать. Одно творческое содружество таких мастеров, таких личностей, как Быков и Миколайчук, обещало многое. Леонид Быков, не задумываясь, согласился на главную роль в картине собрата Ивана Миколайчука, но работе помешал собственный проект – долгожданная постановка.

Две картины Алексея Симонова

В одном из интервью режиссер Алексей Симонов признался, что дважды приглашал Леонида Быкова в свои картины, которые снимал на «Ленфильме». В тот момент актеру было не до съемок, он с головой ушел в собственные постановки. В 1976 году двухсерийный телефильм «Обыкновенная Арктика» был снят по сценарию Константина Симонова, в его основе четыре рассказа Бориса Горбатова. Картина рассказывала о жизни на арктической стройке в предвоенные годы. В нем играли: Олег Даль, Олег Анофриев, Ролан Быков.

Другая картина «Вернемся осенью» снята в 1979 году по сценарию Вадима Трунина. В ней снялись такие актеры, как Георгий Дрозд, Олег Корчиков, Игорь Васильев, Ирина Мирошниченко. Она о пятерых немолодых мужчинах, призванных рядовыми на резервные трехмесячные сборы.

«Они сражались за Родину»

На пробах этой картины Сергея Федоровича Бондарчука Леонид Быков познакомился со многими достойными коллегами по цеху и с удовольствием продолжил бы это общение и сотрудничество, если бы не одно «но». Все решил случай – Быкову разрешили-таки постановку «Аты-баты, шли солдаты…», и ему пришлось самому отказаться от работы с Бондарчуком. А играть он должен был роль рядового Александра Копытовского, ординарца Петра Лопахина, впоследствии блестяще исполненную Георгием Бурковым. И здесь вполне уместно было бы провозгласить: что ни делается, то к лучшему. Мало того, что зрители насладились прекрасным актерским кинодуэтом Шукшин – Бурков, так еще смогли увидеть и героическую драму Леонида Федоровича, в которой завершающим аккордом его актерской биографии стала роль Свата.

Актерские байки

Природа мягкого быковского юмора такова, что зрители, попадая под его актерское обаяние, порой смеются даже над тем, что в принципе не смешно. Те, кто работал с Быковым, вспоминали, что подобная атмосфера царила и на съемочной площадке.

Как говорил герой Леонида Быкова комэск Титаренко в легендарном фильме «В бой идут одни «старики»: «Война вторична, а музыка вечна». Так вот, в биографии героя нашей книги первичной была, конечно, комедия.

Вокруг каждого известного актера, особенно столь любимого публикой, как Леонид Быков, всегда найдется место домыслам и слухам, а заодно и актерским байкам. Присутствуют на этих страницах и вполне реальные истории, рассказанные коллегами и друзьями актера и режиссера Леонида Быкова. Вот они…

И плохой пример заразителен

Говорят, еще в студенческие годы Быков выступал в каком-то спектакле в массовке, в бессловесной роли дряхлого старика. И играл так, что внимание публики полностью переключалось на этот третьестепенный персонаж, что немало обижало главных исполнителей.

В кампанию борьбы со стилягами ему поручили отрицательную роль стиляги. Вскоре спектакль пришлось отменить: Быков был настолько обаятелен, что молодежь стала ему подражать.

На злобу дня

На заре актерской карьеры Леонид Быков был принципиальным комсомольцем, смело критиковавшим начальство. Об этом в одном из интервью поведал Юрий Василенко, знавший известного артиста в дни его молодости по работе в Харьковском горкоме комсомола.

В начале 50-х годов Леонид Быков был студентом Харьковского театрального института и возглавлял в комитете комсомола культмассовый сектор. Вместе с секретарем комитета Володей Крайниченко он не раз организовывал веселые студенческие «капустники» – с меткими пародиями и со сценками на злобу дня.

Василенко вспоминает, как только что избранный член горкома комсомола Быков в паре с Крайниченко вели концерт на городской комсомольской конференции. Отказавшись от заранее подготовленного текста, ребята прямо на сцене, задорно и хлестко импровизировали по материалам только что прошедшего собрания.

В одной из сценок, Быков, изображая рыбака, рассмешил всех: «Задергался поплавок. Рыбачок, вместо того чтобы подсечь добычу, снимает трубку телефона: «Иван Иванович, тут кое-что клюет. Какие будут указания?» И выполняет последующие действия строго по указаниям начальника. И когда вместо рыбки вытаскивает дырявый башмак, радуется: вся ответственность за неудавшуюся рыбалку с него снята. И он, нисколько не раздосадованный, спрашивает зал: «Так по какой линии осуществлял горком руководство вашей организацией?» – «Главным образом по телефонной»…

Актеру повезло – негодование партийного начальства, сидящего в зале, приняла на себя секретарь горкома. И все же, выступление на конференции не прошло бесследно для актерской судьбы Быкова. В тот день собравшиеся комсомольцы критиковали руководство Театра имени Шевченко, где в то время уже работали Быков и Крайниченко за то, что в его репертуаре почти нет спектаклей, в которых в полной мере могли бы проявить себя молодые актеры.

Руководство, учитывая критику, решило поставить инсценировку легендарного романа Николая Островского «Как закалялась сталь», поручив главную роль Быкову. Спектакль стал событием культурной жизни города. Быков так блестяще играл Павку Корчагина, что попасть в театр было почти невозможно – крупные предприятия бронировали зал на несколько вечеров,

чтобы все сотрудники могли увидеть политически правильную пьесу.

«Вони просили подождать…»

Об одном забавном случае периода театральной жизни в Харькове рассказывала партнерша Леонида Быкова Римма Кирина, заслуженная артистка Украины: «Он умел находить выход из любой непредвиденной сценической ситуации. В спектакле «Коварство и любовь» Леша играл слугу. В одной из сцен в апартаментах леди Мильфорд (Валентины Чистяковой) он торжественно объявлял выход Фердинанда фон Вальтера (Семена Кошачевского). Вот объявляет раз, другой, третий… А Кошачевский в это время заигрался в шахматы в своей гримерке и в ус не дует! Тогда Леша в очередной раз выбегает на сцену и выпаливает: «Вони просили подождать…» От этого экспромта актеры едва не прыснули, а Чистякова долго не могла разогнуться из книксена. С тех пор в театре при случае «вони просили подождать» произносили как присказку».

Мастер импровизации

Что Леонид Быков был мастером импровизации, подтвердить могут многие его партнеры. Вот что рассказал еще один его театральный партнер – Анатолий Литко, зав. кафедрой мастерства актера Института искусств: «Леня часто устраивал сценические поединки – кто кого перефантазирует в предлагаемых обстоятельствах спектакля. И всегда выигрывал, даже у такого аса, как Михайло Покотило. Однажды он так разыграл Покотило в комедии «С любовью не шутят» на выездном спектакле, что тот рассмеялся на сцене и по условиям пари должен был в тот же вечер устраивать ужин в гостинице для всей честной компании».

Суточные от привидения

Этот случай тоже из багажа воспоминаний Анатолия Литко: «Этот случай произошел на гастролях в Горловке. Отыграв свой последний спектакль, мы, партнеры Быкова по комедии «С любовью не шутят» (где он играл Москателя), вдруг почувствовали, что он что-то задумал. Возвращаемся в гостиницу, а там уже стоит Леня и указывает нам на освещенное окно первого этажа. В окне мы видим: уполномоченная по распространению билетов Тигра Львовна пересчитывает выручку. Тут надо сказать, что в карманах у нас, как обычно, к концу гастролей гулял ветер. Быков убегает и возвращается с простыней с двумя дырками для глаз. Простыню – на палку, горящую свечу – в одну из дырок и в окно. Тигра Львовна поднимает глаза, пятится от страха к двери и – бегом к дежурной. Тогда Леня залетает в комнату, хватает деньги и бежит в свой номер. Там аккуратно все подсчитывает и распределяет под расписку со словами: «Только смотрите!..» Ужин был мировой. Естественно, получив суточные, каждый из нас денежки вернул». В общем, иногда казалось, что озорным Москателем он был и на сцене, и в жизни».

Лягушка

Как мы знаем, визитной карточкой на сцене актера Леонида Быкова была импровизация. Каждый спектакль, по словам коллег, он играл по-разному. Однажды аквариум, который нужно было по задумке автора его персонажу вынести на сцену, Быков заменил… лягушкой! Просто для того, чтоб поразить партнера по спектаклю.

Рассказывает все тот же Анатолий Литко: «И вот на одном из спектаклей он точно так приходит на определенную реплику и говорит: «Это тебе». Я беру, раскрываю… А там сидит огромная живая лягушка. Он поймал ее сам, потому что было интересно знать, как актер, который находится с ним на сцене, готов к импровизации».

Случай с «зайцем»

В Краматорске достаточно людей, которым есть что рассказать о Быкове-земляке. Кто-то жил по соседству, кто-то учился с ним в техникуме или побывал на премьере. Так штрихи биографии и житейские эпизоды складываются в портрет парня с «Прокатки».

Вот рассказ жителя поселка Прокатчиков Николая Архиповича Склярова об актере Харьковского государственного академического театра им. Шевченко Леониде Быкове. Февраль 1959 года. Краматорск. ДК им. Ленина.

В конце 50-х годов, после службы в армии, Скляров работал станочником на СКМЗ. Однажды его вызвали в заводской комитет комсомола и поручили создать специальный комсомольский отряд для наведения порядка на танцевальных молодежных вечерах в ДК им. Ленина.

Комсомольский отряд действовал совместно с милицией и быстро навел порядок на танцпощадке. В январе 1959-го в город на гастроли приехали актеры театра из Харькова, среди которых был и Леонид Быков.

Вечер. Дворец культуры. Отряд занял привычные места. Публика рассаживается по местам. В те годы и танцы, и спектакли в ДК были столь популярны, что свободных мест в большом зале Дворца не найти. Вот и в ДК, как на стадион, пробирались «зайцы». В данном случае – по пожарной лестнице на чердак, а дальше – как получится.

В какой-то момент Николай оказался за кулисами. Проходя мимо гримерной, увидел Леонида Быкова, готовящегося к выходу на сцену, дымящего папироской, в белоснежной шелковой сорочке. Неожиданно он обратился к дружиннику: «Послушай! Мне сказали, с колосников на сцену что-то сыпалось. Похоже, наверху кто-то есть. Забрались, видимо, через крышу, чтобы попасть на спектакль. Надо проверить, потому что это очень опасно. В Харькове гвоздь свалился сверху и травмировал артиста. Посмотри, пожалуйста. Там никого не должно быть».

До начала спектакля оставалось совсем немного, и Николай, не мешкая, взобрался по лестнице под высоченную крышу Дворца. И правда, поверх колосников, почти в кромешной темноте, притаилась чья-то фигура. Николай к ней, она – в сторону… Догнал! А когда повел к светящемуся проему и вгляделся в нее – морячок, в черной короткой шинели и шапке. Только весь вымазан – в известке, серой чердачной пыли. Спустились вниз – нарушитель, надо отдать ему должное, уже не

сопротивлялся. Навстречу тот же Быков. Улыбаясь, попросил стража порядка: «Слышь! Давай его отпустим. Он же не хулиганил. А то, что хотел попасть на спектакль, так это театру и нам, актерам, вроде бы даже в плюс – свидетельство популярности. Пусть идет в зал, на балкон – пускай смотрит!» «Иди, служба!» – весело бросил он, обращаясь к морячку. Интересно, сам он эту встречу с Быковым помнит?

В начале февраля 1959 года в «Краматорской правде» появилась статья о гастролях Харьковского академического театра, о том, как краматорчане тепло встречали гостей. Несколько слов рецензии были посвящены и Леониду Быкову, сыгравшего в спектакле В. Раздольского «Дорога через Сокольники» Алешу Вронского, делающего в жизни свои первые шаги.

Бессмысленный спор

Как-то в одном интеллигентном обществе зашел разговор об извечном стремлении модернизма вытеснить из жизни реальное и традиционное искусство и о бесплодности этого стремления. Спор, в сущности, абсолютно бессмысленный, поскольку никто никого в свою веру обращать и не собирался. Одна интеллектуальная дама, особенно рьяно отстаивавшая свою точку зрения, в конце концов истерично заявила при всех:

– Я, представьте себе, не могу больше переносить Шукшина!

– Это ваша личная проблема, – резонно сказал ей на то Быков. – К счастью, для него это не имеет никакого значения…

Неудачный пример

Однажды чиновники Украинского Госкино, чтобы приструнить свободолюбивого режиссера, поставили Быкову в пример режиссера Тимофея Васильевича Левчука, приступившего к съемкам очередного «великомасштабного» кинополотна «Семья Коцюбинских». Дескать, вот это масштаб! Вот на кого следует равняться – в работах мэтра присутствует и революция, и Украина – словом… глубина. Есть, конечно, и белые пятна, но у режиссера в конечном итоге обязательно все получится. На это Быков, выдержав свою характерную паузу, с самым серьезным видом поинтересовался: «А вдруг эти пятна расползутся по всему полотну? Что тогда…»

Сорок восьмой преступник

Леонид Быков не раз признавался на встречах со зрителями: «Я комик и горжусь этим». Яркое комедийное дарование артиста проявилось почти во всех картинах с его участием. Естественно, на съемках случалось немало и анекдотических историй, о которых так любят выспрашивать актеров зрители и журналисты. Об одной такой истории – про собаку, которая снималась с ним в картине «Осторожно, бабушка!», Быков сам любил рассказывать на многочисленных встречах.

На тот момент, как пес попал в кино, в его послужном списке значилось 47 преступников. Четвероногий страж порядка так ответственно относился к своим рабочим обязанностям, что посчитал партнера по фильму очередным злостным нарушителем. Персонаж Быкова попадал под охрану собак в лесной сторожке после того, как два бойких старичка-авантюриста выкрадывали его, чтобы вовлечь в самодеятельность. Вот пес всерьез и гонялся на съемках за Быковым в полной уверенности, что он и есть его сорок восьмой нарушитель…

Несмотря на то что артист рассказывал об этом со свойственным ему юмором, увлекательно и озорно, зрителям не очень верилось, что в момент описанных событий самому актеру было до смеха…

Не будите талант!

Бывают такие семьи, где детей готовят к артистической карьере и настаивают на том, что они непременно должны состояться как творческие личности. Немало судеб сломано благодаря усилиям чадолюбивых родителей, но история повторяется вновь и вновь.

Леонид Быков был знаком с семьей, где родители, таким образом, мучили свою маленькую дочку, уверяя всех, что у ребенка бесспорный дар.

«Не правда ли, – спросила как-то растроганная мать у Быкова, – в ней дремлет драматический талант?»

И тут Леонид Быков не удержался и ответил: «Пожалуйста, постарайтесь его не разбудить!»

Игра – не помеха

Как-то Леонид Быков снова оказался по делам в той семье, где дочку мучили искусством: глава семьи занимал важную должность в хозяйственных органах Москвы, и с ним нужно было решить какие-то вопросы по предоставлению площадки для съемки. Теперь уже жена хозяина уселась за рояль и принялась играть что-то, демонстрируя свои успехи за последний месяц. Увидев, что по лицу Быкова пробежала тень, хозяин поинтересовался:

– Вы любите музыку?

– Да, – ответил Быков. – Но пусть это не мешает вашей жене играть.

Ассоциации

Леонида Быкова пригласили на спектакль в один из авангардных театров, где играл молодой артист – сын очень влиятельных людей. Карьера этого артиста складывалась благодаря положению родителей, и никто не решался прямо сказать о том, что молодой человек бездарен… Не сказал этого и Леонид Быков, но, когда спектакль закончился, на фуршете, где весело пили и обсуждали премьеру, виновник торжества прямо спросил Быкова, какого тот мнения о его игре.

– Своей игрой вы напомнили мне чиновника Госкино Большакова, – ответил Быков.

– Но ведь Большаков не был артистом…

– Вот именно, – сказал Быков и, воспользовавшись паузой, ушел.

«Забыл – где голова, где ноги…»

Говорят, техникой Леонид Быков овладевал на удивление быстро, а каскадерские трюки давались артисту как бы полушутя. Во время пилотирования на «Стариках» произошла такая забавная история: наиболее головокружительным номером в воздухе была «бочка» – поворот самолета на 360 градусов вокруг горизонтальной оси. Леонид Федорович сидел на месте второго пилота. Актерского текста у него в эпизоде было немало: команды и разные советы «желторотикам»…

Когда поднялись на определенную высоту и самолет набрал скорость, первый, управляющий самолетом, пилот неожиданно сделал «бочку», не предупредив об этом Быкова. И это в момент съемок крупного плана! Хоть бы один мускул дрогнул на лице актера или тень страха промелькнула в глазах. Сам текст прозвучал ритмично, с нужными паузами, спокойно, будто на травке возле взлетной полосы стоит рупор, а «желторотики» – вокруг кузнечиками скачут. Когда после съемок оператор, не выдержав, спросил у Быкова, не забыл ли он текст, то услышал: «Текст не забыл, а вот, где голова, а где ноги – забыл». И так посмотрел на операторскую группу, что та просто взорвалась хохотом…

Кузнечик устал…

Вот еще один эпизод со съемок «Стариков», о котором вспоминает артист Леонид Марченко: «Его работа с актером была на телепатическом уровне. Снимали эпизод «Желторотики» отдыхают». Кузнечик (артист Сергей Иванов) на репетициях прекрасно передавал состояние беззаботности, детского торжества победителя «морского боя» и с легкостью живого кузнечика перепрыгивал через побежденного в чехарде.

При съемках и первого, и второго дублей Сережа утратил «соль» эпизода – вот эту детскость. Понял это и занервничал. Еще попытка – и опять неудача: серьезно и не смешно. Эпизод рассыпался… Быков молчал. Сережа, думаю, боялся встретиться с ним глазами. А когда глянул-таки, как бы говоря «не вышло», Леня встретил этот самоприговор такой приветливой и светлой улыбкой (ну устал Кузнечик, ну что здесь такого?), что очередной дубль попал «в десятку».

Фестивальная кадриль

Каким Леонид Быков был блестящим танцором, знают все. На память сразу приходят его «цыганочка с выходом» из фильма «Аты-баты, шли солдаты…» и, конечно, лихая пляска Максима Перепелицы.

Говорят, Леонид Быков не очень любил шумные компании и фестивальные застолья. Тем драгоценнее воспоминания актера Алима Федоринского, которыми он поделился на страницах книги «Будем жить». Описываемый эпизод получился настолько ярким и сочным, что о нем грех не рассказать. Погружаясь в него, словно прокручиваешь кинопленку, чудом запечатлевшую фестивальный танец любимого актера.

– Оркестр заиграл кадриль, – вспоминал Федоринский. – К Быкову, пританцовывая, подошла Римма Маркова, лихо притопнула каблучками, приглашая к танцу. Всегда спокойный Леонид Федорович по-деловому потушил сигарету, встал. И что-то «взорвалось» в нем. Лихо подбоченившись, протянул даме руку, встряхнул шевелюрой, и завертелась кадриль.

Ноги выстукивали замысловатые коленца, глаза горели. В танце он был весь! Заложив левую руку за пояс, откинув корпус назад, держа на вытянутой правой руке руку Марковой, в такой классической позе они, маленький, лихой Быков и крупная Римма Маркова – героиня из «Бабьего царства», под гром аплодисментов легко пронеслись по огромному залу и «по инерции» выскочили в фойе. Тут же вернулись, раскрасневшиеся, жизнерадостные…

«А ведь скоро весна!..»

На съемках фильма «Аты-баты…» произошел случай. Вспоминает гример Людмила Голдабенко: «Снимали такую сцену: в окопе Быков и Конкин. Идет снег. Сняли общий план, начали выходить на укрупнение. И вдруг – дождь! Операторская группа в обмороке. Все пропало! Сейчас потечет грим (а коробка с гримом на другом объекте в Загорске) и придется отменять съемку. А это – ЧП! Леонид Федорович, почувствовав наше напряжение, глянул на Конкина так, как только он умел, провел рукой по мокрому лицу и по-быковски тихо, мечтательно сказал: «А ведь скоро весна!..» И только в этот момент я заметила, что камера работает. Укрупнение состоялось. В.Войтенко принял телепатический сигнал Леонида Федоровича и не остановил камеру. Нежеланный дождь, оправданный молниеносным изменением состояния Святкина (героя Быкова) в кадре, вошел в картину».

«Пришелец»

Сняв два превосходных фильма о войне, Быков – такой земной, такой конкретный Быков, неожиданно для всех решил переменить тему. В 1978 году, не считая свой поступок уходом от действительности, он приступает к съемкам картины «Пришелец». Посредством фантастической сатиры на советскую бюрократию и общественные пороки режиссер решает разобраться в некоторых вопросах окружающей жизни. В одной из сцен его герой Глоус, гость из других миров, произносит: «Земля – это сложно, это очень сложно. И хотя я многое понял на Земле… Я даже понял смысл таких архаичных, рудиментарных явлений, как угодничество и карьеризм, равнодушие и рвачество, демагогия и дефицит. И прочих отдельных явлений, столь редко уже встречающихся на Земле…»

Говорят, это могла быть его лучшая картина, хотя никому уже не дано узнать, какой она была бы в режиссуре Быкова. Ясно одно – в ней слышалась его земная боль… От последней работы сохранились лишь две части актерских кинопроб, каждая по пятнадцать минут. И того полчаса. В них весь Быков, его замысел, его человеческая суть. Пробы получились, как всегда, озорными и веселыми. Комедия обещала быть иронично-смешной, колкой и динамичной. Позже, показанные на фестивале в Париже как самостоятельный короткометражный фильм, пробы удостоились Гран-при за комбинированные съемки и лаконичность. Быков погиб через три дня после того, как их закончил. Смонтированные без него, они хранятся на киностудии как мини-фильм – память о великом актере и режиссере. Жаль, что самой картине не суждено было состояться.

Герои последней картины Быкова – люди и инопланетяне – наблюдают за жизнью друг друга. И зрители вместе с ними отчетливо видят грязь обеих цивилизаций. Сегодня, с высоты прожитых лет, ясно, что подобное кино изначально было обречено. Быков, взявшись за работу, об этом не думал. Вот что вспоминала по этому поводу Клара Лучко: «Он долго искал тему следующего фильма и остановился на фантастике. Фильм «Пришелец» рассказывал о жизни на другой планете, а проблемы обсуждались те, что волновали землян. Съемки шли трудно… Здоровье уже было подорвано инфарктом».

Да, съемки фильма проходили в тяжелых для Быкова условиях, и в первую очередь, моральных. Несмотря на творческие успехи, на студии вокруг режиссера воцарилась атмосфера отчуждения и неприязни, созданная менее

удачливыми и талантливыми коллегами «по цеху» и недовольными чиновниками, которых раздражали независимые суждения беспартийного Быкова, его честность и принципиальность. Быков так и не вступил в ряды КПСС, хотя его не раз звали. Будучи человеком порядочным, он не мог видеть, как его коллеги, выслуживаясь перед властью, «рвут зубами» друг друга в борьбе за материальные блага – квартиры, загранпоездки, пишут взаимоуничтожающие доносы…

Чтобы поддержать Леонида Федоровича, Комитет по кинематографии СССР специально для него подобрал новый сценарий. Друзья говорили, что Быков всерьез увлекся «Пришельцем», работая над ним с не меньшим упоением, чем над «Стариками».

Действительно, Быков давно мечтал о подобной картине. В компании друзей не раз рассказывал о своем дяде, мастере на все руки, который слыл в родном Краматорске Кулибиным: постоянно что-то выпиливал, вытачивал в сарае… Пока не выяснилось, что он сооружал летательный аппарат, на котором собирался отправиться на Луну. Маленький Леня с детства пропадал в этой сказочной мастерской, мечтая в полете составить дяде компанию. Повзрослев, он жил идеей создать фильм о таком человеке. И когда в «Литературной газете» на 16-й юмористической странице начали публиковать отрывки сатирической повести писателя Евгения Шатько «Пришелец», Быков понял – это его тема.

Герой повести Ефим Тишкин получил от судьбы неожиданный подарок – возможность изменить ход цивилизации на другой планете. В одну из ночей, когда Ефим, «приняв на грудь» лишнего, ночевал в стогу, он был «загружен» в летающую тарелку и доставлен на планету Рюм. Оказывается, инопланетяне ошиблись и приняли колхозного механизатора за своего коллегу Глоуса, как две капли воды похожего на Тишкина. Смысл комедии в том, что пришелец Глоус пытается по законам своей планеты жить в условиях советской действительности, а землянин Тишкин обучает рюмлян выращивать огурцы для получения универсального «лекарства» – рассола и использовать их совершенную технику для производства самогона.

Студия связалась с автором, собираясь предложить написать сценарий. И тут выяснилось, что Шатько уже заключил устный договор с телеобъединением «Юность». Данное обстоятельство очень расстроило Быкова. Вскоре автор повести умер. Когда режиссер Киевской киностудии Виктор Гресь, не зная заинтересованности Быкова, привез из Москвы для постановки сценарий «Пришельца», друзья Леонида Федоровича стали его

уговаривать уступить его Быкову.

Рассказывает Эмилия Косничук: «На свой страх и риск я пошла к тогдашнему министру кинематографии Большакову и рассказала о ситуации. Он попросил Греся уступить сценарий Быкову, и Виктор, уважая Леонида Федоровича, отдал материал. Не знаю, кто бы еще так благородно поступил, ведь Гресь сам долго был в простое.

Я начала срочно искать достойный сценарий для Виктора. Вышла на модного тогда таджикского автора Тимура Зульфикарова, который работал над сказкой Погорельского «Черная курица, или Подземные жители». Сценарий был очень интересным и ждал хорошего режиссера. Виктор Гресь снял фильм и получил за него в 1981 году приз Международного кинофестиваля…

А Леонид Федорович с головой ушел в подготовку режиссерского сценария. Нужны были «инопланетные» декорации, фантастические костюмы, специальный реквизит, который не разрушал бы иллюзию существования жизни вне Земли, но был понятен землянам. (По эскизам художников на студии из железных деталей была смонтирована «летающая тарелка» диаметром 10 метров, сшиты прозрачно-дымчатые скафандры, построены декорации. – *Н.Т.*). И главное, Быкову надо было создать два характера – жителя другой планеты Глоуса и колхозника Тишкина, собрать соответствующий актерский ансамбль.

И вот сдача актерских проб, по сути мини-фильма. В ту апрельскую пятницу 1979 года в тесном зале негде было не только яблоку, даже вишне упасть! Почти все отделы администрации были закрыты – все хотели хотя бы краешком глаза взглянуть на быковский шедевр (так в съемочной группе сразу нарекли две снятые части «Пришельца», и это никого не удивляло).

Смешной Тишкин и трогательный Глоус в исполнении Быкова вызывали смех сквозь слезы, бурю восторгов, бешеные аплодисменты, которые на студии впервые(!) заменили собой обсуждение актерских проб. Фильм был просто обречен на успех. В кулуарах Леонид Федорович услышал столько комплиментов в свой адрес, его так тискали в объятиях, так обцеловывали и благодарили, что он сам растрогался до слез. Он был счастлив…»

А вот как вспоминает время подготовки к фильму Константин Кудилевский: «Братцы! – говорил Леонид Федорович, начиная эту работу, в тесном кругу единомышленников. – Неужели же мы не сделаем фильм хотя бы на среднемировом уровне?»

С «Пришельцем» связана и последняя наша, столь памятная

мне встреча. Произошла она, как и первая, в подмосковной гостинице, в день 50-летия Леонида Федоровича. С небольшой группой он приехал в Белые Столбы, чтобы познакомиться с некоторыми зарубежными фильмами на космическую тематику. Интересовали его, главным образом, уровень и техника комбинированных съемок, которые должны были играть важную роль в предстоящей ему работе. Я смог приехать туда лишь поздно вечером. Появился торт с надписью:

«С искусством тесной дружбой связан,
С начальством дерзностно-отважен,
Презрев всех чествований гнет,
Он – аты-баты! – в бой идет!»

Царило молодое воодушевление, вызванное интересной работой, мысли всех – прежде всего самого Леонида Федоровича – были, конечно же, обращены к ней. Ночью в гостинице я прочитал эскиз сценарной разработки Леонида Федоровича, тогда же пришла мне в голову и музыкальная тема этого фильма, которому – кто ж знал! – не суждено было свершиться.

Утром мы говорили о фильме, Леонид Федорович настойчиво искал обобщающую концовку: та, что была в сценарии, его не устраивала. Тогда же он подробно рассказывал о сцене, которой в первом варианте сценария еще не было и которая должна была стать ключевой в нем: Ефим Тишкин, сельский механизатор, попавший на другую планету, спорит с ее руководителями–интеллектуалами о путях развития цивилизации. Тогда ему в качестве аргумента показывают кинохронику военных преступлений, творимых на Земле людьми. Потрясенный увиденным, Тишкин просит «отбить» на Землю телеграмму: «Земля. Организация Объединенных Наций. Всем правительствам. Всему человечеству. Люди… Будьте же людьми!»

Данная сцена красноречиво доказывает, что Быков мог быть не только откровенным лириком. С этим согласна и киноисторик Лилия Маматова, писавшая о несостоявшемся фильме режиссера в книге «Многонациональное советское киноискусство»: «Сколько же грустной, горькой иронии, судя по всему, должен был породить этот взгляд на себя со стороны, да не просто со стороны, а уже прямо из просторов Вселенной… Какая далеко не добродушная пародия на своего любимого простонародного героя угадывается в его приключениях. И какое мудрое, исполненное благородства и печали лицо Леонида Быкова уже окончательно открылось за маской балагура и весельчака – лицо непроявленного, «инопланетного» «я» Тишкина…»

Но вот случилось непоправимое… После гибели Быкова поступила разнарядка завершить фильм в кратчайший срок. Руководство студии пыталось продолжить работу над проектом, но никто из режиссеров не брался, прекрасно понимая, что так сделать, как задумал Быков, ни у кого не получится. Запустить фильм в производство отважился режиссер Борис Ивченко. Вот как рассказывает об этом Эмилия Косничук: «Взявшись за постановку «Пришельца» сразу, едва похоронили Быкова, на роль Тишкина и Глоуса режиссер пригласил Владимира Носика (младшего), внешне чем-то отдаленно похожего на Быкова. Но быковское обаяние и его самоирония давали основание верить в происходящие на экране чудеса (когда у Глоуса загорались уши, жена Тишкина Галина Польских приходила в неописуемый ужас, и нельзя было не поверить ни ей, ни инопланетянину).

Один и тот же эпизод в «Пришельце» и в «Звездной командировке» вызывал у зрителя разные чувства: с актером Быковым – «верю», с актером Носиком – «не верю». Поэтому и пришлось поменять название фильма… Получилась сказка для недоразвитых: не смешно, не изобретательно, да и просто скучно… Так «Звездная командировка» «убила» «Пришельца»…»

С этим трудно не согласиться, ведь для многих Леонид Быков так навсегда и остался загадкой – «пришельцем» с другой планеты. Его жизнь оборвалась в период творческого взлета. И сколько бы лет его не было с нами на земле, заменить его некем…

В год гибели Леонида Быкова одна из декораций к его несостоявшемуся фильму – «летающая тарелка» – демонстрировалась в Москве на Всесоюзной выставке «60 лет советского кино». В книге отзывов и предложений в эти дни появилась примечательная запись: «Хочется верить, что Леонид Быков не умер, а улетел на другую планету и… вернется».

Завещание

– И в трагических концах есть свое величие – они заставляют задуматься оставшихся в живых…

Волшебник, «Обыкновенное чудо»

Порой кажется, что мы знаем о кумирах все. Пока они живы, их имена у всех на устах. Смерть известного человека – событие, которое никого не оставляет равнодушным. Они уходят по-разному – кто молодым, в самом расцвете творческих сил, кто после длинной, наполненной событиями, жизни. Человека больше нет, это невосполнимая утрата, к которой мы всегда оказываемся не готовы. Он словно ускользает, все глубже унося правду и тайну своей неповторимой личности.

…Очнувшись в больничной палате на стандартной железной койке, Леонид Федорович медленно обвел глазами комнату: белые стены, тумбочка, простыня с больничным штампом… «Все, – подумал он, – на этот раз не выкарабкаться!»

Интуитивно предчувствуя скорую смерть, он решил не медлить и написать завещание. И сделал это поздно ночью, пока все спят. Написал и спрятал в тумбочку. Рассказывает Эмилия Косничук: «В 1976 году Быков снимал «Аты-баты, шли солдаты…». Зима, мороз, студия не прислала технику, зарплату задержали… Леонид Федорович приехал в Киев, и у него случился инфаркт… Когда мы с монтажером Александрой Голдабенко пришли его навестить в больницу имени Стражеско (Институт кардиологии имени Стражеско. – *Н.Т*), он передал мне запечатанный серый пакет с надписью: «Ивану Миколайчуку и Николаю Мащенко». «Передай, – говорит, – когда захочешь». Ну, думаю, написал какие-то новеллы и опять стесняется своего творчества. Положила конверт в стол и забыла…

Почему за три года, которые послание пролежало в ящике моего стола, я ни разу его не видела, ума не приложу. Мистика! Может, среди бумаг затерялось?..

Прошло три года. Вечером в пятницу собиралась в командировку, искала в столе документы и наткнулась на тот серый конверт. Когда я его увидела, у меня чуть гипертонический криз не приключился от осознания, что я не выполнила Ленину просьбу. Я ведь понятия не имела, о чем шла речь в письме. Помню, было поздно, выскакиваю в коридор – по совершенно

пустому коридору идет Ваня Миколайчук. Опять-таки наваждение – он никогда в такой час на студии не задерживался. Я протянула ему конверт. «А шо це таке?» – спрашивает. «Да вот, Леня передал», – отвечаю. Иван лишь плечами пожал: «Когда это Леня успел написать, мы ведь с ним полчаса как расстались? Ничего не понимаю». Я тоже ничего объяснять не стала – торопилась на поезд.

В Москве 12 апреля Алла Сурикова сообщила нам о гибели Лени. Примчавшись в Киев, я не могла понять, почему его хоронят не от студии, не от Союза кинематографистов, почему нет оркестра. Кто-то шепнул: «Он так хотел». Когда хотел, чего? Разбираться было некогда. Среди людей, пришедших проводить Леонида Федоровича в последний путь, я не увидела Ивана Миколайчука. Кто-то вновь шепнул: «У него сердечный приступ».

И только через несколько дней я узнала, что пятничным вечером 8 апреля передала Ивану Ленино завещание. Оно оказалось без даты. Судя по всему, Быков число не поставил, потому что подумал: «Не дай Бог приключится еще один инфаркт, меня не откачают. И я не успею передать друзьям просьбу, чтобы они позаботились именно о тех похоронах, которые хочу». Вот и расписал на всякий случай всю прощальную церемонию…»

Послание дошло до адресата. Написать завещание – необходимый поступок человека, предчувствующего скорый уход. Однако не каждый отважится на подобное, поскольку это считается плохой приметой. Так может поступить только сильный человек. К сожалению, подлинник завещания через несколько дней пропал. Осталась лишь фотокопия письма, без лишнего шума похороненного в приемной В.В. Щербицкого. Завещание под большим секретом переснял после похорон тогдашний заместитель заведующего отделом ЦК КПУ Сергей Данилович Бесклубенко, о котором тепло вспоминает в постскриптуме Леонид Быков. Имевший свободный доступ к множительной технике, он успел вовремя положить на ксерокс оригинал, ходивший некоторое время по цековским кабинетам. Свое завещание Леонид Федорович адресует не семье, а собратьям по искусству – однокурснику по Харьковскому театральному институту, режиссеру Николаю Мащенко (тогдашнему секретарю Союза кинематографистов Украины) и актеру Ивану Миколайчуку, с которым он подружился в Киеве. Леонид Федорович знает – на них можно положиться и просит позаботиться о семье.

Впервые завещание полностью опубликовали в книге «Будем жить!», выпущенной в 1996 году в Киеве. Сборник воспоминаний коллег о Леониде Быкове вызвал бурю самых разных отзывов и

толков. Немало противников было и у обнародования предсмертного письма Леонида Быкова. Понимая всю деликатность ситуации, авторы книги пошли на это, сознавая, что именно «со лжи о мертвых начинается ложь о живых».

Публикуем и мы без малейших изменений это письмо, как заметил с горькой иронией сам Быков, его последний сценарий. Синтаксис сохранен. Отсутствие под завещанием даты составляет одну из загадок смерти художника. Загадку, которая вряд ли будет разгадана....

«ДОРОГОЙ ИВАН! ДОРОГОЙ НИКОЛА!

Очевидно, Вам не стоит объяснять – почему обращаюсь к Вам, скажу только одну фразу: «Вы – земля. Вы – порепанi мужики, какими бы Вы ни были большими художниками». Это для меня главное, как и для Вас.

Пишу двоим, как выбирают кандидатов в космос (с дублером).

Пусть никогда не мучает Вас совесть, что эта просьба на всю жизнь. Никогда бы на это не решился, да это и не нужно и не возможно. Это просьба касается на первые 2 – 3 дня, а одна, скажу о ней позже, на пару лет. Никогда не смейте даже подумать, что я взвалил на вас своим нахальством роль душеприказчиков. Это было бы дико.

Обращаюсь к Вам с просьбой тяжелой и не очень благодарной. Попытайтесь разобраться и, если сможете в чем-то помочь – помогите.

Сумбурно, не по порядку, но главное выделите сами.

1. Никогда и никому не поверьте, что «я наложил на себя руки». Просто, если это случится, знайте, что я износился.

2. Самое главное. Моя боль, моя совесть, моя вина – Лесь. Помогите ему поверить в людей. На него обрушилось столько, что хватило бы этого горя на целый народ. Если смогут как-то хотя бы его вылечить, или подлечить, и, если он сможет правдами или неправдами (через какое-то разрешение инстанций) учиться – возьми его, Николай, на курс к себе. Он столько перенес горя, что из него может получиться художник. Если состояние здоровья не позволит учиться ему, то пусть научится чему-то рядом с искусством. Это моя вина, что я отбивал его от «своего хлеба».

3. А теперь, более «второстепенно-юмористические» просьбы-зарисовки.

Вы знаете, что и «рубля не накопили киностроки»,

поэтому пусть кто-то «соображающий» поможет продать машину по «спекулятивной» цене – это продержит их скромно хотя бы 2 – 3 года. Пишу все в полном рассудке, не боясь потерять Вашего уважения за слово «спекулятивно». Вы знаете, что я жил по самым высоким меркам, поставленным себе, но это простят мне, т. к. пенсии за отца взрослым детям не будет (я узнавал), а Тома моя – к сожалению, инвалид: работать она не сможет. Да она долго без меня и не задержится, будет догонять, т. к. мы красиво прожили с ней жизнь, хотя я ее своим занудным характером часто огорчал.

4. Ребята мои (и Тома) – народ гордый. Они не позволят «шапку по кругу». Но надо помочь им, чтобы не предложили на второй день, как Лиде Федосеевой, сдать квартиру на «более подходящую». Все может быть. Поэтому, может, когда-то разменяют, чтобы смогли жить семьями (когда-то, же, женятся дети).

5. А теперь о совсем смешном. Это канительное дело (опыт у меня есть, т. к. хоронил я папу и маму). Но постарайтесь сделать – с мудростью Ивана, с взрывным темпераментом Миколы – следующее:

1) Как можно быстрее вынести из дома, чтобы не мучить моих.

2) Добиться, чтобы разрешили Лесику прийти в этот день (если, конечно, врачи разрешат, чтобы это его не сломало окончательно).

3) Никаких оркестров.

4) Никаких студий. Дома кино (союз) – боже сохрани. Из дома – прямо туда, куда положено. Это мой крик, мольба. Без цирка, называемого почестями.

5) Никаких надгробных речей, а то я встану и уйду: получится конфуз.

Только кто-то из Вас один, кому захочется, скажет одно слово: «ПРОЩАЙ».

Это, чтобы как-то поставить точку, а то нас «не поймут».

6. После этого «дерболызните» кто сколько сможет, но умоляю – не дома. Это, конечно, кощунство и нарушение народной традиции, но очень прошу не для меня, т. к. мне будет все это до фонаря, а для Томы и детей. Это уж, очень прошу, так как знаю, что для моих это будет страшно. Посидит кто-то из девчат, или и Вы, но без застолья. Это для ребят.

7. Не дай бог, Саша Сацкий вспомнит горькую

шутку, что обещал похоронить меня где-то у реки, т. к. после инфарктных дел меня лечила вода, и только вода. «Если тебе при жизни не дали 3 сотки у воды, чтобы ты мог жить и работать, то мы добьемся, чтобы тебе дали 2 м. у Днепра…» Горькая шутка. Но пусть снимет с себя эту обязанность, которая может стать обязательной. По двум причинам. 1. Долго хлопотать, да и не тот я человек, чтобы лежать где-то не НА районом посте. А *второе* и главное – я никогда ничего не просил для себя живым, то пусть, уж, я буду таким и после. А то «шутки» могут обернуться другим боком.

Художник не просит, а если просит, то он деляга.

8. Пусть Алим и Вилорий споют

«Журавли», «Сережку с Малой Бронной…», «Бери шинель» и «Этот день Победы…». И все. Они не откажут. Или запишут на магнитофон, но своими голосами.

А потом, где-нибудь, а то «не поймут» – пусть 2 эскадрилья «врежет» «Смуглянку» от начала и до конца…

Очень жалею, что ничего не успел сделать путного. Хотелось вырвать студию из масштабов левчуковских. Ну, это уже делать Вам!

Вы заметили, что режиссер я не по диплому, а по призванию? Даже свои похороны режиссирую?! Во дает!

Но за этой горьковатой иронией – большая горькая правда и тоска.

Помогите, пожалуйста, моим ребятам!

Спасибо и пока!

Л. БЫКОВ.

Передайте С. Д. Бесклубенко, с которым я встречался 4 раза в жизни, что я его считал коммунистом с большой буквы, как своего папу и себя, хоть последнее и звучит фанфаронски».

Надо сказать, что у Эмилии Косничук, передавшей завещание, были большие неприятности из-за того, что она вовремя этого не сделала. Она написала восемь объяснительных записок. Ее замучили вопросом – как же могло случиться, что она так долго не замечала тот злополучный конверт. Ответа не было. «Ни понять, ни объяснить это невозможно, – оправдывалась она. – Кстати, я храню письма Быкова, адресованные мне и написанные в те же дни, что и завещание. Они датированы. Каждое подтверждает, что Леонид пребывал в глубоком отчаянии и депрессии».

Вот что писал он 20 апреля 1976 года из санатория «Конча-Заспа», где восстанавливался после инфаркта: «Глубокая ночь… Осталась во мне только злость какая-то. Уже не пойму – на что? Но комок злости. Тупой, как сердечная боль. Но и злость отупевшая.

Все цветет, лопаются почки, поют уже соловьи. Красота здесь отменно-номенклатурная: начальство отдыхает часто. Но очень странно, что понимаю это только умом (остатками). Часами смотрю на воду (разлив большой). А жить не хочется. Это не фраза кокетничающего юноши. Нет. Просто не вижу смысла. Раньше хотелось достать клочок земли, построить халупу своими руками. Где-то у воды, в лесу. А сейчас даже этого не хочется. Что-то вроде робота. Картину, конечно, досниму. Что-то сломалось во мне. А ремонту не подлежит. Ну, пока… Очевидно, зря «откачали» в Стражеско.

Привет «Юности» от старости. Л. Б. Все-все бессмысленно. Кроме природы. Мы – навоз».

Действительно, депрессия налицо! Да еще какая. Позже друзья вспоминали, что последние годы слово «смерть» частенько звучало, в том числе и в юмористическом контексте в речах Быкова. Вот, скажем, что он писал в 1973 году о предстоящем отъезде на Колумбийский кинофестиваль: «Утверждают, перелет над океаном и джунглями таит в себе некоторое очарование и кое-какие шансы оказаться в желудке акулы, крокодила и прочих рептилий. Если случится ЧП, слух о моей смерти считайте несколько преувеличенным… и не спешите первые три года поднять рюмки».

Что же касается завещания… Мистика какая-то – редактор, посчитав письмо обычным деловым посланием, тут же забывает о нем. Неужели человек не чувствует энергетику письма? То, что Леонид Федорович, увлеченный работой, за три года так ни разу о нем не вспомнил, неудивительно – не до того ему было. Непонятно другое – как случилось, что 8 апреля Иван Миколайчук читает завещание, а 11-го Леонида Федоровича Быкова не стало…

В интервью газете «Совершенно секретно» 9 апреля 2003 года Марьяна Быкова рассказала, что семья так и не видела письма, которое впоследствии нарекли «завещанием Быкова», только много слышала о нем. «Да и с ним все не так, как пишут, – уверяет Марьяна. – Вы, наверное, заметили, что дают интервью одни и те же люди, представляя все в выгодном для них свете?.. Как человек, перенесший три инфаркта, папа понимал, что ему осталось немного. Но не стал собирать всю семью, чтобы отдать

распоряжение, как нам жить дальше. Он сделал это в своем стиле – на маленьком листочке, который назвал «А если это конец…». Мы нашли его уже после папиной гибели. И о многих вещах он нас предупредил».

Гибель

Ты ушел туда, откуда не приходят —
Так близка была тебе чужая боль…
В нашем равнодушном хороводе
Ты избрал последнюю гастроль…

Из передачи Леонида Филатова «Чтобы помнили…»

Чтобы понять, почему погиб Леонид Быков, надо знать, как он жил, – считала его дочь и была абсолютно права. Леонид Федорович так и не научился беречь себя и жить в щадящем режиме. Три инфаркта, которые он перенес к пятидесяти годам, были тому красноречивым подтверждением и возникли не на пустом месте. Мало кто знал, что последнее время сердечные приступы следовали один за другим. Леонида Федоровича преследовали звонки с тяжелым молчанием в трубке.

За четыре месяца до гибели ему исполнилось пятьдесят лет. Он отказался от «чествования» на студии, сказав: «Вы не спешите с генеральной репетицией моих похорон…» А на следующий день получил странную поздравительную открытку в траурной рамке с погребальным сюжетом – репродукцией картины А. Л. Витберга «Оплакивание Гектора», с невнятной закорючкой вместо подписи и пожеланием долгих лет…

Леонид Федорович очень изменился тогда… Это заметили все. Наверное, он что-то такое знал, предчувствовал, потому что однажды, придя домой, сказал домочадцам: «Ребята, пора избавляться от машины!» Столь странное сообщение прозвучало из его уст, как гром средь ясного неба. Машина была необходима семье. Она стала спасением, возможностью вырваться из городской суеты. Чуть позже Леонид Быков признался дочери: «Меня предупредили», но ничего толком объяснять не стал.

Накануне гибели, 10 апреля 1979 года, у Леонида Федоровича случился очередной сердечный приступ. Дочь Марьяна, ни на минуту не отходившая от отца, вспоминает тот вечер: «Приезжали «Скорые», которые не могли вколоть ему укол,

настолько тягучей уже была его кровь. Когда ему все же сделали, наконец, несколько уколов, его, бедного, на диване прямо подбрасывало – сердце снова «пошло». Мы держали его все, обкладывали грелками, обтирали горячей водой руки, ноги… И вытащили».

Когда через пару часов приступ миновал, и Леонид Федорович пришел в себя, первое, что он спросил: «Как Тамара?» Жена лежала в другой комнате, тоже болела. За нее муж переживал куда больше, чем за себя.

…Ночью он проснулся, прислушался к сердцу – сколько оно еще выдержит? Сейчас пугало не это. Его мучила мысль – как давно жена и дети жили без страха и боли… Вопрос о даче, домике у воды возник после второго инфаркта, когда врачи «прописали» Леониду Федоровичу пустынное место и посильный физический труд. Огород его не особенно интересовал, но, обожая рыбалку, он увлекся этой мыслью. «Выбивать» и просить Быков не умел, и, когда знакомые предложили ему участок в 120 км от Киева, в маленьком селе Страхолесье Чернобыльского района с огородом, выходящим к Киевскому морю, он согласился и начал там «стройку века» – «возведение» щитового объекта. Рыбачий домик он строил с множеством бюрократических приключений, о чем с удовольствием рассказывал друзьям. В ту весну половодье выдалось бурным. Глава семьи решил съездить, проверить, не затоплен ли домик, а заодно расплатиться с рабочими за очередной этап строительства…

Киновед Татьяна Деревянко вспоминала те дни: «Леонид Федорович зашел в музей 8 апреля, в клетчатой рубашке, в гриме своего героя Тишкина, он подарил нам 2 буклета к фильму «В бой идут одни «старики», а 11-го его не стало. На Чернобыльской трассе произошла автокатастрофа, в которой он погиб.

В этот день была пасмурная погода, шел мелкий дождь. В 4-м тонателье на студии проходило партсобрание, во время которого в президиум сообщили о смерти Быкова. Зал оцепенел, люди плакали, не хотелось верить, что его уже нет. На следующий день, идя на работу, я увидела около студийного гаража его машину – искореженную, с запекшимися в салоне пятнами крови, а выше заднего сиденья около стекла лежала его джинсовая кепка и чуть привядший букетик полевых цветов».

Как это произошло… «Разве обо всем расскажешь? – в отчаянии рассказывала Марьяна в другом интервью. – И кому она нужна – такая правда после всего, что о нас пишут и говорят все эти годы? В жизни нашей семьи эта правда ничего не изменит. Не изменит она и тех, кто называет Леся «сучонком» и «преступником», нас с мамой – «сумасшедшими». А главное – она

не вернет папу. Мы с Лесем потеряли не просто отца, а самого надежного друга. А мама потеряла смысл жизни. Официальную версию его гибели мы в семье не обсуждаем. Мы знаем, что произошло и почему это произошло.

В тот день, 11 апреля, папа встал через «не могу» и поехал проведать дачу – начиналась весна, открывался сезон. Папа обещал вернуться вечером. Просил маму поехать с ним, но она месяц отлежала с больным сердцем и была еще слаба – пять минут ходит, ложится… Я сказала, что с удовольствием поеду, но папа был против. Я училась тогда на третьем курсе института, и он сказал: «Железный Феликс (это было мое институтское прозвище) должен быть на занятиях!» Папа уехал один. А вечером нам позвонили и сообщили о том, что он погиб и «забирайте свой труп». Но не сказали, куда ехать, и в ту ночь, с 11 на 12 апреля, я маму закрыла дома и поехала искать папу. На этом закончилось детство, и началась жизнь без него…»

…Ранее утро. Холодный воздух бодрил. Весна выдалась поздняя, что было редкостью для Киева. За рулем Леонид Федорович почувствовал, как слабость уходит, а сердце входит в обычный ритм… 46-й километр шоссе Киев – Минск. Кто знает, почувствовал ли что-нибудь Быков, проезжая в тот роковой день мимо места, где на обратном пути с дачи, всего через несколько часов, ему суждено погибнуть в автомобильной катастрофе? Сейчас на этом месте стоит памятник. А вокруг бутылки, стаканы… Проезжающие любят здесь остановиться и с праведной слезой промочить горло, забывая порой за собой убрать.

…Часов в одиннадцать Быков подъехал к дачному домику. Строители уже ждали. Он осмотрел работу и обнаружил, что сделали не все, о чем договаривались, но ругаться не стал, у него на это не было сил. Быков просто отдал обещанные деньги. Рабочие ушли, в который раз заверив хозяина, что к следующему его приезду все будет готово. Марьяна: «…Местные жители, которые взялись строить этот дом, его считали, конечно, дурачком, потому что приезжали брат и папа в пятницу, оставались на выходные… и только в воскресенье, ко второй половине дня появлялись так называемые строители… брали продукты и подарки, что папа привозил, напивались и опять уползали…»

Последними в этот день около трех часов дня Быкова видели соседи по даче. Леонид Федорович, как всегда, был спокоен и шутил. Уезжая из дома, он обещал домашним вернуться вечером, но предупредил, что, если будет сажать лук, задержится до утра. Погода в тот день была пасмурной, для занятий сельхозработами не подходила, и Быков решил вернуться домой пораньше.

Односельчане говорили потом, что в какой-то момент Леонид Федорович почувствовал себя неважно, но, отмахнувшись от уговоров остаться переночевать, уехал, сославшись на неотложные дела…

Что случилось потом? На протяжении нескольких лет общественность гадала об истинных причинах гибели любимого актера и режиссера. Одна версия сменяла другую. До сих пор вокруг произошедшей трагедии ходит немало слухов. И слово «самоубийство», точно проклятие, витает над именем Леонида Быкова. Эту версию многие до сих пор считают одной из самых правдоподобных. Слишком много он говорил о смерти последние четыре года. И все же, не особо верится в то, что «затравленный властями» Быков сам искал смерти и нашел ее, протаранив встречный грузовик. Эмилия Косничук: «Даже предполагать, что он сам распрощался с жизнью – нечестно и непорядочно. Зачем переводить его в разряд слабых духом людей? Пока народ будет смотреть «Стариков» и «Аты-баты…», пока зрители будут вглядываться в его умные, ироничные глаза, сделать Быкова «слабым звеном» не удастся… Может ли счастливый человек в момент своего триумфа писать завещание и планировать самоубийство? Нет, не время было думать о «добровольном уходе из жизни», как порой старается кое-кто объяснить гибель Быкова… Видимо, люди, которые распространяют эту дезинформацию, имеют с нее определенные моральные дивиденды…»

Владимир Талашко с ней полностью солидарен: «Думаю, у Быкова не было оснований уходить из жизни по собственному желанию, у него не было врагов ни в лице системы, ни в партийных органах. Он снимал патриотические фильмы. Скорее всего, это действительно нелепая случайность». Может быть, свет прольет на эту историю одно из писем Быкова, прозвучавшее как предсмертный стон? Вот что он писал: «…Спектакль этот (жизнь. – *Н.Т.*) досматривать не хочется. Как тот зритель. И скучно, и все понятно, а уходить нельзя – очень скрипят стулья. Слишком много внимания возьмешь на себя. А пьеса-то – дрянь, да и все компоненты «на уровне». Тьма! Серо! Вот точное слово. Как заношенная портянка. Ваш оптимист Л.Б.»

Может, все же, то была трагическая случайность? Или у водителя вновь стало плохо с сердцем? Лариса Лужина: «Слышала такую версию, что у Быкова за рулем произошел сердечный приступ еще до того, как он столкнулся с грузовиком».

Сторонники версии, что случившееся заранее спланировано «компетентными органами», говорили об этом полушепотом. Они считали, что агенты КГБ или перед поездкой слили тормозную

жидкость из быковской «Волги», или просто «смели» его автомобиль с дороги, представив убийство как дорожную катастрофу. Чекист Сергей Цыганков, хорошо знавший Леонида Федоровича, был полностью с этим солидарен: «Это было убийство, так же, как автокатастрофы, где погибли Виктор Цой, Лариса Шепитько, Михаил Евдокимов». И пусть представители власти уверяли, что это было обычное банальное дорожно-транспортное происшествие, ошибка и неосторожность самого Быкова. Уж больно случившееся напоминало расправу над тем, кто был неугоден и так мешал при жизни. Однако соответствующие расследования, подтверждающие правоту подобных утверждений, так и не были проведены, а следствие не рассматривало версию о «подстроенной» трагедии.

Что бы там ни говорила дочь Быкова об Эмилии Косничук, именно она поведала журналистам много интересного о его жизни, в то время как семья хранила «гробовое» молчание. Так, в интервью «Культуре» она рассказывала: «В прессе были опубликованы выводы технической экспертизы, следователя Чевкуза о том, что гибель Быкова – не самоубийство и не убийство, а разговоры об инфаркте как причине трагедии – несостоятельны (гистологическая экспертиза подтвердила, что никакого инфаркта и сердечного спазма в момент аварии не случилось). Что по этому поводу говорили на студии?

Студия следила за ходом и автотехнической, и трассологической, и комплексной экспертиз. Следила и за журналистским независимым расследованием. Один киевский журналист «попал в плен» к сторонникам версии «политического убийства» и даже «заговора против Быкова». Но в прессе с разоблачением «убийц народного любимца» этот журналист не выступил. Уголовное дело было прекращено, а водитель грузовика, в который врезалась 24-я «Волга» Леонида Федоровича, долго не верил, что не виновен в случившемся».

Мнение старшего лейтенанта областного отделения милиции, следователя Виктора Чевгуза, который вел это «дело», подводит такой итог: «Быков умер мгновенно. Печень, легкие, другие внутренние органы и ребра – все было повреждено. Лишь сердце осталось целым. Поэтому разговоры о сердечном приступе не имеют никаких оснований. Никакого инфаркта в момент аварии не было. В противном случае водитель не смог бы давить на педаль тормоза. Нога ослабла бы самопроизвольно.

А вот версия добровольного ухода из жизни выглядела реальной. Тем более экспертиза доказала, что Быков мог избежать столкновения.

– Выжав педаль газа, он успевал совершить обгон и

перестроиться на свою полосу, – продолжает Виктор Степанович. – Также он мог повернуть руль резко вправо и ударить по тормозам, вернувшись на свою полосу. Наконец, «Волга» могла выскочить на обочину, ведь за ней находилось ровное поле».

Интересный материал, проливающий свет на многие обстоятельства трагедии, был обнаружен мной в газете «Факты» (Киев) от 12 апреля 2002 года. Чтобы выяснить, как погиб Леонид Быков, ее корреспондент Владимир Колычев побывал в Вышгородском районе на месте той злосчастной аварии и опросил непосредственных свидетелей.

«На 46-м километре трассы Киев – Минск, – пишет он, – в двух километрах от пгт (поселка городского типа. – *Н.Т.*) Дымер Киевской области, «двадцать четвертая» «Волга» Леонида Быкова догнала трактор МТЗ-50 («Беларусь»), который ехал со скоростью около 20 километров в час. За его рулем сидел житель поселка Каменка Вышгородского района Сергей Ковальчук.

Навстречу трактору и «Волге» двигались грузовик (ГАЗ-53), управляемый водителем одной из автоколонн «Киевводстроя» (фамилия не указана, исходя из этических соображений. – *Авт.*), и УАЗ-469, в котором находились водитель Иван Красий и пассажиры – директор Дымерского лесхоза Владимир Кислый и главный лесничий Василий Шестопал. Когда трактор и грузовик поравнялись, «Волга» совершенно неожиданно буквально вылетела на полосу встречного движения, развернулась и врезалась правым боком в грузовик. Случилось это примерно в 16 часов 30 минут. Удар был такой силы, что грузовик проломил правую стойку «Волги» и врезался передними колесами в салон.

– Я ехал в село Катюжанка, где расположена контора лесхоза, – вспоминал Иван Красий. – Погода была неважная, дождик слегка моросил, асфальт был мокрый. Директор лесхоза быструю езду не любит, поэтому наша скорость не превышала 60 – 70 километров в час. Когда миновали Дымер, нас обогнал груженный стекловатой новый бортовой ГАЗ. Он постепенно удалялся, и тут впереди, метрах в трехстах, появился трактор «Беларусь», за которым ехала белая «Волга». Я внимательно смотрел на дорогу, и все происшедшее запомнил на всю жизнь. «Волга» выехала из-за трактора на половину корпуса, а потом неожиданно присела на передний мост и пошла юзом на встречную полосу. «Что он делает?!» – успел подумать я. В этот момент раздался удар и, как в кино, над грузовиком разлетелись какие-то брызги. Я уже потом сообразил, что это были осколки стекол легковушки.

Перепуганный насмерть водитель грузовика даже не успел

затормозить. ГАЗ больше десяти метров протащил перед собой «Волгу», пока не остановился. Тягу акселератора от удара повело, и двигатель грузовика взревел, как раненый зверь. Повергнутый в ужас водитель грузовика выскочил из кабины и побежал куда глаза глядят. Через некоторое время он пришел в себя и вернулся к своему автомобилю.

– Я подбежал к «Волге» с левой стороны, – продолжает Красий. – Дверь была распахнута, водитель висел на ремне безопасности. «Нож принеси! Обрежем!» – крикнул мне Шестопал. Пробегая мимо грузовика, я хотел заглушить двигатель, но ключа на месте не оказалось. Взял нож и ключ зажигания от своего УАЗа. Сначала заглушил двигатель грузовика, а затем подскочил к «Волге». Вместе с Шестопалом мы перерезали ремень, осторожно извлекли водителя и положили на траву. По его телу прошла судорога, и он затих. Из уха вытекло что-то белое, похожее на молоко…

Сергей Ковальчук возвращался на тракторе домой. Время происшествия хорошо запомнил потому, что был конец рабочего дня, и он посмотрел на часы, чтобы убедиться, что не нарушает трудовую дисциплину. Кстати, Сергей Николаевич и сегодня работает трактористом в лесхозе. После гибели Быкова он поменял два трактора, и сейчас у него сравнительно новый – «Беларусь» МТЗ-80. Чтобы встретиться с Ковальчуком, корреспонденту «Фактов» пришлось около часа поколесить на «Жигулях» по лесу. Хорошо, что вызвавшийся помочь Иван Красий знал здешние места как свои пять пальцев и вывел на тракториста.

– Поравнявшись с грузовиком, я услышал сзади мощный глухой удар, – рассказывает Сергей Ковальчук. – Оглянулся и увидел, как грузовик тащит впереди себя «Волгу». Я тут же съехал на обочину и остановился. Когда водителя легковушки уложили на траву, Шестопал пощупал пульс на его руке – сердце не билось. Мы нашли в «Волге» одеяло и накрыли им покойного.

В этот момент никто из участников ДТП не знал, кто сидел за рулем разбитой вдребезги «Волги».

– Какой-то небритый мужик, но лицо знакомое, – вспоминает Иван Красий. – Я еще подумал, что где-то на стоянке его видел.

К месту происшествия прибыла оперативно-следственная группа Вышгородского РОВД и инспектор Дымерского ГАИ Анатолий Волынец.

– Когда к зданию ГАИ подъехал легковой автомобиль и водитель сказал, что на трассе очень серьезная авария и кто-то погиб, я позвонил в Вышгородский райотдел милиции, попросил выслать опергруппу, а сам отправился к месту происшествия, –

вспоминает Анатолий Волынец (ныне он работает водителем «Скорой помощи». – *Авт.*). Вместе со следователем прокуратуры допросили водителя грузовика. Ему в ту пору было 23 года. Парня так сильно трясло, что зубы у него стучали. Мы его еле успокоили. Он ведь еще переживал из-за того, что права дома забыл. По словам водителя грузовика, «Волга» так резко выскочила на его полосу, что он даже не понял, что произошло. Когда все необходимые действия по документированию ДТП были выполнены, следователь достал из кармана черной нейлоновой куртки покойного права и удивленно воскликнул: «Да ведь это Леонид Быков! Артист!»

Узнав, кто нашел свою смерть в салоне «Волги», водитель грузовика закрыл лицо руками и громко зарыдал. Красий заглянул в права и удивился: на фото Быков был точно таким, как в фильме «В бой идут одни «старики». Один из инспекторов пролистал права и сказал, что у Быкова было две просечки за нарушение правил обгона. «Не повезло человеку, – посетовал кто-то из стражей правопорядка, – в третий раз сам себя наказал».

Кто же виноват в гибели Леонида Быкова и, может, правы те, кто утверждает, будто перед аварией у него случился инфаркт?

– Отец перенес инфаркт в 1976 году и два месяца находился в больнице, – рассказывала следователю Марьяна Быкова. – В 1973 году, когда снимался фильм «В бой идут одни «старики», он тоже очень плохо себя чувствовал, и, как определили потом врачи, перенес на ногах микроинфаркт. Примерно за месяц до автокатастрофы у папы болело сердце, и мы вызывали «Скорую». Автомобиль папа водил уверенно, спиртного не употреблял совсем.

Судебно-автотехническая экспертиза установила, что рулевое управление и тормозные системы автомобилей ГАЗ-53 и ГАЗ-24 на момент аварии были исправными. Водитель грузовика «не имел технической возможности путем применения экстренного торможения предотвратить столкновение». Быков, прежде чем начать обгон, «должен был убедиться в том, что полоса движения, на которую он намерен выехать, свободна на достаточном расстоянии и что этим маневром он не создаст помехи другим транспортным средствам и пешеходам».

Леонид Быков, увидев двигающийся навстречу грузовик и намереваясь его пропустить, стал тормозить, но его автомобиль пошел юзом на полосу встречного движения и через 22 метра столкнулся с ГАЗ-53. Эксперты пришли к выводу, что ДТП «наступило вследствие грубой небрежности самого потерпевшего при отсутствии вины со стороны водителя автомобиля ГАЗ-53». С выводом экспертов согласны и свидетели аварии, с которыми

беседовал корреспондент «Фактов».

– Даже если у Быкова случился инфаркт, то не это стало причиной ДТП, – уверен Анатолий Волынец. – Он тормозил до самого конца. Об этом красноречиво свидетельствовали следы шин на асфальте.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, у Быкова были зафиксированы следующие травмы: «многооскольчатый перелом костей черепа с повреждением ткани головного мозга, переломы ребер справа и слева с повреждением легких, печени и селезенки, многооскольчатый перелом костей таза, переломы правой плечевой кости, обеих бедренных костей. В грудной и брюшной областях было обнаружено значительное количество крови. Причина смерти: множественные повреждения жизненно важных органов и костного скелета, ведущим среди которых являлась открытая черепно-мозговая травма. В крови и мышцах трупа спирты не были обнаружены».

– Удар был страшной силы, – свидетельствует Анатолий Волынец. – Лицо Леонида Быкова не пострадало, но узнать его было невозможно. По долгу службы мне неоднократно приходилось выезжать на различные происшествия со смертельным исходом, и я знаю, что труп через несколько часов коченеет. Но когда мы переносили тело Быкова на грузовую машину, чтобы отвезти в Киев, его переломанные кости хрустели. Следователь, делающий опись личных вещей, так и не смог снять с его пальца обручальное кольцо, это сделал судмедэксперт уже в морге.

– Я много размышлял об этой катастрофе, – вздыхает Иван Красий. – У меня тридцатилетний водительский стаж. Конечно, задним умом мы все крепки, но мне кажется, что Быкову не надо было тормозить после того, как он пошел на обгон, «Волга» могла бы пройти между грузовиком и трактором. Тем более что ГАЗ перед столкновением ехал не по центру своей полосы, а ближе к обочине…

Когда трасса скользкая, то тормозить надо умеючи. Самое разумное – периодически нажимать и отпускать педаль тормоза, потому что коэффициент торможения больше, если колеса время от времени проворачиваются. Особенно опасной дорога становится, когда начинается дождь: на асфальте образуется масляная пленка и машину при торможении несет, как на лыжах. Однако в трагедии с Быковым, на мой взгляд, «виноват» не только мокрый асфальт. Когда я подошел к «Волге» и посмотрел на ее резину, то увидел, что она такая же лысая, как сегодня моя голова. А ехал Леонид Быков не быстро, скорость не превышала 80 – 90 километров в час.

Свидетели автокатастрофы обижаются на тех, кто несколько лет назад поставил памятник Леониду Быкову – он установлен не там, где погиб знаменитый режиссер. На самом деле место происшествия находится примерно на 400 метров дальше.

– Когда Быков погиб, я думал, что сюда народу понаедет, вопросами замучат, – с горечью вспоминает Волынец. – Однако этого не произошло. Однажды я стоял на контрольном пункте и тормознул попутку, чтобы добраться до дома. За рулем сидел киноактер Николай Олялин, я его сразу узнал. Он ехал на дачу. По пути разговорились, я ему место смерти Быкова показал. Через несколько лет приезжали представители Киностудии им. Довженко. Я им также это место показывал. А потом лет на пятнадцать тишина установилась. Ковальчука и Красия тоже никто не спрашивал, где погиб Быков. Обидно, конечно, что так и будет теперь памятник стоять не на своем месте…»

Все вышесказанное хочется подытожить словами дочери Леонида Быкова Марьяны: «После гибели Леонида Быкова одна за другой посыпались статьи с версиями. Одни называли случившееся «инфарктом», другие – «самоубийством», третьи – и это окончательный вывод следствия – «грубой небрежностью неопытного водителя». Я не могу утверждать, что автокатастрофа была подстроена. Не буду спорить с официальными заключениями. У меня есть своя точка зрения…

Трассологическая и судмедэкспертиза показали, что инфаркта в момент аварии не было: сердце – единственный орган, оставшийся целым. Кроме того, человек с остановившимся сердцем не мог 22 метра давить на тормоза. Как не мог режиссер, начавший съемки нового фильма, заботливый и преданный отец и муж, гнать машину навстречу смерти. Но и под характеристику «неопытного водителя» Быков не подпадает. Он имел солидный водительский стаж и намотал не одну тысячу километров. Друзья – военные летчики, обучавшие его секретам вождения, говорили, что ездил он красиво и легко – так же, как играл в своих фильмах…

За четверть века история его гибели покрылась вязкой паутиной домыслов, сплетен и откровенного вранья. Искать истину – дело неблагодарное. Проще запустить очередную газетную утку. Например, о том, что человек, протаранивший быковскую «Волгу», умер после аварии на ЧАЭС, а перед смертью ходил на его могилу просить прощения. На самом же деле водитель злополучного грузовика жив, просто сменил прописку, пытаясь избавиться от клейма «убийцы»…»

В заключении автотехнической экспертизы есть фраза: «Располагая расстоянием 48 метров, водитель ГАЗ-53 Сергей

Колесниченко не имел возможности путем экстренного торможения предотвратить это столкновение». А значит, у водителя грузовика не было шансов избежать столкновения. Но почему актер не ушел от смертельного тарана, хотя у него была такая возможность? Тормозной путь в 22 метра доказывает, что Леонид Быков не шел на столкновение сознательно, он боролся.

Судебный процесс длился два месяца, до 10 июня 1979 года. После аварии водителя грузовика сняли с машины и перевели в слесари. Все это время юноша жил в страхе, не сомневаясь, что суд вынесет ему высшую меру наказания. Когда все экспертизы доказали, что в случившемся виноват сам Быков, водителя грузовика освободили из-под ареста. Однако он так и не смог отделаться от чувства вины за смерть знаменитого актера.

– После того как расследование было закончено и дело закрыто, я вызвал этого парня в Киев, – вспоминает бывший следователь, ныне подполковник, адвокат, глава юридической фирмы Виктор Чевгуз. – Сообщил о прекращении уголовного дела. «Ты свободен, можешь ехать домой», – говорю ему и провожаю его в коридор. Через полчаса я вышел из кабинета, вижу, парень, свесив голову, сидит на скамейке вместе с женой. Между ними – туго набитый холщовый мешок. «Я ему сухарей насушила в тюрьму», – говорит супруга. «А разве вам муж ничего не рассказал?» – удивляюсь я. «Нет, – говорит, – как вышел, так сел и молчит». После этой трагедии молодой человек пытался покончить жизнь самоубийством. Жена собственноручно вытаскивала его из петли. Через семь лет его все-таки не стало. Говорят, он умер от лучевой болезни после чернобыльской аварии 1986 года. Перед смертью он обратился к жене: «Поезжай на могилу к Быкову и попроси у него прощения…»

Аварию, в которой погиб Леонид Федорович Быков, все, кто его любил, восприняли как личную трагедию. В народе говорят – «солдаты не умирают в постели». Леонид Федорович называл себя «солдатским актером», он и умер, как солдат, в бою…

Прощание

Он умер, потому что ему не дали снимать.

Алексей Смирнов

Похороны Леонида Федоровича Быкова состоялись в Киеве 13 апреля 1979 года, когда апрель буйствовал по-весеннему солнечно, а на деревьях распускалась первая листва.

На похороны пришло много людей. Сначала прощались с Леонидом Федоровичем в его квартире в доме номер восемь по улице Ованеса Туманяна, где с 1975 года жила семья Быковых, затем спустились во двор его шестнадцатиэтажки.

Выполняя последнюю волю Быкова, изложенную в завещании, траурная процессия шествовала в полной тишине, которая обрушилась на всех и давила своей неотвратимостью. Знал ли Быков, что в молчании еще труднее прощаться?

Киновед Татьяна Деревянко: «Было очень жарко, и мы долго ждали начала похорон. Впереди траурной процессии на Байковое кладбище ехал студийный грузовик, на котором был установлен портрет Быкова, размером 2Х3 метра, нарисованный за одну ночь. За грузовиком ехал катафалк и множество машин. Грустная процессия медленно двигалась через центр города, и, видя портрет Быкова, люди тормозили наши машины, садились в них и ехали на кладбище».

Друзья Леонида Быкова в точности воплотили его последний режиссерский сценарий. На похоронах не было ни траурных маршей, ни торжественных речей, ни громоздких венков. В этот день на Байковом кладбище не звучало ни траурных выступлений, ни пышных фраз – все, как он хотел. Глотая слезы, «вторая поющая» в последний раз исполнила своему комэску его любимую «Смуглянку».

Николай Мащенко так вспоминал этот день: «Тысячи людей рыдали. Я не знал, как люди выдержали до конца. И как актеры, которые исполняли песню, допели ее до конца. А потом стояла великая гробовая тишина…»

Актер Леонид Бакштаев: «На Байковом кладбище, на притихших холмах, усыпанных народом, вокруг могилы, наверное, не было человека, который бы не плакал. Мы навсегда прощались с ясным и добрым человеком, замечательным артистом, великим тружеником».

Татьяна Деревянко: «Похоронили его на далеком участке, на

горе, и он как бы открыл похоронное поле своим друзьям и коллегам – за его могилой лежат Сергей Иванов, Иван Миколайчук, Сурен Шахбазян, Владимир Денисенко, Алексей Мишурин, Николай Гринько, Александр Сацкий, Исаак Шмарук, да всех уже и не перечислишь».

Дважды в год – в день смерти, 11 апреля, и в день рождения, 12 декабря, – друзья и все, кому дорог Леонид Быков, приходят на его могилу. Там всегда много цветов. Их приносят с любовью и благодарностью те, для кого работал поистине народный артист и режиссер. Памятник-бюст, сделанный его другом Анатолием Фуженко, встречает всех строгим взглядом, как бы говоря: «Ребята! Будем жить!..»

Не дождь, не ветер пробирал ознобом,
А солнце и зеленые ростки…
Маэстро хоронили – и над гробом
Навзрыд «Смуглянку» пели «старики».

Он так хотел. Он так прощался с миром.
Ему такая выпала стезя.
…Ну, вот и все. Отпели командира.
И надо жить. Но без него – нельзя.

Возможно ли – вот так внезапно НЕ БЫТЬ?
Кто ожидал нелепого конца?
Но что роптать, когда забрало небо
Достойного тернового венца.

И вверх пошла дорога от Голгофы,
И, зная это, смерти вопреки
Ему о клене раскудрявом строфы,
Путь облегчая, пели «старики».

Юлия Чечко

«Вокруг… выжженная пустыня…»

В одном из интервью дочь Леонида Быкова Марьяна на вопрос: «Трудно ли жить с фамилией Быкова?», ответила: «Нам всегда с ней было трудно, но особенно тяжело бывает дважды в год – в декабре, в день рождения папы, и в апреле, в день его смерти…»

Действительно, артиста и режиссера Леонида Быкова не забыли. По телевидению крутят его фильмы, снимают о нем документальные картины, пишут книги, а в разных городах Украины устанавливают памятники и мемориальные доски: «Здесь жил… здесь учился…» О нем рассказывают те, с кем он дружил, работал, общался. И только самые близкие люди, его семья: вдова Тамара Константиновна (ее не стало 31 октября 2010 года), дочь Марьяна и сын Александр (в семье его зовут Лесем) предпочитали все эти годы молчаливую память о муже и отце. Их воспоминания редки. В этой главе приведены выдержки их малочисленных интервью, собранных по крупицам из разных источников. Уважаю право семьи на молчание и личную память. Мне показалось важным не умолчать их боли, не судить, а просто выслушать…

Семья и сегодня пытается жить, следуя Его кодексу чести. Они помнят Леонида Федоровича другим, без позолоты мифов и легенд. И знают истинную, не похожую на официальную правду, историю его жизни и смерти. Стараясь не отвечать на клеветнические выпады, не продают архивы, не открывают фондов, не торгует фамилией. Не отдавая себе отчета в том, что именно отсутствие опубликованной архивной информации и вызывает не только искажение фактов биографии Леонида Федоровича Быкова, но и порождает вокруг его имени такое огромное количество кривотолков и сплетен. В потоке накопившихся противоречивых мемуарных свидетельств воистину нелегко «выловить» перлы действительной правды. А ведь даже людям, хорошо знавшим Леонида Федоровича, порой трудно разобраться, где правда, а где ложь…

Какие только сплетни не ходили вокруг личной жизни любимого артиста. Писали и что его жена – психически нездоровый человек, и что Леонид Федорович всю жизнь вынужден был за ней ухаживать и жить в тяжелой, гнетущей обстановке. Будто именно это стало причиной трех его инфарктов, а потом и смерти. Подобная гнусная, омерзительная ложь преследует семью Быкова с того момента, как его не стало…

«Слухов вокруг нас до сих пор много. Можно подать в суд и

назвать подлеца подлецом, – жалуется дочь. – Но всякий раз, когда я порываюсь защитить честь и достоинство семьи, брат говорит: «Не лезь в эту грязь. Сегодня докажешь, что моешь шею, а завтра напишут, что ты не чистишь зубы. И что, всю жизнь будешь полоскаться?» Мама добавляет: «Не унижай ни нас, ни папу этими выяснениями». И я понимаю, что они правы.

…Сказать о Быкове плохо, собственно говоря, нечего. Он не пил, не гулял, «не стучал». Не продавал и не предавал… Я осознаю, что в отрыве от папиного имени, нормальные мы, ненормальные, моем ли мы посуду, любим – не любим… никого не интересовало. Но если говорят так о семье человека, искренне и горячо, и свято любимого народом, этого ему простить не могут. Ну, хоть немножко какой-нибудь гадости скажут. И тогда, наверное, легче живется…

Гораздо интереснее прочитать, что семья не любила Быкова, чем то, что он всю жизнь обожал жену и детей. Нам не прощают, что мы не отдали в чужие руки архивы, что не рассказываем, как он жил. Проще сказать, что Быков покончил с собой, чем объяснять, как трудно он жил, почему у него к 50 годам было 3 инфаркта. Папу ведь не приняли сразу, с первого же дня приезда в Киев. Он так и ушел из жизни, не поняв, зачем его сорвали из Ленинграда и пригласили сюда, если он был здесь не нужен…»

«Несчастье пришло в нашу семью, когда мы, патриоты, вняли уговорам руководителей Киностудии имени Довженко вернуться на Родину, – вспоминала со слезами вдова Быкова. – Красивые слова нам говорили, что надо спасать студию, что они собирают национальные кадры. Леня безумно любил Ленинград, как мы все, но все же поехал, а в Киеве наша жизнь закончилась. Мы оказались никому не нужны. Лене не давали снимать «В бой идут одни «старики», говорили: «Бездарный сценарий!», а он вопреки всему сделал картину, заработал первый инфаркт, но и благодарность зрителей!..»

Близким Леонида Федоровича и сегодня непросто живется в нынешнем жестоком и равнодушном мире, но они помнят его заповеди: «Ничего не проси. Не своди счетов. Не унижайся. Люби людей и цени жизнь – самое ценное, что существует в природе. И хотя спидометр постоянно отсчитывает расстояние к смерти, все-таки жизнь – это чудо! С болью и радостью, с горем и счастьем. И человек просто обязан прожить ее достойно…» И стараются им следовать.

Ближний круг Леонида Федоровича знает, насколько нежно любил он свою семью. Встреча с женой в Харьковском театральном институте стала ему утешением, ниспосланным судьбой. Тамара, не задумываясь, пожертвовала всем ради семьи,

выбрав путь жены и матери. Во время съемок «Стариков» оставила работу, чтобы ухаживать за тяжелобольной матерью мужа. Леонид Быков всю жизнь горячо, по-мальчишески любил свою Тому. В день катастрофы в его вдрызг разбитой, не подлежащей ремонту, «Волге» нашли чудом сохранившийся скромный букетик первоцветов, которые Леонид Федорович вез жене…

Леонид и Тамара расписались спустя шесть лет нежной и преданной дружбы в самом старомодном и истинном ее смысле. Господь посылает им детей – в 1956 году рождается сын Лесь, а в 1958 году дочь Марьяна.

«Прожив свою женскую жизнь и наблюдая многие семьи, я могу сказать, что большего счастья, большего понимания и более бережного отношения друг к другу, чем у моих родителей, я не встречала ни у кого, – рассказывала Марьяна со страниц «Газеты 2000» 09 декабря 2005 года. – «Мы красиво прожили с ней жизнь» – так отец написал о маме. Они внутренне были очень похожи – по своему мироощущению, по отношению к жизни и к людям. Мама, кстати, могла сделать неплохую карьеру в театре – она была очень музыкальной, поющей, танцующей. Ее приглашала Харьковская оперетта, но она уехала по «зову Родины» в Ворошиловград, работала в Харьковском ТЮЗе. И папа всегда чувствовал перед мамой вину за то, что она всю жизнь посвятила ему и семье, пожертвовав своей карьерой. Я точно знаю, что и для моего отца главным в жизни была не работа, а семья. Он говорил: «Если я вас хотя бы день не вижу и не слышу, то зачем мне все это?» У нас были особенные отношения – мы ненормально любили друг друга. Мы жили по своим законам. У нас была своя конституция и свои неписаные правила жизни. Это не значит, что мы нарушали законы общества, просто нас заставляли думать и поступать так, как тебе подсказывает совесть.

Это были не назидательные нравоучения. Нас с братом воспитывали личным примером. В нашем маленьком государстве никогда не было скандалов. Мы просто чувствовали друг друга. Мама была для отца главным советчиком, самым строгим критиком и самым преданным другом. И то, что он успел сделать в кино, во многом и ее заслуга».

Для Леонида Федоровича семья была самым дорогим в жизни – его надежным тылом, источником сил и вдохновения. Когда речь заходила о жене, сыне и дочери, все для него отступало на второй план – и друзья, и работа. С дружеских посиделок, из командировок и со съемок он неизменно спешил домой. Присылал записки, телеграммы, даже если эта поездка была недолгой. Мог из Ташкента везти для детей в Ленинград арбуз. Вот как вспоминает об этом его друг Борис Савченко: «Леня

всегда, как только освобождался, сразу бежал домой. Как только съемки заканчивались, он делал все возможное, чтобы на следующий же день оказаться в Киеве и успеть помочь по хозяйству жене, позаниматься с детьми… Так он любил свою семью». Коллега Леонида Быкова по Харьковскому театру Елена Тимофеенко вспоминала: «Леня был очень внимателен к своим детям. Бывало, задавал им темы для фантазий, а потом записывал их на магнитофон. Он постоянно пребывал в игровом состоянии. Всегда что-то придумывал, изобретал…».

О тех счастливых днях красноречиво говорят и фотографии семейного архива Быковых – нечаянные, не постановочные кадры, словно случайно подсмотренные фотокамерой. На них хорошенькая, смешная девчонка, не по годам серьезный мальчик, молодая красавица-мама и, полный гордости, отец. Вот Быковы у моря – семейный отдых. Не курортно-санаторный, а дикий. Леонид Федорович не умел бегать по кабинетам, «выбивать» путевки, за себя неловко было просить, поскольку считал: «Художник не просит, а если просит, то он деляга». Поэтому семья просто находила тихий уголок на пляже и ставила палатку. Она-то и становилась на несколько дней летней резиденцией Быковых.

Именно у воды Леонид Федорович забывал о вечном преодолении. Здесь не было завистников, а значит, не нужно было ждать ударов в спину.

Быков не был страстным рыбаком, но любил сидеть на берегу. Марьяна: «Он уходил в четыре, полпятого утра на рыбалку, еще было темно. Перед этим сквозь сон мы слышали, как он гремит кастрюлями, потихонечку что-то там варит. Потом оказывалось, что он варил какую-то новую, совершенно невозможного рецепта мастырку, которую по секрету посоветовали ему его друзья-рыбаки».

После потери отца семья не только старается не общаться с прессой, но и не находит общего языка с его друзьями. «Большая часть публикаций в прессе – вымысел псевдодрузей и нынешних биографов папы, – говорила в одном из интервью Марьяна. – О моей маме пишут, что она шизофреничка, родившая меня и брата в период обострения болезни. И что бы мы сейчас ни рассказывали, нас уже слушать не будут; нельзя ведь верить тому, что говорят шизофреники.

Так называемые друзья поняли, что имя Быкова открывает всякие двери, что на нем можно спекулировать, превратив в разменную монету, и что это хорошо оплачивается… А мы, свидетели, мешаем им зарабатывать. Но остались и настоящие друзья, которые, как и мы, молчат. Поступают так, как

распорядился папа. Он был необыкновенно прозорливым человеком и знал, что будет после его смерти…»

Когда по настоянию детей Быкова был закрыт фонд имени их отца, Марьяна объяснила решение семьи так: «Мы не хотим, чтобы фонд занимался коммерческими делами». Лесь поддержал близких, прислав письмо, в котором писал: «Честное имя отца – единственное, что у меня осталось. Не хочу, чтобы оно было использовано». «С самого начала мама, как наследница, категорически возражала против любого использования имени папы, – рассказывала потом Марьяна. – Да он и сам был бы против такой «памяти». Но меня убедили, что все будет делаться чистыми руками, и я поставила свою подпись. Организаторы обещали поговорить с мамой – должно было быть ее разрешение. Однако маму проигнорировали, и фонд был зарегистрирован на основании только моей подписи, которая, я так понимаю, не имела юридической силы. А вскоре у мамы появились сомнения в честности этих людей, и она с братом обратилась в Минюст с просьбой снять имя Быкова из названия. Было большое противостояние, но мы добились своего».

«Очень многие люди, окружавшие папу при жизни, показали свое истинное лицо, – говорила она в другом интервью. – Мы узнали цену всем дружбам и клятвам. Еще до папиной смерти нам и ему пообещали «выжженную пустыню». И мы ее испытали в полной мере. Первое, что мы сделали после папиной гибели, – вывезли весь его архив за пределы Украины. Успели вовремя: дважды у нас взламывали квартиру. Потом предлагали продать архив, суля приличные деньги, шантажировали, но я сказала, что не торгую памятью отца. А дальше была попытка убийства. И в тот момент, когда я слышала собственные хрипы, было сказано: «Отдашь архивы – будешь жить!»

Каждый день я молю Бога о здоровье мамы (интервью дано несколько лет назад. – *Н.Т*), семьи брата и супругов Склянских – наших старых ленинградских друзей. Благодаря Якову Ильичу и Берте Моисеевне мы живы. Они спасли нас в тот момент, когда буквально стоял вопрос: подохнем мы с мамой или нет. Такое было отчаяние – хоть кончай с собой…

…И в этот момент пришло письмо из Лос-Анджелеса. Склянские давно уехали туда из Ленинграда, с ними не поддерживалось практически никакой связи. Но в их письме было столько любви и тепла, что мы просто воспрянули духом. Эти листочки уже выцвели, пожелтели, но до сих пор заряжают нас добром, которого мы не получили от людей, находившихся формально и географически гораздо ближе».

«Мама моя уже старушка, на пенсии. Третий год, с октября

2000-го, мы живем с ней в общежитии (интервью 2003 года. – *Н.Т.*). Пишут, что через неделю после гибели Быкова семья продала квартиру. О какой продаже недвижимости могла идти речь в советское время?.. Прошло пять лет, прежде чем мы решились на размен. К тому времени я вышла замуж, брат женился, у него уже родился второй ребенок. В результате он переехал в однокомнатную в центре Киева, нам с мамой досталась двухкомнатная. Но вскоре мы обменяли ее сначала на квартиру в Тульской области, где прожили 8 лет, а позже – на Харьков. Это моя родина, там учились и познакомились родители… Возвращаться в Киев не было никакого желания. А для того чтобы помнить и любить папу, нам не нужны ни торжества, ни фонды, ни памятные знаки на месте гибели – этакое пиршество на крови. Живя в Харькове, мы часто бывали на его могиле, и об этом никто не знал».

На вопрос «почему они уехали из Киева?» дочь Леонида Быкова ответила так: «Очень тяжело жить во лжи. Первые годы о папе боялись вспоминать, потом на его имени стали делать бизнес. Организовывались фестивали, создавались концертные бригады. Люди ездили по стране и рассказывали небылицы. А мы знали цену этим людям и не могли смотреть им в глаза и слушать то, что они говорят…

Но в 1997 году меня разыскал гендиректор Студии им. Довженко Николай Машенко и пригласил поработать в его новой картине. Говорил, ситуация изменилась, тех людей уже нет и у меня начнется жизнь с чистого листа. Я долго сомневалась, но, даже приняв решение вернуться, какое-то время жила на две семьи и только в 2000-м перевезла маму.

Квартирами мы с братом поменялись, и его однокомнатная в центре Киева перешла мне. Продав ее, мы с мамой купили двухкомнатную на Выселках; оказалось – купили у мошенников, и остались без жилья и без денег. На месяц нас поселили в общежитии киностудии, и вот уже третий год мы живем здесь. И третий год я борюсь за то, чтобы нам вернули деньги или квартиру… Хотя кого интересует эта лирика? Ведь люди, читающие газеты, уже знают, что Быковы квартиру продали и все деньги пропили… Это лично вам я могу сказать, что, когда не было средств ни на суды, ни на операцию и лечение мамы, ни на жизнь, нам пришлось с разрешения Леся фактически заложить его квартиру. Теперь у нас вообще нет никакого жилья. И возвращаться ему некуда».

«Моя боль, моя вина – Лесь…»

Из завещания Леонида Быкова: «Самое главное. Моя боль, моя совесть, моя вина – Лесь. Помогите ему поверить в людей. На него обрушилось столько, что хватило бы этого горя на целый народ… Это моя вина, что я отбивал его от «своего хлеба».

После перенесенного инфаркта 1974 года Быков в больнице узнает о неприятностях с сыном. Когда в палату осторожно заглядывает врач и сообщает, что Лесь задержан милицией и подозревается в ограблении ювелирного магазина, Быков потрясен. Чтобы спасти его от суда, все деньги, вырученные за «Стариков», отец отдает врачам. Страшное клеймо – вялотекущая шизофрения возвращается в семью. И вместо тюрьмы Лесь отправляется в психиатрическую больницу.

Судьба Александра Быкова похожа на бесчеловечный эксперимент. На слишком смелого в суждениях правдолюбца Леонида Быкова решено в воспитательных целях воздействовать через семью, и в первую очередь через сына. Расчет простой – Быков перестанет лезть на рожон, когда угроза нависнет над семьей. Но сын Быкова унаследовал от отца не только нежную душу и совесть, но и его характер. А ведь на его плечи выпало столько горя, испытаний и клеветы, что выжить и не сломаться было почти нереально.

Марьяна: «Судьба Леся – это месть за отца. Это то, о чем он говорил: «Не получилось сломать меня, взялись за самое дорогое, за детей». Лесь – это гипертрофированное повторение папы. Он рос таким же чистым и наивным, как и отец, мечтал стать летчиком. В армию он не уходил, а убегал. И не в ансамбль песни и пляски, а в десантные войска. Отец, наверное, первый раз в жизни решился тогда что-то попросить для себя, вернее для сына. Он хотел быть десантником, а предложили возить местного киевского генерала. Зная, как важна для молодого человека мечта, отец, пользуясь авторитетом, пошел в военкомат, уговорил и убедил, и парня взяли в десантники. Служил нормально, без взысканий до тех пор, пока командование полка не узнало, кому рядовой Быков доводится сыном…»

Леонида Федоровича пригласили в часть на творческую встречу. Но после выступления он неожиданно быстро уехал, сославшись на дела в Киеве. Лесь, до сих пор слывший отличным солдатом, стал регулярно получать наряды вне очереди. Позже он узнал, почему впал в немилость: отец отказался выпивать на банкете, который устроило командование.

Еще через месяц Леониду Федоровичу передали новое

приглашение – ожидалось высокое начальство из штаба ВДВ. Когда Лесь сказал, что отец не приедет, ему посоветовали передать отцу, чтобы тот хорошенько подумал. А через несколько дней, во время ночного дежурства, его избили и отправили в психиатрическую больницу. Семье объяснили, что у него обнаружились некоторые проблемы с психикой… В больнице Леся без конца кололи… А потом комиссовали и отправили домой, выдав военный билет с записью: «Ст.4. Гр.1 воинского расписания болезней». В те времена с этой статьей и страшным диагнозом – шизофрения – попытки устроиться на работу были бессмысленными.

Вот как те же события представлены Марьяной Быковой (в первом номере «Спид-инфо» за 2001 г.): «Когда мой брат Лесь служил в армии, в часть попросили папу приехать с фильмом «В бой идут одни «старики». Папа провел там замечательную встречу. А после пьяный майор развязно сказал Лесю: «Еще бы хорошую картину не снять, деньжищ-то твой отец отхватил будь здоров. Эти артисты богачи, а жены у них – проститутки». Брат ответил: «Если бы вы не были моим командиром, я бы вам морду набил». Тогда майор и еще один прапорщик избили брата, а потом, чтобы уйти от ответственности, организовали дело так, что в военном билете брата врачи части поставили штамп, что он шизофреник. Леся комиссовали. Он не мог устроиться на работу – его должны были освидетельствовать врачи, чтобы снять этот диагноз. Гражданские врачи не делали этого, не хотели ссориться с Министерством обороны. Брат был в отчаянии. Решил сделать что-нибудь такое, чтобы на него обратили внимание и освидетельствовали. Додумался разбить витрину ювелирного магазина. Представляете, только тогда его освидетельствовали и признали здоровым».

«Десять лет ушло на то, чтобы снять диагноз, – вспоминает она в другом интервью. – Десять лет загубленной жизни, бесконечных комиссий и хождений по инстанциям. Отец дошел до министра обороны. Тот посоветовал ему поберечь здоровье. Главврач Павловской больницы, доктор Лившиц, сказал тогда отцу: «Используйте все связи, спасайте сына, здесь его «заколют». Увозите семью из Украины…»

Станислав Ростоцкий с Михаилом Ульяновым взялись папе помогать. Они хотели, чтобы Леся положили на обследование в госпиталь в Москве, где бы его освидетельствовала независимая комиссия. Когда были написаны нужные документы, и все подписано, Киев не выпустил Леся». Из письма Леонида Быкова: «Ну, как тут не богохульствовать, если тебе подсунули судьбу-фашистку? Ладно, дай мне время, чтобы я мог спасти Леську. Дай

мне вырвать сына из психиатрички, вдохнуть хоть капельку веры в жизнь и в людей. Или еще что-то готовишь мне большее? Больше – не бывает! Глубоко тебя презираю, моя судьба! И не уважаю». Леонид Быков написал эти горькие строки в момент отчаяния, когда окончательно осознал, что началась страшная по своей жестокости и цинизму игра без правил, остановить которую он уже не в силах…

К моменту, как Быков приступил к съемкам «Аты-баты…», сын вернулся из армии. Отец пристроил его на съемки, поближе к себе. Эмилия Косничук в интервью газете «Бульвар Гордона» рассказывала: «Много страданий Быкову доставлял сын Лесь, ныне гражданин Канады. Сложный мальчик – да простит меня Леня, но об этом знают многие. Отец взял его к себе ассистентом на съемки «Аты-баты…» и поручил монтажеру Шуре за парнем приглядывать. Лесь такое вытворял – уму непостижимо. На ровном месте закатывал жуткие истерики, не выполнил ни одного поручения…

Дальше – больше. Лесь попал в дурную компанию, оказался замешан в серьезном преступлении. Отмазать парня от неприятностей Леониду Федоровичу помог куратор студии от ЦК, тогдашний министр культуры Бесклубенко, но мягкому, застенчивому, при этом гордому Леониду Федоровичу приходилось ходить по инстанциям, просить за оболтуса. Представляете, что чувствовал режиссер, который никогда не разменивал на подачки свое имя, популярность…»

Да, отличаясь неуравновешенным характером, Лесь постоянно оказывался в эпицентре разного рода скандальных историй: служа в армии, подрался с офицером, работая на киностудии, был замечен в краже вещей у иностранцев, а в 77-м сын по глупости оказался замешанным в ограблении ювелирного магазина. Пока Быков сидел за монтажным столом, заканчивая картину «Аты-баты, шли солдаты…», Лесь сдружился с сомнительными ребятами. Однажды они попросили его покатать их на отцовской «Волге». Он не мог отказать новым приятелям. Пришел к отцу и попросил его дать ключи от гаража и машины, сказав, что хочет ее помыть, а заодно прокатиться, чтобы восстановить водительские навыки. Леонид Федорович не смог отказать сыну, попросив его не задерживаться.

Веселая компания предложила Лесю поехать в Березняки. Там дружки остановились у ювелирного магазина, приказали Быкову-младшему оставаться в машине, а сами пошли «на дело». Кто-то из свидетелей запомнил номера машины и сообщил об этом в милицию. В тот же день злоумышленников задержали. Лесю светило несколько лет тюрьмы, но благодаря стараниям отца,

парень «отделался» годом лечения в психиатрической клинике.

Когда Леонид Федорович узнал, что его сын арестован за соучастие в ограблении, у него случился очередной инфаркт. Однако лечь в больницу отказался. Как раз в это время актеру и режиссеру Быкову присудили Госпремию имени Шевченко за фильмы «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…». Быков отказался от престижной премии, сказав, что недостоин столь высокой награды, и на вручение не поехал. Когда об этом доложили первому секретарю ЦК Компартии Украины Владимиру Щербицкому, обожавшему Быкова, тот распорядился: раз лауреат сам не может забрать премию из-за тяжелого состояния здоровья, ее нужно доставить на дом. Так и поступили – Быков получил премию прямо в постели, и на все его возражения ответ был один: «Таково пожелание товарища Щербицкого, который вас любит и ценит».

Состоялся суд. Быков тяжело перенес это событие. Когда он наконец выздоровел и пришел на киностудию, то выглядел на добрый десяток лет старше. Леонид Федорович стал замкнутым, неразговорчивым и мало чем напоминал прежнего жизнерадостного весельчака. Через несколько дней он подал заявление об уходе. Директор киностудии отказался его принять, но Быков отдал его секретарю. Об этом доложили Щербицкому. Он пожелал встретиться с Быковым. Никто не знает, о чем шел разговор, но свое заявление Быков забрал.

Когда случилась трагедия, Лесь тяжело переживал смерть отца. Потом женился. На работу так и не устроился. А когда окончательно понял, что все попытки бесполезны, покинул страну – по дороге во Львов спрыгнув с поезда, бросился в холодную воду реки Тисы и переплыл границу. В него стреляли пограничники, но он чудом уцелел, позвонил матери, сказав, что будет жить в Канаде. Сначала была Австрия, где независимые психиатры признали его здоровым, потом, в 1991 году, – Канада, принявшая Александра Быкова в качестве политического беженца. Через год к нему приехала жена с тремя детьми. В Канаде родился четвертый ребенок. Сейчас в семье у Леся четверо детей, сам он – строитель. Часто звонит домой, но приезжать на родину, которая сломала его жизнь и где все напоминает об отце, не хочет.

Вот как сам Александр Быков в одном из писем описывал свою жизнь: «Меня посылали кругами – из одной инстанции в другую: больницы, военкоматы, комиссии и перекомиссии, приемные высоких кабинетов, письма в ЦК КПУ, Политбюро СССР. Я добивался только одного – снять с меня ограничение на профессию. Я не просился в космос, я хотел работать

обыкновенным шофером или обыкновенным грузчиком, чернорабочим на стройке или на лесоповале. Мне нужно было кормить семью. Отец тоже ходил и доходился… до двух не очень растянутых во времени катастроф. Может, хватило бы и одной, но они с мамой нечаянно выжили. (За несколько лет до гибели Леонида Федоровича в стоящую на обочине быковскую «Волгу» въехал грузовик. Тогда они с женой чудом уцелели. – *Н.Т.*) … Потом я решил подделать документы от райкома партии. Помогли люди. Люди, чудом оставшиеся в живых после семидесяти лет поголовного перевода всех в «товарищи». Благодаря им я целый год качался на волнах Охотского и Берингова морей, добывая для Родины красную икру.

В Киеве в это время выгнали из квартиры жену, мальчишек из садиков. Пришлось вернуться. Снова безработица, походы в ЦК и Верховные Советы… 27 марта 1989 года вышел на Крещатик, на последнюю, как тогда рассчитывал, голодовку. Сел рядом с дедушкой Лениным… Ох, они и забегали! Радио «Свобода», иностранные корреспонденты с камерами, пошли провокации, подогнали «Скорую» из «дурдома», но люди их оттеснили – не те времена, началась перестройка… Поехал в Москву с просьбой разрешить эмиграцию.

На Красную площадь не пустили, встал у гостиницы «Москва» с плакатом: «Коммунисты, я не хочу с вами жить!» Скрутили, отвезли в Матросскую Тишину. Через пять дней выволокли и отправили домой, в Киев… Вдруг почувствовал, что перешагнул какую-то черту, за которой ничего уже не страшно. Решил рвануть в Финляндию. При попытке перейти границу в районе Выборга был арестован, пять дней голодал в камере выборгского КГБ, предпринял еще две попытки перейти границу – тот же результат. Депортировали домой. В октябре сделал последний круг почета: местная власть, Верховный Совет СССР – ЦК КПСС. Собрал очередные отказы, встретили на вокзале и уложили в «сумасшедший дом»… Потом был поезд во Львов, стоп-кран, тридцать метров до проволоки, ледяная вода Тисы и спасительный столбик венгерской границы. Дальше: мадьярский лагерь для беженцев, решение о депортации в Союз и снова ледяная вода, но теперь уже на австрийской границе… Когда меня спросили, помню ли я начальный английский, ответил: «Не помню ничего «начального». Только «сумасшедшие дома», тюрьмы и спецприемники. Помню, как надо слазить с крыши вагона и, опираясь на «танцующие» буфера, подтягиваться к подножке тамбура. Помню, как мокро идти по колено в снегу под Таганрогом, помню сульфазин, начальный английский – не помню…»

О том, как непросто было ему выживать в эмиграции, знают немногие. Он отказался от финансовой помощи диаспоры, оставаясь верным одному из отцовских принципов – самостоятельно зарабатывать на хлеб.

Лжесын

На что только не идут мошенники, придумывая новые аферы для обирания честных граждан. Одна такая совершенно криминальная история произошла весной 2004 года. Ее, со слов актрисы Клары Лучко, рассказала «Комсомольская правда». Некая, так и неопределенная милицией личность, выдающая себя за сына Леонида Быкова, ходила по друзьям и знакомым актера и, рассказывая всякие трогательные истории, выпрашивала деньги. Со слов потерпевших был составлен фоторобот преступника, действительно, чем-то напоминающего любимого артиста. Надо сказать, что история не нова, уж больно она напоминает рассказ о сыне лейтенанта Шмита. Ее автор явно был поклонником Ильфа и Петрова.

Вот что о визите лже-Быкова рассказала газете Клара Лучко: «На днях дежурный по подъезду звонит мне снизу и говорит: «С вами хочет поговорить сын Леонида Быкова». Невысокого роста паренек вошел и первое, что сказал: «Ну как, похож? Все говорят, что очень похож на папу! Клара Степановна, папа много рассказывал о вас, как вы с ним снимались в кино».

Я смотрела на гостя в замешательстве. Он достаточно много знает о кинематографе, верно называет фильмы, в которых я играла с Леонидом Федоровичем, явно человек не с улицы, может быть, снимался в массовке… Он рассказал, что работает в театре у Марка Захарова, и вытащил коробку с гримом, который был лет 30 тому назад на «Мосфильме»…

Потом стал рассказывать, что у него есть сценарий отца, и якобы Никита Михалков обещал помочь ему в организации съемок фильма. Но сначала этот парень собирается окончить режиссерские курсы. «Возможно, в будущем фильме и вам найдется роль», – многообещающе намекнул гость.

Я ждала, когда же он перейдет к главному – попросит денег, ведь за этим, судя по всему, он и пришел.

И он действительно стал говорить, что 11 апреля – годовщина смерти его отца, он хочет в Доме кино сделать вечер памяти, денег не хватает, а тут сестра в автомобильную катастрофу попала…

Я еще больше засомневалась – ну явно аферист! Но в какой-то момент подумала – а вдруг вправду сын? Мы ведь с Леней Быковым так дружили, а вдруг его сын дошел до такого состояния, что вынужден придумывать небылицы?

– Сколько нужно денег? – спросила я.

– Ну, рублей 600-700, – замялся он.

Я дала ему 500 рублей.

– Я обязательно верну, как только смогу! – жалостно залепетал гость.

Я поторопилась с ним распрощаться. Так и не знаю, кто это был…»

В киностудии Никиты Михалкова, естественно, ничего не знали ни про сына Быкова, ни про сценарий. Директор московского Дома кино сказал, что вечер памяти Быкова не планируется, но о человеке, выдающем себя за сына актера, он наслышан, и посоветовал позвонить в Гильдию актеров России.

– Да, мы знаем о таком, никакой он не сын! – заметили в гильдии. – Он к нам тоже приходил, просил помощи. А потом настоящая дочь Леонида Федоровича его разоблачила – это обманщик! Внешнее сходство с актером у него есть. Но на настоящего сына Быкова он не похож.

Вдова актера Тамара Константиновна по этому поводу с горечью заметила: «Давно он уже ходит, нектар собирает. Ездит по киностудиям и представляется сыном… А мой сын в Канаде.

Когда моя дочь была в Москве на юбилее отца, этот «сын» пробрался к ней в гостиницу. Его дежурные пропустили – как же, брат к сестре пришел. Он сразу же дочке важно заметил: «Ну что, похож я на отца?» Начал про каких-то родственников рассказывать, а у нас и нет таких! Говорит: «Я был на могиле у нашего дяди Ролика. Ну, Ролана Быкова». А дочь ему ответила: «Ролан Быков – наш однофамилец, а ты и вовсе никто!» Пригрозила, что если будет в наши родственники набиваться, то она хорошенько займется его персоной. Паренек испугался, начал говорить, что это его мама ему призналась, что он вроде как внебрачный сын Быкова. Но я точно скажу: не было у Леонида никакого побочного сына! И быть не могло! Парень этот молоденький, в те годы, когда он родился, мы с мужем безвыездно жили в Киеве. Леня сильно болел – какие уж там любовницы! Да кто знал моего мужа, все бы сказали, что такого в принципе не могло быть – Леня был чистейший человек, не пил, ссор у нас с ним никогда не было, жили душа в душу. А теперь непорядочные люди пользуются его именем. И что мы можем сделать? Как этого авериста к порядку призвать?! Мне жаль тех людей, которых он обирает…»

Вспоминая друга…

Во все времена лучших из лучших актеров называли звездами, кумирами…

А были те, к кому было особое отношение поклонников. Они стали настоящим достоянием своего народа. К их числу в полной мере принадлежал и Леонид Быков.

Иван Гаврилюк, актер: «Леонид Федорович Быков, на мой взгляд, – Человек с большой буквы. Человек, который никогда сам о себе так не думал. Жил он скромно, просто, естественно – как живет и дышит природа со своей неброской красотой, со своими высокими и трагическими противоречиями… Как художник он все время сомневался в себе и, если хотите, мучился собой, никогда не надевал на себя маску «мэтра» от искусства. Леонид Федорович умел слушать людей, что не каждому дано.

Я хотел бы быть таким, как Быков, и, наверное, не я один.

Не могу сказать, что знал душу этого художника, но догадывался о ней. Он был мудр, и этого нельзя было не ощущать. Быть рядом с ним – просто и вместе с тем как-то не по себе, потому, что постоянно хотелось исповедоваться.

Мое сердце не верит, что уже нет на белом свете такого веселого артиста и такого в жизни печального человека, Леня – так я его называл (он сам просил об этом), но, конечно, на «вы». Так вот, Леня никогда не мог накричать на человека, даже если это был подлый мерзавец. В трудную минуту Быков закуривал, наверное, тридцатую за день сигарету, чем приближал себя к следующему инфаркту, и очень проникновенно говорил: «Ничего, ребята, нам главное – кино сделать, а там посмотрим…» Потому что понимал – только искусством можно доказать некоторым бездарным, несправедливым и циничным людям, что есть еще на белом свете добро, честь, скромность, отсутствие лицемерия, верность, бескорыстие, наконец, любовь к Родине!

О человеке, которого знал близко, которого любил, на которого старался равняться, тяжело писать, тяжело говорить. Для этого нужно от него отдалиться, посмотреть беспристрастно, отойти от него. А Леонид Федорович взял и сам ушел ото всех. И, я убежден, к звездам ушел, пешком к ним ушел.

Мне было восемнадцать лет, когда впервые увидел и услышал Леонида Быкова не на экране, а в жизни. Это произошло в Карпатах. Он приехал к Ивану Васильевичу Миколайчуку. А в это время там проходили съемки фильма «Аннычка» (фильм снят в 1968 году. – *Н.Т.*). Мое впечатление от Быкова? Это было не

впечатление, это было потрясение, это было счастье и благодарность судьбе за то, что могу общаться с таким человеком. Я этим гордился и по-мальчишески жалел, что никто из моих родных этого не видит, а если расскажу – не поверят…

Это было: был Быков, были Карпаты восемнадцатого столетия, был дикий Черемош… И все были молоды. А молодость пела, ах как пела, и Леонид Федорович пел. Теперь осталась память о непередаваемой радости этой встречи».

Владимир Талашко, актер: «Три месяца мы готовили съемку эпизода «Разговор Скворцова и Титаренко у костра»; три месяца съемок на аэродроме в Черниговской области были насыщены для меня ежедневной внутренней подготовкой к этому важному не только по месту в картине, но и по жизненной позиции Алексея Титаренко и Леонида Быкова эпизоду фильма. Говорили мы с Леонидом Федоровичем и о Скворцове, конечно, о его душевном кризисе, но и о другом – о себе, о современном человеке вообще, его жизненной установке, позиции, вере и доверии. И вот настал последний съемочный день. Многие уже разъехались по домам, на поле не слышно было привычных голосов и ударов по мячу, не попадался шесть раз в минуту Кузнечик, отдыхали в начинающей желтеть траве самолеты…

А мне предстояло сегодня сказать своему командиру и другу главное:

– Наверное, выжить хочу! Подавай, командир, в трибунал!

И ему, моему другу и командиру, сегодня надо решиться сказать мне честно и прямо:

– Я ничем не могу тебе помочь. Человек рождается сам и умирает сам…

Чтобы Скворцову высказать наболевшее, а Титаренко – внушить ему веру в себя, в свои силы, чтобы понять друг друга так, как поймет потом эту настоящую дружбу зритель, нам понадобился тоже один дубль. Один дубль в последний съемочный день…

Его любовь к человеку поднимала человека в собственных глазах, избавляла от комплексов.

…Я рассказал как-то Леониду Федоровичу о том, как когда-то ушел из дома, не приняв человека, которого полюбила моя мама. И помню, как трогательно и уважительно говорил Леонид Федорович о чувстве любви, о том, насколько оно глубоко личное и как чужое прикосновение ранит его, а непонимание – убивает, о том, какая мудрость души нужна, чтобы понять любящих.

Я не умею писать писем. Но после этого разговора я написал маме и отчиму (ведь сколько лет прошло!) не письмо, а целую

исповедь…

И еще мне хочется сказать, как серьезно относился Леонид Федорович к тому, что мы называем «зрительской любовью», а точнее – к проявлению чувств. Будучи очень чутким, очень тактичным по отношению ко всем, он не любил панибратства.

Однажды мы обедали в ресторане. Вдруг официант молча ставит на наш стол бутылку шампанского, глазами кося на соседний стол. Леонид Федорович мягко попросил его отнести вино обратно. Официант сказал что-то вроде «не велено», а к нам уже подходил наш визави. Он явно недоумевал – почему это мы такие гордые. Леонид Федорович сказал ему:

– Хотите приятное сделать? Подойдите, скажите. Поговорим. Если вы не заберете свой подарок, мы уйдем, не пообедав. Вы этого хотите?

Первый раз я видел его сердитым. Не знаю, понял ли суть сказанного назойливый поклонник его таланта, но я понял – знал, что все показное, показушное, декларативное и неглубокое просто чуждо природе быковского человеколюбия».

Рустам Сагдуллаев, актер: «В 1973 году я учился на третьем курсе Ташкентского театрального института. В один из весенних дней в институте ко мне подошел мужчина и назвался сотрудником Киевской киностудии им. А.П. Довженко. Он сказал, что режиссер-постановщик Леонид Быков запускает в производство фильм «В бой идут одни «старики», и предложил мне вылететь в Киев на кинопробу.

Когда я услышал имя Л. Быкова, я пришел в неописуемый восторг. Ведь он был моим самым любимым актером. Мне даже не верилось, что могу встретиться с ним. Я, конечно же, с радостью согласился. В это время я был утвержден на главную роль в фильме «Мой добрый человек» Узбекской студии, который снимал Р. Батыров. Когда я рассказал ему о приглашении на кинопробу, Батыров не сразу меня отпустил. Я стал его уговаривать, сказал, что роль небольшая и что Быков самый любимый мой актер… В общем – уговорил. Через два дня я вылетел в Киев. Меня радовало то, что я впервые буду на Украине, но больше всего – что увижу и познакомлюсь с Быковым.

И вот я в Киеве, приехал на киностудию. Меня сразу же повели в группу, к режиссеру. Мы с ним поздоровались. Он, наверное, спрашивал, как я прилетел, устал ли с дороги, но я почти ничего не слышал. Стоял как завороженный. Потом постепенно все стало на свое место. Мне казалось, что я с ним давно знаком, и мы перешли на разговор о роли, которую мне

предстояло сыграть на кинопробе.

Я никогда не волновался на пробах. А вот тогда… Мне ужасно хотелось сыграть эту роль в будущем фильме. Во-первых, привлекла работа с Леонидом Федоровичем, а во-вторых, сама роль была отличная. В первый раз за несколько лет работы в кино меня не покидал страх перед камерой, страх, что я не смогу сделать то, что требует от меня режиссер. Леонид Федорович успокаивал меня, говорил, что все хорошо, чтобы я не волновался, а сам следил за съемкой, за актерами, за вторым планом и успевал давать команды.

В паре со мной пробовалась студентка Щукинского училища Евгения Симонова. Не боясь, могу сказать, что мы с ней были в восторге от Л. Ф. Быкова.

Леонид Федорович был душой коллектива. Его понимали с полуслова все члены группы. Он умел просто и ясно объяснить ту или иную ситуацию, происходящую на площадке. Он был очень добр, отзывчив, скромен, с тонким юмором. Иногда я замечал, что у него не все ладно, но он этого старался не показывать. Шутил с нами, смеялся, а глаза у него были при этом задумчиво-грустными.

После кинопробы, собираясь уезжать в Ташкент, я очень волновался. Буду ли утвержден или нет? Через несколько дней мне пришла телеграмма. Моей радости не было предела. Я был утвержден на роль Ромео. Я буду сниматься на студии А. П. Довженко, я буду работать с любимым актером, с дорогим мне человеком Леонидом Федоровичем Быковым!..

Я считаю счастливым год, когда познакомился и начал работать с Леонидом Федоровичем. С ним работалось легко и просто. Мне не хотелось, чтобы картина быстро закончилась. Я бы с ним работал столько, сколько бы он захотел работать со мной. То время, которое я с ним провел, снимаясь в картине, навсегда останется в моей памяти».

Сергей Подгорный, актер: «Вот уже который раз сажусь писать о Быкове, но мысли не могут лечь на бумагу. Не хочется писать о нем воспоминания… Хочется снова встретить его в коридоре студии, поговорить с ним, поделиться своими чаяниями. Хочется снова поработать с ним на съемочной площадке. Хочется смотреть на киноэкран и видеть новые, своеобразные, неповторимые быковские кинороли…

Если говорить о Леониде Федоровиче, то, прежде всего, нужно говорить о нем как о Быкове-человеке и потом уже как о прекрасном актере и талантливом режиссере.

Я счастлив, что актерская судьба свела с этим человеком. Я

счастлив, что именно он привел меня в кино. Случилось это, когда я еще был студентом второго курса кинофакультета Киевского театрального института. Нас тогда человек пятнадцать привели в киногруппу к Леониду Федоровичу. Он был любимый наш киноактер, кумир. Естественно, многих охватило такое сильное волнение, так мы были зажаты, что не могли вымолвить слово. Но через несколько минут наладилась очень свободная, непринужденная беседа. Быков спрашивал у каждого из нас, где родился, учился, чем увлекался, какие отрывки из пьес играл на курсе. И в этом разговоре мы видели в лице Быкова нашего друга, доброжелателя, который волновался за нас.

Я был приглашен на исполнение одной из небольших ролей. Но в процессе съемок выяснилось, что мой друг по курсу Анатолий Матешко не сможет играть роль Смуглянки: он был занят в другом фильме. И тут прямо на съемочной площадке, когда нужно было снимать один из ключевых моментов картины – появление Смуглянки, подходит ко мне Леонид Федорович и говорит:

– Вот сценарий, перелистай его, поменяй погоны и ордена на форме, загримируйся – и через полчаса в кадр! Будешь играть Смуглянку.

Трудно передать, что со мной тогда творилось, какое волнение переполняло мою душу! Я схватил сценарий убежал в поле, раскинувшееся невдалеке от аэродрома. Упал в пшеницу и начал перечитывать заново сценарий. Сколько я там, в пшенице, находился – не помню, помню только, что меня нашли мои старшие коллеги и привели на площадку. Через пять минут прозвучала команда «Мотор!». А я ничего не мог понять и ничего не мог сделать. Тогда подошел ко мне Быков, слегка взял меня за плечи, посмотрел на меня такими добрыми глазами и сказал фразу из сценария: «Не робей, Смуглянка, ты же истребитель!» И все стало на свои места, съемка продолжалась…

Я никогда не забуду эти глаза, эти добрые глаза.

Леонид Федорович много работал, думал, искал. После съемочного дня мы, актеры, долго гуляли по Чернигову (там происходили съемки). Где-то далеко за полночь подходили к гостинице и видели: у Быкова в номере на втором этаже горит свет, он работает. Что-то пишет, о чем-то думает. Выйдет на балкон, покурит – и снова за работу. Зачастую свет у Быкова не гас до утра.

Осталось актерам только загримироваться и обсудить кадр, который должны снимать. Снимали мы очень быстро! У нас оставалось время для дружеских бесед прямо на площадке, потому что от этого съемочного праздника не хотелось уходить.

В свободное время мы нередко играли в футбол – вторая «поющая» эскадрилья против первой. Вторая «поющая» всегда выигрывала с очень крупным счетом. И в итоге «футбольные» сцены из нашей несъемочной жизни попали на экран так органично, как будто они были выписаны в сценарии…»

Леонид Марченко, актер: «Мне посчастливилось сняться у Леонида Федоровича Быкова в двух фильмах: «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…» Пусть эти роли небольшие, но я горжусь тем, что мне пришлось работать с Быковым, знать его, видеть каждый день на съемочной площадке, учиться у него служению искусству, доброте, честности, принципиальности художника и человека.

Когда у Леонида Федоровича просили автограф, он часто писал два слова из фильма «В бой идут одни «старики» – «БУДЕМ ЖИТЬ!».

Мы, артисты, очень любили работать с Леонидом Федоровичем. В общении с ним все было как-то легко, весело, ты сам становился лучше – и как человек, и как актер. Работать с Быковым мечтали все. Он всегда точно знал, что ему сегодня делать на съемочной площадке. Был готов к репетициям, съемкам и, очевидно, поэтому был очень требователен и к себе, в первую очередь, и к окружающим. Я не припомню случая, чтобы Быков на кого-нибудь повысил голос. Разве что когда просил, чтобы в павильоне соблюдали тишину…

Помню, в перерыве между съемками фильма «Аты-баты, шли солдаты…» кто-то принес на съемочную площадку заметку из газеты «Вечерний Ленинград», в которой говорилось о том, что преступник, уйдя от преследования, укрылся в зрительном зале одного из кинотеатров. После окончания сеанса он явился в ближайшее отделение милиции с повинной. Им оказался восемнадцатилетний парень, который заявил, что он посмотрел сейчас фильм «В бой идут одни «старики», увидел ребят, как они жили, воевали – и ему стало страшно от того, как живет он. Этот факт – еще одно доказательство воздействия силы искусства на человека.

Фильм «Аты-баты, шли солдаты…» снимался под Москвой, в городе Загорске, зимой. Помню такой случай. Вся группа собралась в холле гостиницы на съемку. Термометр показывал минус тридцать. К Быкову подошла небольшая группа актеров, в том числе и я, с просьбой отменить на этот день съемку. Леонид Федорович ответил; «Когда фашисты рвались к Москве, стояли такие же морозы. Ваши сверстники отстояли Москву и не думали о том, что им холодно… А теперь подумайте!» Все молча

собрались и сели в автобус. Съемка состоялась. И я уверен, что в душе каждый из нас подумал о Леониде Федоровиче Быкове как о гражданине, верном своему идеалу».

Павел Винник, актер: «Во время съемок «Добровольцев» Леонид Быков работал в Харьковском театре. Из-за участия в съемках у него вышел конфликт с руководством, и он ушел. Я тоже только что распрощался с Театром имени Маяковского. У нас с ним была схожая ситуация, это нас и сдружило. Мы делились переживаниями.

Он был удивительно творчески направленный, собранный и интересный актер. Пусть маленькая роль, пусть эпизодический ход – он всегда находил неожиданное решение. И это всегда не только не раздражало режиссера, а наоборот – он был ему за эти находки признателен. Словно он сам нашел эту необходимую деталь или неожиданное решение. На съемке «Добровольцев» Быков подружился с Петром Щербаковым (это сразу заметно по фильму), и они были неразлучны. Леня был очень отзывчивым и компанейским парнем. В нем тонко сочетался разудалый хохляцкий юмор с мягкой «смешинкой». Он обожал по-товарищески над кем-то подшутить, кого-то разыграть, но делал это всегда по-доброму. Его шутки никогда никого не обижали.

Чуткость, отзывчивость – редкие качества среди нашей братии. Мы часто цапаемся, защищая себя, наступаем коллегам на мозоли.

Леня Быков был самобытен, его трудно было скопировать, и выглядело бы это глупо. В «предполагаемых обстоятельствах» он был всегда новый, неожиданный. И что самое интересное – он никогда не играл отрицательные роли. И это не было случайностью, а человеческое качество артиста – ему все равно бы не поверили, он просто не мог быть плохим человеком.

В те годы «выбить» себе картину режиссеру было необычайно трудно.

Так, на студии «Мосфильм» в год снималось около 40 картин, а режиссеров, скажем, около 120 человек. Это значит, что по-честному можно было получить постановку раз в три года. Были, конечно, такие удачливые, как Рязанов, которые могли снимать картину за картиной. Леонида Быкова тоже можно назвать творчески удачливым человеком – ему удалось получить право на съемку своего фильма, только, конечно на студии Довженко.

Быков так заразительно, с полной самоотдачей работал на съемочной площадке, и своей работоспособностью заражал окружающих. Снимался сам, помогал актерам.

Быков не выносил показухи. От фестивальных встреч на

стадионах всегда отказывался, это было не его. Любил свой круг друзей, и их было немного: Петр Щербаков, Вячеслав Воронин (с ним он познакомился на «Максиме Перепелице»)…

После «Добровольцев» я оказался в театре киноактера, а Леня на «Ленфильме». Однако у него там что-то не заладилось, и он вынужден был вернуться на Украину. И последние свои удивительные картины он уже делал в Киеве. Ему никогда не везло с начальством, он был очень принципиальный человек, конфликты и здесь не прекращались. Они изматывали его, отвлекали от работы, довели до инфаркта.

По натуре он не был бойцом, имел мягкий, добрый характер. Многие, возможно, считали его баловнем судьбы – у него все, на первый взгляд, происходило как бы само собой. Только откуда тогда инфаркт?

За три месяца до ухода из жизни мы встретились на очередном пленуме Союза кинематографистов. Я посоветовал: «Леня, переходи к нам в Москву. У нас в театре нет худрука. Мы все тебя знаем, любим и будем за тебя». На что он мне задумчиво ответил: «А ты знаешь, я и сам об этом подумываю».

И вдруг случилось эта трагедия – он разбился, врезавшись в грейдерную машину. Причем, говорят, милиционеры предупреждали его о том, что она встретится ему по дороге…»

Василий Ильяшенко, режиссер:«Случилось так, что конец лета 1973 года мы провели с Леонидом Быковым вместе: на ступеньках, возле монтажных комнат. Он своих «Стариков…» уже заканчивал, а я только начинал выправлять свое «Новоселье», потрепанное после редакторских штормов. Ни до, ни после этого мы не встречались так часто и не разговаривали так много. А тем летом – с утра до вечера, день за днем.

Догорала папироса за папиросой. Тлеющий окурок обжигал пальцы, а каждое его слово – душу, как признание. Тогда я не знал, что Быков сжигает свое сердце. Видел только, как дрожит в руке смертоносный огонек, как усталость сковывает когда-то веселый, лукавый взгляд, как тяжелеет легкое прежде тело. Работая, Быков не щадил себя, он страдал и мучился так, что старел на глазах.

Через каждые полчаса мы делали перекур, почти одновременно вырываясь из темноты кинозала, словно из потустороннего мира, или выскальзывали из монтажных, где минуту назад были обвиты кольцами киноленты, как Лаокоон и его сыновья тугим поясом змей. Вспыхивала спичка, дымила папироса – и становилось легче. Во всяком случае, нам так казалось. Это был отдых (насмешка над тем, что нормальные

люди считают отдыхом, и только). Но как бы там ни было, был антракт, и мы могли в разговоре отвести душу.

До того самого лета я думал, что Быков прожил веселую, легкую жизнь. Он был любимцем харьковской театральной публики, а на киноэкране – добрым баламутом, который из-за своей доверчивости попадает в различные передряги или приключения. Такой себе наивно-лиричный попрыгунчик. Жалею, что оказался в плену расхожих суждений. Рядовой зритель, незнакомый с секретами приготовления нашего «приворотного зелья», часто путает роль и личность актера или соединяет их в одно целое. Зритель имеет право на такую ошибку, а для профессионального кинематографиста это непростительно…

Однажды я сказал ему:

– На мой взгляд, талант – это дополнительная надбавка, придаток ко всему, что есть у обыкновенного человека…

– …чтобы он мучился с ним всю жизнь, – продолжил Быков.

Мы не смотрели друг на друга. Каждый задумался о своем. В цеху царило безлюдье – большинство картин было уже закончено и принято. Мы остались вдвоем.

– Искусство – это не жизнь, – говорил он. – Это вроде бы и жизнь, только чуть-чуть смещенная. Это то, что могло бы быть жизнью, а могло бы и не быть. Гамлета, наверное, не было в жизни, а мог бы и быть.

– Но у тебя на экране жизнь всегда показана в ее формах, то есть такой, как она есть на самом деле, вокруг нас, – возразил я тут.

– Не совсем так, – не согласился он. – Ты присмотрись повнимательней. Эта жизнь сконструирована мной, Быковым, а твоя – тобой и никем другим.

Искусство – это некоторое нарушение реального, смещение. Немного не так, как в жизни…

Как-то мы заговорили о студийных делах, о суете, напрасной трате времени в коридорах, на заседаниях в Доме кино, в спорах между собой.

– Каждый день шахтер выдает на-гора десятки тонн угля, рабочий делает детали, колхозник дает молоко и хлеб. Только мы тратим время попусту, на разговоры, – сказал Быков.

Быков не любил суеты. Более всего кинематографической. И его нерядовая слава стала для него суетой. Он думал, думал… Точнее, задумывался. В последние годы – глубоко, тяжко, мучительно. Поэтому избегал всех этих парадных заседаний, шумных встреч, Разговаривал. Избегал похвальбы. Смотрел на это со стороны. Молча искал истину, размышлял. Надолго исчезал со студии, подальше от суеты…

Потом я побывал у Леонида Федоровича на съемочной площадке, в павильоне. Еще со студенческих лет люблю тихонько прийти на съемки и со стороны наблюдать за работой режиссера. Потому что всегда стремился определить для себя: какая же режиссерская манера самая правильная, самая лучшая, самая эффективная? Чей метод может стать и моим методом? Видел накал страстей, реактивность, темперамент И. Пырьева (это был период его «Белых ночей» по Достоевскому), спокойствие, интеллигентность, какую-то трогательную, нежную трепетность М. Ромма, уверенность и значительность С. Герасимова, высокий профессионализм С. Бондарчука… У Быкова была своя атмосфера на съемочной площадке. На высоких «ногах» стоял забытый всеми киноаппарат. Тишина и покой царили вокруг него. Крайне деликатно, в противовес многим чванливым и капризным полурежиссерам, говорил что-то своим товарищам по работе Леонид Федорович. И не приказывал (ох, эти режиссерские окрики, истерики!), а просил что-то сделать, и все слушали его внимательно и с пониманием.

Неподалеку стягивали черные кольца кабеля осветители и тоже молча. Без крика и шума. Усмехаясь. А Быков старался как можно скорее оторваться от побочных дел (к сожалению, в работе режиссера все главное), чтоб подольше поработать с актерами.

Актеры были его стихией, его любимцами, обласканными детьми, посланцами бога на земле. Не потому ли, что сам он был актером? Может быть… Быков знал, что путь к раскрытию в кино человеческой сущности лежит через актера.

С актером он не был диктатором-режиссером (и ни с кем не был), но мог быть с ним другом. Актерам он блестяще показывал, как надо играть, и тогда неудачнику не оставалось ничего иного, как повторить все это. Он не ломал талант других, а стремился открыть его. Просил раскрыться. Репетировал. Десятки раз повторял, не щадя своих товарищей. Его любовь преследовала одну цель – сделать для них все, чтобы они остались собой. И непризнанные стали известными, получили признание. Наверное, этим он был счастлив.

Потом, через много лет, когда Быкова не стало, друзья-актеры назовут его своим учителем. И это будет правдой. Многие из них впервые стояли перед его киноаппаратом. И они найдут для него одно-единственное слово, самое лучшее, определяющее – добрый.

– У него были добрые глаза. Я боялся глаза киноаппарата, но меня утешали и успокаивали глаза Быкова.

– Если глаза – зеркало души, то душа Быкова была доброй. Такой отражали ее незабываемые Ленины глаза.

– Он был таким добрым, что казался даже беспомощным. Но

это в жизни, в быту, в суете. В искусстве он не был беспомощным. А был сильным, мощным, страстным, темпераментным.

– О доброте Быкова говорят его фильмы. Разве присутствует в них иная интонация, кроме доброй, лукавой быковской улыбки?

И когда говорят, что стиль – это и есть сам художник, то Леонид Быков – ярчайшее тому подтверждение. Ему не судьба была создать своего Швейка. Жаль, потому что это он мог. И Теркин тоже под силу ему был. А Ричарда Третьего не мог. Это ему не надо было. Он – другой».

Виктор Маляревич, актер: «Встреча со зрителями была намечена на вечер в Доме офицеров. А пока был погожий день, времени достаточно, и Леонид Федорович попросил наших хозяев-авиаторов показать самолет, который пришел на смену тем легендарным, из «Стариков…». На его просьбу летчики с удовольствием откликнулись, и вот уже мы на аэродроме.

Пока мы рассматривали и любовались современным боевым самолетом, собралось столько желающих «посмотреть на Быкова», что аэродром стал походить на стадион в последние минуты перед матчем.

Не могу определить, не могу назвать – хотя прошло уже столько лет – характер этой незапланированной, в буквальном смысле слова стихийной встречи: то ли это был диалог режиссера и зрителя, то ли ответ на вопросы, касающиеся чего угодно, только не искусства, то ли чествование космонавта, то ли встреча старых добрых друзей… И действительно, разговор был удивительный у режиссера Быкова и летчиков Н-ской части: об урожае, о хлебе, о дружбе…

Четыре часа продолжалась стихийно возникшая встреча тех, кому посвящен фильм «В бой идут одни «старики», с любимым, родным, таким знакомым с детства Леней Быковым…

А ведь эти люди еще не видели «Стариков», которых должны показывать через несколько часов в Доме офицеров. Всем было достаточно увидеть своего Максима Перепелицу, перебросится с ним шуткой, пожать руку своему Алешке…

Он никогда не говорил, что сделанная работа – его работа. Он считал, что его фильмы – плод работы многих людей. И всегда на первом плане у него были друзья, коллеги, единомышленники. И, тем не менее, то, что он наш духовный наставник, мы чувствовали все и всегда.

Вот, бывало, стоим на сцене. Перед нами замерший зал. Подходит моя очередь говорить. Я искренен, открыт залу, мне есть что сказать людям… Но какое-то внутреннее беспокойство заставляет меня оглянуться на него, получить, прежде всего, его

одобрение или поощрение, его молчаливый сигнал: то или не то говорю, так или не так начал. А бывало и так, что, не глядя на Быкова, я знал, что он хочет от меня услышать. И я мгновенно перестраивался, будто получил телепатические импульсы.

Да что сцена! Важнее и интереснее было наблюдать, какие уроки этики он преподносил нам, молодым актерам, просто так, в повседневной жизни. Он никогда не учил, не поучал, не наставлял. Он направлял, и даже не всегда словом, говорили жест, взгляд, неуловимое движение бровей… Он чувствовал всегда состояние того, к кому обращался, очень точно угадывал настрой. Никто никогда не слышал, как Быков пел, но все знали, что он пел. А происходило это таким образом. Он улавливал тот момент готовности запеть у каждого до того, как эта готовность нами осознавалась. И потом – тихо произнесенная, нет, спетая им строчка «Цвіте терен, цвіте ясний» вдруг обрастала нашими голосами. В них терялся вроде бы его тихий голос, а на самом деле слышался все отчетливее, все звонче, все пронзительнее. Быков понял сложнейший механизм ключа от людских сердец… Он им владел!»

Алим Федоринский, актер, режиссер: «Подружились мы с ним на кинофестивале в Кировограде, где были в одной группе. Помню множество встреч в клубах, на предприятиях, в колхозах, в школах. Импровизированные концерты, выступления, ответы на многочисленные вопросы кинозрителей. Леонида Федоровича узнавали сразу. Его слушали с огромным интересом не только кинозрители, но и мы, посвященные в «тайны» киноискусства. О кино он говорил самозабвенно, с огромной любовью, о том, какую роль играет кино в жизни нашего народа, каждого из нас, и как мало еще сделано…

Вскоре Леонид Федорович, вместе с кинодраматургами Евгением Оноприенко и Александром Сацким написали сценарий «В бой идут одни «старики». Он был сразу принят, и Быков приступил к подбору актеров на роли. Не скрою, мне очень хотелось поработать с Быковым, хотя понимал, что на все главные роли я не подхожу.

Как-то вечером раздался телефонный звонок. Звонил Быков. Договорились встретиться на студии. Встретились.

– Понимаешь, старик, – сказал Быков, – роль Макарыча писалась для Алексея Смирнова. Роль Титаренко хочу исполнить сам: надо же хоть раз в жизни сыграть военного по званию старше рядового! Ну а что касается тебя, сам понимаешь, опоздали мы на лет 10. Ни Кузнечик, ни Смуглянка, ни Ромео тебе не подойдут по возрасту. Но есть роль Алябьева. Это ас, лихой парень, баянист

второй эскадрильи…

Я не стал дальше выслушивать все достоинства «своего» Алябьева…

Начался съемочный период. Работать с Быковым было интересно, легко. Он отдавался работе целиком, того же требовал и от нас. Собственно, сказать «требовал» было бы неверно. Он создавал на съемочной площадке такую творческую атмосферу, при которой работать вполсилы было невозможно. Иначе работать он не умел…

После «Стариков», которые стали очень популярными, а «Смуглянка» получила свое второе рождение, Леонид Федорович снял «Аты-баты, шли солдаты…». Я в это время занимался на кинорежиссерском факультете Киевского института театрального искусства и принять участие в съемках не мог. Скажу только, что фильм имел успех, не уступающий успеху «Стариков». Было радостно видеть, как уверенно расправляет крылья прекрасный режиссер Леонид Федорович Быков. А между тем, здоровье Быкова нуждалось в поправке. Не выдерживало нагрузок сердце.

10 апреля 1979 года мы встретились с Быковым в коридоре киностудии. Я пригласил посмотреть мой дипломный фильм, но у него вот-вот должен был состояться показ кинопроб худсовету студии к фильму «Пришелец». Постояли, перекурили.

– Как мотор, Леня? – спросил я его, показывая на сердце.

– Неважно, но пока тянет… – И улыбнулся.

– Может, остановиться надо. Так сказать, на техосмотр?

– Нет, старик! Остановлюсь – умру сразу, а мне еще «Пришельца» надо сделать. Ну, до завтра. Завтра, это было 11 апреля 1979 года, мы не встретились. 11 апреля… По трассе из Иванкова на Киев мчалась белая «Волга». Крупными хлопьями на ветровое стекло падал снег. Трагедия случилась на 46-м километре.

Кто-то сказал, что режиссеры по смертности на втором месте после летчиков-испытателей…

Оркестра не было. Не было траурных маршей.

«Раскудрявый клен зеленый, лист резной…», – последний раз летчики-актеры второй «поющей» эскадрильи пели своему комэску:

Здесь у клена мы расстанемся с тобой!
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

БУДЕМ ЖИТЬ, ДОРОГОЙ НАШ «МАЭСТРО»! «Смуглянку» мы спели от начала и до конца. Он так хотел…»

Валентин Левашов, композитор: «С Леонидом Быковым я познакомился в Ленинграде на съемках фильма «Ссора в Лукашах». Режиссером картины был Максим Руф.

Фильм снимался летом. Я жил в гостинице «Октябрьская». Музыки в фильме было много, сроки сдачи ее, как часто бывает в кинопроизводстве, были сжаты до предела, и я располагал всего одним месяцем. Ночами я писал партитуру, а утром за мной приезжала машина, и через полчаса я уже был на Васильевском острове, в павильоне студии «Ленфильм».

Леонид Быков играл незадачливого механика маленькой колхозной электростанции, который мечтал стать артистом. Образ эдакого смешного, неловкого, но романтического и искреннего парня Быков уже с успехом создал в предыдущих фильмах. Это, очевидно, и заставило режиссера пригласить Быкова именно на эту роль.

Главным героем фильма был лейтенант, вернувшийся из армии в свое родное село. Играл эту роль К. Лавров. По-моему, это была одна из его первых киноролей. Среди актерского ансамбля были известные артисты: Телегина, Плотников, Кузнецов. Вообще говоря, и актеры, и съемочная группа, включая главного оператора Иванова, на редкость была дружной.

Я часто наблюдал за процессом съемок, так как мне это помогало в поисках наиболее верных музыкальных характеристик.

Сценарий страдал целым рядом недостатков, которые и режиссеру, и актерам приходилось преодолевать на ходу, прямо во время съемок. И вот здесь я обратил внимание на одну удивительную способность Л. Быкова. Он был мастер импровизации. От дубля к дублю сцена, образ обрастал новыми качествами, деталями, штрихами, подчас актер становился режиссером своей роли и соавтором сценария.

Л. Быков был человеком удивительной притягательной силы. Я замечал, что его инициативе с удовольствием подчинялись люди значительно старше его, с большим жизненным, да и профессиональным опытом. Таким он был и на съемочной площадке, и в быту. Леонид был обаятельнейшим человеком. Несколько раз в свободное от съемок время мы ездили в гости к К. Лаврову, в его новую квартиру на Московском проспекте, который тогда только застраивался. От остановки автобуса до дома, в котором жил Лавров, нужно было идти по узенькому, в две доски, деревянному тротуарчику, проложенному через пустырь, размытый дождями, заваленный остатками строительного мусора. И здесь Л. Быков был душой общества. Он

блистал остроумием и вносил какой-то необыкновенный дух молодости и веселья. Прошел месяц, а у нас было ощущение, что мы знакомы годы.

Через день группе предстояло выехать на натурные съемки в Ивановскую область в г. Тарусы (имеется в виду г. Таруса Калужской области. – *Н.Т.)* Лучшую натуру едва ли можно было найти. Недаром эти места называют поленовскими. Музыку я свою сдал и готовился к грустному расставанию. Неожиданно вечером, накануне моего отъезда раздался звонок Л. Быкова.

– Мне нужна песня, которую я смог бы спеть сам. Она должна быть простой и сердечной.

– А с режиссером этот вопрос согласован?

– Пусть для него это будет сюрпризом.

– А где взять стихи и собственно о чем должна быть песня? – спросил я.

– Песня должна быть про речку, про любовь, – ответил Быков и повесил трубку.

Я задумался. До моего отъезда оставалось ровно 12 часов. Я позвонил режиссеру Руфу, но не застал его дома. Ну, что ж, подумал я, была не была. Попробую написать. Если даже песня и не войдет в фильм, то будет жить самостоятельно. Я сел за стол и стал мучительно думать, с чего начать, а время неумолимо шло. И тогда с отчаянья я написал первую строчку стихов: «Ой, ты речка, речка, речка». Как-то естественно возникла мысль, что в речке обязательно должна быть вода. Появилась вторая строчка: «В речке синяя вода». А потом по заказу Л. Быкова про любовь: «Полюбила я парнишку. Не на год, а навсегда». Вторая строфа рождалась труднее, но в конечном счете и она появилась:

В небе звезды, звезды, звезды
Точно лампочки горят.
Про любовь мою в деревне.
Все девчонки говорят.

Потом как-то сразу родились третий и четвертый куплеты, а следом и музыка. Утром я неожиданно, во всяком случае, для директора картины и постановщика, появился на студии с готовой песней. Не ссылаясь на «социальный заказ» Быкова, я сказал, что, по моему мнению, фильму нужна еще одна песня, которую я написал за ночь, и я прошу ее послушать. Руф сделал большие глаза и сказал:

– Мы вечером уезжаем. Даже если эта песня хорошая и действительно поможет фильму, то когда мы ее запишем? Ведь в Тарусах она должна звучать в фонограмме.

Не ответив на его вопрос, я сел к роялю и взглянул на лукаво улыбающегося Быкова. Он мне слегка подмигнул и показал: «Начинай».

Я начал исполнять песню. С середины второго куплета Леня встал, подошел к роялю и начал мне подпевать, а третий куплет пели вместе уже все присутствовавшие, а Быков «играл» эпизод. Он ходил между сидящими и дирижировал. Мы еще не допели песню, а директор картины по телефону начал договариваться о срочной записи фонограммы.

В кабинете стало шумно. Все единогласно убеждали Руфа вставить песню в фильм и придумать ей место в действии. И только один Леня Быков стоял в стороне и делал вид, что его это нисколько не волнует и дело это решенное.

Меня попросили сыграть песню еще раз. Теперь уже всем командовал Леня. Он запевал, он дирижировал, он играл. И все это было так убедительно и зримо, что мне невольно показалось, что сидим мы все на берегу Оки вечером и под баян поем эту песню у костра. Так это и было воспроизведено в фильме».

Павел Кадочников, актер: «…Шли годы. Леня уже жил в Киеве, и до меня изредка долетали известия, что на Студии имени А. П. Довженко он снял телевизионную комедию и «пробивает» сценарий о войне. Однажды в Госкино СССР я был в сценарной коллегии по вопросу своего будущего фильма. У нас шла размеренная беседа с редактором, которую прервал некто, заглянувший в дверь.

– Идемте, сейчас начинается.

Меня пригласили в зал, сказав, что будут смотреть хороший украинский фильм. Когда мы зашли в зал, просмотр уже начался, и я не прочел ни названия ленты, ни титров. Но в первых же кадрах был он, мой друг Леонид Быков. Я смотрел фильм о «стариках» и «желторотиках» и, как все в зале, смеялся и плакал, радовался и страдал вместе с героями.

Фильм потряс меня, и я был счастлив за Леонида Быкова – комэска Титаренко. В этот день я послал ему в Киев телеграмму, в которую, несмотря на что-то около пятидесяти слов, не вместилась и малая часть того, что хотелось сказать. А лично поздравил его в Баку, где он был дважды удостоен наград VII Всесоюзного кинофестиваля.

Следующая наша встреча состоялась в Киеве, в 1978 году, в республиканском Доме кино на вечере, посвященном 30-летию фильма «Подвиг разведчика». Он встретил меня с огромным букетом роз, и я был счастлив снова увидеть его. На Студии имени А. П. Довженко в маленькой монтажной он показал мне

свой новый фильм «Аты-баты, шли солдаты…». Леня был великолепен как актер и режиссер. Не все ладилось у него в это время, и я пригласил его в Ленинград. Перед премьерой в ленинградском Доме кино уже слышавшие об успехе фильма кинематографисты поздравляли его, но подлинная овация была после окончания просмотра.

Как я был счастлив за своего друга! После премьеры мы пошли пешком на набережную Невы, и он рассказывал о своем будущем фильме «Пришелец»…

И еще раз я встретился с ним – на ВДНХ в Москве, на Выставке «60 лет советского кино» в павильоне «Летающая тарелка», где на видеоэкране показывали прекрасные кинопробы (которым так и не суждено было стать фильмом!) к фильму «Пришелец», смонтированные как самостоятельная короткометражная лента. Здесь Леня блистательно выступил в двух главных ролях: механизатора Тишкина и пришельца с далекой планеты…

Я часто вспоминаю его и думаю, что, вероятно, он так и не сыграл в кино своей самой главной роли, о которой мечтал всю жизнь – простого парня Василия Теркина».

Памяти маэстро

Более тридцати лет прошло с момента гибели удивительного художника и человека Леонида Федоровича Быкова. Его имя живет и до сих пор вспоминается с любовью. И все же, несмотря на то, что главным памятником Леониду Быкову остаются его картины и экранные образы, есть немало других подтверждений памяти маэстро.

Звезда

Именем Леонида Быкова названа одна из малых планет Вселенной. Открыта звезда научными работниками Крымской обсерватории Людмилой Ивановной и Николаем Степановичем Черных. В 1994 году Международный Астрономический Союз присвоил малой планете, ранее обозначенной в международном каталоге как «1973SO4» имя «БЫКОВ». Сертификат на открытие хранится на Студии им. Довженко.

Бульвар и улица

В Киеве именем актера в 1987 году назван бульвар, расположенный между улицей Н. Закревского и проспектом В. Маяковского, в жилом массиве Выгуровщина-Троещина.

В Краматорске (областной город Донецкой области Украины), где прошли детские и юношеские годы Леонида Быкова, его именем названа улица в микрорайоне Лазурный.

Памятники

В Киеве, в парке Славы на Днепровском спуске, неподалеку от Памятника Вечной славы на могиле Неизвестного солдата (между площадью Славы и Аскольдовой могилой),6 ноября 2001 года, в канун 58-й годовщины освобождения Киева от германских войск был установлен памятник, посвященный военным летчикам, погибшим при освобождении Украины. Скульпторы – Владимир Щур и Виталий Сивко, архитектор Владимир Скульский. Это один из самых любимых и трогательных киевских монументов. На нем Леонид Быков изображен в образе знаменитого Маэстро из фильма «В бой идут одни «старики». Командир поющей эскадрильи капитан Титаренко словно присел на самолетную конструкцию, у его ноги замер бронзовый кузнечик, а за плечами разливается безбрежный днепровский простор. Надпись на постаменте на украинском языке гласит: «Військовим льотчикам присвячується. Леонід Биков» («Военным летчикам посвящается. Леонид Быков»). Маэстро, одетому в бронзу, поклонники посвящают стихи:

Сквозь гранитные плиты пробился бессмертник,
Черно-белое небо окажется синим.
Каково вам теперь, капитан Титаренко?
«Мы сегодня дрались над моей Украиной».

Над моей, за мою… Да неправда – за нашу!
Мы ее никогда не делили на части.
Клен кудрявый, зеленый шумит, как и раньше,
И росу на ладонях несет, как причастье…

А над ним обрывается в небе Дорога —
Точно выстрелом в горло убитая песня.
«Будем жить!» – в самолете сгорает Серега.
Он в минуту последнюю понял: воскреснет.

И пускай хоть какие бушуют пожары,
А закат поменялся местами с рассветом —
Все равно ожидает комэска Макарыч, И неважно: на том ли, на этом ли свете…
Мир уходит в пике – это все замечают.
Свежей кровью сочатся засохшие раны.
…Но вернулся Маэстро – спокойный, печальный.
И, присев на крыло, напевает «Смуглянку».

Юлия Чечко, 2008 г.

На месте гибели актера в 1998 году был установлен другой памятник, символизирующий часть винта разбившегося самолета, на огромной скорости врезавшегося в каменную твердь. Вначале на 46-м километре шоссе коллеги и друзья Леонида Федоровича Быкова поставили скромный памятник: крыло самолета и мемориальную доску. Памятник в таком виде простоял около двадцати лет. По распоряжению дочери Марьяны, увидевшей рядом несколько пустых бутылок, он был демонтирован.

Среди проезжающих по трассе стало доброй традицией остановиться на месте гибели любимого актера и режиссера, помянуть его, вот только если бы еще не забывали за собой убрать… Однако памятник на этом месте должен быть. Летчик Николай Гадзаман с коллегами из спортивного аэропорта «Чайка», принимавшие участие в «Стариках», собрали средства и заказали в Беличах точную копию самолетного крыла. Ну, а чтобы табличку было не сбить, имя «Леонид Быков» высекли прямо на камне. Посадили рядом цветы и несколько кустов калины, а кто-то поставил невдалеке стол с лавками…

На могиле актера на Байковом кладбище стоит еще один прекрасный скульптурный портрет работы Анатолия Фуженко. Любимого Маэстро похоронили на дальнем 33-м участке. Памятник находится на возвышенности и хорошо виден с аллеи. С годами совсем близко от последнего пристанища Леонида Быкова собирается все больше надгробий его друзей и собратьев – Иван Миколайчук и Леонид Осыка, Сергей Иванов, Борислав Брондуков… И вновь семья была не согласна с друзьями и поклонниками Леонида Быкова. Впоследствии Марьяна обвиняла окружение отца: «С нами никто не советовался по поводу памятника. Папа не любил пафосных мемориалов и мраморных бюстов. Говорил когда-то, что не хочет лежать ни на одном из киевских кладбищ. «На любом сельском погосте. Холмик, крест и трава», – говорил он. Но нам категорически отказали: «Не противопоставляйте себя обществу. Он был публичным человеком!»

В старой части небольшого индустриального городка Краматорска, в котором насчитывается более 40 монументов (три из них Владимиру Ильичу), в сквере у городского Дворца культуры им. Ленина, на сцене которого не раз выступал Леонид Федорович, установлен бронзовый бюст Леонида Быкова (скульптор С. Гонтарь и архитектор А. Бучек). 11 апреля 2002 года после краткой вступительной речи заведующего отделом

культуры Николая Кулинича делегация возложила цветы к подножию памятника, а мэр города В.П.Кривошеев с актером В. Талашко под звуки оркестра сдернули шелк, покрывавший бюст.

Мемориальные доски

Одна из мемориальных досок с портретом Быкова находится на стене одного из студийных корпусов Киностудии художественных фильмов им. Довженко (проспект Победы, 44), где последнее время работал Леонид Быков и где находился его рабочий кабинет. Студийные павильоны до сих пор помнят пробы и дубли мастера, сцены в построенных по его задумкам декорациях.

Еще одна бронзовая мемориальная доска памяти (скульптор В. Борисенко) находится в Киеве на фасаде многоэтажного дома, в котором он жил – на ул. Ованеса Туманяна, 8 (над Русановским каналом, в уютном уголке Левобережного массива, в районе метро «Левобережная»), где с 1975 года до момента своей гибели жил Леонид Быков. Здесь же, во дворе, с ним навсегда прощались, отсюда он отправился в последний путь…

В 1986 году в фойе школы № 6 Краматорска, где с 1945 по 1947 г. учился Леонид Быков, установлена мемориальная доска скульптора Л.А.Брынь. В этой же школе учились Майя Булгакова и Иосиф Кобзон.

Первая в Харькове мемориальная доска актеру установлена 23 февраля 2002 года на улице Культуры, на доме 12, в котором более десяти лет жил Быков. Второй в городе стала мемориальная доска на стене Театре имени Шевченко (ул. Сумская, 9), где когда-то работал актер. Ее установили 21 августа 2003 года. Девять лет жизни актера отдано этому театру, несмотря на то что его творческая инициатива здесь зажималась, а собственной квартиры Быков так и не дождался. На открытие мемориальной доски приехала и его дочь – Марианна Быкова.

Самолеты

Маэстро ЖИВ! В Краматорске имя Леонида Быкова носит самолет Су-27. В Василькове на борту МиГ-29 тоже значится: «Маэстро. Леонид Быков». Здесь же есть и бортовой журнал Леонида Быкова, и летная книжка.

В 1998 году приказом главкома ВВС Украины одному из боевых самолетов авиационного крыла, которым командовал полковник Валерий Емец, было присвоено имя Леонида Быкова. Когда он исчерпал свой ресурс, современный МиГ-29 с надписью на фюзеляже «Маэстро» принял эстафету у старшего собрата и продолжил боевую службу. Первый полет на «Маэстро» совершил один из лучших командиров эскадрилий летчик 2-го класса подполковник Николай Мехед, за двадцать лет службы налетавший более 900 часов и освоивший несколько типов боевых самолетов.

Теперь на самолете летает лучший экипаж Украины, а звено носит это легендарное имя. Позывной «Маэстро» принадлежит одному из лучших пилотов страны, прошедшему Афган и Чечню, впервые посадившему вертолет на Северном и Южном полюсах, Герою России, генерал-майор авиации Николаю Федоровичу Гаврилову.

Высокого неба тебе, Маэстро! Будем жить!

Медаль

Выпущена и негосударственная награда – медаль имени Леонида Быкова «За содействие развитию культуры», присуждаемая коллегией отдела культуры Краматорского исполкома людям, внесшим большой вклад в развитие культуры города и Украины. Медаль изготовлена из серебра 925-й пробы и весит около 20 граммов.

Книги

Идея книги «Будем жить!», изданной в Киеве в 1996 году, принадлежит другу Леонида Федоровича актеру Алиму Федоринскому, сыгравшему в «Стариках» одну из ролей. Несмотря на тираж в 15 000, книга, не успев выйти, сразу стала библиографической редкостью. В Москве, по крайней мере, раздобыть ее мне так и не удалось.

Она ценна в первую очередь воспоминаниями о Леониде Быкове, особенно тех мастеров отечественного кино, которых уж нет с нами: Михаила Ульянова, Станислава Ростоцкого, Евгения Матвеева, Павла Кадочникова, Розы Макагоновой, Ивана Миколайчука, Константина Степанкова, Леся Сердюка, Леонида Бакштаева, Виктора Мирошниченко, Дмитрия Миргородского…

В 2010 году в Киеве вышла еще одна книга «Свое / родное кино Леонида Быкова». Написанная кинокритиком Ларисой Брюховецкой на украинском языке, она вышла микроскопическим тиражом в 300 экземпляров. Жаль, что серьезная исследовательская работа, проведенная автором, осталась вдали от поклонников творчества Быкова и ее мало кто видел. А россиянам прочитать монографию, написанную на украинском языке, вообще не представляется возможным. В Киеве готовится к выходу сборник стихотворений, посвященных Леониду Быкову и написанных его поклонниками. Он будет выпущен на народные деньги.

Фильмы и телепрограммы

На Киностудии имени А. Довженко о Леониде Быкове в 1982 году режиссер Леонид Осыка снял фильм «…Которого любили все».

Личность, талант Леонида Быкова развенчивают нелепую расхожую «истину», что незаменимых людей нет. Есть. И Леонид Быков из их числа.

Иван Гаврилюк: «…Потом, через много лет разных – и веселых, и печальных, и тревожных – через боль, от которой в душе все увяло, был еще один фильм. Уже о нем, о Леониде Федоровиче Быкове. Фильм-эпитафия, фильм-памятник: «… Которого любили все». Снял его Леонид Осыка, а я был ведущим в этой картине. Мы объездили весь Советский Союз, брали интервью у самых разных людей, и поверите, не нашлось ни одного человека, который бы не знал и не любил Быкова.

Жаль, что мало слов о любви, слов благодарности было сказано ему в глаза, а этому большому художнику, наверное, так необходимы были добрые слова…»

Вспоминает режиссер Леонид Осыка: «По первоначальному замыслу стержнем фильма-портрета должен был стать снятый поэтапно процесс создания скульптурного портрета-памятника Леониду Быкову. А параллельно, используя фрагменты из фильмов, где снимался Быков, мы хотели ввести рассказ о нем тех, кто его хорошо знал и кто с ним работал. Но сроки создания фильма и памятника не совпадали. Да и о Леониде Быкове хотелось говорить проще, человечней. Памятник, прекрасный скульптурный портрет Леонида Быкова, был закончен Анатолием Фуженко уже после выхода нашего фильма и установлен на могиле на Байковом кладбище.

Работать над фильмом о Быкове было нелегко. Оказалось, что очень популярный, снявшийся в большом количестве картин, узнаваемый и любимый зрителями, Леонид Быков совсем не был запечатлен кинодокументалистами. Зная Быкова и его отношение к саморекламе, это не удивительно, но от этого было не легче. Фильм было строить не на чем. Остались только фрагменты ролей. Единственным кинодокументом были с трудом разысканные кадры Алтайского телевидения, снятые на узкую пленку, – выступление Леонида Быкова перед премьерой фильма «В бой идут одни «старики» в городе Барнауле.

Работая над фильмом о Быкове, мы в разных городах страны устраивали своеобразные фестивали – ретроспективные показы его фильмов, а после сеансов опрашивали тысячи зрителей. Вот

на этих зрительских интервью мы и построили фильм. Удивительное единодушие в том, каким себе представляли зрители, самые разные, Леонида Быкова в жизни, за что любили его. В одной из воинских частей, где в очередной раз посмотрели «Стариков», военный летчик сказал:

– У меня ощущение, что с гибелью Леонида Быкова мы потеряли командира эскадрильи.

Один из ответов моряка из Сахалина:

– С гибелью Леонида Быкова наше кино потеряло много искренности…»

От директора Краматорского городского музея Натальи Евгеньевны Волошиной я узнала еще об одном документальном фильме – «Маэстро», снятом на областном Донецком телевидении Людмилой Кузьменко. В нем немало интервью, взятых у краматорчан, лично знавших Леонида Быкова.

В ноябре 2005 года на телеканале «Россия» демонстрировался короткометражный документальный фильм «Леонид Быков. На последнем дыхании» (автор сценария Ольга Кузнецова, режиссер Сергей Холодный).

80-летие со дня рождения замечательного актера и режиссера телевидение встретило новыми передачами о его жизни и творчестве. Телеканал «Культура» посвятил программу из цикла «Острова» и сюжет в передаче «Магия кино»; мистический канал «ТВ-3» – передачу «Тайные знаки», а Первый канал показал два документальных фильма – «Последние 24 часа» и «Улыбка Маэстро».

Музей

Есть в музее истории города Краматорска экспозиция «Наши знаменитые земляки», главное место в которой занимают материалы, посвященные памяти Леонида Федоровича Быкова. В ее основе документы, многочисленные фотографии и личные вещи актера и режиссера, предоставленные музею его семьей и друзьями. Особую ценность представляют гимнастерка и фуражка Маэстро из фильма «В бой идут одни «старики». Среди других экспонатов газета «Киевские ведомости» за июль 1992 года, в которой впервые было опубликовано завещание Быкова, портрет Быкова работы краматорского художника Владимира Ноткина, в 1988 году подаренный Киностудии имени Александра Довженко, но вскоре вернувшийся на родину. В нем словно поселилась частица души актера и режиссера. Принесенные поклонниками красные гвоздики, к удивлению работников музея, неделями остаются свежими. В музее регулярно проходят дни памяти Леонида Федоровича Быкова и бесплатные показы его фильмов.

Фильмография

Актерские работы

Победители [1952] – Пуговица (*картина на экран не вышла)*
Героическая драма; «Ленфильм»
Режиссер: Фридрих Эрмлер
О строителях Цимлянской ГЭС.

Судьба Марины [1953] – Сашко (дебют)
Социальная музыкальная комедия/мелодрама; Киностудия им. Довженко, цв., 99 мин.
Автор сценария: Лидия Компаниец
Режиссеры: Исаак Шмарук, Виктор Ивченко
Оператор: Владимир Войтенко
Композитор: Герман Жуковский
В ролях: Екатерина Литвиненко, Николай Гриценко, Татьяна Конюхова, Александр Сердюк, Михаил Кузнецов, Борис Андреев, Нонна Копержинская, Римма Мануковская, Леонид Быков, Роза Макагонова, Людмила Иванова
Отпустив мужа на учебу в город, звеньевая и предположить не могла, чем это обернется…
Лидер проката (1954, 2 место) – 37,9 млн. зрителей.

Укротительница тигров [1954] – Петя Мокин (одна из главных ролей)
Лирико-эксцентрическая комедия; «Ленфильм», цв., 101 мин. Авторы сценария: Климентий Минц, Евгений Помещиков Режиссеры: Александр Ивановский, Надежда Кошеверова Оператор: Аполлинарий Дудко
Композитор: Моисей Вайнберг; текст песен: Михаил Дудин Дрессура тигров: Борис Эдер
В ролях: Людмила Касаткина, Павел Кадочников, Леонид Быков, Павел Суханов, Константин Сорокин, Гликерия Богданова-Чеснокова, Нина Ургант, Борис Эдер, Татьяна Пельтцер, Александр Орлов, Сергей Филиппов
Милая комедия о любви и цирке.
Первые роли в кино Людмилы Касаткиной и Нины Ургант.
Лидер проката (1955, 2 место) – 36,72 млн. зрителей.

Максим Перепелица [1955] – Максим Перепелица (главная роль)
Комедия; «Ленфильм», ч/б., 94 мин.
Автор сценария: Иван Стаднюк
Режиссер: Анатолий Граник

Оператор: Дмитрий Месхиев-ст.

Композитор: Василий Соловьев-Седой; текст песен: Михаил Дудин

В ролях: Леонид Быков, Александр Борисов, Людмила Соссюра, Георгий Вицин, Таисия Литвиненко, Татьяна Пельтцер, Людмила Костырко, Николай Яковченко, Василий Фушеч, Константин Сорокин, Раднэр Муратов, Александр Суснин, Кирилл Лавров

Задорная комедия о проделках неистощимого на выдумки деревенского парня.

Прокат (1956, 13 место) – 27,85 млн. зрителей.

Чужая родня [1955] – Лев Захарович, учитель

Мелодрама; «Ленфильм», ч/б., 99 мин.

Автор сценария: Владимир Тендряков

Режиссер: Михаил Швейцер

Оператор: Вячеслав Фастович

Композитор: Андрей Пащенко

В ролях: Николай Рыбников, Нонна Мордюкова, Николай Сергеев, Александра Денисова, Елена Максимова, Степан Крылов, Любовь Малиновская, Леонид Кмит, Леонид Быков, Владимир Гуляев

По повести Владимира Тендрякова «Не ко двору».

Рядом с нами [1957] – Николай Жуков (главная роль), молодой инженер, мастер цеха

Киноповесть; «Ленфильм», ч/б., 94 мин.

Авторы сценария: Елена Катерли, Израиль Меттер

Режиссер: Адольф Бергункер

Оператор: Семен Иванов

Композитор: Орест Евлахов

В ролях: Леонид Быков, Иннокентий Смоктуновский, Клара Лучко, Георгий Юматов, Николай Рыбников, Нина Дорошина, Людмила Шагалова, Борис Чирков, Олег Ефремов, Петр Лобанов, Муза Крепкогорская, Юрий Соловьев

Друзья-выпускники – инженер и журналист приезжают по распределению к новому месту работы.

Добровольцы [1958] – Алеша Акишин

Кинороман; Киностудия им. Горького, цв., 97 мин.

Авторы сценария: Евгений Долматовский, Юрий Егоров

Режиссер: Юрий Егоров

Оператор: Игорь Шатров

Композитор: Марк Фрадкин

В ролях: Михаил Ульянов, Петр Щербаков, Леонид Быков, Элина Быстрицкая, Людмила Крылова, Мария Виноградова, Микаэла Дроздовская, Сергей Плотников, Нонна Мордюкова, Павел Винник

Фильм поставлен по одноименному роману в стихах Е. Долматовского, посвященному первым метростроевцам-комсомольцам 30-х.

Прокат (1959, 17 место) – 26,6 млн. зрителей.

Призы: ВКФ-59 (Киев) – Третья премия.

Дорогой мой человек [1958] – Саша Богатырев

Кинороман; «Ленфильм», цв., 108 мин.

Авторы сценария: Юрий Герман, Иосиф Хейфиц

Режиссер: Иосиф Хейфиц

Операторы: Михаил Магид, Лев Сокольский

Композитор: Венедикт Пушков

В ролях: Алексей Баталов, Инна Макарова, Петр Константинов, Леонид Быков, Борис Чирков, Иван Переверзев, Юрий Медведев, Цецилия Мансурова, Лидия Штыкан

По одноименному роману Юрия Германа

Лидер проката (1958, 9 место) – 32 млн. зрителей.

Призы: Вторая премия фильму, Вторая премия за режиссуру (И.Хейфиц) ВКФ-59 в Киеве.

По опросу журнала «Советский экран» картина попала в тройку лучших фильмов года.

Майские звезды [1959] – танкист Алеша

Героическая драма; Киностудия им. Горького/БАРРАНДОВ (ЧССР), ч/б., 95 мин.

Автор сценария: Людвик Ашкенази

Режиссер: Станислав Ростоцкий

Операторы: Вячеслав Шумский, Вацлав Гунька

Композитор: Кирилл Молчанов; текст песен Николая Доризо

В ролях: Александр Ханов, Миша Станинец, Яна Дитетова, Зденек Дите, Юрий Белов, Вячеслав Тихонов, Михаил Пуговкин, Яна Брейхова, Ладислав Пешек, Леонид Быков, Николай Крючков, Франтишек Кройцман

События происходят в Праге в первый день после ее освобождения.

Призы: На III Всесоюзном фестивале советских фильмов в Минске (1960) С. Ростоцкому присуждена Вторая премия за лучшую режиссуру.

Ссора в Лукашах [1959] – Виктор Терентьевич Туз (главная

роль)

Социальная музыкальная комедия; «Ленфильм», цв., 94 мин.

Автор сценария: Виктор Курочкин

Режиссер: Максим Руф

Оператор: Сергей Иванов

Композитор и автор текста песен: Валентин Левашов

В ролях: Леонид Быков**,** Кирилл Лавров, Инга Будкевич, Галина Теплинская, Галина Васильева, Сергей Плотников, Павел Волков, Борис Рыжухин, Валентина Телегина

Лейтенант Костя приезжает в родную деревню, чтобы стать механиком и встретить настоящую любовь.

Алешкина любовь [1960] – Алешка (главная роль)

Лирическая комедия; «Мосфильм», ч/б., 88 мин.

Автор сценария: Будимир Метальников

Режиссеры: Семен Туманов, Георгий Щукин

Оператор: Константин Петриченко

Композитор: Владимир Рубин

В ролях: Леонид Быков, Александра Завьялова, Алексей Грибов, Юрий Белов, Иван Савкин, Владимир Гуляев, Ольга Хорькова, Иван Рыжов, Петр Соболевский

Романтическая история любви.

Прокат (1961, 20 место) – 23.7 млн. зрителей

Осторожно, бабушка! [1960] – Леша Штыков

Лирическая комедия; «Ленфильм», цв., 88 мин.

Автор сценария: Константин Исаев

Режиссер: Надежда Кошеверова

Оператор: Сергей Иванов

Композитор: Василий Соловьев-Седой

В ролях: Фаина Раневская, Ариадна Шенгелая, Людмила Маркелия, Светлана Харитонова, Нина Ургант, Юлиан Панич, Леонид Быков, Сергей Филиппов, Ролан Быков, Елизавета Уварова, Ольга Черкасова, Виктория Лепко, Леонид Сатановский

Молодежь, видя проволочки бюрократов, под руководством неунывающих пенсионеров берется за строительство нового Дома культуры.

Лидер проката (1961, 4 место) – 40.3 млн. зрителей.

Горизонт [1961] – бригадир целинного совхоза (эпизод)

Молодежная киноповесть; «Ленфильм», ч/б., 108 мин.

Автор сценария: Григорий Бакланов

Режиссер: Иосиф Хейфиц

Операторы: Вадим Дербенев, Виктор Карасев Композитор:

Надежда Симонян; текст песен: Булат Окуджава В ролях: Юрий Толубеев, Борис Чирков, Алексей Сафонов, Светлана Мелкова, Валерий Носик, Гелий Сысоев, Людмила Долгорукова, Вячеслав Подвиг, Татьяна Доронина, Майя Булгакова, Лилия Гриценко, Леонид Быков, Ирина Губанова

Двенадцать вчерашних выпускников в поисках трудовой романтики приезжают на целину.

Когда разводят мосты [1962] – капитан буксира Ричард

Лирическая киноповесть; «Ленфильм», ч/б., 99 мин.

Автор сценария: Василий Аксенов

Режиссер: Виктор Соколов

Операторы: Моисей Магид, Лев Сокольский

Композитор: Надежда Симонян

В ролях: Владимир Емельянов, Валентина Беляева, Владимир Колокольцев, Ия Арепина, Елена Ковалева, Леонид Быков, Лилия Гурова, Евгений Гвоздев, Татьяна Кравченко, Александр Кириллов, Любовь Малиновская

Картина о становлении характера молодого моряка-речника.

На семи ветрах [1962] – пулеметчик Гаркуша

Военный кинороман; киностудия им. Горького, ч/б., 106 мин.

Авторы сценария: Александр Галич**,** Станислав Ростоцкий

Режиссер: Станислав Ростоцкий

Оператор: Вячеслав Шумский

Композитор: Кирилл Молчанов; текст песен: Александр Галич (М.Иванов)

В ролях: Лариса Лужина, Софья Пилявская, Вячеслав Тихонов, Клара Лучко, Владимир Заманский, Вячеслав Невинный, Михаил Трояновский, Светлана Дружинина, Леонид Быков, Виктор Павлов, Анатолий Ромашин, Людмила Чурсина, Маргарита Жарова

Лирическая повесть о любви, верности и войне.

Прокат – 26,8 млн. зрителей.

Улица Ньютона, дом 1 [1963] – эпизод

Киноповесть; «Ленфильм», ч/б., 93 мин.

Авторы сценария: Эдвард Радзинский, Теодор Вульфович

Режиссер: Теодор Вульфович

Операторы: Виктор Карасев, Николай Жилин

Композитор: Моисей Вайнберг

В ролях: Юрий Ильенко, Лариса Кадочникова, Евгений Фридман, Евгений Агафонов, Владимир Липпарт, Николай Крюков, Борис Рыжухин, Юрий Дедович, Леонид Быков, Ролан

Быков, Зиновий Гердт, Федор Никитин, Виталий Соломин

По пьесе Эдуарда Радзинского «Вам 22, старики».

Зайчик [1964] – Лев Зайчик (главная роль)

Комедия; «Ленфильм», цв., 87 мин.

Авторы сценария: М. Гинн (Михаил Гиндин), Генрих Рябкин, Ким Рыжов

Режиссер: Леонид Быков

Оператор: Сергей Иванов

Композитор: Андрей Петров

В ролях: Леонид Быков, Ольга Красина, Игорь Горбачев, Сергей Филиппов, Георгий Вицин, Алексей Смирнов, Игорь Дмитриев, Гликерия Богданова-Чеснокова, Алексей Кожевников, Елизавета Уварова

Трогательная история о скромном театральном гримере.

Прокат – 25,1 млн. зрителей.

В городе с. [1966] – возчик (эпизод)

Драма; «Ленфильм», ч/б., 106 мин.

Автор сценария и режиссер: Иосиф Хейфиц

Оператор: Генрих Маранджян

Художники-постановщики: Берта Маневич-Каплан, Исаак Каплан

Композитор: Надежда Симонян

В ролях: Анатолий Папанов, Андрей Попов, Нонна Терентьева, Лидия Штыкан, Игорь Горбачев, Александр Борисов, Алексей Баталов, Григорий Шпигель, Евгений Шутов, Ольга Аросева, Леонид Быков, Ольга Гобзева, Рина Зеленая, Иван Краско, Любовь Малиновская, Ия Саввина, Лилия Гурова, Георгий Юматов, Юрий Медведев

По рассказу А.П.Чехова «Ионыч».

Призы: «Капитолийский Юпитер» МКФ в Риме-67.

Разведчики [1968] – старшина Сашко Макаренко

Героико-приключенческий фильм; Киностудия им. А.Довженко, ч/б., 80 мин.

Автор сценария: Евгений Оноприенко

Режиссеры: Алексей Швачко, Игорь Самборский

Оператор: Михаил Черный

Композитор: Вениамин Баснер

В ролях: Иван Миколайчук, Леонид Быков, Константин Степанков, Андрей Сова, Алексей Смирнов, Гижури Кобахидзе, Людмила Марченко, Виталий Дорошенко, Владимир Емельянов, Лаврентий Масоха

Конец войны. Командование поручает группе разведчиков добыть у немцев карту заминированных участков Дуная.

Лидер проката (1969, 10 место) – 35 млн. зрителей.

Счастье Анны [1970] – командир продотряда

Драма; «Ленфильм», ч/б., 83 мин.

Авторы сценария: Владимир Сойкин, Юрий Рогов

Режиссер: Юрий Рогов

Оператор: Эрнст Яковлев

Композитор: Валерий Гаврилин

В ролях: Валентина Теличкина, Николай Гриценко, Евгений Тетерин, Леонид Дьячков, Георгий Штиль, Леонид Быков, Николай Кузьмин, Любовь Соколова, Михаил Глузский, Владимир Дорофеев, Лаймонас Норейка, Борис Рыжухин, Александр Суснин

Участница Гражданской войны коммунистка Анна Дронова возвращается в родную деревню, чтобы стать председателем сельсовета.

Где вы, рыцари? [1971] – Игорь Владимирович Кресовский, ученый

Кинокомедия; Киностудия им. Довженко, цв., 67 мин.

Авторы сценария: Михаил Гиндин, Генрих Рябкин

Режиссер: Леонид Быков

Оператор: Владимир Войтенко

Композитор: Игорь Поклад; текст песен Юрия Рыбчинского

В ролях: Александр Халецкий, Виталий Дорошенко, Сергей Гурзо-мл., Елена Брацлавская, Наталья Воробьева, Ирина Губанова, Виктор Байков, Игорь Дмитриев, Леонид Быков, Сергей Филиппов, Алексей Смирнов, Юрий Тимошенко, Борис Брондуков, Людмила Соссюра (Костырко), Анатолий Папанов

Молодые герои фильма так и не смогли заслужить любви своих подруг, и те оставили их…

В бой идут одни «старики» [1973] – Алексей Титаренко/«Маэстро» (главная роль), капитан, позже майор

Героическая драма; Киностудия им. Довженко, ч/б., 92 мин.

Авторы сценария: Леонид Быков, Евгений Оноприенко, Александр Сацкий

Режиссер: Леонид Быков

Оператор: Владимир Войтенко

Композитор: Георгий Дмитриев; текст песен: Булат Окуджава, Валентин Левашов

Композиторы: Виктор Шевченко, Анатолий Новиков

В ролях: Леонид Быков, Сергей Подгорный, Сергей Иванов,

Евгения Симонова, Ольга Матешко, Алексей Смирнов, Рустам Сагдуллаев, Владимир Талашко, Виктор Мирошниченко, Григорий Гладий, Владимир Волков, Юрий Саранцев, Дмитрий Миргородский, Александр Милютин, Алексей Крыченков, Иван Бондарь, Валентин Грудинин, Вилорий Пащенко, Валентин Макаров, Вано Янтбелидзе, Алим Федоринский, Александр Немченко, Валентин Марченко

Один из лучших фильмов о Великой Отечественной войне.

Первые роли в кино Евгении Симоновой и Григория Гладия.

Лидер проката (1974, 5 место) – 44,3 млн. зрителей.

Призы: ВКФ-74 (Баку); Карловы Вары– 74; Сопот-74.

Аты-баты, шли солдаты… [1976] – ефрейтор Виктор Святкин (главная роль)

Героическая драма; Киностудия им. Довженко, цв., 87 мин.

Авторы сценария: Борис Васильев, Кирилл Рапопорт

Режиссер: Леонид Быков

Оператор: Владимир Войтенко

Композитор: Георгий Дмитриев

В ролях: Леонид Быков, Владимир Конкин, Елена Шанина, Леонид Бакштаев, Евгения Уралова, Иван Гаврилюк, Николай Сектименко, Отабек Ганиев, Наталья Наум, Михаил Езепов, Борис Химичев, Дмитрий Миргородский, Богдан Бенюк, Владимир Волков, Владимир Герасимов, Вилорий Пащенко, Николай Гринько, Борис Кудрявцев, Георгий Дворников, Виктор Мирошниченко, Аида Юнусова, Вано Янтбелидзе

Трагическое и комедийное, героическое и лирическое сплелись воедино в повествовании об отцах, навсегда оставшихся молодыми, и о детях, пришедших туда, где ровно тридцать лет назад приняли свой последний бой их близкие…

Лидер проката (1977, 7 место) – 35,8 млн. зрителей.

Призы: Государственная премия Украинской ССР имени Т.Г.Шевченко в области кинематографии за 1977 год присуждена Л.Быкову за фильмы: «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты…»; Главный приз 28-го МКФ Чехословакии в Быстрице-77.

Пришелец [1979] – Тишкин и Глоуз (главные роли) – *фильм незавершен, сданы кинопробы*

Кинокомедия; Киностудия им. Довженко, 1978-1979 гг.

В ролях: Леонид Быков, Галина Польских, Игорь Дмитриев, Леонид Бакштаев

Пришелец из космоса Глоуз попадает на Землю в обыкновенную украинскую деревню и влюбляется в одинокую

женщину…

Режиссерские работы

Как веревочка ни вьется… [1961]
Кинофельетон; «Ленфильм», ч/б., 7 мин.
Автор сценария: Леонид Климович
Режиссеры: Герберт Раппапорт, Леонид Быков
Оператор: Яков Склянский
Композитор: Дмитрий Толстой
В ролях: Николай Трофимов (играет три роли), Леонид Быков (старик с теленком); текст за кадром – Зиновий Гердт

Анекдотическая история про «артельных» жуликов. Артель «Толстая веревка» свивает три тонкие веревки в одну, а артель «Тонкая веревка» из одной толстой делает три тонких… Однако в ближайшем раймаге нет ни того ни другого…

Зайчик [1964]
Где вы, рыцари? [1971]
В бой идут одни «старики» [1973]
аты-баты, шли солдаты… [1976]
Пришелец [1979] – (пробы)

Фитиль

Сатирический киноальманах; художественный руководитель: С. Михалков

Большой фитиль. Новелла «увертюра» [1963] – дирижер «Союзмультфильм»/«Ленфильм»/Киностудия им. Горького/«Мосфильм», цв., 72 мин.

Авторы сценария: Эдуард Бочаров, Виктор Драгунский, Виктор Иванов, Андрей Кончаловский, Сергей Михалков, Андрей Шемшурин, Владимир Фетин

Режиссеры: Мери Анджапаридзе, Эдуард Бочаров, София Милькина, Александр Митта, Владимир Фетин, Владимир Рапопорт

Восемь новелл, снятых разными режиссерами. В сюжете «Увертюра» Александра Митты Леонид Быкова играет дирижера, замечтавшегося во время исполнения музыки его оркестром.

Фитиль [1963] Новелла «Пейте томатный сок»

«Ленфильм»

Автор сценария и режиссер: Леонид Быков

Фитиль №11 [1963]

«ЦСДФ»/ ВГИК/«Ленфильм»

Авторы сценария: Л. Быков, М. Вознесенский, С. Киселев, Л. Миллионщиков, З. Паперный

Режиссеры: Л. Быков, Л. Миллионщиков

Операторы: А. Бобров, В. Грамматиков, С. Киселев, Б. Макасеев

Композитор: Л. Солин

В роли комментатора: И. Любезнов

Фильм состоит из четырех сюжетов. Первый сюжет об очковтирателях. Второй – о халатной работе Московской узловой конторы контейнерных перевозок. Третий – о бесхозяйственной перевозке угля из Кузбасса в Магнитогорск. Четвертый – мультипликационная киноновелла, высмеивающая нетрезвых водителей.

Фитиль №15. сюжет «университет культуры» [1963]

Леонид Быков стал соавтором одного из четырех сюжетов выпуска – «Университет культуры».

«Ленфильм»

Авторы сценария: А. Безыменский, Л. Быков

Режиссер: Я. Фрид

Оператор: Е. Кирпичев

Композитор: Д. Толстой

На набережной, поскользнувшись, упала девушка. Из остановившейся рядом «Волги» к ней бросился молодой человек, но не для того, чтобы помочь ей подняться, а спросить дорогу к университету культуры…

Озвучивание

Хроника пикирующего бомбардировщика [1967] – Осадчий (роль Виктора Ильичева)

Военная драма; «Ленфильм»/«Первое творческое объединение»

Авторы сценария: Владимир Кунин, Наум Бирман

Режиссер: Наум Бирман

Оператор: Александр Чиров

В ролях**:** Юрий Толубеев, Геннадий Сайфулин, Олег Даль, Лев Вайнштейн, Константин Сорокин, Александр Граве, Петр Щербаков, Леонид Реутов, Елена Санько

Бесстрашным советским летчикам, сражавшимся на фронтах Великой Отечественной войны, посвящается этот фильм.

Чувства [1968]

Притча; Литовская киностудия

Автор сценария: Витаутас Жалакявичюс

Режиссеры: Альмантас Грикявичюс**,** Альгирдас Дауса

Оператор: Йонас Томашявичюс

Композитор: Витаутас Баркаускас

В ролях: Регимантас Адомайтис**,** Юозас Будрайтис**,** Регина Палюкайтите**,** Бронюс Бабкаускас**,** Эугения Байорите**,** Балис Бараускас, Гедиминас Гирдвайнис, Гедиминас Карка, Альгимантас Масюлис

По мотивам романа латышского писателя Эгона Лива «Чертов кряж» о рыбаках Прибалтики во время оккупации ее гитлеровцами и после освобождения.

Автор благодарит всех, кто помогал и поддерживал ее в работе: Владимира Дмитриевича Талашко, Николая Павловича Мащенко и его дочь Елену, Раису Михайловну Прокопенко, Юрия Петровича Леечкиса, Николая Колесника и мою первую читательницу и помощницу Марианну Тендора. А также сайт памяти Леонида Быкова, создателей книги «Будем жить!».

В книге использованы фотографии из архивов автора, Музея Киностудии имени Довженко, а также Николая Мащенко, Николая Колесника, с сайта памяти Л. Быкова.